

Гуманитарный вектор

ПЕДАГОГИКА
ФИЛОСОФИЯ
КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ПОЛИТОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

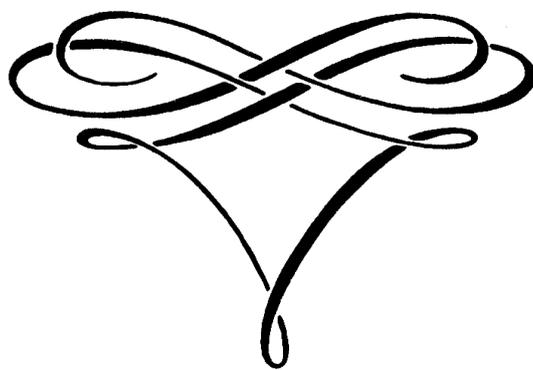
2011/3 (27)

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет
им. Н. Г. Чернышевского

Гуманитарный вектор

№ 3 (27)

*Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

Чита
ЗабГГПУ
2011

Учредитель: **Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского**

Журнал зарегистрирован Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовой коммуникации
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-42672
Издается с 1997 г.
Выходит четыре раза в год

Редакционный совет

Председатель совета:

И. И. Катанаев, канд. физ.-мат. наук, доцент, ректор ЗабГГПУ (Чита)

Члены совета:

Н. В. Абаев, д-р ист. наук, проф., акад. АСН РАН и МАИ Нью-Йорк (Кызыл);
Ц. Батсуурь, д-р пед. наук, проф. (Улан-Батор, Монголия); *А. Буржо*, д-р социал. наук, акад.
Национального центра научных исследований Франции (Париж, Франция);
Т. Ф. Кузнецова, д-р филос. наук, проф. (Москва); *Г. Ц. Пюрбеев*, д-р филол. наук, проф.,
акад. РАЕН (Москва); *В. И. Рассадин*, д-р филол. наук, проф., акад. РАЕН (Элиста);
Н. М. Сараева, д-р психол. наук, проф. (Чита); *Н. В. Языкова*, д-р пед. наук, проф. (Москва)

Главный редактор объединенной редакционной коллегии:

И. В. Ерофеева, д-р филол. наук, доцент.

Редакторы серии:

А. В. Константинов, д-р ист. наук, профессор; *С. А. Михайлов*, д-р полит. наук, профессор;
Д. Л. Стровский, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

Т. К. Клименко, д-р пед. наук, профессор; *С. Ю. Лепехов*, д-р филос. наук, профессор;
Г. Д. Ахметова, д-р филол. наук, профессор; *Ц. П. Ванчикова*, д-р ист. наук, профессор;
М. И. Гомбоева, д-р культурологии; *Т. М. Дугаржапова*, д-р филол. наук, доцент;
А. В. Рогова, д-р пед. наук, проф.; *Н. М. Сараева*, д-р психол. наук, проф.;
Д. В. Трубицын, канд. филос. наук, доцент; *Д. В. Сергеев*, канд. культурологии, доцент

Ответственный секретарь: Ю. В. Гаврилова

Гуманитарный вектор. – 2011. – № 3 (27).

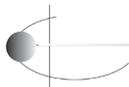
Адрес редакции: 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 44-04-25, факс: 8 (3022) 26-73-17. E-mail: gumvector@zabspu.ru

© Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Верещагин С. Б.</i> Древнее поселение Усть-Менза-1: новый этап исследований	5
<i>Vereshchagin S. B.</i> Ancient Settlement Ust-Menza-1: New Stage of Research.....	5
<i>Номоконов А. А.</i> История изучения памятников XII–XV вв. лесостепной полосы Восточного Забайкалья в XX в.	10
<i>Nomokonov A. A.</i> The History of Monuments Study in the 12 th – 15 th Centuries of Forest-steppe Zone of Eastern Transbaikalia in the 20 th Century	10
<i>Беспалько Д. Н.</i> Забайкальская металлургическая промышленность в трудах участников академических экспедиций XVIII в.	14
<i>Bespalko D. N.</i> Transbaikalian Metallurgical Industry Development in the Works of 18 th Century Academic Expeditions	14
<i>Мишакова О. Э.</i> «Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в.	19
<i>Mishakova O. E.</i> «Diplomatic» Role of Kyakhta in the Development of Economic Relations of Russia and China in 18 th Century	19
<i>Паликова Т. В.</i> Чита – центр Забайкальской области последней четверти XIX в. (по материалам забытого документа).....	26
<i>Palikova T. V.</i> Chita – Center of Zabaikalian Region in the Last Quarter of the 19 th Century (based on the Forgotten Document).....	26
<i>Гарбуз И. В.</i> Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX века.....	31
<i>Garbuz I. V.</i> Land Relations in Transbaikalian Region in the Second Half of the 19 th century	31
<i>Вивдыч М. А.</i> Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века	40
<i>Vivdych M. A.</i> Railway Construction in the Far East in the Late 19 th and in the Early Part of the 20 th Centuries	40
<i>Иванчина О. А.</i> Динамика социально-правового положения чувашской женщины в крестьянском обществе (конец XIX – начало XX вв.).....	45
<i>Ivanchina O. A.</i> The Dynamics of Social and Juridical Status of Chuvash Women in Peasant's Society in the End of 19 th – Beginning of 20 th Centuries.....	45
<i>Полянская О. Н.</i> Монголоведение в университетах России в XIX– начале XX вв. Восточный институт во Владивостоке.....	48
<i>Polyanskaya O. N.</i> Mongolian Studies in Universities of Russia in the 19 th and at the Beginning of 20 th Centuries. Oriental Institute in Vladivostok.....	48
<i>Белевцова В. О.</i> Русские заимствования в марийской свадебной обрядности	53
<i>Belevtsova V. O.</i> Russian Loans in Mari Wedding Ceremonialism	53
<i>Курас Т. Л.</i> Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи.....	57
<i>Kuras T. L.</i> The Personnel Policy of Autocracy in Judicial Chambers of the Russian Empire.....	57
<i>Иванов А. А.</i> Забайкальская ссылка на иркутском сайте www.penpolit.ru	62
<i>Ivanov A. A.</i> The Transbaikalian Exile on Irkutsk Website www.penpolit.ru	62
<i>Хантуева Е. А.</i> Польское женское движение в начале XX в.....	71
<i>Khantueva Ye. A.</i> Polish Women's Movement at the Beginning of 20 th century	71
<i>Васильева С. В.</i> Конфессиональный корпоративизм и соборность старообрядцев в Байкальском регионе	76
<i>Vasilieva S. V.</i> Confessional Corporatism and Collegiality of Old-believers in Baikal Region.....	76
<i>Дроботушенко Е. В.</i> Православие в малоизвестных трудах богослова и историка церкви протопресвитера Г. И. Шавельского.....	79
<i>Drobotushenko Ye. V.</i> Orthodoxy in Theologian and Church Historian Archpriest G. Shavel'sky's Obscure Writings	79
<i>Готовщик А. С.</i> Антирелигиозная пропаганда в Восточном Забайкалье в первой половине 1920-х годов.....	84
<i>Gotovshchik A. S.</i> Antireligious Propaganda in Eastern Transbaikalia in the First Half of 1920s	84
<i>Еланцева О. П.</i> Инженер-путеец Константин Николаевич Кашкин	89
<i>Yelantseva O. P.</i> Section Engineer – Konstantin Nikolaevich Kashkin.....	89

<i>Номогоева В. В.</i> Национальная школа в Бурятии в 1920–1930-е гг.: проблемы формирования.....	95
<i>Notogoeva V. V.</i> Ethnic School in Buryatia in 1920–1930-s: Problems of Formation	95
<i>Пряженникова М. В.</i> Становление и развитие радиодиффузии на территории Восточного Забайкалья (1920 – 30-е гг.).....	100
<i>Pryazhennikova M. V.</i> Start and Development of Broadcasting on the Territory of Eastern Zabaikalye (1920s – 1930s).....	100
<i>Бадмаев А. З.</i> Комсомол Бурятии: от попытки реорганизации до распада.....	105
<i>Badmaev A. Z.</i> Komsomol in Buryatia: from Reorganizational Attempts to Collapse	105
<i>Балдандоржиев Ж. Б.</i> Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья)	112
<i>Baldandorzhiyev Zh. B.</i> Small Towns: Typology and Classification in the Context of Cultural Heritage (on the Example of the Towns of Eastern Transbaikalia)	112
<i>Тюхтенева С. П.</i> Скотоводство у современных алтайцев.....	120
<i>Tyukhteneva S.P.</i> Animal Husbandry among the Modern Altaians	120

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Большаков С. Н., Большакова Ю. М.</i> Политико-коммуникативные модели регионального развития... ..	124
<i>Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M.</i> Political Communication Models of Regional Development.....	124
<i>Гадышев С. А.</i> Современные подходы к определению публичной политики	132
<i>Gadyshov S. A.</i> Current Approaches to the Definition of Public Policy.....	132
<i>Карнаухова Е. Е.</i> МИД – ведущий актер во внешней культурной политике Германии	135
<i>Karnaikhova Ye. Ye.</i> The Foreign Ministry – the Leading Actor in the External Policy of Germany in the Cultural Sphere	135
<i>Никонов С. Б.</i> Политические решения как базовая составляющая международной журналистики	140
<i>Nikonov S. B.</i> Policy Decisions as a Basic Component of International Journalism.....	140
<i>Плеханова А. М.</i> Проект создания Ленско-Байкальской области: экономическая целесообразность, интересы национальной автономии или геополитический приоритет.....	145
<i>Plekhanova A. M.</i> The Project of Creation of the Lena-Baikal Region: Economic Feasibility, Interests of a National Autonomy or Geopolitic Priority	145
<i>Симатов А. А.</i> Электронный аукцион как эффективный способ противодействия коррупции в системе размещения государственного и муниципального заказа.....	150
<i>Simatov A. A.</i> On-line Auction as an Effective Method of Counteraction to Corruption in the System of State and Municipal Orders' Placement	150
<i>Соколова Е. П.</i> Технология формирования негативного образа политика в российских массмедиа (на примере президента Грузии Михаила Саакашвили)	158
<i>Sokolova Ye. P.</i> The Technology of Making a Negative Image of a Politician in Russian Mass Media (case study: Michael Saakashvili, President of Georgia).....	158
<i>Чан Янь</i> Россия и Китай в Северо-Восточной Азии: укрепление безопасности через сотрудничество.....	162
<i>Chan Yan</i> Russia and China in North-Eastern Asia: to Safety Strengthening through Cooperation	162

Геополитика: мнение эксперта

<i>Комлева Н. А., Саймонс Г., Стровский Д. Л.</i> Идеологическая мощь геополитического актора: сущность, структура, российская практика.....	167
<i>Komleva N. A., Simons G., Strovsky D. L.</i> The Ideological Power of a Geopolitical Actor: Essence, Structure and Practices in Russia.....	167

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Некрасова М. С.</i> Ассоциативная информация в газетном тексте	178
<i>Nekrasova M. S.</i> Associative Information in the Texts of Press	178
<i>Плотникова Л. И.</i> Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи	183
<i>Plotnikova L. I.</i> Derivational and Cognitive-pragmatic Potential of Lexical New Formations in Colloquial Speech	183

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	188
---------------------------------	------------

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ	192
--	------------

ИСТОРИЯ

УДК 903.4
ББК Т4(2)21 + Т4(2Р54–4Чн)

С. Б. Верещагин
г. Чита, Россия

Древнее поселение Усть-Менза-1: новый этап исследований

Статья посвящена результатам исследований многослойного поселения Усть-Менза-1 (Забайкальский край, Красночикоийский район). Дана история изучения памятника, содержится описание стратиграфии, обосновывается возраст культуросодержащих отложений, даётся описание выявленных хозяйственных комплексов (жилища, очаги) и предметного материала. Особое внимание уделено результатам работ последних лет, которые позволили значительно расширить представления о поселении. Автор показывает роль и место памятника в изучении древнейшего прошлого Забайкалья.

Ключевые слова: многослойное поселение, культурный горизонт, хозяйственный комплекс, жилище, очаг, плейстоцен, голоцен, микроиндустрия, адаптивные стратегии.

S. B. Vereshchagin
Chita, Russia

Ancient Settlement Ust-Menza-1: New Stage of Research

The paper is devoted to the results of the research on the multilayer site of ancient Ust-Menza-1 settlement (Zabaikalsky Krai, Krasnochikoisk region). It presents the history of the monument research, stratigraphical description, and the ground age cultural depositions. Besides, it describes the revealed dwelling complexes (sites, hearths) and the uncovered material. Special attention is paid to the recent results, which have broadened the view on the settlement. The author shows the significance of the monument in the study of an ancient history of Zabaikalye.

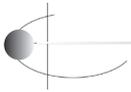
Keywords: multilayer settlement, alluvium, dwelling, hearth, Pleistocene, Holocene, microindustry, adaptive strategies.

Древнее поселение Усть-Менза-1 – уникальный объект археологического наследия Забайкальского края. Культурные горизонты поселения являются своеобразной природно-исторической шкалой, позволяющей проследить непрерывную динамику развития материальной культуры и адаптивных стратегий древнего населения Забайкалья на протяжении 12 тысячелетий.

Поселение расположено на северо-западной окраине Хэнтэй-Чикойского нагорья, занимающего северо-восточную часть Монголии (Центральный, Хэнтэйский аймак) и юго-западную часть Забайкалья (Красночикоийский и Кыринский районы Забайкальского края). Это горно-таёжная территория, характеризующаяся значительной приподнятостью над уровнем моря со средней высотой около 1500 м. Здесь преобладает среднегорный рельеф с абсолютными высотами от 1000 до 2000 м.

Поселение Усть-Менза-1 входит в состав Усть-Мензинского археологического комплекса, представленного группой разновременных поселений, располагающихся на правобережных террасовых уровнях р. Менза, при впадении её в р. Чикой. Поселение находится в 12,5 км юго-западнее с. Архангельское (Качёны) Красночикоийского района Забайкальского края. Поселение открыто в 1980 г. и изучалось ежегодно с 1982 по 1992 гг. Чикойской археологической экспедицией Читинского государственного педагогического института им. Чернышевского. Изучение памятника велось под руководством канд. ист. наук Л. В. Семиной (Екимовой) [3].

Поселение связано с тыловой частью высокой поймы высотой 5 м. и I-й надпойменной террасой высотой 6 м, вытянутой вдоль правого берега р. Менза. Данные работы уже получили достаточную известность [1–5]. Памятник в чис-

ле других объектов Усть-Мензинского комплекса демонстрировался участникам Всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири» (1986 г.) и Международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» (2003 г.). Однако полностью результаты работ на поселении не опубликованы. Ниже приводятся обобщенные результаты работ тех лет.

В отложениях мощностью 4,5 м выявлено 25 культурных горизонтов. Горизонты 2–5 в пределах высокой поймы заменяются более дробными прослойками, дополнительно обозначаемыми буквенными литерами. Культурные горизонты 11–25 связаны с плейстоценовым аллювием, а 1–10 с полигенетическими и покровными отложениями голоценового возраста. Нижний культурный горизонт (25) базируется непосредственно на русловом галечнике, верхний (1) заключен в современную почву [1]. В культурных горизонтах 25, 20, 16, 12, 11, 9 изучены выразительные остатки одноочажных жилищ с каменными обкладками. Своеобразный комплекс выявлен в горизонте 25. Своеобразие этого комплекса заключается в необычной для забайкальских позднепалеолитических жилищ форме обкладки и большим числом использованных для её сооружения камней. Находки, связанные с комплексом, немногочисленны и представлены продуктами первичного галечного расщепления, двумя изделиями из кости.

С жилищными комплексами из культурных горизонтов 9, 11, 12, 14, 16, 17, 20 связаны выразительные серии каменных изделий, сопровождаемые фрагментами и осколками костей. К примечательным находкам относится костяной вкладышевый наконечник стрелы и костяной цельнорезный наконечник стрелы из горизонтов 11, 12. Коллекции каменного инвентаря включают торцовые клиновидные нуклеусы, концевые скребки, скребла, чопперы, микропластинки и отщепы.

Керамика впервые появляется в 8 культурном горизонте. Найден 81 фрагмент без орнамента, с очень рыхлой структурой теста, содержащего значительные добавки травы, средне- и крупнозернистого песка. На внешней стороне черепков сохранились нечеткие отпечатки перевитых нитей.

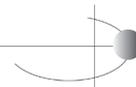
В культурных горизонтах 4–8 находки тяготеют к пятнам аморфных очертаний со следами сажи и прокала. Коллекции артефактов включают продукты расщепления торцовых и клиновидных нуклеусов. Орудия представлены округлыми, концевыми и боковыми скребками (для культурного горизонта 7 характерна высокая форма скребков), боковыми и трансверсальными резцами; остриями «даурского типа» (гор. 4); из крупных изделий – скребла, чопперы. Керамика тонкостенная, вы-

полнена в технике выколачивания, без орнамента. Фрагменты от светло-коричневого до темно-кирпичного цвета толщиной 0,3–0,7 см с затертыми техническими оттисками на внешней стороне. Тесто с примесью мелко- и среднезернистого песка и небольшого количества травы.

Немногочисленный инвентарь 3-го культурного горизонта содержит клиновидный и конический нуклеусы, концевые и округлый скребки, микропластинки и пластинку с ретушью, заготовку скребла и пест стержневидной формы длиной 43 см из сланца. Керамика сильно фрагментирована, от тонкостенного (0,4 см) сосуда, выполненного в технике выколачивания.

Во 2-м культурном горизонте хозяйственные комплексы представлены выложенным по всей поверхности гальками очагом, хозяйственными ямами, золистым и прокаленным пятном. Из заполнения ям извлечены нуклеусы, скребки, микропластинки, отщепы, битые трубчатые кости. Пятна небольшие, подовальных очертаний с отдельными камнями и гальками на поверхности. Мощность пятен прокала до 3 см, золистые пятна имеют котлованообразный профиль с заполнением до 0,4 м. При разборке заполнений пятен найдены многочисленные находки. Нуклеусы подразделяются на торцовые, торцово-уплощенные, торцовые двуфронтальные, торцовые двуплощадные, клиновидные, подпризматические и конические. К нуклеусам примыкают заготовки и оббитые желвачки. Широко использовались микропластинки и пластинки, на них выделена намеренная и утилитарная ретушь. Часть микропластин послужила основой для острий, проколов, проверток, наконечников. Значительную группу составляют боковые и угловые резцы, а также скребки: концевые, концевые-боковые и округлые. Из крупных изделий найдено двусторонне обработанное каплевидной формы тесло, 4 целых и два обломка скребел, чопперы, топоры, пест, терочник. В основании горизонта обнаружена своеобразная «кладовочка» – набор из крупных (длиной до 16 см) скребловидных изделий и их заготовок, лежащих плотно друг к другу в два ряда. В горизонте выявлены следы использования металла – кусочек абразивной породы со следами на плоскости от заточки металлических предметов.

Коллекция керамики содержит фрагменты тонкостенных сосудов хорошего обжига. В керамическую массу подмешивался песок и изредка нарезанная трава. Обычные цвета – различные оттенки кирпичного и коричневого. Формовка велась способом выколачивания колотушкой с намотанными на нее нитями. При нанесении орнамента предпочтение отдавалось штампу с различными конфигурациями рабочего края: прямой, полулунный, округлый, сердцевидный, угольча-

тый, и др. Имеются фрагменты, украшенные оттисками гребенчатого штампа, «елочным» орнаментом, гребенчато-пунктирными линиями. Как правило, оттиски штампов группируются в горизонтальные ряды и полосы, которые чередуются со свободными от орнамента зонами. Присутствуют фрагменты крашеной керамики, малинового цвета. Найденные экземпляры венчиков прямые гладко-срезанные или несколько нависающие над внутренней и внешней поверхностью. В керамической коллекции присутствуют обломки плоской плитки.

В зоне высокой поймы культурный 2 горизонт заменяется пятью черными прослойками, связанными с отложениями высокой поймы, обозначенными 2 а–д. К наиболее примечательным относится находка обломка половинки литейной формы с тремя вогнутыми желобками из мягкого материала (гор. 2 д). В горизонте 2 а найден целый и фрагменты подтреугольных наконечников стрел, на обломках керамических сосудов отчетливо видны следы лощения. Для украшения наряду с простым используется налепной орнамент: валик, конусовидные шишечки с рассеченной поверхностью. Наиболее интересна находка целой ножки и обломков трипода. Культурные горизонты 3–5 в зоне высокой поймы также заменяются более дробными прослойками с единичными находками.

В 1-м культурном горизонте (слой почвы) имеются многочисленные находки в виде торцового микронуклеуса, концевого скребка, отщепов, неопределимых осколков костей и мелких фрагментов керамики, в том числе со следами лощения. Сохранилось фрагменты трипода – гладкосрезанного слегка заovalенного наружу венчика, украшенного по бортику налепным рассеченным валиком и две цельные ножки. Найден железный обушковый нож.

В целом культурные горизонты поселения датируются следующим временем: 25–13 – поздним палеолитом – не древнее 13 тыс. л. н.; 12–10 – ранним мезолитом; 9 – поздним мезолитом; 8–7 – ранним неолитом; 6 – средним неолитом; 5–3 – поздним неолитом; 2–1 – эпохой бронзы – ранним железом. По ряду культурных горизонтов по углю получены радиоуглеродные даты: 1 – 2080 ± 140 (ГИН-4577); 2 – 2630 ± 50 (ГИН-4579); 11 – 10380 ± 250 (ГИН-5459); 13 – 11350 ± 250 (ГИН-5503); 14 – 11820 ± 120 (ГИН-7161) [1].

С 2008 г. работы на поселении возобновились под руководством М. В. Константинова с участием Л. В. Екимовой и автора данной работы. Общая вскрытая площадь поселения за все годы исследования составляет около 700 м². В 2008–2009 гг. изучались позднеплейстоценовые отложения поселения, включающие в себя 16–25

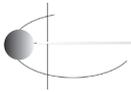
культурные горизонты. Позднеплейстоценовые отложения представлены перемежаемостью горизонтально лежащих супесей, различной степени глинистости с песчаными прослойками. Культурные горизонты приурочены к илистым прослойкам мощностью 3–6 см. Культурные остатки и элементы конструкций хозяйственных комплексов горизонтов зафиксированы в инситу состоянии.

Особо представительны и интересны результаты изучения культурных горизонтов 17, 18 и 25. Культурный горизонт 17, представлен выявленным в 1991 г. жилищно-хозяйственным комплексом, включающим камни, образующие внешнюю обкладку, очаги, углистые пятна, артефакты и обломки костей. Данный комплекс после изучения и снятия находок был законсервирован. В ходе работ 2008 г. комплекс был доизучен. Были выявлены новые камни внешней обкладки, отдельные находки. Все это позволило составить полное представление о данном комплексе. В итоге комплекс был полностью зафиксирован и разобран.

Ниже на 3–4 см на этих же квадратах был зафиксирован новый комплекс. Здесь выявлено 4 небольших плоских камня, между которыми выявлен выразительный материал. Находки представлены: скреблом на массивном галечном отщепе, один край которого разнофасеточной ретушью превращен в выпуклое лезвие; скреблом на галечном сколе с ретушью по двум конвергентным краям; двулезвийным ножом на галечном отщепе подтреугольной формы, конвергентные выпуклые лезвия орудия сформированы тщательной приостряющей односторонней ретушью; торцовым клиновидным нуклеусом; небольшой галечкой со следами использования на одной из плоскостей; 2 фрагментами пластинок с ретушью, 36 отщепами, колотыми костями животных.

18-й культурный горизонт приурочен к илистой прослойке, дислоцированной на глубине 2,6 м от современной поверхности в подошве 5 литологического слоя. Возраст горизонта возможно предварительно установить временем около 12 тыс. л. н. Здесь обнаружен новый жилищно-хозяйственный комплекс, представляющий собой остатки одноочажного жилища, носившего временный характер. Остатки жилища представлены очагом, камнями внешней обкладки, предметным материалом.

Очаг занимает центр жилища. Он представлен 6 камнями (речные валунчики и гнейсовые глыбы) углисто-сажистой массой. Камни расположены с северной и южной сторон очага. Углистое пятно в центре очага имеет размеры 0,7 x 0,67 см. Вне обкладки очага она представлена пятном овальной формы темно-серого цвета мощностью до 0,5 см, длинной осью вытянутой в сторону реки (1,8 м по линии З-В, 1,2 м по линии С-Ю). Исходя

из местонахождения камней внешней обкладки, можно заключит, что жилище имело округлую форму диаметром около 3,5 м (замеры сделаны по линии 3-В, включая внешнюю сторону камней).

Коллекцию археологического материала, связанного с жилищем, условно можно разделить на три группы. К первой относятся пять крупных изделий: нож на отщепе овальной формы, краевая ретушью покрывает почти весь периметр изделия на вентральной поверхности; нож на подтреугольном отщепе, с одним рабочим краем; остроконечник на подтреугольном сколе, рабочие лезвия оформлены краевой ретушью с вентрального фаса, правосторонняя кромка сильно сношена; нож на плоском отщепе округлой формы; скребло на отщепе подтреугольной формы с двумя противоположными рабочими краями, со следами утилизации на поверхности; скребло на отщепе овальной формы с дугообразным рабочим краем.

Перечисленные выше изделия оформлены на первичных, галечных, плоских (до 1,5 см) отщепках и сколах, овальных и подтреугольных форм, с оформлением рабочих поверхностей краевой ретушью, преимущественно с вентрального фаса. Заготовки для орудий скалывались с галек микросланца и микрокварцита, являющихся наиболее пригодными для расщепления местными горными породами. На всех изделиях зафиксированы следы сильной утилизации в виде затёртостей, выкрошеностей и заломов на кромках рабочих краёв. Скорее всего данные изделия выработали свой ресурс, поэтому и были оставлены.

Ко второй группе относятся микролитические орудия из яшмы и цветного кремня. В её состав входит фрагмент «даурского» острия с отломленным «жалыцем»; проколка на подтреугольном отщепе (остриё изделия обломано), правосторонний фрагмент концевой скребка на отщепе, проксимальный фрагмент изделия из сургучной яшмы с мелкой утилитарной ретушью с дорсальной поверхности; медиальный фрагмент микропластинки, проксимальный фрагмент трёхгранной пластинки с утилитарной ретушью по краям, поперечный резец на отщепе из яшмы.

Третью, самую многочисленную в количественном отношении группу, составляют продукты расщепления и обработки камня: торцово-клиновидный микронуклеус со слегка скошенной ударной площадкой; 2 боковых скола с клиновидного нуклеуса с фрагментом фронта; 2 скола с основания торцового микронуклеуса, 40 отщепов из яшмы; 7 отщепов из микросланца и микрокварцита; 79 фрагментов микропластинок из яшмы и кремня; 119 микроотщепов, чешуек из яшмы и кремня; пластинка из кремня. Коллекция каменного инвентаря свидетельствует о предпочтении обитателями жилища качественного сырья, та-

кого как яшма и кремень, и указывает на экономичное использование данных пород являющихся приносными. Данное обстоятельство, по мнению П. В. Мороза, повлияло на каменные индустрии финального плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья, стало причиной предпочтения микро-техники по сравнению с другими технологиями расщепления [4].

В 25-м культурном горизонте обнаружен очаг и значительное количество артефактов. В состав очажной обкладки входит 15 камней различных размеров, представленных гальками и слабо окатанными глыбами. Очаг имеет овальную форму. Диаметр обкладки по линии С-Ю – 0,95 м, по линии 3-В – 1,6 м. Углисто-сажистое заполнение до 0,2 см.

С очагом и околоочажным пространством связаны следующие находки: скребло-нож округлой формы, оформлен бифасиальной, уплощающей, разнофасеточной ретушью, при этом одна плоскость сохраняет фрагмент галечной корки, фрагмент ретушированного изделия на отщепе; 4 торцовых микронуклеуса, три из которых клиновидные; 4 концевых скребка на миниатюрных отщепках дисковидной формы; 3 боковых ребёрчатых скола с микронуклеусов; остриё на отщепе ромбовидной формы; обломок углового резца на микропластинке, 9 фрагментов микропластинок, 6 отщепов с ретушью; пластинка с ретушью, 57 отщепов; 6 галечных сегментов, 2 чоппера, отбойник на гальке подпрямоугольной вытянутой формы, фрагменты колотых трубчатых костей. Миниатюрные изделия изготовлены из яшмидов, халцедона, горного хрусталя. Крупные орудия оформлялись из кварцита и микросланца.

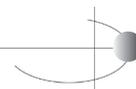
В целом, результаты нового этапа исследования поселения весьма представительны и важны. К ним относятся:

– выявление и изучение остатков представительных жилищно-хозяйственных комплексов, отражающих особенности жизнедеятельности, быта, поведенческих стратегий древних охотников на уровне 12 тыс. л. н.;

– впервые установлено существование на поселении около 12–13 тыс. л. н. развитой микро-техники обработки камня;

– количественное и качественное пополнение коллекции 21–25-го культурного горизонта, что позволило полнее представить облик индустрий данных горизонтов и значительно дополнить характеристику древних индустрий финала плейстоцена поселений долин рек Чикой и Менза;

– получение полного стратиграфического латерального профиля длиной 30 м и мощностью 5 м, отражающего характер соотношения отложений на стадиях формирования высокой поймы, I и II надпойменной террасы р. Менза.

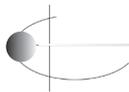
Источники

1. Константинов М. В. Изучение древних поселений Усть-Мензинского археологического комплекса в 2008 г // Научный отчет о полевых исследованиях 2008 г. Чита, 2009.
2. Константинов М. В. Древнее поселение Усть-Менза-1 в Забайкалье // Научный отчет о полевых исследованиях 2009 г. Чита, 2010.
3. Сёмина Л. В. Археологическая разведка в окрестностях с. Менза Читинской области в 1981 г. // Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 1982.
4. Сёмина Л. В. Археологическая разведка на поселении Усть-Менза-1 в Западном Забайкалье в 1982 г. // Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 1983.
5. Сёмина Л. В. Исследование на поселении Усть-Менза-1 в 1983 г. (Юго-Западное Забайкалье) // Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 1984.
6. Сёмина Л. В. Раскопки многослойного поселения Усть-Менза-1 в 1984 г. // Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 1985.
7. Сёмина Л. В. Исследование многослойного поселения Усть-Менза-1 в Западном Забайкалье // Научный отчет о полевых работах летом 1985 г. Чита, 1986.
8. Сёмина Л. В. Раскопки на многослойном поселении Усть-Менза-1 // Научный отчет о полевых исследованиях летом 1986 г. Чита, 1986.
9. Сёмина Л. В. Работы на многослойном поселении Усть-Менза-1 в 1987 г. // Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 1987.
10. Сёмина Л. В. Раскопки многослойного поселения Усть-Менза-1 в 1989 г. // Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 1990.
11. Сёмина Л. В. Раскопки древних поселений в бассейне р. Мензы // Научный отчет о полевых исследованиях летом 1990 г. Чита, 1991.
12. Сёмина Л. В. Раскопки на Усть-Мензе-1 и Черноярово в Западном Забайкалье в 1991 г. // Научный отчет о полевых исследованиях. Чита, 1992.

Список литературы

1. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994. 180 с.
2. Константинов А. В. Древние жилища Забайкалья: (Палеолит, мезолит). Новосибирск: Наука, 2001. 224 с.
3. Константинов М. В. Под покровительством Большого Шамана: археологическое путешествие по Забайкалью. Путеводитель по полевой экскурсии Международного симпозиума «Древние культуры Азии и Америки» / М. В. Константинов, А. В. Константинов, С. Г. Васильев [и др.] Чита, 2003. 52 с.
4. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья: Автореф. канд. ист. наук. СПб., 2008.
5. Сёмина Л. В. Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1986.

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2011 г.

УДК 902.2
ББК Т4 (2)45+Т4(2Р54–4Чн)

А. А. Номоконов
г. Чита, Россия

История изучения памятников XII–XV вв. лесостепной полосы Восточного Забайкалья в XX в.

В статье рассматривается история изучения памятников XII–XV вв., расположенных в лесостепной полосе Восточного Забайкалья и принадлежавших ундугунской археологической культуре. В работе анализируются результаты многолетних исследований, начатых с открытия первого памятника данной культуры вблизи озера Ундугун в 1974 г. и продолжающихся до настоящего времени. В статье рассматриваются выводы, сделанные учёными, по основным вопросам, относящимся к ундугунской археологической культуре.

Ключевые слова: ундугунская культура, археологические исследования, погребения, могильники, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, материальная и духовная культура, тунгусоязычные племена, лесостепь, аналогии, сравнительные характеристики, интерпретация, анализ.

А. А. Nomokonov
Chita, Russia

The History of Monuments Study in the 12th – 15th Centuries of Forest-steppe Zone of Eastern Transbaikalia in the 20th Century

The article reviews the history of study of the 12th – 15th centuries' monuments, which are located in the forest-steppe zone of Eastern Transbaikalia and belonged to the Undugunskaya archaeological culture. The work analyzes the results of many years' researches, which were started from the opening of the first monument of this culture near Lake Undugun in 1974 and are continuing up to the present time. The article takes up conclusions made by scientists on the major issues relating to Undugunskaya archaeological culture.

Keywords: Undugunskaya culture, archaeological researches, burial grounds, funeral rite, material and spiritual culture, Tungus-speaking tribes, comparative characteristics, interpretation, analysis.

Для лесостепного Забайкалья XII–XV вв. характерно распространение памятников, принадлежащих к так называемой ундугунской археологической культуре. Впервые памятники ундугунской культуры были обнаружены археологической экспедицией Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского (ныне Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета) в 1974 г. на северной прибрежной террасе озера Ундугун (Забайкальский край, Читинский район, система Беклемишевских озёр в 80 км к северо-востоку от г. Чита). В этом же полевом сезоне три аналогичных погребения были раскопаны и у с. Доронинское (на р. Ингоде) [1]. На основе этих исследований И. И. Кирилловым и Е. В. Ковычевым впервые была выделена ундугунская археологическая культура Восточного Забайкалья, которую они датировали 1-й половиной II тыс. н. э. и этнически связали с предками современных эвенков (тунгусов).

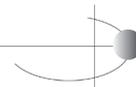
В 1975 г. при раскопках могильного комплекса Дворцы-II, в 20 км к северо-западу от Читы, в

состав которого входили погребения эпохи бронзы и средневековья, были исследованы отдельные погребения этой культуры, а также был открыт и исследован могильник Дворцы-III. Позднее, в 1993–1994 и 2001 гг. археологические работы в местечке Дворцы были продолжены и в ходе их были обнаружены и исследованы ещё пять могильников этой культуры.

В 1978, 1985 и 2002 гг. Верхнеамурская археологическая экспедиция проводила раскопки у станции Дарасун Карымского района, где также были обнаружены ундугунские памятники – Воробьиная падь IV, VI и отдельные погребения в составе могильника Ботула. В 1982 г. погребения ундугунской культуры раскапывались у с. Кахта Карымского района, а в 1983 г. в составе разновременного могильника Бутуй-I – вблизи озера Шакша. Такие же погребения исследовались в 1981, 1983 гг. в бассейне реки Шилки в местечках Илимка-V и Ишахан, близ города Шилка и с. Митрофаново Шилкинского района [2; 3; 4; 5].

В 1983 г. был открыт могильник Ерёминский Паром – на правом берегу р. Ингода, у с. Засопка

© Номоконова А. А., 2011

Читинского района. В этом же году на нём были вскрыты первые погребения. В 1986 г. работы на могильнике были продолжены археологами Института монголоведения, буддологии и тибетологии г. Улан-Удэ под общим руководством П. Б. Коновалова. В 1985 г. Верхнеамурской археологической экспедицией раскапывались отдельные погребения на ручье Санга у с. Хадакта Улётовского района и по берегам рек Нижней и Верхней Черемховки у с. Черемхово того же района. В районе Нижней Черемховки раскопки ундугунских погребений производились и позднее – в полевом сезоне 1998 г.

В конце 1980-х – начале 90-х гг. Верхнеамурской археологической экспедицией вскрывались отдельные погребения ундугунской культуры на Титовской Сопке в пределах Читы. В 2001 г. важный материал по данной культуре был получен при дополнительном изучении погребений на озерах Ундугун и Тасей (системе Беклемишевских озёр), а также в местечке Лукия, что находится в бассейне р. Читинка, в 20 км к северо-востоку от Читы [6]. Последние исследования памятников данной культуры проводились в 2006 г. в районе с. Новотроицк, в 40 км от Читы, в бассейне р. Кручина. В изучении данных погребений принимал участие и автор настоящей работы [7].

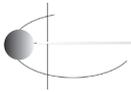
Таким образом, можно прийти к выводу, что памятники ундугунской культуры встречаются преимущественно в лесостепных районах Забайкалья: Беклемишевские озёра, верхнее течение Хилка, бассейны Ингоды и Шилки. Внешне погребения выражены одно-, двухслойными, часто разряжёнными в центре кладками, по форме овальными, вытянуто-овальными и подчетырёхугольными. Могильные ямы узкие, подпрямоугольные в плане, глубиной от 40–50 до 120 см. Погребённые ориентированы по северному сектору, кости располагаются в колодах, бересте и прямо на грунте; встречаются вторичные захоронения и кенотафы. Погребальный инвентарь характеризуется присутствием предметов вооружения, конской амуниции, быта и украшений. Широко представлены в погребальном инвентаре изделия из кости – разнообразные по форме наконечники стрел, острия, орнаментированные обоймицы и пряжки, являющиеся одной из характерных черт данных памятников. Особенности погребального обряда и сопроводительного инвентаря позволяют говорить о существовании в лесостепной зоне Восточного Забайкалья в первой половине II тыс. н. э. самостоятельной археологической культуры.

Впервые ундугунская культура получила научное обоснование в учебном пособии И. И. Кириллова «Восточное Забайкалье в древности и средневековье» (1979), в котором автор не только подробно охарактеризовал археологические мате-

риалы, полученные в ходе первых исследований, но и впервые определил их связь с тунгусоязычным населением лесостепного Забайкалья.

Позднее в статье «Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье», опубликованной в сборнике «По следам древних культур Забайкалья» в 1983 г., И. И. Кириллов дал обобщённую сводку по ундугунскому могильнику, исследованному читинскими археологами в районе с. Беклемишево, на оз. Ундугун. Он выделил особенности материальной и духовной культуры народа, оставившего этот памятник, провёл параллели с материалами, полученными при изучении одновременных памятников в соседних регионах и определил этногенетические связи его с народами Восточного Забайкалья. Исследователь пришел к выводу о принадлежности памятников данной культуры тунгусоязычным племенам, находившимся под воздействием монгольских народов. Именно под влиянием их, писал И. И. Кириллов, «у тунгусоязычного населения в период существования ундугунской культуры происходит переход к скотоводству», а в целом, «предметы конского снаряжения позволяют уточнить верхнюю границу существования ундугунской культуры, проводя её по XIV–XV вв. н. э.» [9, с. 137]. Таким образом, И. И. Кирилловым было определено конкретное время существования ундугунских памятников, что имело большое значение для последующей работы с данной группой памятников.

Дальнейшее обоснование ундугунская культура получила в учебном пособии Е. В. Ковычева «История Забайкалья I – сер. II тыс. н. э.», вышедшего в Иркутске в 1984 г. Автор рассматривал «ундугунскую» проблему с использованием новых на тот период времени археологических данных. Он писал, что племена ундугунской культуры располагались на границе степи и тайги, «впитали в себя многие элементы степных и таёжных культур этого региона» [11, с. 58]. С его точки зрения, в этом регионе поздние источники указывают расположение так называемых «конных эвенков», близких по типу хозяйства и культуре скотоводческим племенам монголов и бурят; автор делал отсюда вывод о том, что «в племенах ундугунской культуры ... с полным основанием можно видеть далеких предков "конных эвенков"» [11, с. 58]. В работе «Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху Средневековья», помещённой в сборнике «Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века», вышедшем в Новосибирске в 1989, Е. В. Ковычев определяет место ундугунской культуры среди других этнических групп Забайкалья эпохи Средневековья на общей корреляционной схеме археологических памятников. Он датировал её XII–XV вв. и писал,

что ундугунские племена «появились в Восточном Забайкалье в начале II тыс. н. э. из районов Приамурья и Приморья. Они мигрировали по долинам Амура, Шилки и Ингоды, где проживали тунгусоязычные племена шивэй» [12, с. 26].

Об ундугунской культуре упоминается также в статье П. Б. Коновалова «Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья», помещённой в этом же сборнике, где автор её формирование объясняет наложением монгольской культуры на тунгусский субстрат, но также считает ундугунцев предками современных эвенков [13, с. 17–18].

Одновременно с этим специализированным изучением предметов вооружения в погребениях ундугунской культуры, занимались В. Ф. Немеров и Ю. С. Худяков. В статье «Наконечники стрел ундугунской культуры», помещённой в сборнике «Археология Северной Азии» (Новосибирск, 1982), В. Ф. Немеров даёт классификацию наконечников стрел и весь классификационный материал представляет в сводных таблицах. В дальнейшем данная классификация была использована им при написании кандидатской диссертации и автореферата.

В то же время в статье «Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв.» (Советская Археология. М., 1987. № 2. С. 212–227), давая общую характеристику различных видов снаряжения и оружия татаро-монголов в указанную эпоху, В. Ф. Немеров соединил предметы вооружения, происходящие не только из памятников собственно монголов, открытых и исследованных в большом количестве в степном Забайкалье, но и из погребений ундугунской культуры (Дворцы-II, III, Ундугун, Ишихан). Такое смешение видов вооружения и воинского снаряжения лесных и степных народов лишь усложнило восприятие новых материалов из Забайкалья в научном сообществе и вызвало массу недоуменных вопросов, что, в целом, не способствовало дальнейшей разработке «ундугунской» проблематики. Более квалифицированно к разработке данной темы подошел Ю. С. Худяков, который в монографии «Вооружения кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого Средневековья» (Новосибирск, 1997) дал в отдельной главе наиболее полное представление обо всем комплексе вооружения, характерном для племён ундугунской культуры, а также о стратегии и тактике ундугунских племён в указанную эпоху. Материалы из ундугунских памятников неоднократно использовались этим автором в совместной с Ю. А. Ведерниковым и А. И. Омелаевым работе «Баллистика от стрел до ракет» (Новосибирск, 1995) для подтверждения многих выводов, касающихся аэродинамических свойств предметов

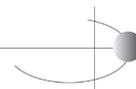
вооружения у кочевых и полукочевых народов центральноазиатского региона.

В 2000 г. издана работа забайкальских археологов И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева, О. И. Кириллова «Дарасунский комплекс археологических памятников», в которой были опубликованы археологические материалы ундугунских погребений, могильников Воробьиная падь.

По материальной и духовной культуре данной группы племён у автора настоящей работы имеется ряд статейных публикаций, вышедших в 2008–2011 гг., и выступлений на региональных (российских с международным участием) археолого-этнографических студенческих конференциях [16; 17; 18; 19]. В этих работах рассматриваются проблемы интерпретации погребального обряда и сопроводительного инвентаря ундугунской культуры, проводятся аналогии с близлежащими территориями, главным образом с монголами, проживавшими в степной зоне Восточного Забайкалья.

В работе «Сравнительные характеристики погребального обряда степных и лесостепных народов Восточного Забайкалья в XII–XV вв.» анализируются и сопоставляются погребальные обряды данных групп племён, выделяются общие и индивидуальные черты. Так, общим для ундугунской культуры и монголов будет расположение могильников на освещённых склонах гор, схожие надмогильные выкладки, ориентировка покойного по северному сектору, труположение покойного (на спине с вытянутыми вдоль туловища или сложенными на таз руками). Умерших в обоих погребальных обрядах помещали в деревянные гробы и колоды, берестяные мешки или хоронили просто на грунте. Характерной чертой является присутствие у изголовья умершего жертвенной кости барана – «сулдэ», вместилище души. Но есть также ряд различий. Так, для ундугунской культуры характерен обряд вторичного захоронения, когда покойного не сразу предавали земле, а по истечении определенного времени. Для погребального обряда ундугунской культуры свойственно помещать умершего в колоду, напоминающую лодку. В погребальном обряде монгольских племён таких особенностей нет. Обоим погребальным обрядам характерны ритуальные захоронения – кенотафы, но в специфических формах они различаются друг от друга. У монголов рассматриваемого периода встречаются крупные курганы (например, на могильнике Окошки) кочевой знати, чего мы не можем наблюдать у племён, принадлежащих к ундугунской культуре [19, с. 239–240].

Об ундугунской культуре сегодня написано немало строк, материалы широко используются для общеисторических построений и этнографических исследований. Однако открытие новых,

ранее не исследованных памятников, предполагает и новые коррективы в характеристике самой культуры, в освящении материальной и духовной

жизни населения этого региона, а также в определении и в характере взаимоотношений ундугунских племён с соседними народами.

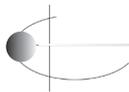
Источники

1. Кириллов И. И. Отчёт о полевых исследованиях в Читинской области, 1975 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6434.
2. Кириллов И. И. Отчёт о раскопках в Читинской области, 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11042.
3. Кириллов И. И. Отчёт о раскопках в Читинской области, 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11123.
4. Ковычев Е. В. Научный отчёт о полевых исследованиях в бассейнах р. Ингода и Шилка Читинской области, 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8416.
5. Ковычев Е. В. Научный отчёт о полевых исследованиях в бассейнах р. Шилки и Ингоды, 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9183.
6. Ковычев Е. В. Научный отчёт о полевых исследованиях в районе села Арта и на озере Ундугун в Читинской области, 2002 г. // Архив Лаборатории археологии и этнографии ЗабГГПУ (б/н).
7. Ковычев Е. В. Научный отчёт о раскопках ундугунского и дарасунского могильников у села Новотроицкое, 2007 г. // Архив Лаборатории археологии и этнографии ЗабГГПУ (б/н).

Список литературы

1. Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и Средневековье: учеб. пособие. Иркутск, 1979. 97 с.
2. Кириллов И. И. Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1983. С. 123–138.
3. Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. 176 с.
4. Ковычев Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.). Иркутск, 1984. 82 с.
5. Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1989. С. 21–27.
6. Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука Сиб. отделение, 1989. С. 5–20.
7. Немеров В. Ф. Наконечники стрел ундугунской культуры // Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука. Сиб. отд., 1982. С. 168–177.
8. Немеров В. Ф. Воинское снаряжение и оружие монгольского воина XIII–XIV вв. // Советская Археология. 1987. № 2. С. 212–227.
9. Номоконов А. А. Общее и особенное в погребальном обряде ундугунских могильников из района с. Новотроицкое // Этнокультурная история Евразии: современные исследования и опыт реконструкций: материалы XLVIII региональной (IV Всероссийской с международным участием) археолого-этнографической студ. конф. Барнаул: Азбука, 2008. С. 198.
10. Номоконов А. А. Ундугунские захоронения могильников Новотроицк, Бутуй-1, Дворцы // Студенческие чтения: сб. ст. и материалов / Забайкал. гос. гум.- пед. ун-т. Чита, 2009. С. 195–198.
11. Номоконов А. А. Зеркала ундугунской культуры // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: материалы докладов V(L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск, 4–9 апреля 2010 г. Иркутск, Отгиск, 2010. С. 337–339.
12. Номоконов А. А. Сравнительные характеристики погребального обряда степных и лесостепных народов Восточного Забайкалья в XII–XV вв. // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытие: мат. LI региональной (VII Всероссийской) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых: сб. ст. Красноярск, 2011. С. 238–240.
13. Худяков Ю. С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 160 с.

Рукопись поступила в редакцию 10 апреля 2011 г.

УДК 577.4
ББК С.50*Д. Н. Беспалько*
г. Чита, Россия**Забайкальская металлургическая промышленность в трудах участников академических экспедиций XVIII в.**

В статье предлагается анализ обзорных сведений о развитии забайкальской металлургии по материалам академических экспедиций XVIII в. Главным образом, внимание обращается на сереброплавильное (Аргунские серебряные заводы) и железоделательное производство в Селенгинском и Нерчинском воеводствах. Рассматривается традиционно-практический технологический процесс добычи и переработки руды, организация и условия труда. Среди исследователей выделены следующие ученые: Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин и П. С. Паллас.

Ключевые слова: металлургия, завод, руда, рудознатцы, добыча и переработка сырья.

D. N. Bospalko
Chita, Russia**Transbaikalian Metallurgical Industry Development in the Works of 18th Century Academic Expeditions**

The article contains the analysis of general data on Transbaikal metallurgy development by materials of the 18th century academic expedition. Special attention is paid to silver melting (Argun silver plants) and steel-making production in Selenginsky and Nerchinsky voivodeships. Customary practical technological process of ore extraction and processing, labour organization and conditions are considered in the article. Among the explorers the following scientists are detached: D. Messersmidt, G. Miller, I. Gmelin, P. Pallas.

Keywords: Metallurgy, Plant, Ore, Dowser, Extraction and Processing of Raw Materials.

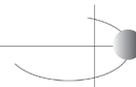
С образованием Академии наук в столице Российской империи в практику её работы вошла деятельность академических экспедиций. Для XVIII в. данная форма исследовательской работы была удачной, особенно в условиях России. Огромные просторы Сибири, отсутствие достаточных сведений о населении, поселениях, истории, географии, флоре и фауне предполагали именно экспедиционную форму изучения. Экспедиции были организованы по инициативе и на средства государства. Экспедиционный состав обеспечивал комплексный характер исследований, поскольку включал в себя специалистов по медицине, геологии, истории, этнографии, географии, зоологии, и т. д.

Цели экспедиций носили как научный, так и практический характер, причем вторая сторона была главной. Результаты исследований должны были помочь в использовании сибирских богатств. На основе полученных знаний должны были строиться новые металлургические заводы, внедряться, сообразуясь с природно-климатическими условиями, новые породы домашних животных, проводиться дальнейшее изучение истории малоизученной части империи. А по интересующей нас проблеме экспедиции должны были расши-

рить представления о рудном потенциале Забайкалья.

Особенностью региона являлось то, что в начале XVIII в. здесь появился и в дальнейшем получил развитие первый в Сибири очаг металлургического производства, имеющий общегосударственное значение. Сереброплавильное производство находилось под пристальным вниманием трех последовательно сменяющих друг друга на территории Забайкалья академических экспедиций: Д. Г. Мессершмидта (начало 1724 г. – 31 марта 1725 г.); Г. Ф. Миллера (март – сентябрь 1735 г.) и П. С. Палласа (март – июнь 1772 г.).

В экспедиционных материалах повсеместно указывается на наличие огромного сырьевого потенциала края. Вместе с тем отмечаются и внутри региональные особенности. В Западном Забайкалье (Селенгинское воеводство) залежи полезных ископаемых (железная руда, медные и сербросвинцовые руды) ограничены, поэтому горный промысел никогда не развивался до сколько-нибудь значимых объемов и был кратковременен. В Восточном Забайкалье (Нерчинское воеводство) промышленная добыча была поставлена основательно. Исследователи дают подробную характеристику самих шахт, измеряют глубину залегания и качество руд. Переходя к технологии добычи и

плавки руды, они касаются способов дробления и доставки руды к обжигательным и плавильным печам, дают характеристику устройства и производительности этих печей [1, с. 84–85; 2, с. 489–490].

Так, Г. Ф. Миллер составил целое «Историческое описание Аргунских серебряных заводов» [3, л. 1–28 об.]. Оно было дополнено работой И. Г. Гмелина, которая так и называлась «Дополнение к описанию Аргунских рудокопных и плавильных заводов к сочинению Г. Ф. Миллера» [4, с. 1179–1215]. Оба материала обладают большой исторической ценностью, они дают обстоятельную характеристику общему состоянию производства, описывают заводские постройки, рудничные шахты, технологии выплавки металлов. Все это позволяет восстановить подробную и цельную картину промышленного производства в первой половине XVIII в.

По материалам академических экспедиций можно составить достаточно полное представление об уровне горнорудного производства, технологии переработки природного сырья, составе и положении рабочих. В материалах имеются данные о запасах руд, предполагаемых условиях их добычи, планах геологоразведки. На характере исследовательских материалов экспедиций сказывалась специализация научной деятельности их руководителей.

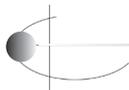
В записях руководителя первой экспедиции врача Д. Г. Мессершмидта дается подробное описание организации производства и подробные сведения об обслуживающем персонале заводов. Он сообщает о производственных мощностях, попутно говорит о количественном и профессиональном составе рабочих и величине их заработка, который зависел в основном от квалификации. Поскольку заводы действовали с апреля по октябрь, из-за невозможности работы в зимнее время, то рабочие нанимались по «рядным записям» на сезонную работу и им оплачивалось только проработанное время.

В его описаниях выявляются две крупные группы работников: заводской персонал и приписные крестьяне. Заводской персонал в 1724 г. состоял из 89 человек. Среди них были представители администрации завода: оберфактор, или инспектор завода, обергмейстер, два приказных писаря и далее, говоря современным языком, специалисты, или техперсонал – пять человек плавильных мастеров и десять младших мастеров. К ним же причислялись еще 70 горнорабочих, плавильщиков, чернорабочих, кузнецов, разносчиков и т. д. из простого народа [5, с. 115; 6, л. 63–66]. Приписные крестьяне были обязаны рубить лес, выжигать древесный уголь, возить руду, содержать в порядке плотины.

Известному историку Г. Ф. Миллеру историческая наука обязана первым освещением истории возникновения сереброплавильного производства в Забайкалье. В частности он отмечал, что в последней четверти XVII в. правительство приступило к активным действиям по разведке, добыче руд и выплавке металла. В 1682 г. подробное распоряжение поступило в Нерчинск. На разведку рудных богатств р. Мунгача был направлен отряд служилых людей во главе с нерчинским боярским сыном Г. Лоншаковым. Результатом поисков стало обнаружение свинцовых руд с примесями серебра и золота. Они находились в двухстах метрах от устья р. Тузачи – левого притока р. Серебрянки и на расстоянии 10 верст от впадения последней в р. Аргунь. В 1701 г. были открыты новые месторождения серебряных руд. Предприятие было должным образом профинансировано. На нужды строительства выделялось на первое время 1500 руб., 100 пудов железа, 50 пудов стали, кожи для мехов и различные химикаты, необходимые для плавки. Из Москвы прибыл высококвалифицированный рудоплавильный мастер Я. Галкин [3, л. 3–5]. Далее в записях Г. Ф. Миллера сообщается, что первый Аргунский сереброплавильный завод основан к 1704 г. на прежних рудных выработках, появившихся задолго до прихода сюда русских землепроходцев. В первой половине XVIII в. заводы располагались главным образом на р. Тузаче в 48 верстах от самого Аргунского острога [3, л. 6]. Данное обстоятельство создавало трудности связанные с охраной и со снабжением добывающего предприятия.

Г. Ф. Миллер существенно дополнил сведения о приписных крестьянах. На основе архивных данных Нерчинского воеводства он установил, что они попадали на заводы в результате переселения по императорским указам 1708 и 1726 гг. из Енисейска, Томска и Илимска. На 1735 г. таковых приходилось 336 семей, в которых имелось 1278 мужчин. Эта категория крестьян не облагалась сбором с поставкой провианта в казну, вместо этого они платили подушный налог с заработка, начисляемого за выполнение работ для заводов [7, с. 204]. Работы на заводах были тяжелыми, до полной физической изношенности людей, праздничные и выходные дни, как правило, отсутствовали, а негласный двенадцати часовой рабочий день соблюдался не всегда.

В 1730-е гг. плавильных заводов было два, один состоял из шести плавильных печей, другой имел две печи. Действовал также обжиговый завод с двумя большими, четырьмя маленькими горнами и четырьмя кост-горнами, предназначенными для отделения от свинца чистого серебра. Неподалеку располагалась кузница дляковки инструментов и выплавки железа из местной руды.

Первоначально железо для сереброплавильных заводов завозилось, но затем его стало не хватать, и было принято решение о начале разработки железорудных месторождений и выплавки железа для заводских нужд на территории Нерчинского воеводства.

В комплексе заводов находилась лаборатория по анализу руды, пороховой погреб, хозяйственные амбары и три отдельных дома для наиболее квалифицированных рудознатцев и начальства. Среди гражданских и культовых зданий имелись – церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, рядом стояли дома частного назначения, в общей сложности 21 здание.

Перед экспедициями стояла очень важная задача – выработать рекомендации для преодоления длительного спада сереброплавильного производства. Экспедиция Мессершмидта пришлась на период упадка. Характер его материалов показывает, что он видел причины спада производства в непосредственной его организации, что в конечном счете привело его к конфликту с администрацией. Осматривая заводские постройки и пытаясь снять точный план заводов, измеряя внутреннее пространство шагами, он неожиданно для себя наткнулся на обескураживающее сопротивление. Управляющий заводами стал мешать и в конце концов намерение ученого было сорвано. Конфликт ученого с руководством завода нашел отражение в своеобразном доносе первого. В отчете он пишет, что в день отъезда, 6 января рудник не работал. Весь персонал был в нетрезвом состоянии по случаю выдачи жалования. Д. Г. Мессершмидт указывает, что начальство специально спаивало людей, чтобы содрать с них как можно больше денег [1, с. 86].

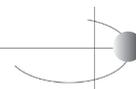
Сущность конфликта сложно восстановить, так как мы имеем мнение лишь одной стороны. Однако можно предположить, что у обеих сторон было разное понимание производственного назначения заводов, технологии добычи и переработки руды а также организации производства. Немецкая щепетильность и педантичность, конечно, не могла быть основой российского производства да еще в столь отдаленных местах. Кроме того, не стоит забывать, что Д. Г. Мессершмидт являлся специалистом в области медицинских знаний, и направляющая его в экспедицию Медицинская канцелярия не давала, да и не могла дать ему специальных инструкций, благодаря которым он бы имел полномочия на вмешательство в заводские проблемы технологического характера.

В 1735 г. этой же проблемой занимался академический отряд Г. Ф. Миллера. Изучив документацию доходов и расходов, качества и количества добытой и переработанной руды Г. Ф. Миллер и И. Г. Гмелин, специализирующий-

ся на геологии и химии, приходят к заключению, что выплавка столь необходимого стране серебра находится на крайне низком уровне. За почти 30-летнюю историю производство никогда не было значительным. Сводная таблица годовой выплавки серебра и свинца до 1737 г. наглядное тому подтверждение. Промежуток между 1717 и 1720 гг. показывает, что выплавка серебра упала с 50 до 4 пудов, а свинца с 1203 до 392 пудов. Себестоимость одного пуда серебра в 1720 г. достигла 648 р. по сравнению со 175 р. в 1717 г. Руда по составу драгоценного металла была бедная, а временами вовсе исчезала. В период с 1728 по 1732 гг. руды не находили вообще.

Занимаясь выяснением причин спада производства, ученые приходили к заключению об истощенности старых месторождений и к необходимости поиска новых. Найденные следы новых рудных залежей давали заводам шанс на дальнейшее существование [7, с. 181–182; 8, с. 108]. Важным в работе экспедиции был вывод о необходимости сосредоточить поиск новых месторождений именно на территории Восточного Забайкалья. Действительно, вновь выявленные серебросодержащие месторождения дали возможность создать здесь ряд новых сереброплавильных предприятий. В 1760 г. начал действовать Калукчанский (Дучарский) завод, в 1764 г. Кутомарский, а в 1769 г. Шилкинский [9, с. 154].

В первой половине XVIII в. экспедиции указывали на примитивность производства, убыточность заводов, низкий уровень организации, халатность персонала и др. В отчетах содержались рекомендации по сворачиванию убыточного производства. Экспедиция П. С. Палласа, работающая уже в новых условиях, во второй половине XVIII в., когда действовало около десятка сереброплавильных заводов, наоборот, фиксировала динамику роста. Серебра было выплавлено на порядок больше, чем за весь предшествующий период. За первые 40 лет заводы дали 205 пудов серебра, а с 1746 по 1780 гг. 289 пудов. Этому способствовало открытие новых месторождений, выросшая квалификация персонала и техническое переоснащение заводов. Механизмы, приводимые в действие конной тягой, с 1776 г. были переведены на водную. П. С. Паллас, отмечая положительные тенденции, всё же полагал, что производство находилось не на должном уровне. Естественно, с этим можно согласиться, но надо исходить из реалий и возможности организации довольно сложного производства в условиях отдаленного края. Достижением можно считать само существование подобных заводов, одно это ставит администрацию на более высокий уровень, чем это представляется в материалах экспедиций. Если бы, ссылаясь на убыточность, заводы прекратили

своё существование, то в последующем никакого серебра государство бы вообще не получило. Отсутствовало бы и население в отдаленных и пограничных территориях.

Из отчётов экспедиций сейчас можно сделать вывод, что отдельные неудачи и срывы в ритме работы заводов вполне можно было преодолеть. По нынешним стандартам технология добычи и переработки была примитивной – конная или водная тяга, клещи, крюки, ручные буры. Но не нужно забывать, что в XVIII в. в стране повсеместно преобладал ручной труд и в этом плане каких-то значительных технологических разрывов между заводами Забайкалья и, например, Урала, не было. Другое дело организация производства, квалификация персонала, дисциплина труда. Исследователи отмечали плохую организацию труда и низкое качество орудий труда, которые, однако, не вели к разрушению самого процесса производства. Все заводы продолжали работать и в 1740-е гг., причём затем производительность их, как отмечалось выше, значительно возросла. На заводах действовало уже 26 плавильных печей, в которых за сутки из руды выплавлялось до 50 пудов свинца. В 1760-е гг. началась механизация доменного процесса при помощи воздуходувных машин. Возникает жилой поселок, где действует суконная фабрика и горная школа, сооружается Канцелярия Нерчинского горного начальства. Поселок в дальнейшем получает название Нерчинский Завод и становится центром Нерчинского горного округа [8, с. 110; 9, с. 154].

Исследователи подробно описали традиционно-практический технологический процесс. Добыча руды в Приаргунье имела место ещё до прихода сюда русских. С появлением землепроходцев ситуация менялась медленно, т. к. отдаленность и отсутствие полных представлений не позволяли развернуться производству. Ситуация стала меняться только в начале XVIII в. Работы чаще всего велись на старых разработках и зачастую традиционным способом. Постепенно технология совершенствовалась, эффективность производства возрастала, но основу всё же составляли традиционные методы добычи и производства.

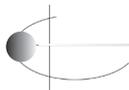
Данный процесс наглядно отражён у П. С. Палласа при описании производства железа в Селенгинском уезде. Рост производства в Забайкалье привел к возникновению новой проблемы – дефицита железа. Расширение его производства стало одной из главных проблем, которая плотно изучалась экспедицией П. С. Палласа. «Самая лучшая руда, что куйтунские кузнецы в своих кузницах плавят, – сообщил Паллас, – берется подле родника, к северо-востоку близ вершин реки Катгытей, с полверсты от неё расстоянием. Глу-

бина залегания жилы небольшая, но и часто кончается» [2, с. 488]. О качестве руды и затратах на её добывание говорит тот факт, что обычно жила разбита на гнезда, и её можно легко дробить при помощи кирки. Сама руда тверда, с черным блеском и даёт много стали. На горной поверхности района встречается охристо-красная и отчасти тёмно-бурая каменная руда. Местное население называет её исмоденом, но практического применения она так и не нашла, так как к плавке оказалась негодной.

П. С. Паллас привел пример добычи и плавления железной руды. Руда добывалась и доставлялась для переплавки к горнам по осени в первые заморозки. Хорошо подготовленный и физически выносливый человек мог за сутки добыть более 50 пудов руды. Руду толкли, размельчали и пережигали в кучах. Затем начинался процесс плавления в четырехугольных печах, для нагнетания высокой температуры использовали меха. После того как все прогорало, оставшиеся куски по земле молотками пробивали и на наковальне окалину сбивали. На этом первичная обработка заканчивалась. Качество полученных заготовок было различно. Верхний слой в выплавке «крепкий, как сталь, однако не особливой доброты, напротив того, железо мягко и изрядно» [2, с. 490]. При выплавке часть железа все же пропадала, поэтому совершенствование технологии плавления руд, по мнению П. С. Палласа могло стать важной задачей для металлургического производства всей Сибири.

Стимулирование населения на поиски новых источников железорудного сырья и его разработку, с отменой государственной монополии, принесло казне большую выгоду, поскольку по правительственному указу велено было взимать ежегодно налог по десять рублей с горна. Однако в Селенгинском уезде сложилась совершенно иная ситуация. Железной руды в уезде к концу XVIII в. добывалось не так уж много и «главным образом куйтунскими людьми, поэтому она на собственное их употребление оставлена. Оклад в казну не брался, и, снабжая весь уезд, руду продавали по 70–80 копеек, а самую лучшую по 1 рублю за пуд» [2, с. 491].

Разработка таких небольших по объёму месторождений, конечно, не могла удовлетворить растущие нужды населения и промышленности края. Дефицит наблюдался и в третьей четверти XVIII в., что сказывалось на темпах развития сереброплавильного производства. Поэтому развитие железодельной отрасли металлургии в крае являлось делом государственной важности. В целом же проблема дефицита железа была решена с возведением Петровского чугуноплавильного и железодельного завода в 1789 г.

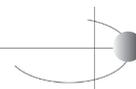
Таким образом, участники экспедиций отмечали значительные запасы руды и исследовали имеющийся процесс её добычи и переработки. Организация производства металла в Забайкалье была ориентирована, исходя из потребности развития государства и края, что можно считать наиболее оптимальным вариантом. Заводы не приносили значительный доход, часто работали в убыток, но это, как правило, не было основанием для закрытия и ликвидации производства. Обращаясь к материалам экспедиций, следует отметить, что эти труды могут и в настоящее время указать геологам возможные места, содержащие немалые запасы руд. Исходя из этого, можно сделать важ-

ный вывод, что исследователи XVIII в. оценивали не только металлургическое производство, а в целом подходы к оценке развития края. В целом убыточное металлургическое производство всё равно способствовало развитию края в условиях его заселения и освоения. Исследователи изложили Академии наук свои доводы относительно рентабельности горнорудного производства в крае. В частности указывалось, что недра забайкальских гор скрывают огромные запасы разных металлов, их дальнейшая интенсивная разработка и техническое переоснащение заводов принесут государству большую пользу.

Список литературы

1. Новлянская М. Г. Д. Г. Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука. 1970.
2. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л.: Лениздат. 1989.
3. РГАДА. Ф. 199. Портф. 526. Ч. 2. Д. 7. Л. 1–28 об.
4. РГАДА. Ф. 21. Оп. 5. № 20. С. 1179 – 1215.
5. Башкатова З. В. Дневники Д. Г. Мессершмидта как источник для изучения сырьевой базы сибирской промышленности первой трети 18 в. // Источниковедение и историография городов Сибири конца 16 – первой половины 19 вв. Новосибирск: Наука. 1987.
6. ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 50–66.
7. Миллер Г. Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 246 с.
8. Константинов А. В., Константинова Н. Н. История Забайкалья (с древнейших времен до 1917 года). Чита: АНО «ЦНОП»; изд-во ЗабГПУ, 2002. – 248 с.
9. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. Т. 3, Новосибирск: Наука, 2006.

Рукопись поступила в редакцию 20 апреля 2011 г.

УДК 94 (571.54)
ББК 63.3 (2 Рос.Бур)

О. Э. Мишакова
г. Улан-Удэ, Россия

«Дипломатическая» роль Кяхты в развитии экономических отношений России и Китая в XVIII в.

В статье определяется роль торговли России с Китаем в развитии внешнеэкономических связей, а также показывается значение приграничного торгового пункта в решении геополитических задач – становлении территориальных рубежей государства, выход в страны восточного ареала. Кяхтинскому форпосту в этих отношениях отводилась «дипломатическая миссия». Развитие международной торговли повлияло на формирование соответствующей инфраструктуры и заселение обширной территории Западного Забайкалья.

Ключевые слова: Кяхта, Китай, экономические отношения, торговля, купечество, торговая инфраструктура, Кругобайкальская дорога.

O. E. Mishakova
Ulan-Ude, Russia

«Diplomatic» Role of Kyakhta in the Development of Economic Relations of Russia and China in 18th Century

The article reveals the role of Russia-China trade in the development of economic relations. The value of the frontier auction in the solution of geopolitical problems – the formation of the state borders, an exit into the countries of eastern area is shown. Kyakhtinsky advanced post in these relations carried out a «diplomatic mission». International trade development has affected the formation of a corresponding infrastructure and settling of vast areas of Western Transbaikalia.

Keywords: Kyakhta, China, economic relations, trade, merchant class, trading infrastructure, Krugobaikalskaya road.

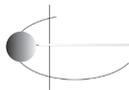
В рамках данной статьи актуализируется значение приграничного кяхтинского торгового пункта в развитии внешней экономики двух соседствующих империй – России и Китая.

Хронологически заявленная тема охватывает XVIII в., т. е. с момента основания Троицкосавска и Кяхты, начала развития казенной караванной и начала приграничной торговли и определения четкой пограничной линии до времени строительства Кругобайкальской дороги через Тункинские горы, а также принятия новых правил торговли с Поднебесной Империей в рамках таможенного тарифа 1800 г., который устанавливал фиксированную цену на товар, разрешал только бартер, (т. е. запрещал покупку и продажу за деньги), а также кредитные операции. С начала XIX в. меняется характер торговли. Развитие отечественных мануфактур снизило экспорт китайского шелка, бархата и ткани, уступает место чаю. Также в 1807 г. с Китаем было разрешено торговать лишь купцам первой гильдии, что стало причиной сокращения количества негодующих в Кяхте.

Около 1665 г. на р. Амур русскими был основан Албазин. Приблизительно с этого же времени начались торговые отношения с Китаем благодаря торговле сибирских казаков и купцов «по собственному почину». Торг оказался выгодным,

вследствие чего в нём стали принимать участие и воеводы сибирских городов. При установлении дипломатических связей с Китаем русское правительство старалось упрочить эту торговлю формальными трактатами. Однако усиление русских в этом крае возбудило опасение в правительстве Поднебесной империи и в 1684 г. китайцы выдвинули к берегам Амура целую армию. Вследствие этого с Китаем в Нерчинске 23 августа 1689 г. был подписан мирный трактат, известный под названием Нерчинского договора, относящийся преимущественно к разграничению двух империй. По этому трактату Албазин был уступлен китайцам, которые его полностью разорили [4, с. 8].

Начало караванной торговли России с восточным соседом приходится на 1698 г., когда из Москвы был отправлен первый казенный караван, перешедший китайскую границу в 1699 г. Главным грузом являлась сибирская пушнина, составлявшая около 85 % от всего промена, остальные 15 % приходились на долю кожевенных и мануфактурных товаров. Из мягкой рухляди наибольшей популярностью пользовалась белка (от 2 до 4 млн штук в год), затем шли горностаи (от 140 до 400 тыс. штук), хорьки, выхухоли, лисицы, песцы, куницы, выдры и бобры. Кроме того, из мехов значительное количество приходилось на мерлушку и

овчину (до 1 млн. шкур). В числе мануфактурных и заводских российских изделий значительный сбыт в Китае имели кожевенные товары (юфть, козловые и опойковые кожи), разные льняные изделия, простые сукна, ковры, половики и различные железные товары. В Китае главным образом выменивали китайку и дабу, шёлковые материи и шёлк в сырце, некоторые пряности и лекарственные вещества. Чай первое время вывозили сравнительно в небольшом количестве, т. к. употребление его в России вплоть до конца XVIII – начала XIX в. ещё не было распространено.

Для усиления торговли, развития и упрочнения экономических отношений императором Петром I в 1719 г. в Китай было отправлено посольство, во главе которого был поставлен в качестве чрезвычайного посланника лейбгвардии Преображенского полка капитан Л. В. Измайлов. Его сопровождали: два секретаря – Лоренц Ланг и Иван Глазунов, переводчик, подьячий, лекарь Бель, два геометра Валуев и Игнатъев, гвардии унтер-офицер князь Засекин с тремя солдатами и священник из Тобольска. Посольство прибыло в 1720 г. и было принято с большим почётом. Но, несмотря на это, результатом переговоров Л. В. Измайлова с китайским трибуналом явилось лишь дозволение Л. Лангу остаться в Пекине в качестве русского агента и согласие на постройку церкви для духовной миссии [16, с. 116]. Однако уже в 1722 г. Л. Ланг был выслан из Пекина и вместе с тем китайское правительство запретило в пределах своего государства казённую и частную русскую торговлю. Поводом к этому послужила откочевка в Сибирь 700 монголов, которые избili пограничный китайский караул, а также постоянное пьянство и буйство русских купцов в Пекине. Забегая вперед, отметим, что русско-китайская торговля, начиная с 1744 г. вплоть до конца XVIII в. (1792 г.) приостанавливалась китайцами по различным поводам 10 раз, что в общей сложности составило 15 лет 7 месяцев и 19 дней.¹ 22 апреля 1792 г. указом Сената в очередной раз был восстановлен торг между российским и китайским купечеством. Но прежде, этому предшествовали переговоры Иркутского губернатора Л. Т. Нагеля с пограничными китайскими властями [14, с. 53].

В 1726 г. Сенат издал указ, который позволил российским купцам производить торг в Китае всеми товарами, кроме мягкой рухляди. В следующем 1727 г. 21 октября граф С. В. Рагузинский заключил с китайскими уполномоченными генеральный трактат, который на протяжении нескольких месяцев оспаривался Пекинским правительством и наконец был ратифицирован на р. Кяхте 14 июня 1728 г. Договор определил границу между Россией и Монголией от верхо-

вьев р. Енисея на западе, до р. Горбицы на востоке. Переход через границу стали разрешать только по установленным паспортам. Кроме того, трактат вводил между обеими империями вечный мир и предполагал свободную торговлю в двух пограничных пунктах: Кяхте и Цурухайтуе (на р. Аргуни, последний оказался менее удобным для торговых целей, т. к. сообщение между Россией и Китаем через Кяхту было значительно ближе) [12; 10, с. 5]. Вдоль границы был возведён ряд постов: малых в виде караулов и больших в виде крепостей. В первой половине XIX в. они превратились в ряд зажиточных казачьих селений, охранявших границу. Саму черту границы обозначили рядом маяков из камня, насыпанных по высотам [2, с. 177].

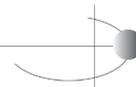
Благодаря трактату произошло разграничение спорных территорий России и Китая, что коренным образом изменило ситуацию с охраной российских владений в Забайкалье. Впервые была обозначена линия самой границы, определена численность и состав пограничной стражи из русских служилых людей, «кинородческих дружин» и регулярных частей. Пограничная стража должна была строго следить за тем, чтобы русско-китайская торговля шла в специально отведенных для этого местах; контрабандистов, за поимку которых пограничники награждались четвертой частью конфискованного товара, следовало ловить и сдавать с товаром пограничным властям.

С этого времени русские приобрели право один раз в три года отправлять в Пекин караваны. Но по причине препятствий, чинимых китайцами, а также из-за конкуренции частных лиц, уменьшавшей выгоды казённого торгова, казённых караванов было отправлено всего шесть. Караван возглавлял доверенный купец, к которому приставлялся правительственный комиссар, четыре целовальника, гвардейский офицер с военной охраной в составе 100 казаков. Общая численность администрации и охраны казённого каравана достигала 200 чел. Путь каравана в одну сторону занимал год.

По причине монополии казны на торг дорожной пушниной, которая беспрерывно нарушалась, промышленники во избежание тягостного надзора стали уклоняться от участия в караванах, полностью обратив своё внимание на пограничную торговлю.

Троицкосавск и торговая слобода Кяхта, основанные практически одновременно в 1727–1728 гг. как пограничная Троицкосавская крепость и Кяхтинский форпост, являлись исключением в ряду городов Восточной Сибири, образованных из деревянных крепостей-острогов, построенных русскими землепроходцами в XVII в. Развитию этих городов как центров ремесла и торговли способствовал процесс заселения и хозяйственного

¹ Подсчитано по: Энциклопедический лексикон. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1835–1841. Т. IV. С. 112.

освоения сибирских земель, расширение торгово-экономических связей Сибири с европейской частью России и образованием всероссийского рынка. Кяхте же изначально была уготована роль посредника России во внешней торговле с Китаем и Монголией.

Кяхтинская таможня, основанная в 1727 г., по своему пограничному положению, объёму поступающих в казну пошлин, занимала в ряду таможенных органов царской России особое место. Для неё издавались отдельные постановления, указы и тарифы. Кяхтинский тариф не входил даже в систему российской торговли с Азией, а шёл отдельной статьёй.

В Кяхте торговали московские, тотемские, суздальские, тарские, тобольские, томские, енисейские и другие купцы. Например, купцы Верхнеудинска и уезда скупали у бурят и эвенков скот, овчины, даурскую белку и другую пушнину и продавали не только на местной ярмарке, но и в Китай.

Важным товаром для русской казны, стимулировавшим торг и ввозимым в Россию через Кяхту, был ремень. Государственная монополия на торговлю ремнем в России была введена в 1687 г. В XVII в. основными поставщиками ремня являлись бухарцы. Они привозили ремень в Тобольск, Томск, Тару, Тюмень. Могли продавать его только казне, по строго установленным ценам. Получая ремень путем торга, правительство принимало меры к отысканию его на территории Сибири, а также делало попытки развести его и в Сибири. Но эти меры не давали положительных результатов, т. к. свойства ремня оказывались другими. Частным лицам строго запрещалось покупать ремень у бухарцев и торговать им в России. В 1704 г. приказано было покупать в сибирских городах ремень для казны не менее 300 пудов в год и свозить его в Москву. В 1735 г. издаётся указ о смертной казни за частную торговлю ремнем. Этому растению приписывали чудодейственные лечебные свойства, поэтому стоил он чрезмерно дорого и давал казне колоссальные доходы. В 1737 г. Сенат издаёт следующие указы: «О вымене у иноземцев ремня на товары при Кяхтинском форпосте; О пропуске ремня, привозимого к Санкт-Петербургскому порту с тем, чтобы по осмотру брать его в казну; Об отпуске из Сибирского приказа в медицинскую канцелярию для казённых аптек ежегодно по 100 пудов ремня» [17, с. 143]. В XVIII в. ремень был очень популярен в медицине не только в России, но также в Европе и Америке. В Кяхте была создана специальная ремённая комиссия. Весь ремень, покупаемый здесь, отправлялся в московскую Медицинскую контору, небольшая часть оставалась в Иркутской полевой аптеке, откуда он распределялся по всей Сибири. В 1782 г. вышел указ, которым была «дозволена

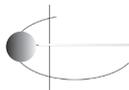
свободная торговля ремнем и ременным семенем как внутри, так и вне границ России».

В 1730 г. возникла китайская пограничная торговая слобода Маймачен. Между русской крепостью и Маймаченом был установлен пограничный столб, от которого по обеим сторонам на расстоянии 120 саженей были устроены пограничные поселения. На столбе была сделана надпись по-китайски: «Май-йе-чу», а по-монгольски: «Кодайба», что значит «торговое место».

Серьёзные затруднения в производстве свободного торга в столице Китая встретил русский караван, прибывший в Пекин в ноябре 1736 г. Цинские власти предприняли все меры, чтобы условия пребывания гостей были максимально неудобными. Торговый двор, на территории которого разместилось российское купечество, китайцы взяли под усиленный надзор столичной полиции, а также ввели специальные пропуска для местного населения, которые зарабатывали от случая к случаю, предлагая свои услуги (кормили лошадей, носили тяжести и пр.) приезжим торгующим иностранцам. Пропускная система должна была свести к минимуму всякие контакты здешних жителей с русскими, вплоть до угрозы смертной казни [8, с. 30].

Кроме того, лучшие российские товары, купленные китайцами, изымались у них и отправлялись в императорский дворец. Подобное отношение цинских властей к каравану побудило Л. Ланга подать китайской администрации протест, в котором агент ссылался на нарушение китайцами четвёртой статьи Кяхтинского трактата, предусматривающей ведение свободного торга. Китайцы обратили внимание на жалобу, сменили пристава, не пропускавшего без некоторой платы к русским купцам местных торговцев, однако систему пропусков не ликвидировали. Видя, что местные чиновники упорствуют свободной торговле, русские купцы были вынуждены сбывать свои товары по низким ценам и в мае 1737 г. покинули Пекин [5, с. 45].

Также цинские власти, исходя якобы из мер предосторожности, обносили стены русского торгового двора терновником. Пристав третьей (1736–1743 гг.) Русской духовной миссии в Пекине Г. Лебратовский писал: «Около того двора караульных солдат более тысячи человек и ворота каждый день к вечеру замыкаются, и ключи от тех ворот пристава на ночь увозят с собой, а поутру отпирают. Когда же случится кому-нибудь из российских людей за какую нуждою до двора идти, тогда за всяким человеком посылается по одному китайскому солдату. Кроме приносимых на российский двор китайских товаров, в лавках и в домах товар купить невозможно, ибо означенные солдаты от лавки отгоняют...» [6, с. 45].

Кроме всевозможных препятствий со стороны китайских властей другой причиной упадка караванной торговли послужила контрабанда, в первую очередь пушниной. Например, в 1736 г. казённый караван обнаружил на пекинском рынке втрое больше мехов, незаконно завезённых китайскими купцами с границы, чем имел сам [7, с. 10].

В 1739 г. караванный казённый торг был отменён, а с 1740 г. для караванного торгового разрешения создавались компании. Купцы ещё в начале XVIII в. выступали за создание «по образцу иностранному» негосударственных купеческих компаний: «трудно тягаться с иностранными купцами, так как те торгуют сообща», – не раз писали в Правительствующий Сенат негодяи [9, с. 45].

В 1744 г., заботясь о легальной торговле, Сенат издал распоряжение о создании вдоль китайской границы между р. Чикой и Селенгой и на долба от «тайного», т. е. контрабандного, провоза товаров. Кроме того, при Кяхтинском форпосте и в Верхотурской, Нерчинской и Ямышевской таможнях должны были применять особые клейма, сургучные печати на самих товарах. С этого момента запрещалось продавать китайские товары без клейма.

В 1745 г. Кяхта из форпоста была преобразована в торговую слободу, где выполняли торговые операции 58 фирм. Из купцов, постоянно живших здесь, только немногие вели свои дела самостоятельно. Остальные были посредниками-комиссионерами крупных торговых фирм Европейской России. Будучи под покровительством правительства, торговля по-прежнему носила меновый характер (т. е. товар на товар). На определенном этапе такая торговля являлась своеобразным стимулом к расширению тех отраслей промышленности, продукция которых пользовалась повышенным спросом. С одной стороны, она способствовала развитию производства, с другой – делала предпринимателей заложниками российско-китайской торговли.

Благодаря на подъём кяхтинского торгового дела в 1753 г. внутренних таможен, учреждение в этом же году в Санкт-Петербурге купеческого банка и открытие в 1758 г. в Москве «Банковской конторы вексельного производства», благодаря чему купцы из европейской части страны получили возможность оплачивать таможенные сборы не наличностью, а векселями. Этот факт подтверждается изданным в 1754 г. распоряжением: «О дозволении великороссийским купцам, кроме сибирских, вместо платежа пошлины на Кяхтинской таможне деньгами давать вексели на простой бумаге с верными поручиками для уплаты по ним пошлины в Сибирском приказе» [13]. В 1774 г. в Кяхте была открыта нотариальная конто-

ра для оформления обязательств и векселей. Аналогичную привилегию сибирские купцы получили только через семь лет, т. е. в 1781 г.

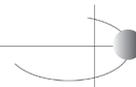
В середине XVIII в. рост торговых операций в Кяхте в первую очередь был вызван отменой государственной монополии на торговлю пушниной. Отправленный в 1758 г. шестнадцатый по счету казённый караван, возглавляемый А. Владыкиным, произвел торг в Пекине неудачно, и это окончательно убедило правительство отказаться от казённой монополии на продажу пушным товаром. В 1762 г. казённая караванная торговля с Китаем была упразднена, и с этого времени Кяхта становится главным и единственным легальным пунктом, через который на законных основаниях осуществлялась русско-китайская торговля. Изданный указ разрешал вольную торговлю как на границе, так и в самом Пекине всем желающим, но при условии уплаты пошлин: «прежде учинённые указы 1731, 1734, 1739 и 1752 гг. на запрещение выпуска за границу мягкой рухляди, а именно: камчатских бобров, рысей, нерчинской и якутской белок, лисиц черных, бурых и седых, соболей камчатских и якутских – отставить, и всеми теми товарами торги производить и за границу с платежом пошлин по тарифу отпускать всем невозбранно» [18, с. 171].

С этого времени динамика кяхтинской торговли начинает носить положительный характер. С каждым годом товарооборот увеличивается, например, в 1768–1778 гг. ежегодно на границе торговали в среднем на 425145 р., в 1780–1785 гг. на 600 633 р. соответственно [11, с. 20].

Благодаря спросу приоритетное место в торговле по-прежнему отдавалось пушнине. В 1768–1785 гг. на её долю приходилось 78,8 %. С 1785 по 1800 гг. вывоз достиг 85 %. Среди пушны на первом месте, отеснив соболя, шли белка и горностаи. Через Кяхту в Китай уходила не только сибирская, но и камчатская и американская пушнина.

В 1768 г. торговавшие в Кяхте купцы с согласия правительства организовали шесть компаний: московская торговала сукном, плисом, мехом бобров и выдр, а также иностранными изделиями; тульская – мерлушкой и «кошачьими» шкурами; архангельская и вологодская – северорусскими и скандинавскими мехами; казанская – юфтью и кожей; тобольская – мерлушкой, юфтью и сибирской пушниной.

Из Китая во второй половине XVIII в. вывозили преимущественно товары широкого потребления. На первом месте шли хлопчатобумажные ткани. В период с 1775 по 1781 гг. эта статья китайского экспорта в Россию составляла около 63 %. Из бумажных тканей наиболее распространёнными считались «китайка» – лёгкая ткань си-

него, черного, иногда вишневого цвета, и «даба» – лёгкая одежная ткань синего цвета.

Второстепенными статьями китайского ввоза были шёлковые ткани, шёлк-сырец, чай, сахар, табак и некоторые другие товары. Шёлк пользовался спросом у купечества сибирских городов и столичной знати. Дороговизна этой ткани побудила русское правительство заняться собственным производством шёлка, в результате чего ввоз китайского шёлка к концу XVIII в. значительно сократился. С середины XVIII в. через Кяхту проходило 67 % товарооборота России с азиатскими странами. В 1775 г. пошлины с купцов, торговавших в Кяхте, составляли 38,5 % всех таможенных поступлений в российскую казну.

Для улучшения и развития торговли необходимо было создавать соответствующую инфраструктуру. В «ведомости, учинённой Троицкосавским общим присутствием о казённых гражданских зданиях, состоящих в Троицкосавской крепости», мы находим, что в 1770 г. построены, а также содержатся за счет пограничной службы и находятся в прочном состоянии: деревянный дом на 7 комнат для приезда и «временными занятиями гг. начальниками губерний и прочими особами» и деревянный дом на 6 комнат, занимаемый Советником пограничной канцелярии [15, с. 26]. В 1774 г. в Кяхте учреждается магистрат. Здесь жило 488 купцов и 908 цеховых [1, с. 251]. Существовала церковь, дом коменданта, гауптвахта и казармы, а также 120 дворов. Первый деревянный гостинный двор, являющийся главным зданием Кяхтинского форпоста, возведённого ещё в 1728 г. позднее был заменён более обширным, но также деревянным. В 1770-х гг. были намерения заменить деревянный на каменный двор, но строительство не осуществилось и вопрос этот был поднят вновь лишь в 1828 г. Гостинный двор, в котором располагалось до 60 лавок, предназначался для массового покупателя, осуществления крупномасштабных оптовых торгово-производственных и складских операций. Торговые сделки осуществлялись ограниченным числом специальных лиц. Предполагалось, что Гостинный двор будет служить местом временного хранения товаров и подготовки их к дальнейшей транспортировке.

Но в первую очередь необходимо было начать строительство и благоустройство дорог. Большое значение для всей Сибири имел главный почтовый тракт. Решение о строительстве тракта было принято на основании Указа Сената 16 марта 1733 г. «О проведении самого длинного тракта в мире, соединившего не только европейскую часть России, но и всю Европу с Азией и Китаем». Главный сибирский тракт заканчивался в Иркутске. Установление более совершенного сообщения с Забайкальем было жизненно важно для развития

края. Летом и зимой связь осуществлялась через оз. Байкал, но осенью и весной она была крайне неустойчивой или полностью прекращалась.

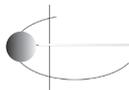
В 1743 г. по указу Сената «Об установлении торговых отношений с Китаем» был построен первый галиот¹ [3, с. 186]. Тем не менее, судоходство также не гарантировало безопасного сообщения по озеру. В 1781 г. в правительстве обсуждался вопрос о прокладке новых путей вокруг Байкала. На протяжении 1780–90-х гг. велись поиски более удобной трассы. Путь был выбран в обход западной оконечности озера по местности Култук. В 1796 г. издается указ: «Об устройении ближайшей и удобнейшей дороги от Иркутска до Кяхты». В следующем 1797 г. доклад сената «Об устройении от Иркутска до Кяхты дороги вокруг Байкала» высочайше утверждается. Строительство началось в этом же году. Для этих целей выделялось до 22 тыс. р. в год. На строительстве тракта работало до 200 ссыльных.

Уже в конце 1801 г. по новой дороге прошли первые обозы. За сохранение тракта отвечали крестьяне близлежащих сёл. Необходимый ремонт тракта спешили сделать до начала пахоты. Ранней весной ремонтировали или строили новые мосты, копали и подвозили грунт для засыпки колдобин. Заболоченные участки укладывали хворостом, на него кидали землю и в несколько пластов.

В 1803 г. Сенатом принимается Постановление «О лучшем, удобнейшем устройении сухопутной дороги вокруг Байкала». Началом этой дороги была использована уже существующая – от Иркутска до Култука, а далее предстояло построить участок от селения Култукского до Посольского монастыря протяженностью 211 верст. Дорога прокладывалась в основном берегом озера. Когда приходилось преодолевать скальные прижимы, она поворачивала в распадки, а затем склонами поднималась наверх, огибая горные выступы, а затем снова спускалась к берегу. Одновременно с дорогой строились помещения 12 почтовых станций.

Таким образом, возникли две главные дороги. Одна с переездом через Байкал, а другая сухопутная, в обход озера. Первая была открыта с якутского тракта, а именно к устью р. Бугульдеихи и от неё через Байкал к устью Селенги. При устьях рек Бугульдеихи и Селенги были учреждены пристани; на последней – Чертовкиной переезд был наиболее удобен. Дорога же через горы от якутского тракта была очень затруднительна и в летнее время не использовалась. Впоследствии по этому направлению (с конца декабря, когда лёд

¹ Галиот – тип парусного судна преимущественно для прибрежного плавания. Галиоты всех типов имели корпус голландского типа – плоскодонный почти коробообразный в плане со скругленными носовой и кормовой оконечностями. См.: Морской энциклопедический словарь. Л.: Судостроение, 1991. С. 285.

для переезда через Байкал укреплялся) провозились только купеческие товары.

С открытием Лиственничного рейда плавание на транспортных судах через Байкал началось от истока Ангары и до Посольского монастыря [20, с. 110]. Но этот путь через открытое озеро длиной в 110 верст был не безопасным. От с. Посольское начиналась дорога в Забайкальский край. Она следовала по левому берегу Селенги до Верхнеудинска. Здесь дорога делилась на две главные ветви: одна шла к югу на Селенгинск и далее на Кяхту, а другая на Читу к Нерчинску и Нерчинскому Заводу. Вторая, нагорная дорога пролегла от Иркутска по самому дальнему обводу, около западной оконечности Байкала, по руслу р. Иркут, отклоняясь от неё на зимовье Култук, до которого 99 верст, а от последнего через селение Торское на Тункинскую крепость. Далее через караулы вдоль китайской границы, через крепости Харацайскую («Черный чай») и на Троицкосавскую, а от неё 3,5 версты до Кяхты. Особенностью данного направления было то, что многие из крепостей например, Тункинская и Кударинская, возникли гораздо ранее, чем некоторые остроги или селения.

По описанию 1783 г. старой «кругоморской» дороги землемера Беляева между Ключевским караулом и Троицкосавской крепостью имелось 118 переправ. Но, несмотря на трудности переезда по нагорной дороге и опасности плавания по Байкалу, первой отдавали большее предпочтение.

Со строительством дорог необходимо было решать вопрос с заселением этого края, население которого оставалось крайне малочисленным. 17 октября 1799 г. именным указом Павла I было «повелено заселить южную часть Восточной Сибири, прилегающую к границам Китайским, между Байкалом, Ангарой, Нерчинском и Кяхтой, с предоставлением различных выгод желающим поселиться». Интересны подробности этого заселения. Прежде всего, цель этого мероприятия была весьма неоднозначна. Предполагалось не только распространить в Забайкалье земледелие, но, благодаря развитию местного скотоводства, для усиления кяхтинской торговли построить суконные и юфтевые фабрики. На первое время

предполагалось поселить 10 тыс. чел., в состав которых должны были войти отставные солдаты – по собственному желанию; преступники, присуждаемые к ссылке, но не каторжане и помещичьи люди, отдаваемые в зачёт за рекрут. На поселение должны были определяться люди здоровые и сильные, не старше 45 лет. На местах, определённых для жительства, следовало отвести по 30 десятин на каждого человека. Помещики при отдаче людей обязаны были снабжать их годовым жалованьем, провиантом и одеждой. За счёт казны предписывалось построить дома, создать запас хлеба на полтора года, заготовить сельскохозяйственные и прочие орудия, скот и семена. Кроме того, поселенцы освобождались от податей на 10 лет. На первоначальное заселение из казны было потрачено 981 56 р. 22 к. [19, с. 211].

Таким образом, на протяжении XVIII в. Кяхта играла важную роль в развитии как внутренней так и внешней торговли России, а также распространении ремесла. Торговля с Китаем определяла и стимулировала развитие многих отраслей сибирской экономики, особенно в Восточной Сибири: пушного промысла, скотоводства, земледелия, кожевенной мануфактурной промышленности. Последняя кроме продукции на продажу давала кожу для обшивки ящиков с китайским чаем.

Возникновение кяхтинского торгового центра было тесно связано с русско-китайскими отношениями. Кяхтинская торговля была четко определена политикой государства на законодательной основе. С 1772 г. Кяхта стала единственным пунктом, через который осуществлялась легальная русско-китайская торговля. Либерализация условий частной торговли пушниной, позволила купцам перевести свои торговые операции с мехами из контрабанды в русло легального обмена, что в итоге дало значительный импульс кяхтинской торговле. Её обороты к концу XVIII в. увеличились в сравнении с серединой столетия с 1,4 до 8,4 млн. р., т. е. в шесть раз.

Позднее капиталы, вырученные от торговли в Кяхте, начинают вкладываться в добычу золота, в развитие пароходства, промышленность и благотворительность.

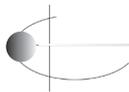
Список литературы

1. Городские поселения в Российской империи: в 7 т. СПб.: тип. товарищества «Общественная Польза» и тип. К. Вульфа. 1861. Т. II. С. 251.
2. Журнал Главного управления путей сообщения и публичных зданий. СПб., 1858. Кн. 2. Март и апрель. С. 177.
3. Там же. С. 186.
4. Ковалевский Е. П. Путешествие в Китай: в 2 ч. СПб., 1853. С. 8.
5. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 46. Л. 45.
6. НАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 508. Л. 45.
7. НАРБ. Ф. 102. Оп. 1. Д. 509. Л. 10.
8. НАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 102. Л. 30.
9. НАРБ. Ф. 102. Оп. 2. Д. 506. Л. 45.

10. НАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 112. Л. 5.
11. НАРБ. Ф. 92. Оп. 2. Д. 345. Л. 20.
12. П. С. З. Т. VII. № 5286.
13. П. С. З. Т. XIV. № 10212.
14. Памятная книжка Западной Сибири. Омск: Тип. штаба округа, 1882. 406 с.
15. РГИА. Ф. 1285. Оп. 8. Д. 1220. Л. 26.
16. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут: Акционерный информ-издат концерн «Северный дом», 1993. 463 с.
17. Там же.
18. Там же.
19. Там же.
20. Энциклопедический лексикон. СПб.: тип. А. Плюшара, 1835. Т. I. С. 110.

Рукопись поступила в редакцию 28 марта 2011 г.

УДК 94(57)
ББК 63.3(2)521.2(253)

Т. В. Паликова
г. Улан-Удэ, Россия

Чита – центр Забайкальской области последней четверти XIX в. (по материалам забытого документа)

Автор представляет описание Читы конца 1880 – начала 1890-х гг., написанное спустя полвека по гимназическим воспоминаниям. В статье анализируется образ города, запечатлённый в памяти очевидца, в сравнении с другими городами региона; приводятся некоторые неупомянутые, но имевшие место в данный период детали его жизни, делается вывод о закономерности подобного восприятия молодого города, ещё не обладающего достаточным экономическим и культурным потенциалом и традициями.

Ключевые слова: воспоминания, Чита, образ города, экономическое и культурное развитие, благоустройство.

T. V. Palikova
Ulan-Ude, Russia

Chita – Center of Zabaikalian Region in the Last Quarter of the 19th Century (based on the Forgotten Document)

The author presents a description of Chita in late 1880's – early 1890's, written half a century later and based on the gymnasium memories. The article analyzes the town, embodied in the memory of a witness, and compares it with other towns of the region. Some unmentioned details of its life are given as they took place in that period. The regularities of such perception of a new town, yet with insufficient economic and cultural potential and traditions are revealed in the article.

Keywords: memories, Chita, town image, economic and cultural development, improvement.

Чита – место резиденции военного губернатора Забайкальской области – не единожды была предметом внимания современников. Известны описания и воспоминания П. А. Кропоткина, А. А. Попова, В. Г. Вейденбаума, И. С. Тяжелова, Э. Циммермана. Облик Читы воспроизводили путеводители по железной дороге и официальные издания [4; 11; 13; 14; 15; 17; 18]. Этот перечень будет неполон, если в общий ряд не ввести еще одного автора-очевидца – М. В. Танского (1869–1862), оставившего для потомков значительное рукописное наследие по истории и культуре Забайкалья досоветского времени¹.

Хранящиеся в НАРБе записки «Чита в конце 80-х гг. девятнадцатого века (1887–1891), очерк (по гимназическим воспоминаниям)» [6] представляют собой ученическую тетрадку с машинописным текстом, превращенную в книжку с иллюстрациями (почтовые открытки с видами Читы) и адресо-

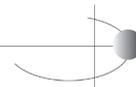
ванную Читинскому краеведческому музею. Воспоминания дают возможность представить облик Читы последней четверти XIX в.

Проделав путь, занявший двое с половиной суток, мемуарист «подъезжал с законным любопытством к неизвестному, новому городу, где предстояло прожить несколько лет. С каждой верстой от последней станции [Черновской – Т. П.] нетерпение нарастало».

Какой же увидел юноша Читы? «Вот потянулось обширное великолепное озеро Кенон, вот свернули... вправо, поднялись на невысокое предгорье, и перед глазами предстала вся панорама Читы. В глубокой широкой котловине, среди зеленых гор, словно бархатом затянутых, раскинулся и растянулся больше в длину город, невзрачный, серенький, чрезвычайно в серости своей однообразный, без всяких более или менее ярких точек, чем-либо выдающихся, которые приковали бы внимание. Спустившись с предгорья, миновали... отдельно разбросанные убогие домишки..., переехали через деревянный мост небольшую речку Читы и оказались в самом центре города».

«Нерадостное первое впечатление... от общего... вида города» подчеркивается цветом («серенький», «серость») усиливается в сравнении с зеленью гор), уменьшительными суффиксами («убогие домишки», «без заборов домишки»,

¹ Танский Михаил Владимирович (1869–1962) родился 8 ноября в селе Сухобузиме Енисейской губернии в семье акцизного чиновника. Потомок украинского писателя Танского (XVIII в.) и Н. В. Гоголя (по отцовской линии). В 1870 г. семья переехала в Верхнеудинск. В 1879 г. М. В. Танский поступил в Иркутскую, в 1887 г. – перевелся в 6 класс только что открытой Читинской мужской гимназии. В 1891 г. поступил в Казанский университет, где обучался сначала на естественном, а затем на медицинском факультетах, закончил докторантуру при университетской клинике. В 1905 г. вернулся в Верхнеудинск.

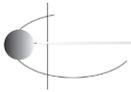
«Дома и домишки», «в небольшом домишке»), частотой их повторения. Город неслучайно «серый» (цвет старого дерева и качество: невзрачный, однообразный, «впечатление – убогой серости»): «Выглядела Чита больше деревней, каменных домов раз, два..., вся она была деревянной. Дома и домишки, разделённые бесконечными заборами, ютились по трем длинным улицам, протянувшимся параллельно реке Чите, впадавшей неподалеку, за чертой города в Ингоду. Даже две церкви и те были деревянные...». Кстати сказать, впечатление от города М. Танского мало чем отличается от того, какое составил о Чите Преосвященный Мелетий, епископ Селенгинский, во время своей миссионерской поездки в 1879 г.: «Вид местности, занимаемой городом, довольно великолепен, но сам город далеко не живописен. Будучи построен на глубоких песках..., с множеством покосившихся избушек, торчащих в беспорядке, он возбуждает в посетителе очень невыгодное впечатление». Разделяет эти два «восприятия» почти десять лет. И в 1891 г., когда были опубликованы заметки Мелетия, город создавал прежнее впечатление: «В настоящее время Чита обстроилась довольно прилично; есть и каменные дома; одно, что придаёт Чите вид деревни, это то, что в ней нет ни одного каменного храма; даже собор доселе остается деревянным» [9].

«Малость» города передаётся через сопоставление двух величин: обширность Кенона и небольшая речка Чита; значительная протяжённость озера и малая – улиц с уютными домами. Конечно, М. В. Танский невольно сравнивал город, в котором ему предстояло жить и учиться, с Иркутском и Верхнеудинском. А сравнивать было с чем. Губернский Иркутск по праву считался одним из лучших городов Сибири. Верхнеудинск хотя и не мог похвастаться широтой инфраструктуры, имел вполне respectable вид, соответствующий его положению в Забайкалье: архитектура центра подчёркивала торговый характер поселения, а специфика ордерной системы исключала визуальное однообразие. Однако за пределами центра по улицам тянулись «одноэтажные в три, пять окон домики, разделённые на почтительные расстояния один от другого заборами, все со ставнями, наглухо закрывавшимися на ночь на болты» [7, л. 2 об]. Не исключением в этом смысле были и другие города Сибири даже в начале XX в. [11]. Видимо, внешний вид жилых строений Верхнеудинска, на взгляд автора, был более привлекателен (ср.: «домики» в Верхнеудинске и «домишки» в Чите).

О благоустройстве города читаем: «ноги тоннули в сыпучих песках (тротуары отсутствовали)... за исключением Амурской и Большой улиц, остальные как будто и названий не имели... Город прорезывал довольно глубокий овраг, совершенно

не благоустроенный. На Амурской и Большой улицах были перекинута через него мосты... Полное отсутствие зелени... еще более способствовало унылому виду города – нигде ни одного общественного садика, ни одного цветничка. Только и ласкали глаз красивые зеленые горы». Справедливости ради заметим, что многие сибирские города не отличались уличным благоустройством. Между тем, авторы «Экономического состояния городских поселений», несмотря на утверждение «пыль поднимается здесь при малейшем ветре», считали, что «так как город построен на твердом песчаном грунте, проезд по его улицам довольно удобен и без мостовых» [20]; а 20 лет спустя А. И. Попов найдет в этом обстоятельстве положительное свойство: «Природа (песок, воздух, солнце) хранит город от эпидемий» [17, с. 160]. Да и родной город автора страдал от пыльных бурь; правда, в 1880-х гг. здесь 10 из 15 улиц имели тротуары. И «садики» были: ещё в 1850-х гг. на Атамановской площади Читы возле дома наказного атамана разбили одноимённый сад, а в конце 1870-х гг. в Верхнеудинске на Базарной площади высадили деревья в «Александровском» саду. В Чите, как и в других городах области, «уличного освещения – фонарей не существовало, но и в самые тёмные ночи по безлюдным улицам города можно было ходить безопасно – грабежей и убийств не бывало, не процветало и воровство». Единственным освещённым местом в это время в Чите был мост через р. Кайдаловка [17, с. 160].

«Промышленность в городе отсутствовала, рабочий класс как таковой, не существовал; имелся примитивно устроенный пивоваренный завод Першина, за рекою Читой... кое-какие скромные магазины, ни колбасной, ни кондитерской, ни булочной... Имелся... базар, но с продовольствием... в Чите дело обстояло много слабее, чем, например, в Верхнеудинске, где в окружности было густое сельское население, по соседству жили семейские с их крепкими хозяйствами, которые являлись, пожалуй, главными кормильцами города, а Селенга и близкий Байкал давали в изобилии разнообразную... рыбу. Не так обстояло дело в Чите. Деревень и сёл вокруг города было мало, больше с казачьим населением, которое и само существовало бедновато и... рыбными богатствами не славилось». Добавим, что в Чите была установлена ярмарка, имевшая местное значение, однако в отчетах городского управления можно было встретить замечания о том, что «в это время торговля производится обыкновенным порядком, а ярмарки вовсе не заметно» или «на ярмарку мануфактурных изделий из других городов привозимо не было, а продавались... обыкновенные окружные припасы, доставляемые окрестными жителями» [2].

Промышленное развитие города было действительно слабым. Так, в 1884 г. на 5559 жителей приходилось всего 9 промышленных заведений с 35 рабочими. Анализируя развитие фабрично-заводской промышленности области, военный губернатор М. П. Хорошкин констатировал: «Окружная промышленность превысила городскую в 28 раз» (1889). Это положение сохранялось и в последующие годы. Предприятия обрабатывающей промышленности, а они преобладали в структуре промышленного комплекса области, предпочтительнее размещать вблизи источника сырья, поэтому заводчики и фабриканты разворачивали производство в сельской местности, тем самым способствуя развитию округа. В городах же доминировали небольшие производства кустарного типа, на которых работал чаще всего сам хозяин и 1–3 наёмных работника. Ещё в 1910 г., по данным Забайкальского областного статистического комитета, в Чите действовали 34 промышленных заведения с оборотом в 508 720 р. и 263 рабочими [3].

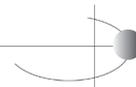
В воспоминаниях уделено внимание культурному развитию Читы. В городе «имелась частная библиотека купца Немерова. Надо сказать весьма приличная. Выписывались различные журналы и газеты, да и выбор книг был достаточно обширный», их могли читать и гимназисты. Частная библиотека купца М. М. Немерова для посещения публики открылась в 1871 г. В начале 1880-х гг. владелец пожелал передать ее в безвозмездное пользование при условии устройства бесплатной читальни. Город не обладал достаточными средствами и не принял дар. История читинских библиотек восходит к началу 1860-х гг., когда на частные пожертвования была открыта библиотека при Общественном собрании. В 1880-х гг. «Подписчик» информировал читателей «Сибири» о том, что в библиотеке «выбор книг... довольно бедный, ...набита она переводными романами издания Ахматова и Львовой и очень немногими романами русских писателей; о книгах же серьезного содержания нечего и говорить; их почти в ней нет». Между библиотеками существовала негласная конкуренция. Выдача свежих номеров изданий в городской библиотеке затягивалась (периодика попадала к читателю, «когда в частной библиотеке... поступает уже следующий номер»), она теряла клиентов, несмотря на месячную плату в 60 к. Материально обеспеченные читатели предпочитали платить один рубль за чтение в библиотеке Немерова [10].

«Ближе всего и роднее для меня была гимназия...», – пишет М. В. Танский и более подробно освещает гимназическую жизнь. История создания Читинской мужской гимназии общеизвестна, нет необходимости повторять её ещё раз.

Ко времени её открытия в городе, нуждающемся в образованных кадрах, работало приходское училище, детский приют, средние специальные учебные заведения. Судя по месту расположения школ, образованию уделялось приоритетное значение: на Атамановской площади «находился дом губернатора, ...здания областного правления, офицерского собрания, городского училища и пожарной команды с каланчою. На Большой улице в двухэтажном деревянном доме помещалась мужская гимназия и рядом с нею в одноэтажном, довольно обширном здании женская шестиклассная прогимназия. На той же улице, тоже в двухэтажном доме помещался гимназический пансион учеников на 30».

Правда, здание гимназии было «не приспособленным к своему назначению и с открытием каждый год нового класса становилось всё теснее и теснее. Никаких подсобных к учебе кабинетов не существовало». Гимназию возглавлял К. Ф. Бирман, «с ног до головы немец, высокого роста, дородной комплекции, вежливый и справедливый, ...важничавший и далёкий от ученической массы. Его уважали, но особенной любви не питали. Учительский персонал был почти весь молодой..., но всё же между учительскою средою и ученическою... не только не существовало дружеского контакта, но это были два враждебных лагеря». По штатному расписанию в гимназии служили 16 человек (1889). «Классы по количеству учеников были небольшие, ... 25–30 человек. В нашем пятом – числилось 11 учеников, к восьмому дошло 7, аттестат зрелости получили шесть». Плата за обучение для проживающих в пансионе составляла 330 р., для «приходящих» – 40 р. в год, при этом 10 % гимназистов по представлению свидетельств о несостоятельности родителей, так же, как и дети служащих в ведомстве народного просвещения, освобождались от платы за обучение.

Гимназисты-пансионеры «жили в пансионе затворнической жизнью под бдительным оком воспитателей», проживавшие с родителями, у родственников или на частных квартирах находились «под надзором учебного ведомства» [16]. Танский обитал «в небольшой, скромной мебелированной комнате на полном довольствии (чай, обед, ужин), а уплачивал хозяйке за всё это благоденствие 30 рублей в месяц». Хотя жизнь на частной квартире с платой за обучение была дороже, но гарантировала некоторую свободу. Некоторую, поскольку «суровый толстовский режим пытался рядить юношу в костюмчики мальчика, и хотя ... костюмчики то и дело лопались по всем швам, ... свобода юноши... стеснялась, и полноправным членом общества ему быть не полагалось».

«В гимназии существовал хороший гимназический хор, пели и в церкви», а «по праздникам... собирались в гимназии, и... парами ходили... во вторую более отдалённую церковь. Тоже бывало и при говении на 7 неделе великого поста». Свободное время занимали прогулки с друзьями по окрестностям, «да изредка забирались в существовавшую гостиницу, распить бутылку-другую пива («исключительно из духа противоречия») и побаловаться пельменями».

Зададим вслед за М. В. Танским вопрос: «Существовала ли тогда в городе общественная жизнь?» «Несомненно, существовала, но только в весьма слабых проявлениях. В городе не было... общественного клуба, и публика довольствовалась офицерским собранием, куда далеко не всякому был открыт доступ; в офицерском собрании танцевали и немало танцевали, играли в карты, ставились изредка любительские спектакли и этим скромно ограничивались. В карты играли и по частным квартирам, процветали, главным образом, винт, стуколка, преферанс». Последние были любимым времяпровождением не только читинцев, о чем свидетельствует и сам Танский в воспоминаниях о Верхнеудинске [7, л.29об], и корреспонденты сибирских газет [1; 12].

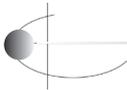
В городе, в котором не было «ни театра, никаких проезжих артистов, ни каких-либо популярных лекций, никакой просветительной работы, ни газеты... ничего, что скрашивало бы жизнь и одухотворяло её», такой досуг был вполне естественным. Ощущение безысходности будет ещё большим, если мы переставим некоторые предложения в авторском тексте: «Вообще жизнь того времени текла в Чите не хуже и не лучше, чем в любом захолустном российском городишке – затхло, сонливо,... без устремления вперед к... светлым целям и идеалам. Один день походил на другой почти с фотографической точностью», карты же давали «возможность убивать свободное время, которое иначе девать было некуда». Довершая неприглядную картину общественной жизни, Танский продолжает: «Чита была город чиновничий, живший больше двадцатым числом (получка жалованья), город военщины, подчинённой дисциплине и субординации». Это утверждение может быть понято как бездуховность существования, подчиненного материальному благополучию. А может, и иначе. Чита считалась достаточно дорогим по уровню жизни городом области. Жалованье чиновников, большинство которых принадлежало к низшим разрядам, было небольшим командированные из Центральной России многие из них имели даже служебной квартиры, снимая жильё, да и на поддержание статуса требовались достаточные средства.

Категорично заявив, что в городе в 1880-е гг. не было газеты, М. В. Танский ниже добавил: «Правда, печаталась газета "Забайкальские областные ведомости", но эта газета носила исключительно официальный, казенный характер». Несмотря на расширение в последующем программы («Неофициальный раздел», «Прибавления»), она сохраняла свой характер. Кстати, на это же указывал и Н. Н. Бурлаков, служивший в эти годы [5].

Однако согласиться полностью с характеристикой, данной городу, нельзя. Тем более что автор скорее всего не знал некоторых сторон его общественной жизни («гимназисты были, конечно, в стороне от общественной жизни») или они ему казались несущественными. Как известно, на протяжении многих лет в офицерском собрании проводились лекции на специальные и общеобразовательные темы с участием приглашённых лекторов. Не мог не знать М. В. Танский о ежегодном войсковом празднике 17 марта, отчёт о котором публиковался в официальной прессе. Не упомянуты церковные праздники и царские дни, хотя принимал в них участие. Город в это время преображался. Ещё в 1874 г. генерал-губернатор Восточной Сибири призвал жителей «обычай знаменовать высокаторжественные дни украшением домов флагами, а вечером иллюминацией», причем домовладельцы вывешивали «флаги числом сообразно величине и высоте зданий, но не менее двух на небольшой дом» [8].

Не стоит забывать о том, что Чита – один из молодых городов Забайкалья. Имея статус областного центра, ей нужно было ещё преодолеть сельский менталитет жителей, побороть их привычку к «природности», накопить культурный потенциал, да и просто грамотных людей – очень сложная задача для вчерашней деревеньки, какой она была в 1851 г. И все же за 30 лет ей удалось заложить основы дальнейшего развития, которые позволят городу сделать значительный рывок вперед к «губернскости» и по праву занять ведущее положение в области.

Заканчивая свой «беглый очерк», М. В. Танский понимал, что, возможно, он «многих не удовлетворит, в особенности в части общественной жизни старой Читы», но надеялся, что «очерк даст читателю все же некоторое представление о старой Чите, о жизни в ней». И призывал читателя «не... забывать того, что написан очерк по гимназическим воспоминаниям». Тем и ценны эти воспоминания, что написаны через восприятие юноши, имевшего свой ещё максималистский взгляд на жизнь, взрослым человеком, получившим огромный социальный опыт. Без этих воспоминаний представления современников о Чите будут неполными.

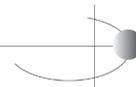
Источники

1. Восточное обозрение. 1885. № 20.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.1(о). Оп.1. Д. 992. Л.135; Д.1271. Л.210об.
3. Там же. Д.2273. Л.и11об; Ф. 19. Оп. 1. Д. 232. Л. 85.
4. ГАЗК. Ф.Р-1411. Оп.1. Д.1. Тяжелов Н. С. Прошлое Читы.
5. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 59. Л. 7.
6. НАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–7.
7. НАРБ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 6.
8. НАРБ. Ф.128. Оп.1. Д. 1703. Л. 1–2.
9. Прибавления // Иркутские Епархиальные ведомости. 1891. 23 марта. № 12.
10. Сибирь. 1882. 6 июня.

Список литературы

11. Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 290.
12. Бутакова Н. В. Досуг горожан Алтая в конце XIX в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2005. С. 177.
13. Вейденбаум В. Г. По Восточному Забайкалью // Исторический вестник. 1913. Январь. С. 205–223.
14. Долгоруков В. Д. Путеводитель по всей Сибири и Среднеазиатским владениям России. Томск, 1889. 569 с.
15. Кропоткин П. А. Дневники разных лет. М., 1992. 464 с.
16. Памятная книжка Забайкальской области на 1890 год. Чита, 1890. 135 с.
17. Попов А. А. Город Чита. Чита. 1907. 305 с.
18. Циммерман Э. По Великой Сибирской железной дороге // Вестник Европы. 1903. Кн. 2. С. 486–512.
19. Экономическое состояние городских поселений Сибири. СПб., 1882. 461 с.

Рукопись поступила в редакцию 11 марта 2011 г.

УДК 947.1/9
ББК 63.3(2Рос-4)
Г20

И. В. Гарбуз
г. Улан-Удэ, Россия

Земельные отношения в Забайкальской области во второй половине XIX века

Статья посвящена проблемам земельных отношений в Забайкальской области второй половины XIX в. Автор рассматривает особенности землепользования и землевладения на государственных землях Западного и кабинетских землях Восточного Забайкалья, проблему урегулирования земельных споров. В статье проанализированы различные виды и формы земельных владений, роль крестьянской общины – мира в поземельных отношениях.

Ключевые слова: горнозаводские крестьяне, Забайкалье, заимка, землевладение, землепользование, крестьяне, община.

I. V. Garbuz
Ulan-Ude, Russia

Land Relations in Transbaikalian Region in the Second Half of the 19th century

The article deals with land relations problems in Transbaikalian region in the second part of the 19th century. The author looks through the features of land using and property on the state lands of Western and Eastern Transbaikalia, the problem of settling land disputes. Different kinds and forms of land ownership, the role of the peasant community – a world of land relations are analyzed in the article.

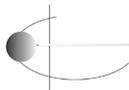
Keywords: mining and metallurgical peasants, Transbaikalia, zaimka, land ownership, land use, peasants, the community.

Одним из самых сложных, запутанных и наименее изученных аспектов аграрной истории Забайкальской области остается вопрос о природе земельных отношений. Сложность этого вопроса нашла своё отражение в историографии. Дореволюционная историография представлена работами различных направлений в исторической науке. Однако только в 1890-е гг. появляются работы, посвящённые истории и экономике региона, основанные на материалах обследования землепользования и хозяйственного быта крестьян [20].

На основе материалов комиссии статс-секретаря А. Н. Куломзина была написана работа А. А. Кауфмана «Земельные отношения и общинные порядки в Забайкалье по местному исследованию 1897 г.» [16]. Характеристику земельных отношений в Забайкалье второй половины XIX в. дает в своей работе П. Дюшен [11]. Работа Н. М. Ядринцева «Сибирь, как колония» содержит материалы по экономическому и социально-политическому развитию региона в 1870–90-х гг. В данном труде также содержатся материалы по истории землевладения в Сибири, крестьянской общины. Работы дореволюционных авторов часто носили описательный характер, не имели критического анализа, но содержали большой фактический материал.

В 1920–30-е гг. выходят работы о современном положении Забайкалья, в которых затрагиваются вопросы землеустройства, классового расчленения крестьянства второй половины XIX в. [17]. Во второй половине XX в. выходит ряд трудов, в которых затрагивались проблемы землепользования и землевладения в Забайкальской области: «История Бурят-Монгольской АССР», «История Сибири» и «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» [14]. Но так как это были не специальные исследования истории забайкальского крестьянства, то здесь не даётся полной характеристики особенностей земледельческого освоения края. В 1960–80-е гг. выходит ряд работ, рассматривающих своеобразие форм земельной собственности, земельных отношений в Забайкалье, степень развития капитализма в деревне, образование и развитие торгового земледелия [3]. Значительный вклад в изучение истории края, взаимоотношений царского правительства с коренными жителями, аграрной политики самодержавия, а также вопросов местного самоуправления внесли работы А. Т. Топчеге, Л. М. Дамешека [10].

Важнейшим монографическим трудом по изучению кабинетского землевладения в Нерчинском округе является монография Г. Б. Жидкова [13]. Автор на основе богатого фактического материала отметил большую пестроту форм землев-

ладения в Восточном Забайкалье, чем на Алтае. В работе автор приходит к выводу, что кабинетское землевладение препятствовало крестьянской колонизации Забайкалья. Истории развития земледелия у бурят посвящены диссертации Б. Б. Зандараева, И. Б. Батуевой [5].

Забайкальское казачество также во многом зависело от решения земельной проблемы. Изучению данного вопроса посвятили свои работы В. С. Левашев, А. С. Зуев, О. И. Сергеев, Л. В. Машанова [18].

В 1990-е гг. вышли «Очерки аграрной истории Бурятии», в которых Л. А. Зайцева, Ч. Г. Андреев рассматривают земельную политику царизма, до-революционное землеустройство, анализируют экономическое и социальное развитие деревни [1]. В конце XX в. были защищены кандидатские диссертации, касающиеся отдельных вопросов истории забайкальского крестьянства. Вопросы землепользования русского крестьянского населения Забайкалья рассматривает Ч. Г. Андреев, Ю. Б. Санданов, П. В. Пыкин [2]. На современном этапе проблемам землевладения и землепользования в Забайкалье посвящены работы А. Н. Жеравиной, И. В. Матвеева, Д. Я. Резуна, М. В. Шиловского [12].

Историографический анализ показывает, что тема земельных отношений в Западном и Восточном Забайкалье во второй половине XIX в. нашла свое отражение в научных исследованиях историков. Однако нет работ, изучающих проблему землевладения и землепользования в Забайкальской области в целом.

В сельскохозяйственном производстве земля выполняет две важные функции – как предмет труда, на который воздействует человек в процессе труда, и как орудие труда, при помощи которого человек возделывает растения. Она – активный фактор производства, участвующий непосредственно в образовании сельскохозяйственных продуктов. Сельское хозяйство в пореформенной России продолжало оставаться доминирующей частью экономики, а аграрный вопрос являлся главнейшим в социально-экономической и политической жизни страны.

Собственником земель Западного Забайкалья являлось государство (30,4 млн десятин). Благодаря отсутствию помещичьего землевладения крестьяне были лучше обеспечены землёй, чем в европейской России. Это создавало возможность для более свободного хозяйственного развития. Так, в среднем на одну душу мужского пола в Забайкальской области в конце XIX в. приходилось 16,6 десятин, которые слагались из усадебных мест, пашен, сенокосов, выгонов, и лесов, в то время как в европейской России в 1905 г. на один двор в среднем приходилось у бывших государ-

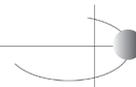
ственных крестьян по 12,5 десятин всей удобной земли [4, с. 91]. Земли Восточного Забайкалья, а это около 24 млн десятин, были подвластны Кабинету Его Императорского Величества. Земли Нерчинского горного округа с 1747 г. принадлежали дому Романовых [13, с. 61].

Будучи юридическим собственником забайкальских земель, казна не пользовалась этими землями как объектом хозяйственной деятельности, ограничиваясь взиманием оброчной подати. Кабинет тоже не пользовался землей для организации собственного хозяйства, а получал земельную ренту в виде оброка с бывших приписных крестьян и мастеровых. Несмотря на то, что юридическое понятие «собственность» включает в себя право пользования, владения и распоряжения, казна и Кабинет использовали только право распоряжения. Фактически же забайкальские крестьяне и казаки не только пользовались и владели землёй, но и распоряжались ею. Такое положение способствовало формированию многообразия земельных отношений.

Со времен первых земледельцев в крае государство через воеводские хозяйства регулировало землепользование в Забайкалье. Но с отменой во второй половине XVIII в. таких хозяйств регулирование земельных отношений переходит к крестьянской общине – миру. С этого момента формируется вольнозахватная форма землепользования [21, л. 94]. Захват был общим для всех разрядов населения. Захватное землепользование по содержанию ничем не отличалась от собственности. Лицо, захватившее известный участок земли, «не только пользуется им без срока, не только может завещать его или уступать на время кому пожелает, но даже вправе осуществить фактически самый высший элемент права на собственность – никого, не спрашивая отчуждать свою землю кому угодно» [16, с. 95].

Одной из форм захватного землепользования была заимка, представлявшая типичную при многоземелье форму свободного расселения. Так как крестьянин чаще всего использовал экстенсивные методы ведения хозяйства, то он всё чаще выбирал земли, удалённые от селений. Такая обработка полей становилась всё обременительней, и крестьянин возводил дом и постройки, которые окружались поскотиной. Заимку могла образовать не только одна семья, но и целая группа семей. В Забайкалье заимки – это жильё на пашне, куда владелец переезжал временно, на период летних работ. При этом крестьянин не терял своей связи с селением, где оставалось его постоянное место жительства.

В 1880–90-е гг., когда в Западном Забайкалье характерным становится малоземелье и земельное утеснение, крестьяне возводили заимки пре-

имущественно на оброчной казённой земле, и эти заимки особой самостоятельности приобрести не могли. Для того чтобы устроить заимку, крестьянин вступал в договорные отношения, которые исключали возможность отчуждать эти земли.

Но захват пашен продолжался и в 1890-е гг. в Восточном Забайкалье и размер его не ограничивался. При захватной форме землепользования права на земельные угодья определялись фактом расчистки земли из-под леса, её распашки. Заимки могли продаваться внутри мира, передаваться по наследству. Имели разные размеры. Величина их зависела от возможностей крестьянской семьи. «Всякий мог облюбовать в понравившемся ему месте участок для поселения, пашни и пользоваться им исходя из своих хозяйственных соображений. Площадь заимок могла составлять несколько десятин земли, а некоторых одну-две сотни десятин» [19, с. 294]. Заимочники по своему социальному положению также были разными и принадлежали к разным социальным группам деревни. Однако зажиточный крестьянин, имевший десятки лошадей и деньги на наемных работников, мог ежегодно расширять своё землепользование путём новых расчисток, вводить в хозяйственную эксплуатацию новые земельные массивы. Бедный крестьянин не имел такой возможности.

Одни заимки устраивались на период летних работ, поэтому носили вспомогательный характер. Но были и такие заимки, которые становились началом новых поселений. Некоторые крестьяне возводили избы и постройки, поднимали целину, заводили хозяйство и постепенно переезжали на новое место. За ними следовали другие. Постепенно заимки обрастали всё новыми и новыми соседями, образуя новую крестьянскую общину.

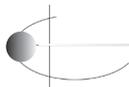
Расчищенные из-под леса земли не состояли в ведении общины, а находились в индивидуальном пользовании и могли передаваться по наследству. Заимочник являлся полным собственником захватных земель: он мог их продать, сдать в аренду, заложить, т. е. распоряжался этими землями как юридический собственник.

Захват способствовал концентрации земли у отдельных семейств, создавая тем самым неравенство в некогда единой среде крестьянства. Для дальнейшего расслоения крестьянства необходимо было перерастание захватно-заимочного землепользования в подворно-индивидуальное землевладение, но для этого необходимо было передать крестьянам в собственность земли, которые находились в их пользовании. Однако этот путь был неприемлем для государства, которое в течение столетий насаждало и поддерживало общинные порядки в России и не могло допустить

уничтожения государственной монополии на землю.

Постоянный рост крестьянского населения в Западном Забайкалье привёл к ситуации, в которой при наличии огромных земельных пространств наблюдалась нехватка сельскохозяйственных угодий. Оказывается такое возможно, ведь в Забайкалье ценилась не просто земля, а земля, в которую вложен крестьянский труд. Земельное «утеснение» в Западном Забайкалье привело к сокращению захватной формы землепользования, росту влияния мира. Это проявлялось в дозволении или недозволении пользоваться землёй в районе, тяготеющему к данному селению, лицам посторонним, не принадлежащим к коренному крестьянскому населению деревни и сельскому обществу. Если же в отдельных многоземельных селениях они и допускались к пользованию угодьями, то за отбывание податного тягла.

Первоначально мир не вмешивался в земельные отношения своих членов, но когда население становилось многолюднее, всё чаще возникала борьба за угодья не только между домохозяевами одного поселка, но и между жителями разных селений. Это особенно заметно в 1880–90 гг., когда нет прежнего простора в землепользовании. Правительственные органы после ликвидации воеводческих хозяйств в Сибири вплоть до начала XX в. мало вмешивались в земельные отношения крестьянских общин и большей частью представляли им самим устанавливать как границы, так и формы землепользования. Постепенно между селениями устанавливались границы. Теперь границы захвата ограничивались пределами границ каждой деревни [19, с. 289]. Прежняя форма захвата, когда каждый руководствовался только личными соображениями и желаниями, подвергается регулированию со стороны мира. Общине принадлежали права регулирования земельных отношений внутри общества. По признанию правительства, право пользования и право владения землёй принадлежало в забайкальской деревне общине, а право распоряжения землёй – казне и Кабинету. Только с согласия общества крестьянин имел право приписаться к обществу и получить участок земли, оставшейся общественной собственностью, размеры которого устанавливал сельский сход. Только сход мог разрешить передачу земли другому лицу или сдачу его в аренду. Крестьянин также не мог передать надел по наследству [21, л. 64 об.]. Внутри общины устанавливались следующие хозяйственные порядки: выгоны для пастьбы скота, лесные участки во всех общинах находились в нераздельном мирском пользовании; пахотными, сенокосными участками пользовались на праве захвата; усадебные места, занятые домами, постройками и огородами,

состояли в подворно-наследственном владении отдельных домохозяев.

В этот период в Восточном Забайкалье формируется новая форма пользования пашнями – ограниченный захват. Разработанные на светлых, степных местах пашни остаются за их хозяином, пока он их обрабатывает и три года спустя после того, как он их бросает в залежь. «Владение пашней начинается тогда, когда хозяин приступил к её начальной обработке, и истекает с истечением срока залежности. Такая земля переходит во владение общины, которая распределяет её между своими членами» [6, с. 80]. Срок для потери права заимочного пользования не одинаков – 40, 10 и 3 года. В Читинском округе трехлетний срок основывался на мнении, что пашня может отдыхать только три года и что каждая способная земля не должна лежать втуне. Расчищенные из-под леса пашни находятся в чисто захватном пользовании и передаются по наследству. Владение такой пашней прекращается со смертью последнего наследника. В Западном Забайкалье во второй половине XIX в. было всего четыре селения, в которых практиковался ограниченный захват.

Ближайшие к деревне пахотные земли были разделены по душам, срок их передела не был ограничен, в результате эти наделы переходили по наследству без какого-либо вмешательства мира. Пашни оставались без передела между двумя ревизиями.

Когда стало ощутимо малоземелье, заимочные земли пускались в уравнительный передел. Право владения всеми землями, каковыми бы они ни были: озера, реки, луга, болота, леса, пашни – принадлежало общине. Но при этом отношение общины к разным угодьям было неодинаково. Земельные владения крестьян складывались из усадьбы, огорода, пашни, сенокоса, выгона, леса [7, л. 5]. Наиболее распространённой формой пользования усадебными местами был ограниченный захват. Пашни и усадебные места не знали переделов, а владение сенокосными угодьями строго регулировалось общиной. Почти во всех крестьянских селениях Забайкалья сенокосы подвергались переделам. Объясняется это тем, что обработка этих угодий не требовала таких больших усилий и затрат, как обработка пашни. Там же, где

сенокосы удобрялись, они не переделывались. Сенокосные угодья обычно не подвергались полному переделу, а только частичным поравнениям. Чаще всего сенокосы делились между членами общины на один год по душам, с соблюдением равноправия. Все виды крестьянских пастбищ находились в совместном пользовании всех членов общины. Выгоны устраивались чаще всего вблизи селений. Крестьяне, члены одной общины, общими усилиями возводили городьбу, называемую «поскотинной». Уравнивалась городьба между общинниками по числу голов скота на хозяйство. Благодаря обилию лесных угодий, крестьяне пользовались ими без ограничений.

«Пестрота и запутанность в земельных отношениях крестьян Забайкалья складывалась из-за отсутствия чётких границ между наделами каждого домохозяина и общины в целом» [22, л. 329]. Часто возникавшие споры между селениями за угодья были следствием неразмежеванности земель. Не существовало и какого-либо закона о поземельном устройстве крестьян Забайкалья. При возникновении споров администрация Забайкалья руководствовалась некоторыми положениями о государственных крестьянах России. Так, на крестьян края распространялась ст. 12 Положения о государственных крестьянах, где указывалось, что государственные крестьяне до окончательного их поземельного устройства пользуются отведенными им землями [21, л. 65].

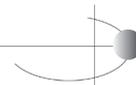
Отсутствие четких границ между наделами часто приводило пользователей земель к спорам и недовольствам. Крестьяне и казаки вытесняли бурят с привычных мест кочевков. Разрешение споров возлагалось на землемеров, которые не всегда добросовестно относились к своим обязанностям. Много прошений поступало землемерам от крестьян о наделении их землей.

Уже отмечалось, что в среднем в области на наличную крестьянскую душу удобной земли приходилось 16,6 дес. При этом наблюдается резкое колебание размеров землепользования в различных округах и волостях. Даже в отдельных волостях одного округа была существенная разница в размере наделов крестьян. Неравномерность в распределении крестьянских наделов показывает табл. 1.

Таблица 1

Количество крестьянских наделов в хозяйствах Забайкалья в 1884 г. (десятины) [22, л. 331, 332]

<i>Западное Забайкалье</i>			<i>Восточное Забайкалье</i>
<i>Барузинский округ</i>	<i>Верхнеудинский округ</i>	<i>Селенгинский округ</i>	<i>Читинский округ</i>
<i>Волость</i>			
Читканская – 15,2	Нижне-Нарымская – 7,9	Кударинская – 9,1	Удинская – 16,3
Горячинское отдельное общество – 8,9	Бичурская – 9,2	Посольская – 26,4	Николаевская – 17,0
	Мухоршибирская – 8,3		Татауровская – 19,6
	Кульская – 21		Тыргитуйская – 31,7
	Ключевская – 21		Оловская – 32,8

Между отдельными селениями Западного и Восточного Забайкалья существовало ещё большее различие в размерах крестьянских наделов. В западной части области во второй половине XIX в. в Селенгинском и Верхнеудинском округах, местностях наиболее развитого земледелия, складывается малоземелье. А в Восточном Забайкалье, где большинство земель не обрабатывалось, ощущался земельный простор. Поэтому

и количество земель, находившихся во владении крестьян, было различным.

Отмечая относительный земельный простор в крае, нельзя забывать о том, что крестьяне пользовались наделами намного меньше законом положенных 15 десятин. Данные о количестве удобных и неудобных земель в Верхнеудинском и Селенгинском округах содержит табл. 2.

Таблица 2

Количество удобных и неудобных земель в хозяйствах Верхнеудинского и Селенгинского округов Забайкальской области в 1857 г. (десятины) [8, л. 6–26]

<i>Волость</i>	<i>Число дворов</i>	<i>Число душ м. п.</i>	<i>Кол-во всей земли</i>	<i>Кол-во неудобных мест</i>	<i>Кол-во удобной земли</i>	<i>Кол-во удобной земли на 1 д. м. п.</i>
Верхнеудинский округ						
Тарбагатайская (13 селений)	1857	5466	190399	145913	44486	8,37
Мухоршибирская (13 селений)	1693	4800	49089	7690,25	41399	10,57
Куналейская (29 селений)	1582	4398	90934	16876	74058	19,83
Урлукская (43 селения)	2780	7970	127593	73936	53657	8,21
Селенгинский округ						
Ильинская (40 селений)	2072	6269	366663,5	2496	34167,5	6,16
Итанцинская (22 селения)	714	1878	10704	-	10704	8,11
Кульская (16 селений)	374	999	8453	1315	7138	8,12
Иволгинская (16 селений)	365	986	9661	925	8736	12,82
Баянхосунская (19 селений)	407	1259	14964,5	10592	4372,5	4,17
Итого: 211 селений	11817	28935	534562	259743	274819	9,50

Распределение земельных угодий показывает, что у крестьян Верхнеудинского и Селенгинского округов на 1 д. м. п. наделы включали почти в равных долях как удобные, так и неудобные земли.

Рассмотрим на примере трех крестьянских обществ Тарбагатайской волости Верхнеудинского округа, размеры наделов различных сельскохозяйственных угодий.

Таблица 3

Размеры наделов в Тарбагатайской волости в 1850 г. (десятины) [9, л.52–54]

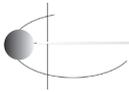
<i>Тарбагатайская волость (деревня)</i>	<i>Пашня</i>	<i>Сенокос</i>	<i>Выпуск</i>	<i>Усадьба</i>	<i>Лес</i>	<i>Итого удобных мест</i>	<i>Неудобные места</i>	<i>Число ревизских душ</i>	<i>Всего на 1 рев. д.</i>
Десятникова	1305	397	798	110	106	2716	5556	312	8,5
Бурнашева	1014	213	405	37	172	1841	3725	201	9,2
Жиримская	1238	260	560	49	189	2296	5947	235	9,8

Дача каждой из деревень состояла из усадебных мест и огородов, пашни, сенокоса, выгона, леса, удобного для сельскохозяйственных работ. Кроме этого, во владение крестьян входили лес, неудобные для хлебопашества или сенокосения земли, проселочные дороги, болота и реки.

После принятия православия некоторые «инородцы» – буряты и эвенки изменяли свой хозяйственный уклад. Бывшие кочевники расставались с привычным образом жизни и переходили к оседлости. По закону от 22 июля 1822 г. оседлые инородцы перечислялись в разряд государственных крестьян. Согласно этому закону оседлые буряты должны иметь с государственными крестьянами одинаковую земельную норму. Оседлые буряты наделялись землями в одних общих дачах с кочевыми одного с ними рода или получали наделы в особых дачах. Размер пашни составлял

12,2 дес. Землеустройство оседлых проводилось в целом сходно с землеустройством государственных крестьян. Но с тою лишь особенностью, что в то время как крестьянам отводятся земли только из тех пространств, которые находятся уже в пользовании русского населения или еще лежат втуне в виде пустопорожних казенных и оброчных земель, инородцы наделяются как из этих последних земель, так и из земель кочевых инородцев, из среды которых они произошли.

Наделение землей крестьян и инородцев Западной и Восточной Сибири и в составе её Забайкальской области было определено 10 ст. Устава о благоустройстве казённых селений от 1857 г. Согласно этой статье, крестьяне-старожилы наделялись участком земли в размере 15 дес. на ревизскую душу. При этом дополнительно должны были получать по 3 дес. в запас, для будущей ре-

визии, и по 3 дес. в счет будущих ссыльнопоселенцев, приписанных к обществу [23, л. 71]. Обнаруженные излишки земли в обществах должны быть отрезаны и перейти во владение государством. Однако работы по размежеванию в области так и не были проведены до конца XIX в. В 1896 г. правительство возвращается к этому вопросу. Был принят Закон о главных основаниях поземельного устройства крестьян Сибири на казенных землях. Затем в дополнение этого закона были приняты Правила 1898 г. о порядке определения земельных наделов. По этим законам крестьяне-старожилы Забайкалья имели право на получение таких же наделов, какие были установлены ранее для переселенцев, т. е. наделены по 21 дес. земли. Несмотря на то, что земельный вопрос в крае оставался одним из самых острых, межевые работы так и не были проведены. Созданное Николаем II в декабре 1896 г. в Санкт-Петербурге совещание о поземельном устройстве населения Забайкальской области под председательством тайного советника А. Н. Куломзина должно было выявить состояние земельных отношений в крае. Результатом работы этого совещания должно было стать разрешение земельных споров между жителями края, ликвидация захватного землевладения и введение наделного землепользования. Однако, несмотря на огромную работу, которую провела комиссия под руководством Куломзина, землеустроительные работы в Забайкалье так и не были завершены к 1917 г.

По-другому складывались земельные отношения на территории, принадлежащей Кабинету. Комиссия Куломзина, обследовавшая землевладение в 1890-х гг., выявила крайнюю пестроту форм землепользования. Здесь были казенные земли, земли, «дарованные» Кабинетом частным золотопромышленникам, земли забайкальских казаков и государственных крестьян, земли горнозаводских крестьян, полоса отчуждения Забайкальской железной дороги и железнодорожные лесные дачи, а также громадные территории пустующих земель и участки бесспорного кабинетского владения. Такая пестрота объясняется особенностями заселения края.

На протяжении всего XVIII в. заселение Восточного Забайкалья осуществлялось преимущественно насильственными мерами правительства. Начиная с 1708 г. следовала серия указов о поселении в Даурии крестьян различных категорий, а также ссыльных и ссыльнокаторжных для обслуживания Нерчинских сереброплавильных заводов. С 1733 г. в состав заводских крестьян было разрешено переводить ссыльных. Государственные крестьяне на территории заводского округа появились только после указа 17 октября 1799 г. о заселении Даурии. Благодаря росту государствен-

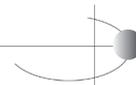
ной деревни за счёт притока новоселов удельный вес приписного крестьянства в русском земледельческом населении Восточного Забайкалья в середине XIX в. снизился до 58 %. Но оно всё же составляло основную массу и определяло характер земледельческого освоения края [13, с. 102]. В XIX в. переселение на земли Кабинета было обусловлено обязательной припиской к заводам. Не запрещая переселение формально, Кабинет своей экономической политикой фактически воздвиг заслон для крестьянской колонизации. Таким образом, земельный простор Восточного Забайкалья – результат того, что крестьяне добровольно не селились в округе, чтобы не стать приписными к заводам.

По предложению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского 21 июня 1851 г. 28992 нерчинских приписных крестьянина были переведены в казацье сословие, войдя в состав образованного Забайкальского казацкого войска.

До 1861 г. сельские обыватели мастеровых и горнорабочих при заводах, рудниках и золотых промыслах состояли в ведении горного начальства и исполняли обязательные работы, за что получали денежное вознаграждение в размере 1 р. 80 к. и пользовались заводской землёй.

Меры по землеустройству бывших приписных крестьян впервые были приняты в 1860-х гг. 8 марта 1861 г. было составлено положение, согласно которому «всему населению горных заводов ведомства Министерства финансов даровались права состояния свободных сельских обывателей» [20, с. 61]. Эти права распространились и на горнозаводских людей ведомства Кабинета Его Императорского Величества. Кабинет обратился с просьбой к генерал-губернатору Восточной Сибири о земельном устройстве горнозаводских крестьян. На что Корсаков ответил: «Горнозаводское население истари занимается хлебопашеством и скотоводством, которое, давая средства населению, даёт припасы и заводам, а потому население необходимо обеспечить земельным наделом, при этом освободить их от взыскания посаженных... денег, т. к. иначе освобождённое население будет уходить в другие места Амурской области, где существовал полный земельный надел и нет взыскания денег за лесной материал» [22, л. 20 об.]

Результатом этой переписки стало высочайше утвержденное положение от 17 декабря 1862 г., которое постановило передать население заводов в гражданское ведомство, наделив их землей за оброк на основании положения от 8 марта 1861 г. [22, л. 20] А отвод земель сверх надела зависел от заводского начальства. Затем последовало определение порядка землеустройства и общественного управления нерчинских заводских людей. Соглас-

но Положению 8 марта 1861 г. бывшие горнозаводские крестьяне наделялись различными видами сельскохозяйственных угодий. Так, усадебная земля предоставлялась каждому домохозяину в безвозмездную собственность. Каждому на неё выдавались нерчинским горным правлением владельческие акты беспошлинно. «Дома, усадебные строения, равно земли под усадьбами со всеми их принадлежностями и необходимым выгоном отдаются безвозмездно освобождённому горнозаводскому населению. Покосная земля по 1 дес. на ревизскую душу предоставлялась в пользование сельских обывателей за поземельно-оброчную плату в размере 18 к. за дес. [22, л. 20 об.].

Конечно, покос в размере 1 дес. не удовлетворял потребности хозяйства в сене. Поэтому возникают новые отношения между Кабинетом и сельским населением – аренда. Как только покос поступал в пользование владельца с ведома горного управления, то за участок платился оброк в размере 30 коп. за дес. Пахотные земли отдавались в оброчное пользование по 18 коп. за дес., но обработанные в неудобных местах пашни оставались в пожизненном и бесплатном пользовании домохозяев. Выгоны и водопой находились в общем с заводоуправлением пользовании, бесплатно. Часто крестьяне пользовались выпусками совместно с соседями-инородцами, иногда за плату или вознаграждение. «Бывают случаи, когда целая волость пользуется одним общим выгоном. Иногда общий выгон допускается только в известное время сезона, когда разгораживаются покотины (осенью) [11, с. 57].

На землях Кабинета было образовано четыре волости: Петровская, в Верхнеудинском округе Западного Забайкалья, площадью 111975 дес. и Шилкинская, Александровская, Дучарская, в Нерчинско-Заводском округе Восточного Забайкалья. Согласно т. VII, ст. 1234 Горного устава подтверждалось, что «все находящиеся на пространстве Нерчинской горной округи земли, леса, реки, озера, рудники, заводы, прииски цветных камней составляют частную собственность Государя Императора» [21, л. 144]³⁵. Вопрос о наделении освобождённого населения землёю оставался без движения до 1864 г.

В 1865 г. бывшие горнозаводские мастеровые и приписные к заводам крестьяне по проведённому межеванию получили надел, на что им вручались уставные грамоты. От горнозаводских работ

было освобождено с 1861 по 1865 гг. 7331 душа м. п. Однако надел в размере 11492 дес. получили всего 6920 чел. за оброк в 1696 р. 50 к. Из них 4572 дес. пашни и 6920 дес. покоса с уплатой оброка по 15 к. за дес. В безоброчное пользование выгонных земель оставлено населению только по 320 кв. саж. на душу. Затем крестьяне одновременно получили, согласно составленных ими приговорам, дополнительные земельные наделы из сенокосной и выгонной земли, что составило 76774 дес. или 75597 дес. [24, л. 161 об.] (данные расходятся в разных документах). Остальным 411 горнозаводским рабочим отвод земель был произведен в 1871 г. Тогда в ходе межевых работ выяснилось, что бывшие горнозаводские крестьяне пользовались 89505 дес. безоброчно, т. е. самовольно. В результате Кабинетом были произведены отрезки излишек выгонной земли сверх 320 кв.саж. Таким образом, в пользовании крестьян оставалось лишь 13908 дес., в том числе пахотной и сенокосной. Произведенные отрезки возвратили во владение Кабинета 1502 дес. [24, л. 161 об.].

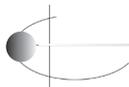
Устанавливая нищенский надел земли для горнозаводских крестьян и мастеровых, Кабинет рассчитывал заставить их работать на заводах. Но с сокращением производства на серебряноплавильных заводах значительная часть мастеровых не могла найти работы. Поэтому большинство из них были вынуждены вступать в арендные отношения с Кабинетом.

Во второй половине XIX в. Кабинет уделял мало внимания Нерчинским заводам, перекинув его на доходы от земельных наделов крестьян. Поэтому Кабинет был заинтересован в том, чтобы крестьяне имели большие наделы. Чем больше земли обрабатывалось крестьянами, тем больший доход имел бы Кабинет. «Главной и необходимой мерой к прочному и постоянному увеличению земельной доходности Кабинета является увеличение крестьянского земельного надела и повышение платы за этот надел» [24, л. 161 об.]. Поэтому крестьяне Дучарской, Шилкинской и Александровской волостей были насильно наделены Кабинетом добавочными земельными наделами не выше 15 дес. на душу м. п. Рассмотрим, каким оказалось соотношение земель, отданных в безвозмездное пользование и в дополнительный надел за плату в 30 к.

Таблица 4

Количество оплачиваемого и неоплачиваемого надела у крестьян в Александровской, Дучарской и Шилкинской волостей Нерчинско-Заводского округа. (1895 г.) [15, с.47]

<i>Пользование</i>	<i>Александровская волость</i>	<i>Шилкинская волость</i>	<i>Дучарская волость</i>
Безвозмездное	332 дес. 1280 саж.	156 дес. 1920 саж.	488 дес. 320 саж.
Дополнительный надел за плату в 30 к.	1686 дес. 1075 саж.	232 дес. 1200 саж.	9674 дес. 2310 саж.

На сумму	337 р.29,5 к.	46 руб.50 коп.	1934 р. 1 к.
Весь надел	2018 дес. 2355 саж.	3121 дес. 720 саж.	10163 дес. 230 саж.
% оплачиваемого надела	83,54	7,45	95,2

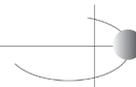
Как видно из таблицы, только для крестьян Шилкинской волости размер дополнительного надела был незначительным. Но для крестьян Александровской и Дучарской волостей процентное соотношение бесплатного выгона и оплачиваемого по 30 к. за дес. очень велик.

Политика правительства в отношении землеустройства забайкальских крестьян заключалась в попытках заменить захватное землевладение на наделное. Несмотря на все усилия казны и Каби-

нета урегулировать земельные отношения и обеспечить крестьян равными земельными наделами в Забайкальской области, правительству это так и не удалось. Путаница, существовавшая между русским, бурятским, казачьим и кабинетским населением в отношении земельных угодий не была преодолена и в начале XX в. Практически поземельное устройство так и не завершилось вплоть до 1917 г.

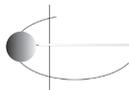
Источники и литература

1. Андреев Ч. Г., Зайцева Л. А. Очерки аграрной истории Бурятии. Улан-Удэ, 1993.
2. Андреев Ч. Г. Землеустроительная политика царизма в конце XIX – начале XX вв. (1896–1917): дис...канд. ист. наук. Иркутск, 1988. Санданов Ю. Б. Сельское хозяйство Забайкальской области в конце XIX – начале XX вв.: дис...канд. ист. наук. Иркутск, 1996. Пыкин П. В. Русская деревня Западного Забайкалья на рубеже XIX – XX вв.: население, экономика, культура: дис...канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2001.
3. Асалханов И. А. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Забайкалья в конце XIX в.: дис...канд. ист. наук. Л., 1951; Он же. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; он же. Сельское хозяйство Сибири в конце XIX – начале XX вв. Новосибирск, 1975. Малахинов П. И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962. Щагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России. М., 1974. Дулов В. И. Крестьянство Восточной Сибири в годы первой русской революции. Иркутск, 1956.
4. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963.
5. Батуева И. Б. История развития хозяйства забайкальских бурят в XIX в.: дис...докт. ист. наук. Иркутск, 2000; Зандараев Б. Б. Исторический опыт развития земледелия у бурят в XVII в. – 1917 г.: дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1993.
6. Высочайше учрежденная под председательством статс-секретаря А. Н. Куломзина комиссия для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области.: в 16 т. СПб., 1898. Т. 10.
7. Государственный Архив Читинской Области (ГАЧО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 660.
8. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 21 (таблица составлена автором).
9. ГАЧО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 4 (таблица составлена автором).
10. Дамешек Л. М. Ясачная политика царизма в Сибири (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1983; Он же. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.). Иркутск, 1986; он же. Аграрное законодательство самодержавия и история Сибири в пореформенный период (60–70-е гг. XIX в.) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX вв. Иркутск, 1984; Топчий А. Г. Крестьянские реформы в Сибири. Томск, 1979.
11. Дюшен П. Уравнительное землепользование и крестьянское хозяйство в Забайкальском крае. М., 1901.
12. Жеравина А. Н. Истоки расхождения в определении владельца кабинетного хозяйства в Сибири и социальной сущности приписанных к его заводам крестьян // Российский гуманитарный фонд и фундаментальная наука в Сибири. Улан-Удэ, 2004; она же. Кабинетское хозяйство в Сибири. Томск, 2005. Матвеев И. В. Экономическое и политическое развитие Западного Забайкалья в конце XIX – начале XX вв. (1891–1905 гг.). Улан-Удэ, 2004; он же. Формы землевладения и землепользования в Забайкалье на рубеже XIX–XX веков // Вестник Калининградского юридического института. Калининград. 2009. № 2; он же. История экономического и политического развития Байкальского региона на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Иркутской губернии и Забайкальской области с 1891 по 1917 гг.). Улан-Удэ, Калининград, 2009.
13. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
14. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1950. Т. 1. История Сибири. Т. 3. Сибирь в эпоху капитализма. 1861–1917 гг. Новосибирск, 1968; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983.
15. Казаки в Сибири. Иркутск, 1994.

16. Кауфман А. А. Земельные отношения и порядки в Забайкалье по местному обследованию. Иркутск, 1900.
17. Козьмин Н. Н. Бурятия в географическом и хозяйственном отношении. Верхнеудинск, 1924; Хаптаев П. Т. Краткий очерк истории Бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 1936.
18. Левашев В. С. К истории забайкальского казачества // Вопросы краеведения Забайкалья. Чита, 1973. Вып.1; Зуев В. С. Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII первой половины XIX вв. Новосибирск, 1994; Сергеев О. И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983; Машанова Л. В. Роль служилых людей в освоении Забайкалья // Социально-экономическое развитие Бурятии XVII – начала XX вв. Новосибирск, 1987.
19. Малахинов П. И. О двух типах аграрной эволюции в России. Улан-Удэ, 1962.
20. Разумов Н. И. Забайкалье. СПб, 1897; Головачев П. М. Бюджеты. СПб, 1898.
21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 229. Оп. 3. Д. 579.
22. РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 422.
23. РГИА. Ф. 391. Оп.1. Д. 62.
24. РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 1316. Л. 161об. Оп.27. Д. 422.

Рукопись поступила в редакцию 28 марта 2011 г.

УДК 94 (571.6)
ББК 63.3 (2) 53

М. А. Вивдыч
г. Благовещенск, Россия

Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX века

В статье рассматривается история и роль железнодорожного строительства на Дальнем Востоке в конце XIX – XX вв. Сооружение дорог показано в системе внутренней и внешней политики России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, подчеркнуто государственное начало в решении этих задач, особо показана роль С. Ю. Витте и П. А. Столыпина. Отдельно дан анализ строительства дороги по территории Китая – КВЖД, Уссурийской и Амурской железной дороги. Отмечены особенности каждой дороги, сложности строительства и эксплуатации.

Ключевые слова: железная дорога, строительство, Транссиб, Уссурийская железная дорога, КВЖД, Амурская железная дорога.

М. А. Vivdych
Blagoveshchensk, Russia

Railway Construction in the Far East in the Late 19th and in the Early Part of the 20th Centuries

The given article is dealing with the history of a railway construction in the Far East. The article focuses on the role of the Trans-Siberian main line in home and foreign policy of Russia in the late 19th and in the early part of the 20th centuries. The support from S. Vitte and P. Stolypin in the construction is underlined. The author describes the railway expansion in North-eastern China, the construction of Chinese Eastern railway, Ussuri and Amur railways. The peculiarities and difficulties of railway construction and its maintenance in the Far Eastern are investigated in the given article.

Keywords: railway construction, Trans-Siberian main line, Ussuri railway, Chinese Eastern railway, Amur railway.

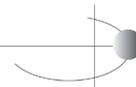
До начала 1880-х гг. обсуждение вопроса железнодорожного строительства на Дальнем Востоке не выходило за рамки «кабинетных» проектов. Но в последней четверти XIX в. транспортная политика в России претерпела серьёзные изменения. Правительство вплотную занялось реализацией проекта Транссибирской железнодорожной магистрали – беспрецедентного в мировой практике строительства железных дорог. Маршрут Транссиба стал предметом многолетней оживлённой дискуссии в периодической печати, органах власти и представителей общественности, сопровождаемая серьёзными научными исследованиями, международными договорами, привлечением огромных финансовых средств.

В феврале 1891 г. вышел Указ императора Александра III об утверждении решения Совета Министров «О строительстве сплошной линии через всю Сибирь железной дороги» от Челябинска до Владивостока [4, с. 19]. Сооружение самой протяжённой в мире магистрали было разделено на несколько больших участков, с поэтапным строительством. Трасса Транссиба за Уралом должна была состоять из семи участков железных дорог, в том числе Уссурийской (от Хабаровска до Владивостока) и Амурской (от Сретенска до Хабаровска). Строительство Амурской железной

дороги предполагалось начать после сооружения Уссурийской и Забайкальской железной дороги.

В мае 1891 г. официально началось сооружение Уссурийской железной дороги с символической церемонии закладки первого камня будущего рельсового пути цесаревичем Николаем. Строительство дороги было разделено на две очереди: Южно-Уссурийскую – от Владивостока до Графской и Северо-Уссурийскую – Графская – Хабаровск. Руководство по сооружению дороги возглавлял первоначально инженер А. И. Урсати, а затем О. П. Вяземский. Управление по постройке Уссурийской дороги находилось во Владивостоке. На строительство Уссурийской железной дороги Министерством государственных имуществ был предоставлен кредит в размере 7 000 000 р. [5, л. 183].

По предварительным подсчётам, уже к 1892 г. предполагаемая длина Южно-Уссурийской железной дороги должна была составить 381 версты. Технические условия сооружения Уссурийской железной дороги предполагали пропускную способность до трех пар поездов в сутки в составе 30 вагонов с войсками, 120 пар рабочих и 12 пар служебных поездов в год [5, л. 192]. К 1894 г. на Южно-Уссурийском участке все земляные работы, путевые и станционные постройки, телеграф

были закончены. На линию доставили весь подвижной состав. 30 ноября 1894 г. открылось временное движение на Южно-Уссурийском участке. С завершением строительства Южно-Уссурийской железной дороги началось строительство Северного участка: Графская–Хабаровск. По плану к постройке этого участка предполагалось приступить лишь в 1895 г, но строительство началось уже в 1894 г.

При сооружении Транссиба наиболее спорным оказался вопрос направления Амурского участка и целесообразности его строительства. К сбору первых рекогносцировочных сведений будущей Амурской магистрали приступили одновременно с началом строительства Южно-Уссурийской линии. К началу 1892 г. руководитель рекогносцировки – Н. В. Волошинов разработал два варианта направления линии – южное (вдоль Амура) и северное (на значительном отдалении от реки). В этом же году по инициативе министра финансов С. Ю. Витте был образован Особый комитет Сибирской железной дороги (КСЖД). Комитет наделялся значительными полномочиями, связанными с решением вопросов управления постройкой дороги, а также выбора приоритетного направления трассировки линии Транссиба. Председателем комитета был назначен наследник престола цесаревич Николай Александрович, сохранившей за собой этот пост и после вступления на престол.

По инициативе КСЖД на Амурском участке в течение 1893–1896 гг. были проведены более тщательные изыскания силами двух экспедиций под общим руководством Б. У. Савримовича. По итогам работы в 1896 г. он представил в КСЖД три варианта Амурской железной дороги: южный (вдоль берега Амура), средний (в 107 км от Амура), северный (с отклонением от Амура на 320 км).

Несмотря на положительные результаты изысканий и ускорение темпов строительства Уссурийской железной дороги, решение о начале строительства Амурской магистрали затягивалось. Во второй половине 1890-х гг. царское правительство внесло значительные коррективы в первоначальные планы Транссиба. Вместо Амурского участка, проектировавшегося исключительно по русской территории, было решено соединить часть магистрали, от Забайкалья до Приморья, Китайской Восточной железной дорогой (КВЖД) по территории Маньчжурии. При непосредственном участии С. Ю. Витте Россия получила концессию на реализацию проекта КВЖД. На основании российско-китайских договоров было организовано Общество Китайско-Восточной железной дороги, которому поручалось руководство строительством. Формально общество возгла-

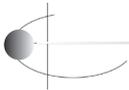
вил китайский чиновник Сюй-Цзинь-Чэн, вице-председателем стал С. И. Кербедз, а директором-распорядителем А. Н. Вентцель. Фактически общество подчинялось министру финансов С. Ю. Витте [8, с. 87].

В начале 1897 г. началось тщательное исследование предполагаемого направления линии на шести участках изыскательскими партиями под руководством инженеров А. А. Гершова, И. Л. Просинского, Ф. С. Гришмана, С. Н. Хилкова, И. И. Обломиевского, И. П. Бочарова [8, с. 89]. 18 января 1897 г. главным инженером по постройке КВЖД был утверждён Александр Иосифович Югович. Его заместителем стал Сергей Владимирович Игнациус [8, л. 25]. В результате изысканий было установлено следующее направление дороги: Маньчжурия – Нагадан – Хайлар – Цицикар – Харбин – А-Жэ-Хэ, затем до границ Уссурийского края. Дорога проходила по территории Монголии, провинциям Хэйлуньцзян и Цзинь-лун-шен [6, с. 360].

Сооружение КВЖД стало событием международного масштаба. 16 августа 1897 г. в присутствии Гиринского Цзян-Цзюня, военного губернатора Приморской области, и местных русских и китайских властей были открыты земляные работы по постройке дороги близ станции Полтавской, недалеко от границ Южно-Уссурийского края. По договору после 36 лет окончания строительства китайскому правительству предоставлялось право выкупа дороги с возмещением Обществу всех затрат с процентами. Через 80 лет дорога полностью отходила во владение Китая. Начало строительства КВЖД совпало с завершением постройки Уссурийской железной дороги, которая с 1 ноября 1897 г. была передана в регулярную эксплуатацию. Её протяженность составила 716 верст, руководителем дороги был назначен Д. Л. Хорват.

Строительство КВЖД, как и Уссурийской железной дороги, шло форсированными темпами. К 1899 г. на некоторых участках было открыто временное движение. Однако ход постройки был нарушен вспыхнувшим в Маньчжурии весной 1900 г. народным волнением китайцев, известным под названием «боксерское движение». После событий линия дороги представляла картину полного разрушения. Из 1400 км уложенных путей осталось лишь 430 км. В ноябре 1900 г. путь был восстановлен. С июля 1903 г. началась постоянная эксплуатация дороги. Управляющим дорогой был назначен бывший начальник Закаспийской железной дороги полковник (позже генерал-лейтенант) Хорват. Местопребыванием Управления стал Харбин, основанный в 1898 г.

Трудности строительства, связанные с восстановлением дороги после восстания ихэтуа-

ней, необходимость завоза в большом количестве импортного оборудования, соблюдение международных правил железнодорожного строительства привели к тому, что стоимость КВЖД значительно превзошла ожидаемую. Одна верста дороги обошлась казне в 150 тыс. р. На Уссурийском участке сумма была значительно меньше – 64 729 р. Общая стоимость КВЖД ко времени открытия движения составила 375 млн р., а к январю 1904 г. в связи с дополнительными расходами возросла до 406 млн р. Перерасход на КВЖД составил не менее 150 млн р. по всей линии [3, с. 26, 27].

В период строительства КВЖД проект Амурской железной дороги обсуждался лишь на местном уровне – в среде представителей торгово-промышленных кругов и органов местного самоуправления. О возможной постройке Амурской железной дороги заговорили в среде правящей бюрократии накануне русско-японской войны, в том числе и военный министр В. П. Куропаткин [3, с. 32].

Война России с Японией 1904–1905 гг. внесла окончательную корректировку в транспортную политику России на Дальнем Востоке. В результате поражения Россия лишалась Южной линии КВЖД от Порт-Артура до Чанчуна. Это было серьёзной потерей для России. Ведь именно на данное ответвление дороги правительство возлагало большие надежды, связанные с получением свободного доступа к незамерзающим портам Жёлтого моря и соответственно международным торговым путям.

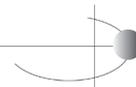
Политическое господство России в дальневосточном крае серьезно пошатнулось. С этого момента необходимость укрепления обороноспособности Дальнего Востока становится первоочередной задачей перед Российским правительством. Для этого требовалось увеличить количество постоянного населения, обеспечить возможность быстрой переброски войск с Европейской России в случае новой военной угрозы и решить множество вопросов, связанных с экономическим развитием края. В создавшейся ситуации России пришлось вернуться к проекту строительства Амурской железной дороги. Её стратегическое и экономическое значение становилось всё более очевидным.

Правительство под руководством П. А. Столыпина дало указание Комитету Сибирской дороги начать подготовку к очередным изысканиям Амурской магистрали. За основу разработки окончательного варианта направления линии были взяты результаты предыдущих экспедиций Н. В. Волошинова и Б. У. Савримовича. Повторные изыскания Амурской железной дороги были проведены в 1906–1907 гг. исследовательскими

отрядами инженеров Ф. Д. Дроздова и Е. Ю. Подруцкого. Как и в предыдущих изысканиях, при выборе трассы рассматривалось три направления дороги – южное, среднее и северное. В результате технико-экономического сравнения начальным пунктом дороги была выбрана станция Куэнга, которая располагалась в 52 км западнее Сретенска, конечного пункта Забайкальской железной дороги. Наиболее приемлемым был признан средний вариант направления линии, который отстаивали министр путей сообщения Н. К. Шауфус, помощник военного министра А. С. Поливанов, председатель комиссии Государственного совета генерал-адъютант А. И. Пантелеев и приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер.

Утверждение плана Амурской железной дороги проходило в Государственной думе. Окончательное решение о начале строительстве было принято на третьем созыве. 31 марта 1908 г. состоялось выступление П. А. Столыпина с докладом «О роли и значении постройки Амурской железной дороги», в котором приводились аргументы в пользу начала скорейшего строительства Амурской магистрали. Указывая на её важнейшее экономическое и стратегическое значение, П. А. Столыпин говорил: «Отдалённая наша суровая окраина, вместе с тем, богата золотом, богата лесом, богата пушниной, богата громадными пространствами земли, годными для культуры... В неё прососётся чужестранец, если раньше не придёт туда русский...» [7, с. 122, 128]. В апреле 1908 г. Государственной думой был принят закон «О приступе к сооружению Амурской железной дороги распоряжением казны и за её счёт». 6 июня 1908 г. последовало Высочайшее утверждение закона об отпуске средств на строительство, которое началось с этого же года.

Постройка Амурской дороги для удобства управления была разделена на четыре части: западную, среднюю и восточную, а также головной участок. Руководство строительством каждого из этих участков было поручено опытным инженерам: головного – Ф. Д. Дроздову, западного – Е. Ю. Подруцкому, среднего – В. В. Трегубову, восточного – М. С. Навроцкому (позднее его сменил А. В. Ливеровский, а затем Д. П. Бирюков). Общее руководство осуществлял инженер Е. Д. Вурцель под контролем министра путей сообщения С. В. Рухлова. Строительство Амурской железной дороги проходило в несколько этапов: головного участка (от станции Куэнга до станции Урюм) с 1908 по 1909; западного (от станции Урюм до реки Керак) с 1901 по 1913; среднего (от реки Керак до реки Дии) с 1911 по 1914; восточного (от реки Дии до Хабаровска) с 1912 по 1916 гг. [1, с. 532, 533].

Строительство дороги осуществлялось в сложнейших климатических условиях, большая часть среднего участка проходила через районы вечной мерзлоты. С 1909 по 1913 гг. в районе будущей Амурской железной дороги работала Амурская Экспедиция под руководством Н. Л. Гондатти, командированная указом императора. В её задачи входило дополнительное исследование климатических, географических, экономических и других условий строительства. Результаты исследований были опубликованы более чем в 30 томах с картами, схемами, диаграммами, содержали ценнейшие сведения по вопросам колонизации края.

При планировании и строительстве Амурской железной дороги административный и культурный центр Амурской области город Благовещенск остался в стороне от строящегося пути. Для соединения города с железнодорожной магистралью была спроектирована и построена железнодорожная ветка. 6 декабря 1913 г. был отправлен первый сквозной поезд Благовещенск – Санкт-Петербург. В декабре 1915 г. прибыл первый сквозной поезд в Хабаровск. Достройка дороги проводилась вплоть до конца 1916 г.

Важнейшим сооружением Амурской железной дороги явился 2600-метровый железнодорожный мост через Амур у Хабаровска, торжественное открытие которого состоялось 5 октября 1916 г. и означало официальное завершение строительства Амурской железной дороги. Протяжение Амурской железной дороги от станции Куэнга Забайкальской железной дороги до Хабаровска составило 1871 версты, ветка от станции Бочкарево до Благовещенска – 102 версты, а также другие небольшие ветки – 177 верст. С постройкой Амурской магистрали завершилось 25-летняя история строительства Транссиба. Амурская железная дорога стала выполнять главнейшую функцию связующего звена между Западным и Восточным участком Транссиба, общее протяжение которого по русской территории составило 7883 версты [2, с. 92].

Железнодорожное строительство на Дальнем Востоке имело отличительные особенности. Трас-

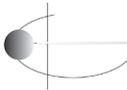
сировка линии охватывала огромные, малоисследованные и малозаселённые территориальные пространства, находящиеся на значительном отдалении от промышленных и культурных центров страны. Строительство проходило в сложнейших природно-климатических и географических условиях (резко-континентальный климат, гористая местность, вечная мерзлота и др.). Но сооружение Транссиба и особенно её восточного участка изначально имело общегосударственное значение. Поэтому строительство проводилось за счёт казны и в направлении, которое соответствовало общеполитическому курсу и транспортной стратегии российского правительства. Постройка дороги осуществлялась преимущественно русскими рабочими. Широко применялся труд ссыльных каторжан, особенно на Амурском участке.

Транссиб повлиял на все сферы развития экономики Дальнего Востока. Железная дорога способствовала дальнейшему росту региональной промышленности, сельского хозяйства, торговли. Деревня приобщалась к капиталистическим отношениям, шёл процесс повышения товарности хозяйства. Железная дорога обеспечила выход сельскохозяйственной продукции на внешние рынки. Развитие промышленности способствовало притоку и увеличению численности населения в крае, росту городов. Изменилось и географическое направление колонизации. С проведением линии стали заселяться местности преимущественно вдоль полотна дороги. В районе железной дороги появился новый для Дальнего Востока тип поселения – железнодорожные поселки, которые становились крупными узловыми пунктами и даже торгово-промышленными центрами на отдельных участках железнодорожной линии, разрастаясь в крупные города (Белогорск, Алексеевск на Амурской железной дороге и др.).

Сооружение Транссиба, таким образом, позволило обеспечить надёжную, имевшую стратегическое значение связь России с дальневосточными окраинами и вовлечение Дальнего Востока в общероссийское капиталистическое производство.

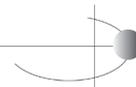
Список литературы

1. Азиатская Россия. Издание переселенческого управления / Главное управление землеустройства и земледелия. СПб., 1914. Т. 2. 640 с.
2. Статистические данные железнодорожного строительства // Журнал МПС. СПб., 1916. № 5. С. 92–93.
3. Пак Б. Б. Строительство Амурской железнодорожной магистрали (1891–1916). Иркутск, 1995. 129 с.
4. Первопроходцы восточных магистралей России / авт.-сост. В. Ф. Зуев. Хабаровск, 2001. 332 с.
5. Приложение к представлению министра путей сообщения в государственном совете от 6 апреля 1891 г. «Технические условия по сооружению Уссурийской железной дороги» // Рос. гос. ист. архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 969.

6. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге от Санкт-Петербурга до Владивостока 1910–1911 гг. / под ред. А. И. Дмитриева-Мамонова. СПб., 1910. 363 с.
7. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 гг. М., 1911. 288 с.
8. Страницы истории железнодорожного транспорта России: сб. тр. СПб., 2004. 156 с.
9. Хронологический указатель событий, связанных со строительством КВЖД, с 1895 по 1899 // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р – 831. Оп. 2. Д. 30.

Рукопись поступила в редакцию 28 марта 2011 г.

УДК 392.37
ББК Т 63

О. А. Иванчина
г. Самара, Россия

**Динамика социально-правового положения чувашской женщины
в крестьянском обществе (конец XIX – начало XX вв.)**

В данной статье рассмотрено социально-правовое положение чувашской женщины в крестьянском обществе в конце XIX – начале XX вв., проведен анализ его динамического состояния в зависимости от внутрисемейного статуса женщины в указанный временной период. Статус чувашской женщины в семье и обществе, а также её имущественно-правовое положение на протяжении жизни не остаётся неизменным.

Ключевые слова: традиционная культура, чувашская женщина, крестьянское общество.

О. А. Ivanchina
Samara, Russia

**The Dynamics of Social and Juridical Status of Chuvash Women
in Peasant's Society in the End of 19th – Beginning of 20th Centuries**

The article is concerned with the question of Chuvash women's social and juridical status in peasant society in the end of 19th – beginning of 20th centuries. The evaluation of dynamic condition of this status in the mentioned above period and herein discernible dependency of Chuvash women from her family status are revealed. The Chuvash women's status in family and society, as well as their property and juridical position over the period of life are transforming.

Keywords: traditional culture, Chuvash woman, peasant society.

«К середине XIX века во многих районах компактного проживания чувашей на территории Поволжья сохранились большие патриархальные семьи» [6, с. 58]. На процесс роста людности семей чувашских крестьян кроме бытовавших языческих традиций значительное влияние оказывала экономическая политика правительства. «Кроме этого, неразделенная семья имела высокий авторитет в деревне» [16, с. 88].

Как и у других народов Поволжья [1], у чувашей в неразделенной семье было три группы женщин: жена главы семьи, жёны сыновей и братьев главы семьи, незамужние дочери главы семьи. Семья держалась по традиции на авторитете отца, старшего члена семьи, которому принадлежали внешне-распорядительные функции [10]. Положение женщин и девушек было неполноправным. «Несколько выше среди последних стояла лишь жена главы семьи» [17, с. 298]. Ей принадлежала контрольно-исполнительная функция. «Она была хранительницей старых верований и обрядов» [2, с. 17]. «Значимость старшей женщины в семье проявлялась и в выборе жениха или невесты для своих детей. В этом деле глава семьи действовал во всём с согласия жены» [14, с. 69].

В дореволюционной чувашской деревне выбор невесты означал, прежде всего, приобретение дополнительных рабочих рук и производительницы рабочей силы [10]. Зачастую такие приорите-

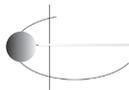
ты приводили к усугублению положения снохи в семье мужа. «В некоторых случаях это приводило к распространению снохачества» [11, с. 137], которое преследовалось официальной властью, но само существование снохачества говорило о бесправности и социальной незащищённости снох.

Положение женщины в семье в некоторой степени зависело от размера приданного, которое она приносила в семью мужа. «Невеста, взятая из состоятельной семьи с богатым приданным, имела повышенный авторитет и большую самостоятельность, так как, согласно чувашским традициям, приданное являлось собственностью невесток» [18, с. 40].

Наличие личной собственности у замужней женщины не ослабляло её зависимости от мужа. «Зависимое положение как в семье отца, так и в семье мужа определялось прежде всего тем, что она не имела земельного надела и не являлась дольщицей крестьянского хозяйства» [18, с. 16].

«Большую роль в отношении к женщине в семье играла её способность к деторождению» [3, с. 6]. «В чувашской деревне были случаи и бездетности супружеской пары, причиной которого окружающие, прежде всего, видели грехи женщины» [13, с. 676]. Одним из решений проблемы бездетности для чувашей было усыновление [10].

«Большой свободой, чем другие женщины, в семье пользовались незамужние дочери главы се-

мьи» [4, с. 44]. «Важным в воспитании девушки было овладение трудовыми навыками и её приобщение к национальному творчеству» [18, с. 70]. Несмотря на относительную свободу женщин в данной возрастной группе, семья и общество достаточно активно следило за их поведением.

Положение овдовевшей женщины зависело от ряда факторов. Во-первых, важным было наличие детей, так как вдова с малолетними детьми получала хозяйственную помощь со стороны родственников мужа и выделившихся сыновей [10]. Кроме этого, вдова получала разрешение общины на усыновление «на умершую душу» при условии, если женщина была бездетной или при малых детях. «При этом сход внимательно подходил к данной проблеме и тщательно изучал кандидатуру вдовы с моральной и этической точки зрения» [14, с. 66].

К концу XIX в. широкое распространение получают процессы выдела малых семей из патриархальной, неразделённой семьи. Данное явление бытовало уже с середины века, однако значительное преимущество получило в конце XIX – начале XX вв. По вопросу выдела среди исследователей существовало несколько точек зрения. В. К. Магницкий причину последнего видел в конфликтах между матерью и женой сына [10]. Более поздний исследователь чувашской культуры Н. П. Денисова причину выделов видела, в первую очередь, «в нарушении внутренней замкнутости семей, ослаблении патриархальных устоев в чувашской деревне под влиянием развивающихся торгово-денежных отношений» [6, с. 57].

Лишь после выдела из отцовской семьи и с образованием собственного хозяйства положение женщины улучшалось. В составе большой семьи труд каждой отдельной женщины оставался незамеченным. «В малой семье женщина работает не меньше, а подчас и больше, но зато она заведует определенной областью хозяйства, является индивидуальной производительницей, а труд её легко поддаётся учёту и оценке» [8, с. 124]. Все женские работы лежали на ней, и это способствовало повышению значимости женщины в малой семье. Немалую роль играло и то обстоятельство, что на первых порах после выдела фактически весь скот и птица являлись собственностью женщины, как привнесённое ею в составе приданого.

«По традиции решения сельского схода мужчин-домохозяев регламентировали жизнь общества от хозяйственных вопросов до соблюдения моральных норм» [18, с. 23]. «На сход иногда допускались вдовы и женщины, замещавшие своих мужей в случае необходимости, но они не имели права голоса и являлись лишь слушателями» [6, с. 67]. Однако во многом именно женщина была силой, оказывающей цементирующее воздей-

ствие на существующий миропорядок в масштабах общины как единого социального организма: обыденными женскими взаимоотношениями обеспечивались прочные семейно-родственные связи, активизировались обычаи соседской взаимопомощи, моральной поддержки, нравственного контроля, стабилизирующие ситуацию в общине. Обычно к советам умной, практичной пожилой женщины прислушивались не только члены данной семьи, но и родственники и даже посторонние.

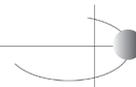
Положение чувашки и отношение к ней как в обществе, так и в семье регламентировалось традиционными требованиями и обычаями. Как известно, нарушение моральных норм, особенно во время общественных бедствий (голода, засухи), нередко рассматривалось как наказание за несоблюдение религиозных обрядов или правил общественной морали.

Исследователь Н. П. Денисова описала случай, произошедший в 1911 г. в деревне Кошки-Куликеево Буинского уезда с одним крестьянином, который, «имея законную жену, находился в сожительстве с другой женщиной; во время засухи крестьяне устроили расправу с его незаконной женой и еле живую отправили на общественной подводе обратно в её деревню». Однако обычным средством, как отмечает автор, которой применялась чувашскими крестьянами против засухи, было «обливание сожительствовавших женщин (*«хёрёх те пёр витре шыв сапашсё»* – выливали 41 ведро холодной воды)» [5, с. 65].

Ещё одним нарушением прав женщины в традиционной культуре было умыкание невест. В большинстве случаев этот процесс носил договорной характер между женихом и невестой. Однако в быту чувашской деревни происходило и действительно насильственное похищение невест, о чем, как пишут исследователи, «свидетельствуют судебные дела, хотя обращаться по этому поводу к судебным органам у чувашей не было принято» [14, с. 71].

Традиционные воззрения также являлись в большинстве случаев гарантом безнаказанности физического насилия мужа над женой. Хотя, как свидетельствуют архивные материалы, «общество осуждало таких мужей» [13, с. 500]. Но даже и в тех случаях, когда мужчина в семье позволял себе физическое насилие над женой, как правило, это не предавалось широкой огласке со стороны последней, так как не принято было «выносить сор из избы» [15].

Согласно сравнительным данным о выдаче паспортов в трех уездах Симбирской губернии в 1913 и 1914 гг., число женщин, получивших документ, возросло в процентном соотношении с 9,1 % до 16,5 %. В связи с последним, а также

тяжелой военной экономической ситуацией в стране, отходничество получает распространение и среди чувашских женщин-крестьянок. «В Цивильском уезде в 1916 г. по сравнению с 1914 г. число женщин-отходниц увеличилось более чем в 2 раза, с 885 до 1839 человек» [12, с. 59].

«После победы Великой Октябрьской социалистической революции в России Советское государство издало ряд декретов, направленных на раскрепощение и уравнивание женщин в правах с мужчинами» [7, с. 58].

Сложившиеся веками традиции, почти поголовная неграмотность и забитость чувашек являлись, отмечают исследователи, «серьезным тормозом по вовлечению широких масс женщин в общественно-управленческую систему» [7, с. 60]. Вплоть до 30-х гг. сохранялось численное преимущество образованных людей среди мужского

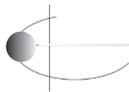
населения. По республике в 1926 г. на 160817 образованных мужчин приходилось 69969 образованных женщин [9].

Таким образом, на положение женщины в семье и обществе в рассматриваемый период оказывало влияние экономическое положение семьи, её форма (малая или большая), авторитет мужчины – главы семьи – в обществе, хозяйственная деятельность женщины. Положение женщины зависело от состояния в браке – замужняя или незамужняя женщина; среди замужних женщин – от места мужа в семье, от размера приданного, способности воспроизводить потомство. В целом её положение определялось как традиционными элементами патриархального быта, так и новыми чертами, вызванными развитием капиталистических отношений в деревне.

Список литературы

1. Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. Сельская женщина в семейной и общественной жизни. Казань, 1986. 158 с.
2. Васильев М. О киреметях чуваш и черемис. Казань, 1904. 26 с.
3. Волков Г. Н. Чувашская народная педагогика. Чебоксары, 1953. 326 С.
4. Виноградов Ф. Следы язычества в домашнем обиходе чуваш // Издание Симбирской губернской ученой архивной комиссии. Симбирск, 1897. С. 12–51.
5. Денисова Н. П. Административно-фискальные и правовые функции общины у чувашей (XIX –XX вв.) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 1983. С. 43–79.
6. Денисова Н. П. Община у чувашей во второй половине XIX–XX вв. (структурная организация и землепользование) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. Чебоксары, 1983б. С. 43–79.
7. Изоркин А. В. Из истории вовлечения женщин Чувашии в социалистическое строительство в 1917 – 1927 гг. // История и культура Чувашской АССР. Вып. 1. Чебоксары, 1971. С. 34–74.
8. Коллонтай А. Социальные основы женского движения. СПб, 1909. 224 с.
9. Краткие итоги всесоюзной переписи населения 1926 г. по Чувашской АССР. Вып. 2, Чебоксары, 1929. табл. № 3.
10. Магницкий В. К. Очерк юридического быта чуваш Ядринского, Козмодемьянского и Чебоксарского уездов // Казанские губернские ведомости, 1868. № 93.
11. Магницкий В. К. Из быта чувашей Казанской губернии // Этнографическое обозрение. М. 1893. № 3.
12. Николаев Г. А. Разорение чувашской деревни в годы первой мировой войны // Вопросы истории Чувашии конца XIX–XX вв. Чебоксары, 1988. 77 с.
13. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177.
14. Петров Н. А. Регулирование семейно-брачных отношений у чувашей по нормам обычного права во второй половине XIX – начале XX веков // Семья в России: научный, общественно-политический журнал. М.; Чебоксары, 2001. № 1. С. 54–74.
15. ПМА, 2010. Самарская область, Шенталинский район, с. Афонькино.
16. Погодин Е. П. Форма, численность и структура чувашской семьи первой половины XIX века // Из истории дореволюционной Чувашии. Чебоксары, 1992. С. 81–95.
17. Фокин П. П. Брак и семья чувашей Саратовского побережья // История и культура Чувашской АССР. Вып. 4, 1975. С. 295–315.
18. Чуваши. Этнографическое исследование. Ч. 2. Чебоксары, 1970. 223 с.

Рукопись поступила в редакцию 14 апреля 2011 г.

УДК 94(517):930
ББК 63.1 (5Мон)5+63.3
П 543

О. Н. Полянская
г. Улан-Удэ, Россия

**Монголоведение в университетах России в XIX– начале XX вв.
Восточный институт во Владивостоке**

Статья посвящена истории монголоведения в университетах России XIX – начала XX вв., которая содержит ряд интересных материалов об университетах России, где монголоведение было приоритетным направлением ориенталистики. Восточный институт во Владивостоке – важный этап в истории востоковедных исследований, в котором изучению Монголии придавалось большое значение. Под руководством авторитетного ученого и организатора института А. М. Позднеева проводились исследования экономического и политического развития Монголии. Традиции научного монголоведения, зародившиеся в Казанском университете, были успешно продолжены в Петербурге, а затем во Владивостоке и Иркутском университете.

Ключевые слова: монголоведение, университеты России, Восточный институт во Владивостоке, А. М. Позднеев.

O. N. Polyanskay
Ulan-Ude, Russia

**Mongolian Studies in Universities of Russia in the 19th and at the
Beginning of 20th Centuries. Oriental Institute in Vladivostok**

The paper is devoted to the history of Mongolian studies in the universities of Russia in the 19th and at the beginning of the 20th centuries, which contains some interesting materials about universities of Russia, where Mongolian studies were the main direction of Oriental studies. Oriental Institute in Vladivostok is a significant period in the history of Oriental studies, where much attention was paid to the study of Mongolia. Researches on economic and political development of Mongolia were carried out under supervision of a famous scientist A. M. Pozdneev. Mongolian studies researches started in Kazan University and were successfully carried on in Petersburg, Vladivostok and Irkutsk Universities.

Keywords: Mongolian studies, universities of Russia, Oriental Institute in Vladivostok, A. M. Pozdneev.

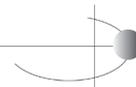
На протяжении всего XIX в. Россия проводила активную восточную политику, в результате чего значительно расширила свои территории. На повестке дня остро встал вопрос изучения новых территорий, а также соседних государств. Все это вызвало необходимость дальнейшего развития всей системы просвещения. Большое внимание в это время уделялось и развитию востоковедения.

Указ Александра I от 24 января 1803 г. учредил наряду с существующими университетами в Москве, Дерпте, Вильно новые – в Петербурге, Харькове и Казани. В программы всех названных университетов в течение XIX в. были включены и восточные дисциплины. 5 ноября 1804 г. были утверждены уставы трех университетов – Московского, Харьковского, Казанского, по которым в штат факультетов словесных наук вводилась должность профессора восточных языков.

Казанский университет, основанный в 1804 г., уже в первой половине XIX в. становится местом, где трудились многие выдающиеся ученые, тру-

ды которых в области математики, химии, астрономии, медицины и востоковедения составляют гордость русской и мировой науки. В это время здесь сформировалась казанская школа ориенталистики. Имена арабиста Х. Д. Френа, тюркологов и иранистов А. К. Казем-Бека и И. Н. Березина, монголистов О. М. Ковалевского и А. В. Попова, китаиста В. П. Васильева заняли почетное место в мировой науке [10, с. 15–16].

В 1833 г. в Казанском университете была создана первая в Европе кафедра монгольского языка. Необходимость учреждения кафедры ректор Н. И. Лобачевский (с 1827) мотивировал также тем, что Россия находится в соседстве с Монголией, что частые сношения с ней «невозможны без основательного изучения языка и литературы монгольской». Также он обратил внимание на то, что в Забайкалье и Восточной Сибири «кочуют бурятские и тунгусские племена, говорящие на монгольском языке, исповедующие буддийскую религию».

Цикл монгольской словесности, благодаря энергичной научно-педагогической и методической деятельности О. М. Ковалевского и А. В. Попова, был обеспечен учебной литературой. Её было достаточно для удовлетворения нужд не только университета, но и гимназий на всей территории России, где преподавали монгольский язык. Грамматика монгольского языка и двухтомная монгольская хрестоматия О. М. Ковалевского, а также трехтомный «Монгольско-русско-французский словарь» имели большое научное и педагогическое значение. Значительную пользу в преподавании приносила монгольская хрестоматия А. В. Попова для начинающих и созданная им же первая арифметика на монгольском языке. Кроме учебников и учебных пособий, ученые составляли программы курсов для восточного разряда. Эти программы свидетельствуют о всестороннем и глубоком изучении монгольского языка. В течение всей первой половины XIX в. Казанский университет являлся центром университетского изучения Востока и преподавания восточных языков в России [10, с. 22–23].

В 1854 г. последовал указ Сената, по которому в Казанском университете и Первой Казанской гимназии прекращалось преподавание восточных языков и весь восточный разряд Казанского университета переводился в Санкт-Петербург. 28 августа 1855 г. состоялось открытие восточного факультета Петербургского университета. В числе других кафедр была открыта кафедра монгольско-калмыцкой словесности. Само основание кафедры монгольского языка в Петербургском университете было невозможно без преподавателей Казанского университета. Первым преподавателем монгольского языка и заведующим кафедрой был назначен ординарный профессор Казанского университета А. В. Попов. Он читал курсы по этимологии и синтаксису монгольского языка, истории монгольской письменности, истории Монголии с эпохи Чингисхана и до середины XIX в. [11, с. 16]

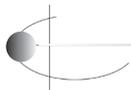
Одновременно с А. В. Поповым начал преподавательскую деятельность К. Ф. Голстунский (1831–1899), так же воспитанник Казанского университета. Он был переведён из Казани в Петербургский университет адъюнктом монгольской кафедры. Вся научная и педагогическая деятельность К. Ф. Голстунского была связана с Петербургом. С 1860 г. он стал читать все основные курсы по монгольской словесности и истории монгольских народов в связи с назначением А. В. Попова инспектором училищ Западной Сибири [12, с. 30]. Для преподавания разговорного монгольского языка на кафедре из Казани в 1856 г. был приглашен Галсан Гомбоев (1818–1863), бурятский ученый, лама, один из воспитанников

Казанского университета, ученик О. М. Ковалевского, получивший европейское образование.

Последняя четверть XIX в. характеризуется новыми достижениями в области монголоведения. Создаются фундаментальные труды по монгольскому языку, истории, этнографии монголов. В это время начинает свою творческую деятельность монголовед А. М. Позднеев (1851–1920), ученик профессора К. Ф. Голстунского.

Начало XX в. было сложным для монголоведного направления в Петербургском университете. В связи со сложной политической обстановкой на Дальнем Востоке возникла необходимость подготовки военных специалистов со знанием восточных языков: монгольского, китайского, японского. А. М. Позднеев был направлен во Владивосток, чтобы возглавить Восточный институт. Предполагалось, что новое учебное заведение станет центром изучения языков и истории Востока. В 1899 г. умер профессор К. Ф. Голстунский. В. Л. Котвич, выпускник Санкт-Петербургского университета, впоследствии известный монголовед, основоположник алтаистики, полностью еще не мог посвятить себя научно-педагогической деятельности, поскольку служил в министерстве финансов, а будущий светило монголоведного направления востоковедения А. Д. Руднев ещё не закончил университет. Поэтому преподавание монгольского языка и истории монголов было прервано и возобновилось только с 1901 г., когда В. Л. Котвич перешёл в университет на должность приват-доцента для преподавания монгольской словесности. Несмотря на все трудности, Санкт-Петербургский университет продолжал оставаться флагманом востоковедной науки России в начале XX в. В этот период и в Петербурге, и на периферии начинает активно работать новая плеяда монголоведов, представленная яркими именами В. Л. Котвича, А. Д. Руднева, В. В. Бартольда, Б. Я. Вдадимирцова, Г. Ц. Цыбикова, Б. Б. Барадина, Ц. Ж. Жамцарано.

Таким образом, в начале XX в. в России сложились два ведущих востоковедческих центра – в Санкт-Петербурге и Владивостоке, в которых монголоведение было одним из приоритетных направлений. Однако стоит отметить, что в каждом из них востоковедение имело свои характерные черты. В Петербурге монголоведение развивалось по направлениям, определившимся еще в XIX в. – сравнительная грамматика монгольского языка и его наречий, история монгольской литературы, собирание фольклора. В Восточном институте наряду с этим были поставлены задачи изучения новейшей истории Монголии. Сотрудники института были призваны изучать и анализировать ситуацию в регионе, что соответственно нашло от-

ражение в учебных программах и отразилось на проблематике научных исследований.

Открытие Восточного института (ВИ) во Владивостоке в 1899 г. было в большей степени обусловлено интересами российской дальневосточной политики, что и определило приоритетные направления – изучение истории и языка Монголии, Китая, Японии, Кореи, Маньчжурии. Данные исследования в России всегда носили государственный характер, будь то пограничные школы переводчиков XVII–XVIII вв. или академическая ориенталистика XIX–XX вв. Директор Восточного института монголовед А. М. Позднеев на открытии института (21 октября 1899 г.) говорил: «Еще недавно Дальний Восток привлекал к себе внимание только ориенталистов, в кругу людей науки возбуждал разве что умеренный интерес, для образованного нашего общества был предметом как бы недостойным внимания [1, с. 69]. Однако за последнюю четверть XIX в. все изменилось. В связи с быстрым развитием Японии и вслед за её войной с Китаем ведущие европейские державы начинают проводить активную политику на Дальнем Востоке. «Чтобы будущая деятельность России на Тихом океане была поистине успешной, наши работники на Востоке должны быть не второстепенными исполнителями, а просвещёнными деятелями, способными не только содействовать частной предприимчивости и вообще русскому делу на Дальнем Востоке, но и распространять среди всего русского общества правильные понятия о нем» [1, с. 69].

Таким образом, А. М. Позднеев вновь поставил вопрос о важности научного изучения народов Востока, как это сделал О. М. Ковалевский еще в 1830-е гг., обосновывая задачи научного востоковедения и подчеркивая важность объективного подхода в написании истории народов Востока [2]. В этом отношении Восточный институт во Владивостоке продолжал традиции российской научной школы востоковедения.

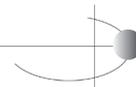
«Из народов, имеющих непосредственное значение для России, на первом плане стоят монголы, маньчжуры и тибетцы ...гонимые судьбой, некоторые из монгольских поколений нашли себе убежище в России, а другие расселились в район нашего естественного роста и расширения. Отсюда и происходит то, что монголы имеют для России преимущественное значение; полагая все свои надежды на Россию, монголы тем самым становятся важным элементом в деле передачи русского влияния на Восток, и ни кем иным, как монголами, замощена дорога в Тибет», – так оценивал А. М. Позднеев значение монгольских народов для России [3, CLXXIX–CLXXX].

Перед монголоведением в это время были поставлены вполне конкретные задачи. Отмеча-

лось, что до 1900 г. страна жила своей внутренней жизнью, вне круга китайских реформ, поэтому достаточно было изучение только монгольского языка. В новых условиях при включении Монголии в сферу интересов Китая возникла необходимость в расширении программы обучения студентов, включение в неё детального освещения таких сторон жизни, как торгово-промышленная деятельность Монголии, в зависимости от местных условий монгольской жизни и быта. Подобное изучение предполагало знание и китайского языка. Особо отмечалась необходимость изучения новейшей официальной литературы о Монголии. Изучение Монголии в этих условиях становилось не прикладным предметом к синологии, а основным, при прикладном значении китайского языка [3, с. СXCIV].

С открытием Восточного института начался новый этап в развитии российского научного монголоведения. Восточный Институт стал учреждением совершенно нового типа, не только по времени своего открытия, но и по предметам преподавания. Изучение языков, как и всех остальных курсов востоковедения, должно было иметь в большей степени практический характер. До этого в российской науке господствовало научно-теоретическое изучение Востока [1, с. 5]. Монголоведение в Восточном институте было представлено китайско-монгольским отделением. Оно было одним из четырех, на которые подразделялись студенты со второго года обучения [1, с. 81].

Преподавателем монгольского языка, истории, культуры, географии Монголии был профессор, ведущий монголовед России Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920). Он являлся выпускником 1876 г. китайско-монгольско-маньчжурского разряда Санкт-Петербургского университета и с 1884 г. работал на кафедре монгольской словесности. Он был знатоком разговорного и литературного монгольского языка, монгольской истории и литературы, автором фундаментальных исследований в этой области. Его работы: «Образцы народной литературы монгольских племен» (1880), «Ургинские хутухты. Исторический очерк и прошлого и современного быта» (1880), «Города Северной Монголии» (1880), «Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями его последнего к народу», «Монголия и монголы». Т. I (1896), т. II (1898) – внесли весомый вклад в ориенталистику. Во Владивостоке А. М. Позднеев сделал перевод сочинения практической тибетской медицины «Хлантаб», написал «Очерки административного устройства Монголии и порядков управления этой страны» и «Изыскания в области происхождения маньчжурского алфавита», а также со-

ставил калмыцко-русско-французский словарь [1, с. VII, 27].

Все эти работы А. М. Позднеева являлись и учебными пособиями для студентов китайско-монгольского отделения Восточного института. Кроме того, комплектование научной библиотеки института было первоочередной задачей директора, за меры по увеличению библиотечного фонда профессора Позднеева наградили денежной премией (указ императора Николая II). Уже в 1902 г. библиотека насчитывала 44000 томов. Монголоведе-ние в библиотеке было представлено работами ведущих специалистов в этой области. среди кото-рых¹: Банзаров Д. Монгольская надпись на памят-нике князя Исунке, племянника Чингис-хана. – СПб., 1851 (Сборник Голстунского № 8); Бобров-ников А.² Грамматика монгольского языка. СПб., 1835; К. Ф. Голстунский. Монгольско-русский словарь. Т. I–III. СПб., (20 экз.); Калмыцкие пере-воды. Сборник К. Ф. Голстунского. № 7; О. Кова-левский Монгольская хрестоматия. Казань, 1836–1837. ТТ. I и II (2 экз.); Его же. Монгольско-русско-французский словарь. В 3 т. Казань, 1844–1849 гг.; Орлов А.³ Грамматика монгольско-бурятского разговорного языка. Казань, 1878; Попов А. В.⁴ Арифметика на монгольском языке. Казань, 1837; Позднеев А. М. Монголо-бурятский переводчик, СПб., 1891.; переводы академика И. Я. Шмидта⁵: Библия на монгольском языке. СПб., 1840, Псал-тырь на монгольском языке. СПб., 1836; Юилль Р.⁶ Учебник монгольского языка. Селенгинск, 1839.

После увольнения А. М. Позднеева с долж-ности директора института в связи с его назна-чением на новую должность в Министерстве Народного Просвещения директором «времен-но» с 30 ноября 1903 г. был назначен Григорий Владимирович Подставин (1875–1924) [4, с. 7].

¹ Известия Восточного института. 1900. Т. I. 1899–1900 академический год. С 25–27.

² Александр Ильич Бобровников – отец известного монголоведа Алексея Боровникова. Александр Ильич служил протоиреем в Иркутской епархии (начало XIX в.) прекрасно знал монгольский язык, является автором одной из первых грамматик монгольского языка.

³ Александр Орлов, преподаватель монгольского языка в духовном училище, в Иркутске, студент Алексея Бобровни-кова по Казанской духовной академии.

⁴ Попов Александр Васильевич (1808–1865), монго-ловед, выпускник Казанского императорского университета, наряду с О. М. Ковалевским является основоположником на-учной школы монголоведа в России.

⁵ Исаак Якоб Шмидт (1779–1847), монголовед, автор переводов с монгольского на немецкий, грамматики монголь-ского языка на немецком. Ввел монголоведе-ние в круг науч-ных дисциплин.

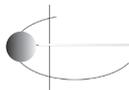
⁶ Юилль Р. – английский миссионер, занимался миссио-нерской деятельностью среди забайкальских бурят. В связи с этим выучил монгольский язык, делал переводы Священного писания, вел просветительскую деятельность среди бурят, вместе с другими миссионерами (Сван, Сталибрас); купил в Петербурге типографию с восточными шрифтами, печатал книги в Селенгинске.

В 1904–1905 академическом году, часы по кафе-дре монгольской словесности вели исполняющий должность профессора Г. В. Подставин и лектор Г. Ц. Цыбиков (1873–1930) [5, с. СХСІ–СХСІІ].

С момента открытия института директор А. М. Позднеев ставил вопрос перед конференци-ей института о «приискании и подготовке лиц к замещению вакантных кафедр». Институту уда-лось подыскать достойного кандидата на долж-ность преподавателя монгольской словесности Гомбожаба (Гонбо-чжаба) Цыбикова, бурята по происхождению, для которого монгольский язык был «природным». На Г. Цыбикова как талантли-вого человека А. М. Позднеев обратил внимание ещё в то время, когда Гомбожаб был студентом Санкт-Петербургского университета. Окончив об-учение в университете, он решил посвятить себя научным исследованием. В связи с этим по совету А. М. Позднеева он отправился в путешествие по Тибету, чтобы изучить язык и «исследовать неве-домые нам поколения кукунорских и тангутских монголов», чтобы по возвращении работать во Владивостоке [6, с. 56–57]. Убедившись в успехах путешественника, конференция института хода-тайствовала перед Министром народного про-свещения о зачислении Г. Цыбикова в число кан-дидатов, готовящихся к занятию профессорской кафедры в институте. Г. Цыбиков был назначен на должность лектора восточных языков и вел прак-тические занятия по монгольскому языку вместо Рабдана Намдакова, который ушел со службы по возрасту [7, с. XLII].

Изучение Монголии в России было успеш-ным, «так что о стране и поколениях монголов, по крайней мере к северу от Великой Стены, мы имеем теперь несравненно больше сведений, чем, например, о сопредельных России инородцах се-верной Маньчжурии, Джунгарии или Восточного Туркестана» [7, с. XLII]. Сравнительно малоиз-вестными оставались ордосские, алашаньские, кукунорские, обитающие в Тангуте – на границах Тибета и в самом Тибете монголы, которых и по-сетил Г. Цыбиков. С другой стороны, известно, что монгольская литература, особенно богословская, была переведена с тибетского. Г. Цыбиков вла-дел тибетским и монгольским языками. 30 января 1903 г. согласно указу Николая II о «назначении оклада профессора в виде исключения без учёной степени с учетом глубокого изучения в Монголии и Тибете языков и жизни» Г. Цыбиков начал свою педагогическую деятельность.

А. М. Позднеевым ставился вопрос о под-готовке преподавателей из среды своих выпуск-ников. Среди них директор института выделял выпускника 1903 г. по монгольской словесности Алексея Павловича Хионина [3, с. СХСV]. В ав-густе 1903 г. последовал указ об «оставлении»

при институте А. Хионина для «приготовления к профессорскому званию» по кафедре монгольской словесности и о командировании его в «Азиатскую Россию с повышенным содержанием» (3000 р. в год) с учётом «особой цели и блестящих способностей». В 1907–1908 учебном году преподавателями по кафедре монгольской словесности работали: профессор Г. Ц. Цыбиков (монгольский и тибетский языки) и лекторы Ирдынеев до 1907 г. и Гоноров с 1 октября 1907 г. по 1909 г. [8, с. 6].

Актуальным в институте оставался и вопрос об учебниках и учебных пособиях. Основными учебниками оставались работы О. М. Ковалевского и А. В. Попова, изданные ещё в первой половине XIX в. в Казанском университете. Они не утратили своего значения, но их уже не хватало для вновь открывшегося учебного заведения. Преподаватели института пытались восполнить этот пробел. Учебник по монгольскому языку написал А. М. Позднеев. Он наряду с другими был принят в качестве пособия и в Санкт-Петербургском университете [3, с. CLXXIX–CLXXX]. Для успешного издания учебников Восточный институт уже в первый год существования приобрёл шрифты (монгольский, китайский, японский, корейский, маньчжурский, калмыцкий, тибетский) [1, с. VI].

Таким образом, Восточный институт в начале XX в. стал одним из ведущих центров российского востоковедения, сделавший значительный шаг в развитие этой отрасли исторической науки.

Ещё одним центром монголоведения на востоке России стал Иркутский университет, от-

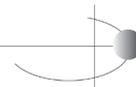
крывшийся в 1918 г. Этому способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, город был местом с богатыми традициями изучения монгольского языка и истории Монголии. Во-вторых, в Иркутске в 1920–21 гг. находились организации Коминтерна, которые оказывали помощь монгольским революционерам. В-третьих, в 1920-е гг. в Иркутске оказалось немало известных специалистов из Москвы, Петрограда и Оренбурга. Здесь работали Б. Э. Петри, Г. С. Виноградов, М. К. Азадовский, Ц. Жамцарано, Г. Ц. Цыбиков, В. А. Рязановский, С. В. Шостакович, Н. Н. Козьмин. К тому же в 1926 г. Иркутский университет начал обучение монгольских студентов и подготовку специалистов для партийных и государственных организаций МНР. Монголоведение в Иркутском университете занимало ведущие позиции. Монгольский язык преподавали Ц. Ж. Жамцарано, получивший образование в Санкт-Петербургском университете; С. П. Кузнецов, окончивший Восточный институт во Владивостоке, и др. [13, с. 72].

Таким образом, можно с уверенностью говорить, что научная школа российского монголоведения зародилась и продолжила успешное развитие в университетских стенах, сначала в Казанском университете, с открытия кафедры монгольского языка (с 1833 г.) во главе с профессором О. М. Ковалевским. Традиции научного монголоведения Казани были перенесены на благодатную почву Санкт-Петербургского университета, затем подхвачены Восточным институтом во Владивостоке и Иркутским университетом.

Список источников и литературы

1. Известия Восточного института. Владивосток, 1900. Т. I. 1899–1900 академический год. 96 с.
2. Ковалевский О. М. О знакомстве европейцев с Азией. Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета. Казань, 1837. 15 с.
3. Известия Восточного института. Владивосток, 1903. Т. IX. 1902–1903 академический год. 56с.
4. Известия Восточного института. Владивосток, 1907. Т. XIV. Приложение 2. 17 с.
5. Известия Восточного института. Владивосток, 1904. Т. XII. 1903–1904 академический год. 72 с.
6. Известия Восточного института. Владивосток, 1902. Т. III. Вып. 3. 1901–1902 академический год. 95 с.
7. Позднеев А. М. Отчет о состоянии и деятельности Восточного Института за 1902 год // Известия Восточного института. 1903. Т. V. 1902–1903 академический год. С. XXXII–XLIII.
8. Известия Восточного института. Владивосток, 1908. Приложение 1-е. 1908–1909 академический год. 33 с.
9. Известия Восточного института. Владивосток [б. г.]. Т. VIII. 1901–1902 академический год. 46 с.
10. Полянская О. Н. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского. Улан-Удэ, 2008. 227 с.
11. Полянская О. Н. Становление и развитие научной школы монголоведения в России: практикум для студентов. Улан-Удэ, Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. 57 с.
12. Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX–начале XX вв.: Петербургская школа монголоведов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1997. 214 с.
13. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX 30-е гг. XX в.). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1997. 232 с.

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2011 г.

УДК 392.51
ББК Т 63

В. О. Белевцова
г. Самара, Россия

Русские заимствования в марийской свадебной обрядности

Статья посвящена исследованию этнокультурных связей марийцев с русскими; выявлению степени конвергентных и заимствованных элементов в традиционной марийской свадьбе; изучению структуры традиционного свадебного обрядового комплекса, специфики его локальных вариантов. Под влиянием христианизации частично происходит ослабление язычества и, как следствие, упрощение языческого обряда бракосочетания, упрощение или переосмысление согласно христианской традиции некоторых магических обрядов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, традиционная семейно-брачная обрядность, Урало-Поволжье, марийцы.

V. O. Belevtsova
Samara, Russia

Russian Loans in Mari Wedding Ceremonialism

The article is devoted to the research of ethnocultural connections between Mari and Russian peoples, the revelation of convergent and borrowed elements' degree in the traditional wedding of the Mari. Also it covers the structure of traditional Mari wedding ritualism, especially, its local versions. Paganism is partially weakened under the influence of Christianization and, as a consequence, the simplification of pagan wedding ritual in the whole and some pagan magic rituals, in particular, took place.

Keywords: cross-cultural communication, traditional family wedding ritualism, Volga-Ural region, the Mari.

Проблема взаимосвязей и культурных заимствований народов Урало-Поволжья, контактов язычества и христианства является актуальной и малоисследованной. В пределах ареала традиционного расселения марийцы исторически соседствовали с этносами финно-угорского (мордва, удмурты), тюркского (татары, башкиры, чуваша), славянского (русские) происхождения, с которыми устанавливали стабильные этнокультурные связи. Во многом формирование различных брачных комплексов свадебной обрядности марийцев обусловлено межкультурными контактами. В данной статье предпринята попытка выявить русские заимствования в традиционной марийской свадьбе, которые будут рассматриваться с учетом как этнического, так и конфессионального факторов.

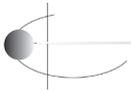
Подробно изучением свадебной обрядности марийцев занимался И. Н. Смирнов [9]. Однако до сих пор открытым остаётся вопрос о доли конвергентных и заимствованных элементов в традиционной марийской свадьбе.

Различия в свадебной обрядности разных районов расселения марийцев в конце XIX – начале XX вв. в значительной степени определялись глубиной и частотой русско-марийских связей. Там, где культурные контакты марийцев с русскими были минимальными; например, у восточных марийцев, свадебная обрядность сохранила

много архаических черт. Наиболее интенсивные русско-марийские связи были в районах совместного проживания, прежде всего у горных мари в Ардинской, Тойдаковской и Юнгинской волостях Козьмодемьянского уезда и части луговых марийцев в Петриковской, Ронгинской, Сотнурской, Шигаковской и Шиньшинской волостях Царевкокшайского уезда. В ареале северо-западных марийцев, в Ветлужском уезде Костромской губернии и северо-западной части Яранского уезда также прослеживаются процессы активного взаимодействия с русским населением.

Традиционный свадебный обряд состоит из предсвадебного цикла, свадьбы и послесвадебных обрядов. Анализу подвергнуты его основные структурные составляющие: предсвадебные обряды, локализация свадьбы, религиозное оформление брака, функции свадебных чинов, устойчивые обряды.

В конце XIX – начале XX вв. браки у марийцев заключались двумя способами – путём договора между родственниками и путём похищения женихом невесты. Брак путём умыкания невесты получил своё распространение у восточных и луговых мари в Малмыжском уезде Вятской губернии. Следы этой традиции прослеживались у горных и части луговых марийцев, где встречался обрядовый откуп жениха от парней той деревни, откуда

он брал невесту, зачастую сопровождавшийся обрядовой погоней. Не исключено, что данный способ заключения брака мог в прошлом относиться к универсальным явлениям марийской свадьбы. Однако в контактной зоне с русским населением большинство браков заключалось посредством договора между родственниками жениха и невесты, что считалось наиболее правомерным актом оформления брака.

В выборе невесты жениху активно помогали его родственники мужчины. Традиционно у марийцев на смотрины отправлялась группа людей во главе с организатором данного мероприятия, выступавшим посредником между семьями. Человека, по чьей рекомендации осуществлялось сватовство, называли *ончыч коитшио*, *кокла коитшио*, *путлышо*, *тулар мари*, *куда мари* (сватун), *тамлуше*, *темче* (сват), у горных марийцев – *туклар мара* (сват). С течением времени, видимо под влиянием русского населения, в марийской свадьбе определенную роль начинают играть женщины-свахи, хотя в традиционной марийской свадьбе этот персонаж отсутствовал. Появляются специальные термины, обозначающие конкретных действующих лиц: *ончыч коитшио вате* (жена сватуна из деревни невесты), *тулар вате* (жена свата), *сваха-вате*, *темлыше вате* (сваха, сватуня) [9, с. 104]. Прямым результатом русского влияния на свадебный ритуал горных и луговых марийцев, соседствующих с русским населением, явилась смена в начале XX в. марийских терминов, обозначающих сватов и сватовство русскими заимствованиями – *сватояшь*, сват, *сватун-вате* и *свататаш*, *сваха-вате* [9, с. 104]. Именно у горных марийцев, чьи контакты с русскими были наиболее интенсивными и продолжительными, центральное место в обряде сватовства стала занимать женщина (Козьмодемьянский уезд).

Интересен и обряд освящения брачного договора, который у части горных марийцев в предсвадебном цикле видоизменился и проходил согласно христианской традиции [5, с. 231]. Моление совершалось перед образами, после чего следовал троекратный обмен кольцами.

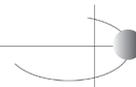
Помимо общих обрядов, повсеместно распространенных среди марийцев в предсвадебном цикле (смотрины *удыр йодмаш/ыдыр анжааш*; пропой девушки *удыр йуктымаит /ыдыр йуайш*, сватовство; заключение свадебного договора *тувыр шулаш/пунчал пумыаи*; визит *тугыр висыктымаи*, *кумалтыш васа/увер налмаи*; получение известия), встречаются и специфические обряды. Так, у марийцев, живших в близком соседстве с русскими, в Царевококшайском, Яранском, Козьмодемьянском уездах, встречалось ещё одно – ритуальное посещение родителей жениха невестиного дома *кинде пукшимо* (букв. «кормле-

ние хлебом»), *килде ваиталташ*, (букв. «обмениваться хлебом») [10, с. 18]. Кроме того, через некоторое время после сватовства у марийцев северо-западной части Яранского уезда родственники невесты ходили знакомиться с хозяйством жениха, «смотреть дом» – *качын сурт-печыжым пален налаш*. Этот обычай был узко локализован и не встречался у других групп марийцев, что само по себе может указывать на заимствованную природу обряда. Кроме того, аналогичное явление встречается и у чувашей, проживающих в контактной зоне с русским населением в Самарском Заволжье [12, с. 246].

Вследствие распространения православных традиций изменения коснулись и локализации свадьбы. Так, можно отметить переход от матриликальности к патриликальности всего свадебного церемониала. У некрещеных мари кульминационные свадебные обряды проходили в основном в локусе невесты соответственно матриликальной традиции, или локализовались как у невесты/посаженных родителей, так и у жениха. Среди горных и луговых марийцев (Васильевского, Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов), где православие играло значительную роль, основные свадебные обряды совершались в локусе жениха. Кроме того, часть обрядов (религиозное освящение брачного договора, смена головного убора) переносилась на территорию православного храма.

Ещё одно ключевое обрядовое действие – религиозное оформление брака. Именно христианизация марийского населения внесла наиболее заметные коррективы в структуру этого действия. У крещёных луговых марийцев, где роль *карта* (жреца) утратила своё значение в ходе христианизации, языческий обряд бракосочетания совершался в упрощённом варианте. Информаторы свидетельствовали также о том, что в Яранском уезде, вероятно под русским влиянием молитву могла совершать пожилая женщина, хотя для традиционных марийских верований характерно, что все молитвенные действия совершаются исключительно мужчинами [7]. У части горных мари языческий обряд полностью замещён православным венчанием. В целом среди марийцев в середине XIX в. православное венчание могло совершаться в зависимости от уезда как непосредственно во время свадьбы (Козьмодемьянский уезд), так и спустя продолжительное время (от нескольких недель до нескольких лет после него) [6, с. 146].

Изменения произошли и в структуре свадебных чинов. Вероятно, в связи с христианизацией большую роль начинают играть в свадьбе крестные родители. Так, в контактных зонах марийского и русского населения посаженных родителей сменяют крестные родители – *кресс ава* и *кресс*

ача. Одной из ключевых фигур в свадебной церемонии являлся женский персонаж *вуй петурма ава*, в функции которой входила смена девичьего головного убора на женский. Однако в Арбанской и Вараксинской волости Царевококшайского уезда этот персонаж назывался *свах-вате*, а в Козьмодемьянском уезде *кресс ава* [7].

Заслуживает внимания ещё один цикл обрядов, подвергнувшийся серьёзным изменениям и получивший новое осмысление у марийцев в XIX в. – обряды, направленные на проверку целомудрия невесты. До принятия христианства марийцы язычники не уделяли девственности невесты особого внимания. Напротив, наличие у невесты ребенка свидетельствовало о её способности к деторождению. Так, по мнению исследователей XIX в., добрачное сожителство не являлось помехой для заключения брака [4, с. 53]. С появлением христианства данные постулаты подверглись переосмыслению и девственность невесты стала рассматриваться как одно из обязательных условий заключения брака. Так, по мере распространения христианской морали девственность невесты стала необходимым условием для совершения обряда бракосочетания с соблюдением всего традиционного обрядового комплекса. В противном случае стоимость вносимого выкупа за невесту снижалась в несколько раз и свадьба проходила без особых обрядовых действий: по свидетельству информаторов, на такой свадьбе нельзя было использовать музыкальные инструменты и петь [7].

А. Фукс отмечает, что у луговых марийцев обряд проверки девственности невесты проводился в течение первого дня свадьбы и завершался демонстрацией результата. В случае невинности невесты жених выказывал любовь к молодой жене, а в противном случае мог даже побить [5, с. 223]. В тех районах, где общение с русскими было более тесным (юринский, килимарский кусты), утром второго дня свадьбы, молодых усаживали вместе со свадебными гостями за стол и подносили молодому рюмку вина. Если молодая сохранила невинность до свадьбы, он выпивал вино и ставил рюмку на стол. В противном случае муж бросал рюмку с вином на пол. По мере распространения

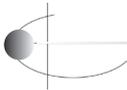
этого обряда он постепенно видоизменяет исконные марийские традиции. Так, в центральных волостях Царевококшайского и Яранского уезда обряды, связанные с проверкой целомудрия невесты, исполнялись во время послесвадебного посещения молодыми её родителей. Если зять начинал во время застолья брать специально приготовленную яичницу *пурлашкамуно* осторожно, с краешка, это свидетельствовало о невинности молодой, иначе он брал угощение посередине и переворачивал ложку. В благодарность теще зять клал за пазуху серебряные монеты – *цызы пукшымылан* (букв. «за кормление грудью») [8, с. 116]. У других групп марийцев обряд «платы за молоко» матери являлся традиционным и проходил перед отъездом свадебного поезда из дома невесты.

Таким образом, необходимо отметить, что заимствования были как на этническом уровне (элементы традиционной русской культуры), так и на конфессиональном (христианизация). У русского населения марийцы частично заимствовали свадебную терминологию (обозначение свах, крестных родителей), изменения коснулись традиционного состава выборных чинов с частичной трансформацией их функциональной направленности.

Под влиянием христианизации изменяются и традиционные языческие верования марийцев, в большинстве случаев представляя синкретизм язычества и православия, что впоследствии оказывает влияние и на семейно-брачную обрядность. Так, в контактной зоне отмечается ослабление язычества и, как следствие, упрощение языческого обряда бракосочетания, а в некоторых районах его полная замена обрядом православного венчания, упрощение или переосмысление согласно христианской традиции некоторых магических обрядов, появление новых элементов в традиционной структуре свадебного церемониала – обряды, направленные на проверку девственности невесты. Брачные обряды, заимствованные или выработанные под влиянием славянского компонента, переплетались с исконно марийской традицией и приобретали национальный колорит. Интересен тот факт, что зачастую они воспринимались носителями этноса как национальные.

Список литературы

1. Васильев В. М. Материалы для изучения верований и обрядов черемис // Иностранное обозрение. Казань, 1915.
2. Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб. М. О. Вольф Том VIII: Среднее Поволжье и приуральский край. Ч. I. 1901
3. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал. М.: Наука, 2001. 248 с.
4. Кузнецов С. К. Очерки из быта черемис // Древняя и новая Россия, Т. II. 1877.
5. Кушелев П. С. Черемисская свадьба (Из быта черемис Козьмодемьянского уезда Казанской губернии) // Марийский археологический вестник Йошкар-Ола, 1998. № 8. С. 230–233.
6. Михайлов С. М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары, 1972. 423 с.

7. Полевые материалы автора – Республика Марий Эл (Куженерский Медведевский, Оршанский, Мари-Турекский, Парангинский, Сернурский районы.), Кировская область Малмыжский район.
8. Сепеев Г. А. История расселения марийцев. Йошкар-Ола, 2006. 200 с.
9. Смирнов И. Н. Обрядовые параллели в традиционных свадебных ритуалах марийцев и русских // Этнокультурные традиции марийского народа. Йошкар-Ола, 1986. С. 109–124.
10. Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья. М., 1997. 184 с.
11. Фукс А. Записи о чувашах и черемисах. Казань, 1840. 329 с.
12. Ягафова Е. А. Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX вв. Самара: Поволжье, 1998. 369 с.

Рукопись поступила в редакцию 11 апреля 2011 г.

УДК 347.99 (470)(091)
ББК Х891.9(2Р)

Т. Л. Курас
г. Иркутск, Россия

Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи

К лицам, претендующим на должности членов судебных палат и должностных лиц прокурорского надзора, закон предъявлял весьма высокие требования. Зачастую, отработав в палате недолгий период времени, эти лица в соответствии с кадровой политикой самодержавия перемещались в другие судебные палаты, в окружные суды и в Правительствующий Сенат. Тем самым штаты этих органов укреплялись опытными кадрами, однако деятельность палат усложнялась.

Ключевые слова: судебные палаты, кадровая политика, назначение и перемещение судей.

T. L. Kuras
Irkutsk, Russia

The Personnel Policy of Autocracy in Judicial Chambers of the Russian Empire

The law made high demands on applicants for the posts of members of judicial chambers and officials of directorate of Public Prosecutions. Often these people having worked for a short time in accordance with the personnel policy of autocracy were transferred to other appellate courts, district courts and to the Ruling Senate. Thus, the stuffs of these bodies were replenished with skilled personnel, but the work of Chambers became complicated.

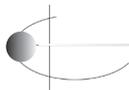
Keywords: appellate courts, the personnel policy, appointment and transfers of judges.

В соответствии с судебными уставами 1864 г. было создано две группы судов: мировые судьи и общие судебные установления. К ним относились окружные суды, судебные палаты и кассационные департаменты Правительствующего Сената. Мировые судьи рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела; окружные суды – дела, неподсудные мировым судьям и не отнесенные законом к ведению судебных палат. Судебные палаты являлись апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами, а также рассматривали по первой инстанции дела о государственных и должностных преступлениях. Сенат был высшим судебным органом страны.

Для проведения судебной реформы территория Российской империи была поделена на судебные округа, а в каждом округе учреждалась судебная палата, окружные суды и мировые судьи. Создание судебных палат являлось важнейшей составляющей судебной реформы, и государство возлагало большие надежды на их деятельность, считая оплотом самодержавия. Началом реализации судебной реформы стало открытие в 1866 г. Санкт-Петербургской и Московской судебных палат и создание соответствующих судебных округов. 17 апреля 1866 г. состоялось торжественное открытие Санкт-Петербургской судебной палаты и окружных судов её округа. Палата и Санкт-Петербургский окружной суд расположились в

здании бывшего старого арсенала на углу Литейной и Захарьевской улиц. 23 апреля состоялось открытие Московской судебной палаты и окружных судов её округа. Палата разместилась в бывшем московском сенатском здании [12, с. 203–208]. Затем стали открываться другие судебные палаты, в первую очередь в Европейской России. В 1867 г. была создана Харьковская судебная палата, в 1868 г. – Тифлисская, в 1869 г. открыта Одесская палата. Далее, в 1870 г., создан следующий судебный округ во главе с Казанской судебной палатой. В 1871 г. открылась Саратовская судебная палата. Важным этапом в проведении судебной реформы в Российской империи стало создание в 1876 г. Варшавской судебной палаты на одной из значимых окраинных территорий страны [15, с. 2–39]. Варшавская палата находилась по адресу: г. Варшава, Красинская площадь, дом 5 [2, л. 300]. С 1880 г. начали функционировать новые суды Киевского судебного округа во главе с соответствующей судебной палатой. Позднее, в 1883 г., была создана Виленская судебная палата [15, с. 2–39].

Судебная реформа по-разному реализовывалась на различных территориях империи, что объяснялось объективными сложностями [10, с. 62]. Реализация реформы в целом в России затянулась, в результате чего новые судебные порядки внедрялись на окраинах России в изменённом виде [6, с. 26–33].

В Сибири судебные уставы были введены в 1897 г. Так, 2 июля состоялось открытие Иркутской судебной палаты по адресу: г. Иркутск, Ивановская площадь, дом 16 [6, с. 26–33.]. Далее формирование судебных палат в Сибири было продолжено и в 1899 г. открылась Омская судебная палата [17, с. 15–44.]. В 1899 г. в азиатской части России была создана ещё одна судебная палата – Ташкентская [16, с. 16–44.]. Последней в 1904 г. была открыта Новочеркасская судебная палата [18, с. 15–47.].

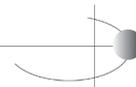
Таким образом, судебная реформа последовательно проводилась на всей территории Российской империи. К началу XX в. во всей России действовали новые суды, было создано четырнадцать судебных округов во главе с судебными палатами [14, с. 1924–1927]. Территории судебных округов со временем могли изменяться в результате открытия новых палат либо в силу иных причин. Место судебных палат в судебной системе было весьма высоким, их образование становилось значимым этапом на пути укрепления авторитета судебной власти.

В соответствии с судебными уставами судебные палаты возглавлял старший председатель. Палаты делились на гражданские и уголовные департаменты и состояли из председателя и определенного штатами числа членов. При каждой палате состоял прокурор и определенное число его товарищей, действовавших под его руководством. В связи со значимым местом палат в судебной системе закон предъявлял высокие требования к должностным лицам этих судов. На должности чинов судебных палат могли определяться русские подданные, имеющие высшее юридическое образование. Члены судебных палат назначались из числа лиц, состоявших не менее трех лет в должности не ниже членов и прокуроров окружных судов. Председатели палат – из числа лиц, состоявших не менее трех лет в должности не ниже прокурора или члена палаты, либо председателя или товарища председателя окружного суда. На должность товарища прокурора палаты могли назначаться лица, занимавшиеся судебной практикой не менее шести лет, на должность прокурора палаты – не менее восьми лет. К членам окружных судов также предъявлялись высокие требования. Хотя вопрос о том, каковы должны быть требования к лицам, претендующим на судебные должности, являлся проблемным, в связи с отсутствием в России необходимого числа профессионалов [13, с. 422].

Вопросу о подборе кадров для новых судов было уделено весьма серьёзное внимание. В результате длительной организационной работы состав Санкт-Петербургской палаты и окружных судов её округа к моменту открытия новых судов

был полностью сформирован опытными служащими Министерства юстиции, Сената и ранее действовавших судебных органов [7, с. 122–124]. Членами Санкт-Петербургской палаты были назначены следующие лица: член консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, князь Шаховской; председатель 1-го департамента Санкт-Петербургской палаты гражданского суда Зубарев и состоящий за обер-прокурорским столом в Правительствующем сенате Ковалевский. В состав членов палаты также вошли: Полнер, член консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, и юрисконсульт при обер-прокуроре Святейшего синода; Гойнинген-Гюне, юрисконсульт консультации при Министерстве юстиции; Маркевич, председатель Санкт-Петербургской палаты уголовного суда; Ланге, Санкт-Петербургский губернский прокурор. Прокурором палаты стал Чемадунов, а товарищами прокурора состоящий при департаменте Министерства юстиции Тизенгаузен и председатель Тверской палаты гражданского суда Половцов [9, с. 37–39]. Ко времени открытия Московской судебной палаты и окружных судов её округа они также были сформированы опытными служащими. Членами палаты были назначены следующие лица: исправляющий должность обер-прокурора 2-го отделения 6-го департамента Правительствующего сената Прейс; председатель Вятской палаты уголовного и гражданского суда Поппе; председатель Пермской казенной палаты Котляревский; председатель Пермской палаты уголовного и гражданского суда Ягн; состоящий за обер-прокурорским столом в Правительствующем сенате Извольский; Ярославский губернский прокурор Вишняков. Товарищем прокурора Московской палаты был назначен Харьковский губернский прокурор Шахматов [9, с. 37–39]. Состав Харьковской палаты к моменту ее открытия также был сформирован опытными кадрами. Старшим председателем палаты стал сенатор, тайный советник барон Торнац. Членами палаты назначены председатели ранее действовавших судов: Санкт-Петербургской палаты гражданского суда Брилевич, Харьковской палаты гражданского суда Баршевский; Оренбургской судебной палаты Амантов; Харьковской палаты уголовного суда Яблонский; Воронежской палаты уголовного суда Сбитнев и другие [8, с. 34–37].

По мере проведения судебной реформы на всей территории России, в результате создания новых судов возникала необходимость формирования их штатов грамотными профессионалами, отвечающими требованиям закона. Исходя из этого, власть перемещала опытных членов судебных палат, созданных на заре судебной реформы, во вновь создаваемые суды. К примеру, товарищ прокурора Московской судебной палаты Шахматов в

1867 г. был назначен прокурором в новую судебную палату – Харьковскую [4]. При проведении в конце XX в. судебной реформы в Сибири в новые суды было назначено до половины судей, приобретших опыт на службе в судах Европейской России [20, с. 157–158]. В частности, первым старшим председателем Иркутской палаты стал член Санкт-Петербургской палаты Г. В. Кастриото-Скандербек-Дрекалович [1, л. 2]. Член Московской судебной палаты барон Таубе в 1900 г. был назначен председателем департамента Иркутской судебной палаты [4].

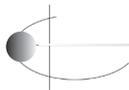
В целом в ходе реализации судебной реформы в России в судебных палатах и окружных судах зачастую возникала необходимость перемещения судей и чинов прокурорского надзора. Власть переводила их из одного суда в другой, руководствуясь целесообразностью, необходимостью укрепить штат какого-либо суда. Анализ приказов о назначениях и перемещениях по ведомству министерства юстиции за период 1896–1917 гг., публиковавшихся в «Журнале Министерства юстиции», позволяет определить приблизительное число лиц, служивших в общей сложности за указанное время в судебных палатах. Например, в составе Санкт-Петербургской палаты за это время в должностях членов палат, прокуроров палат и их товарищей работало более 200 чел., в Харьковской палате – более 150, в Варшавской – более 130, в Московской и Саратовской – более 100, в Одесской и Казанской – более 80. В Иркутской палате за период 1897–1917 гг. работали в общей сложности 41 член суда и 19 представителей прокурорского надзора [6, с. 55–62]. При этом, к примеру, в Санкт-Петербургской палате в 1900 г. в соответствии со штатами было 27 членов палаты (старший председатель палаты, четыре председателя её департаментов и 22 члена палаты), прокурор и шесть его товарищей [17, с. 15–44].

Таким образом, за короткий период времени в должностях членов палат и лиц прокурорского надзора успевало отработать большое число лиц. Приведённые данные свидетельствуют о частых перемещениях указанных чинов судебных палат, что осложняло деятельность судов. Ряд членов судов длительное время служили в одной должности, однако многие чины судебного ведомства неоднократно переводились за период их службы, что, несомненно, создавало для них немало проблем. К примеру, длительный и насыщенный путь службы в российских пореформенных судах прошёл Арнольд. Являясь прокурором дореформенного суда – Саратовской палаты суда, в 1898 г. он был назначен прокурором Киевской палаты, затем – прокурором Санкт-Петербургской палаты, а через год – старшим председателем Киевской палаты, далее – старшим председателем Москов-

ской палаты, затем – прокурором Московского окружного суда, и, наконец, товарищем прокурора Варшавской палаты. В 1909 г. он был уволен от службы, согласно прошению, по болезни [4].

В ряде случаев власть переводила членов судебных палат для занятия должностей в окружные суды, чем значительно укрепляла их состав. В частности, за рассмотренный период порядка 40 членов и должностных лиц прокуратуры Санкт-Петербургской, Московской, Харьковской, Одесской, Казанской, Саратовской и Варшавской судебных палат были переведены в различные окружные суды. Так, член Казанской судебной палаты, статский советник Введенский был назначен председателем Тобольского окружного суда [4]. Некоторые судьи успевали отработать очень короткий период времени в палате, после чего их переводили в другие суды. К примеру, Сушинский, отработав год членом Санкт-Петербургской палаты, был переведён на должность товарища председателя Рижского окружного суда [4]. Иногда члены палат переводились на некоторое время в окружной суд для укрепления его кадрового состава, налаживания работы, а затем вновь перемещались обратно в палату. Например, член Харьковской судебной палаты, действительный статский советник Кулжинский в 1906 г. был назначен председателем Сумского окружного суда. Затем, получив опыт организационной работы, в 1909 г. он перемещён обратно в палату, уже на должность председателя департамента Харьковской палаты [4]. В ряде случаев члены судебных палат перемещались для занятия должностей в другие палаты с целью укрепления их штатов либо по личной просьбе самих служащих. К примеру, член Одесской палаты Пашковский был переведён на должность члена Харьковской палаты, на основании личного прошения [4]. Следует отметить, что судебные палаты были «кузницей кадров» и для Правительствующего сената. Наиболее опытные, грамотные служащие палат переводились в этот высший судебный орган страны. В частности, всего за период 1896–1917 гг. около 15 чинов Санкт-Петербургской палаты было назначено на службу в Сенат. Представители других палат также назначались на службу в Сенат, однако значительно реже. К примеру, за рассматриваемый период в Сенат было назначено шесть чинов Варшавской палаты, пять Московской палаты и лишь два Саратовской палаты.

При переводе чинов судебных палат в другие суды открывались вакансии и требовалось как можно быстрее назначить новых лиц на эти места. В статьях 213–215 «Учреждения судебных установлений» закреплялось правило, что кандидатов на открывшиеся должности избирали и рекомендовали сами суды на общем собрании. Представ-

ления о кандидатах поступали к министру юстиции через старшего председателя палаты. Далее министр представлял Императору кандидатов, рекомендованных палатой, а также других лиц, удовлетворяющих требованиям закона [3, с. 3–4; 5, с. 1–3; 11, с. 274].

При открытии вакансий в палатах судебные деятели, зарекомендовавшие себя с наилучшей стороны при работе в окружных судах, нередко переводились на службу в палаты, что, несомненно, представляло собой повышение, было весьма престижно и ответственно. К примеру, за период 1896–1917 гг. из окружных судов в Санкт-Петербургскую палату было переведено около 90 чел., в Варшавскую – около 80, в Харьковскую – около 70, в Московскую и Саратовскую – около 50, в Одесскую и Казанскую – порядка 40 членов судов, прокуроров и их товарищей. Большая часть из них оставалась работать в палате. Так, председатель Пермского окружного суда барон Зальца в 1896 г. был назначен председателем департамента Казанской палаты и работал на этой должности до увольнения по состоянию здоровья в 1902 г. [4]. Другие лица, назначенные на службу в определенную палату, отработав в ней некоторое время, снова перемещались в другие палаты, в окружные суды, а в ряде случаев и в Сенат.

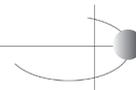
Открытие вакансий и необходимость назначения новых членов в палатах, несомненно, обуславливалась и объективными факторами: смертью чинов палаты или их увольнением от должности. К примеру, за период 1896–1917 гг. умерло более 25 членов Санкт-Петербургской палаты и должностных лиц прокуратуры; около 25 чел. были уволены по собственному желанию в связи с состоянием здоровья. В Московской, Харьковской и Варшавской палатах за указанный период умерло или уволилось по собственному желанию в общей сложности 60 чинов; в Одесской, Казанской и Саратовской около 30.

В ряде случаев судебные палаты, роль которых в реализации политики самодержавия была очень высока, усиливались кадрами из Правительствующего сената. Например, за период 1896–1917 гг. из сената в Санкт-Петербургскую палату на должности членов и прокурора палаты было переведено около 10 чел., в Московскую и Харьковскую палаты – около пяти, в Саратовскую – трое, в Одесскую – двое, в Казанскую и Варшавскую – по одному. Так, товарищ обер-прокурора гражданского кассационного департамента Правительствующего сената действительный статский советник Кондрацкий в 1915 г. был назначен председателем департамента Одесской судебной

палаты [4]. В единичных случаях имели место переводы служащих Министерства юстиции в судебные палаты. К примеру, член консультации, при Министерстве юстиции учрежденной, тайный советник Красовский в 1895 г. был назначен старшим председателем Харьковской судебной палаты. Отслужив в палате три года, он был переведен на должность обер-прокурора Общего собрания кассационных департаментов и Соединенного Присутствия 1-го и Кассационных Департаментов правительствующего сената [4]. В исключительных случаях в качестве членов судебных палат назначались лица, служившие до этого в другом ведомстве. Однако у них должен был наличествовать предусмотренный в законе образовательный ценз и стаж работы в судебном ведомстве на указанных в законе должностях. К примеру, в 1899 г. на должность члена Казанской судебной палаты был назначен причисленный к МВД Казанский городской голова, действительный статский советник Дьяченко. Отслужив в палате четыре года, он стал председателем Казанского окружного суда [4].

Несмотря на активное использование властью механизма перемещения членов судов, некоторые из них работали в одной палате весьма долго – около десяти лет и более. Такие профессионалы составляли основу палат, обучали новых членов суда. В Санкт-Петербургской палате к ним относились: Хвостов, Лешко-Попель, Якубовский, Гвоздов, Ротаст, Половцов, Огнев, Черлениковский, фон-Дельден, Шлейфер, Деларов и другие. В Московской палате долгое время служили статские советники Демонси, Горнштейн, Ананьевский, коллежский советник Регекампф и другие. В Харьковской палате длительное время работали, в частности, Юрьев, Штакеншнейдер, Голенищев-Кутузов, Левенстим, Тоболькевич и другие.

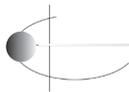
В целом, в результате частых перемещений чинов судебных палат затруднялась их работа, несколько снижалась эффективность деятельности, поскольку судьям требовалось время, чтобы освоиться с условиями работы в новом суде. Однако такие переводы были обусловлены объективной необходимостью замещения и укрепления штата самой палаты, поощрения лиц, долго и профессионально работавших на ниве правосудия в пореформенных судах, повышения качества работы других судов. Наличие же судей, работавших в палатах длительное время, обеспечивало преемственность кадров, давая им возможность быстро и правильно рассматривать дела.

Список источников и литература

1. ГАИО. Ф. 246. Оп. 6. Д. 4. Л. 2.
2. ГАРФ. Ф. 222. Оп. 1. Д. 2034. Л. 300.
3. Значение выборного начала в судебной коллегии // Судебная газета. 1901. № 29. С. 3–4.
4. Извлечение из Высочайших приказов по гражданскому ведомству. Приказы № 80 от 30.12.1895; № 65 от 22.11.1896; № 8 от 28.01.1897; № 88 от 08.12.1898; № 90 от 21.12.1898; № 92 от 30.12.1898; № 50 от 01.07.1899; № 70 от 21.09.1900; № 80 от 28.11.1900; № 89 от 29.10.1902; № 37 от 12.05.1903; № 62 от 31.07.1903; № 56 от 23.07.1904; № 60 от 07.08.1904; № 82 от 11.11.1906; № 3 от 12.01.1909; № 15 от 09.03.1909; № 43 от 20.06.1909; № 6 от 01.02.1915 // Журн. М-ва юстиции. 1896. № 1. С. 14–50; 1897. № 1. С. 17–32; 1897. № 3. С. 19–31; 1899. № 1. С. 20–51; 1899. № 7. С. 76–99; 1900. № 9. С. 28–34; 1901. № 1. С. 20–53; 1902. № 10. С. 17–30; 1903. № 6. С. 16–23; 1903. № 7. С. 59–78; 1904. № 7. С. 111–128; 1906. № 10. С. 11–17; 1909. № 2. С. 11–19; 1909. № 4. С. 23–32; 1909. № 7. С. 86–103; 1915. № 2. С. 39–46.
5. К вопросу о судебной карьере // Судебная газета. 1895. № 18. С. 1–3.
6. Курас Л. В. История Иркутской судебной палаты (1897-февраль 1917 гг.) / Л. В. Курас, Т. Л. Курас, Н. Н. Щербаков. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2003. 254 с.
7. Курас Т. Л. Назначение и перемещение членов судебных палат в Российской империи (на примере Санкт-Петербургской палаты) // Власть. 2010. № 10. С. 122–124.
8. Курас Т. Л. Назначение и перемещение членов судебных палат в Российской империи (на примере Харьковской палаты) // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности : науч.-практ. конф. (Иркутск, 13 ноября 2010 г.): материалы. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. С. 34–37.
9. Назначение по новым судебным учреждениям // Журнал Министерства юстиции. 1866. № 4. С. 37–39.
10. Немытина М. В. Суд в России. Вторая половина XIX-начало XX вв. Саратов, 1999. 251 с.
11. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений: в 3-х т. СПб., 1900, т. 2.
12. Открытие новых судебных установлений в Санкт-Петербурге и Москве // Журн. М-ва юстиции. 1866. № 4. С. 203–208.
13. По поводу судебной реформы в России // Журн. М-ва юстиции. 1864. № 12. С. 25–27.
14. Руководство для составления деловых бумаг / сост. В. Максимов. М., 1913, С. 1924–1927.
15. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. первый. Сведения о личном составе и деятельности судебных установлений, образованных по Уставам Императора Александра II за 1884 и 1885 годы, с картою судебных округов Европейской России и Кавказского края. С.-Птб.: Типография Правительствующего Сената, 1887. С. 2–39.
16. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. шестнадцатый. Сведения о личном составе судебных установлений Азиатской России за 1900 год. С.-Птб.: Типография Правительствующего сената, 1901. С. 16–44.
17. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. семнадцатый. Часть вторая. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Азиатской России за 1901 год. Изд. Первого департамента Министерства юстиции по 3-му делопроизводству стат. отделения. С.-Птб.: Сенатская типография, 1902. С. 15–44.
18. Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. двадцатый. Часть первая. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской России за 1904 год. Изд. Первого департамента Министерства юстиции по 3-му делопроизводству статистического отделения. С.-Птб.: Сенатская типография, 1906. С. 15–47.
19. Совещание Старших председателей и прокуроров судебных палат о судебной карьере // Журн. М-ва юстиции. 1895. № 6. С. 65–74.
20. Судебная реформа в Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 157–158.

Рукопись поступила в редакцию 18 марта 2011 г.

УДК 343. 847 (571.5) (091)
ББК X 884.19(2P54)

А. А. Иванов
г. Иркутск, Россия

Забайкальская ссылка на иркутском сайте www.penpolit.ru

В статье сделан историографический анализ научного сайта, открытого в качестве постоянного информационного органа Совета по истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири в XVII–XX вв. и созданного при Иркутском государственном университете в 2008 г. На сайте представлены результаты исследований профессиональных историков, специалистов по данной проблематике в рамках Сибири. В материале рассматриваются статьи касающиеся истории уголовной и политической ссылки в Забайкальской области.

Ключевые слова: сайт, Сибирь, пенитенциарная система, уголовная и политическая ссылка, Нерчинская каторга, Забайкальская область.

А. А. Иванов
Irkutsk, Russia

The Transbaikalian Exile on Irkutsk Website www.penpolit.ru

The historiographic analysis of a scientific site containing the researches on the history of the penitentiary, retaliatory and guarding policy of the Russian state in Siberia in 17th–20th centuries is made. The website under study was established at Irkutsk University in 2008. The author considers the articles of some experts, stopping on the stories of criminal and political exile in Transbaikalian area.

Keywords: site, Siberia, penitentiary system, criminal and political exile, Nerchinsk penal servitude, Transbaikalian area.

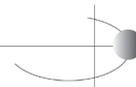
История сибирской ссылки никогда не исчезала из поля зрения региональных исследователей. Пребывание ссылных в Сибири, их влияние на демографию, экономику и социальные отношения, на общественно-политическую и культурную жизнь – все эти сюжеты всегда привлекали внимание исследователей различных отраслей отечественной науки. Историки Иркутска, Читы, Улан-Удэ рассматривали и продолжают изучать ссылку и каторгу в качестве важнейшей (а нередко, и определяющей) особенности развития Восточной Сибири XVII–XX вв.

Основы исследования этой проблематики заложили здесь ещё дореволюционные учёные В. К. Андриевич, П. М. Головачёв, А. А. Кауфман, Н. А. Крюков, И. И. Попов, И. В. Щеглов. В советский и постсоветский периоды историей уголовной и политической ссылки в Забайкалье занимались М. К. Азадковский, Е. М. Залкинд, Б. Г. Кубалов, Ф. А. Кудрявцев, затем продолжили и значительно развили эту тематику А. В. Дулов, В. Г. Изгачёв, О. И. Кашик, С. Ф. Коваль, А. В. Константинов, Т. А. Константинова, Л. В. Курас, З. В. Мошкина, А. Г. Патронова, М. Ю. Тимофеева, М. М. Шмулевич, Н. Н. Щербаков и другие. Явлением в исследовании темы стало издание сборников научных трудов «Сибирь и декабристы» (1978–2009, №№ 1–6, Иркутск), «Сибирская ссылка» (1973–

2009, №№ 1–17, Иркутск), а также серии «Энциклопедия Забайкалья» (2000–2010, Чита), аккумулявавших многолетние поиски ученых не только восточносибирского региона, но и страны.

В наши дни эта тема продолжает плодотворно развиваться, приобретая новые направления и грани. Дополнительный импульс «тюремная» и «ссылнокаторжная» проблематика получила в том числе благодаря использованию новых коммуникационных и информационных технологий. Сегодня интернет-пространство не только источник дополнительных знаний, но и средство научного общения, обмена результатами исследований историков различных регионов, по существу, стирающий границу между «центрами» науки и «периферией».

Одним из таких средств стал сайт, название которого вынесено в заголовок настоящей статьи. Он был открыт в качестве постоянного информационного органа Совета по истории пенитенциарной политики Российского государства в Сибири в XVII–XX вв., созданного при Иркутском государственном университете в 2008 г. На сайте представлены результаты исследований профессиональных историков, специалистов этой проблематики из Иркутска, Улан-Удэ, Читы, Барнаула, Новосибирска, Омска, Братска, других городов сибирского региона. За первый год своего существования сайт сумел объединить

более 50 ученых, опубликовавших здесь около 150 статей по историографии и источниковедению темы, истории революционной и уголовной ссылки, осуществлению политики «штрафной колонизации» сибирского региона, деятельности тюремных ведомств и жандармских управлений, вкладу политических ссыльных в социально-экономическое, культурное и общественное развитие края, истории плена, политзаключенных и спецпереселенцев советского периода.

Несмотря на столь незначительную собственную историю, сайт уже сегодня является верным барометром, отражающим интересы и новые направления в исследовании охранительной, карательной и пенитенциарной системы государства. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим здесь лишь несколько работ, отражающих как общую, так и забайкальскую тематику нашего исследования.

Прежде всего, очевидно внимание современных исследователей к истории применения государством уголовной ссылки и каторги в Сибирь. Когда-то эта тема активно изучалась специалистами русской научной школы. Специалистами права, историками, этнографами, политическими и общественными деятелями, изучавшими те или иные аспекты темы, был накоплен, систематизирован и обобщен огромный пласт фактического материала, детально исследованы многие проблемы пенитенциарной практики российского государства [7, с. 35].

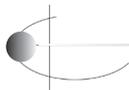
После Октября 1917 г., с коренным изменением государственного строя, работы криминалистов и историков XIX в. оказались невостребованными. Приоритетные позиции в научных интересах историков заняла политическая ссылка, история уголовной ссылки и тюрьмы, по существу, была предана забвению. С началом 1990-х гг. пенитенциарная политика государства, как научная проблема, вновь становится актуальной и востребованной. Сегодня в ней можно выделить несколько подходов, один из них – стремление специалистов всесторонне исследовать законодательные основы тюремного дела в империи. Именно этим аспектам посвящена, например, статья Н. Г. Степановой (Иркутск) «Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX в.», расположенная на сайте в разделе досоветских исследований [14]. Автор весьма плодотворно занимается в последнее время проблемами каторжной политики Российского государства в Сибири (об этом свидетельствуют публикации в сборнике «Сибирская ссылка»). Исследователь фокусирует внимание на двух исторических документах – Уставе о ссыльных и в качестве дополнения к нему Уставе об этапах 1822 г., совершенно справедливо считая их «основой законодательного регулирования сибирской каторги, ступенью

законодательной эволюции института каторжных работ в Российской империи».

Трудно не согласиться с Н. Г. Степановой. Устав о ссыльных положил начало длительному позитивному процессу не только законодательного формирования сибирской ссылки, но в значительной мере впервые упорядочил её практическое применение. Достаточно лишь сказать о том, что именно с принятием этих уставов начался систематический учет ссыльных, проходящих в Сибирь через Тобольский приказ – до этого исследователи пользовались отрывочными и часто противоречивыми сведениями путешествовавших через Сибирь иностранцев, реже соотечественников, изучавших суровый край с точки зрения наличия полезных ископаемых, водных и лесных ресурсов.

Н. Г. Степанова, говоря об Уставе ссыльных, вполне естественно, не могла обойти вниманием и фигуру М. М. Сперанского. До Сперанского, справедливо полагает автор, не было единой государственной системы управления сибирской ссылкой. Это действительно так. Но почему устав так и не стал эффективным инструментом управления сибирской каторгой и ссылкой? Только ли потому что не были, как полагает автор, детально проработаны многие его положения или были ещё какие-либо причины? Наверное, основная причина такого неудовлетворительного результата кроется в том, что документ не учитывал все возрасставших масштабов ссылки в Сибирь, а также того, что местные промышленные предприятия просто не в силах были вместить такое количество осужденных, обеспечив их работой. Например, если в 1812–1821 гг. за Уральский камень было отправлено 39 761 чел., то в следующем десятилетии – 91 709, а в 1832–1841 гг. – еще 78 823. Всего же, по данным Марголиса, с 1807 по 1881 гг. Сибирь приняла 635 319 ссыльных! [9, с. 30].

Но возникает следующий вопрос, почему М. М. Сперанский не предусмотрел в качестве источника для занятости ссыльных поистине бездонные потребности Нерчинской каторги? Реформатор был знаком с Нерчинским горным округом не понаслышке. Зимой 1820 г. он, например, посетил Забайкалье. Для него эта поездка была важной, поэтому накануне из Иркутска Сперанский несколько раз писал дочери о своем намерении побывать в Кяхте. 13 февраля, выехав из столицы края, он 14-го был в Селенгинске. В Кяхте провёл три дня, затем прибыл в Верхнеудинск, а 26–27 февраля осматривал Нерчинский завод и Воздвиженский рудник. Побывал и в шахте. «Ужас сего места; процессия в стране мёртвых со свечами; контраст мальчиков и их голосов, работающих вместе с преступниками», – записал он в своем дневнике. А дочери написал: «Вчерашний день я

возвратился из преисподней... Я видел своими глазами последнюю линию человеческого бедствия и терпения. Ничто не может быть поучительнее сего впечатления». Организацию производства на Нерчинских рудниках он нашел, как указывает В. Вагин, в крайне жалком состоянии. «Хижины и развалины» – назвал увиденное генерал-губернатор. Работа правления или экспедиции о ссыльных была отмечена им также резко отрицательно. Но тягостное настроение от увиденного закончилось в последнем селении заводского ведомства. Когда начались земли Верхнеудинского уезда, перед его взором предстал совершенно другой вид, другие лица, – передает В. И. Вагин ощущения Сперанского [3, с. 51,58]. Возможно, находясь под столь сильным впечатлением от увиденного, Сперанский и не стал определять Нерчинские рудники в качестве основного места каторжного труда? А может быть, надо учитывать то, что Нерчинские заводы находились в собственности Кабинета?

Отдельное внимание в статье Н. Г. Степановой уделено этапированию ссыльных. До Сперанского этой проблемой занимались от случая к случаю. Еще в 1816 г. в Сибири была учреждена внутренняя стража, на которую и возлагалась обязанность по препровождению арестантов. Порядок этапирования арестантов по сибирским губерниям, и в частности, по Иркутской и Забайкальской области, складывался постепенно. Несмотря на принятие уставов, которые предусматривали помимо прочего и систему сопровождения осужденных до места отбывания наказания, в организации этого дела было много нерешенных проблем. Например, график движения. Как следует из письма Иркутского гражданского губернатора И. Б. Цейдлера начальнику Нерчинских горных заводов Т. С. Бурнашеву от 26 ноября 1824 г., колodничьи партии из Верхнеудинска к местам каторжных работ отправлялись «одна за другою через самое кратчайшее время», что ставило в затруднение стоящих по кордонам казаков «исполнять свои обязанности от того, собственно, что они между тем как не успевают препроводить до следующего кордона партии, новая уже поступает ранее, нежели они обратятся на свои места». Губернатор предлагал «решительным образом» сократить количество пересылаемых партий и отправлять арестантов на Нерчинские заводы «не более, как один раз в месяц». Понятно, что так редко партии отправляться также не могли [12, с. 45].

Согласно маршрутной этапной карты по Забайкальской области на 1886 г., путь арестантов от берега Байкала до Верхнеудинска состоял из восьми этапов и полуэтапов: Мишихинский, Мысовской, Боярский, Большереченский, Кабанский, Таракановский, Ильинский, Уточкинский. Самое большое расстояние пути между этапами было на

перегоне Ильинский – Уточкинский – 34 версты, самое незначительное – перед Верхнеудинском – всего 15 верст. В среднем длина одного этапного перегона в Забайкальской области составляла 20,5 верст. Именно столько партия каторжан могла пройти за световой день.

Путь от Верхнеудинска тянулся дальше до Нерчинска. Это еще 25 этапов и полуэтапов. После Нерчинска за Ключевской дорога раздваивалась: северная шла через Сретенск, Шилкинский Завод до Усть-Кары – восемь этапов; и южная – через Кавыкучи-Ундинские – Большой-Зерентуй – Нерчинский Завод – ещё девять.

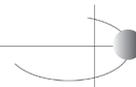
Во второй половине XIX в. партии ссыльных от Иркутска в сторону Нерчинска отправлялись один раз в две недели. Для препровождения арестантских партий с 1878 г. были образованы 12 конвойных команд численностью 27–32 нижних чинов каждая. Общая численность всех конвойных составляла 11 офицеров и 369 нижних чинов¹.

Этап – всегда был тяжелейшим испытанием для арестанта. Путь от Боярска до Верхнеудинска полагалось пройти за восемь дней, от Верхнеудинска до Читы – за 23, от Читы до Нерчинска – за 12, от Нерчинска до Сретенска – за четыре и от Сретенска до Нерчинских заводов за шесть или до Горного Зерентуя – 12 дней. Обратный путь от Читы до Верхнеудинска надлежало преодолеть за 31 день, от Верхнеудинска до Боярска – за 10 дней. Таким образом, от Байкала до Горного Зерентуя партия двигалась 59 суток, обратно – 90. Сроки движения всегда зависели от конкретных условий и зачастую изменялись в сторону увеличения.

Команды подчинялись инспектору пересылки арестантов, в прочих же отношениях находились в ведении командующего войсками области. По Байкалу партии летом отправлялись на судах Кяхтинского пароходства, а зимой – по льду пешим порядком. Арестанты препровождались с разделением на партии семейных и холостых [6, с. 94].

Настоящим бедствием для Сибирских губерний были беглые ссыльные, бродяги. Сбиваясь в группы, они буквально терроризировали притрактовые села, вымогая у крестьян подаяние, а если получали отказ, совершали поджоги и отравы. Образ «несчастливого» ссыльного, бездомного, всеми гонимого, обездоленного и покорного судьбе, созданный нашей демократической литературой, очень редко совпадал с действительным обликом сибирского бродяги. Кусок хлеба, оставляемый крестьянами на задворках своей усадьбы, вовсе не был проявлением сострадания к ссыльным, а

¹ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 24. Оп. 12. Д. 235. Карта.

являлся своеобразным способом откупиться от них, лишь бы не трогали и шли дальше.

Отношение местных жителей к бродягам хорошо рисуют строки из рапорта генерал-губернатора Восточной Сибири С. Б. Броневского А. И. Чернышову о возможности побегов из Забайкалья каторжан или уголовных ссыльных: «Байкал и горные голодные пустыни не доставляют средств без твёрдого знания местности проникнуть сюда; а кочевые буряты и тунгусы для собственной своей безопасности, со свойственной им зоркостью всегда выслеживают беглых в самых непроходимых местах. Мщение их за многие несчастия, от Нерчинских каторжных претерпённые, таково, что весьма немногим удаётся пройти Братскую степь или пробраться через горы кругом Байкала к Иркутску, но и тут буряты и земская полиция довольно деятельно захватывают их»¹.

На каждые 100 ссыльных в Забайкальской области в конце XIX в. приходилось 9,7 преступлений и 9,1 осуждённых преступников, в Иркутской губернии соответственно – 8,9 и 6,9, Енисейской – 11,3 и 3,8. Рассматривая эту статистику, следует иметь в виду её несовершенный характер: на деле преступлений было, конечно же, гораздо больше, так как нет никакой возможности просчитать, сколько преступлений оставалось не обнаруженными и не зафиксированными местными властями [13, с. 130].

Значительно меньше места отведено на сайте исследования истории становления и деятельности в Сибири жандармской полиции. Лишь К. В. Плюта (Братск) в своей статье «Антитеррористическая политика Российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв.» некоторым образом сумел коснуться этой темы [11]. Вместе с тем, с начала 2000-х гг. история политической полиции России изучается активно. В работах В. С. Измозика, В. М. Курицына, З. И. Перегудовой, М. И. Сизикова, М. С. Чудаковой и других уже рассмотрены отдельные аспекты организации и функционирования охранных отделений, розыскного аппарата, взаимоотношения корпуса жандармов с губернскими властными структурами, методы ведения надзора, вопросы финансирования, подготовки квалифицированных кадров.

Деятельность сибирских жандармов исследована гораздо меньше. При этом работа Иркутского губернского управления, Иркутского и Иркутского районного охранных отделений, а также жандармских полицейских управлений Сибирской и Забайкальской железных дорог, действовавших на территории Восточной Сибири, представляется практически неисследованным научным полем. Исключением может служить, пожалуй, только работа А. О. Барина [1].

¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. оц. Д. 256. Л. 81, 82.

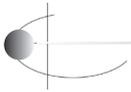
Между тем, история деятельности жандармских структур на территории Восточной Сибири представляет значительный научный интерес. Дело в том, что эта тема имеет свои специфические особенности, продиктованные постоянным пребыванием в регионе значительного контингента политических и государственных преступников, отбывавших здесь наказание ссылкой на поселение или в каторжные работы. Иркутские и забайкальские жандармы первыми в России приобретали опыт организации постоянного полицейского надзора за «дворянскими революционерами», затем петрашевцами, народниками, социал-демократами. Их нелегальная работа заставляла жандармские структуры вести каждодневную хорошо законспирированную агентурную борьбу, налаживать среди революционеров сеть платных осведомителей, активно использовать провокацию, проводить периодические массовые ликвидации руководящих партийных работников.

Введение в научный оборот документов ГЖУ позволяет по-новому оценить размах революционного движения в Восточной Сибири, даёт представление о формах, методах и эффективности деятельности жандармов. Вот, например, объяснительная записка начальника Иркутского ГЖУ в Департамент полиции с изложением причин медленного производства дознаний по политическим делам от 27 сентября 1906 г.: «В течение января и февраля мною был препровожден прокурору Иркутского окружного суда целый ряд переписок: о мятежных организациях на Забайкальской железной дороге, таких же организациях на Сибирской железной дороге, по делу учительского и крестьянского союзов, о союзе союзов, по делу социал-демократической организации, по делу организации социалистов-революционеров, и по делу террористического кружка, подготавливавшего покушение на жизнь начальника охранного отделения ротмистра Гаврилова.

Начиная с 10 января при вверенном мне управлении не было ни адъютанта, ни помощника, так как последние были командированы для следственных действий в свои районы и Забайкальскую область, а адъютант не назначался с июня прошлого года. При подобных условиях, ведя громадную текущую переписку по канцелярии, имея до 600 человек арестованных, производя лично разборку всех вещественных доказательств, формируя и направляя все вышеупомянутые переписки, которые необходимо было снабдить пояснительными записками, и располагая для всей этой работы помощью двух еле грамотных писарей, я лишен был физической возможности лично производить дознания»².

Анализ документа хорошо передаёт накал революционной борьбы в Иркутске и Чите в

² ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 834. Л. 77–78.

1905–1906 гг., а также объём работы охранного отделения того периода. Можно сделать вывод и о хронической нехватке специалистов в управлении жандармского ведомства, а также о квалификации служащих нижнего звена.

Не всегда чиновники жандармских ведомств работали в согласии. Иркутское губернское жандармское управление постоянно конфликтовало с Охранным отделением или с Жандармским полицейским управлением Забайкальской дороги – три службы, призванные беречь спокойствие и порядок в регионе, имели каждая свою обособленную агентуру, своих отдельных осведомителей и провокаторов. Естественно, такое положение не могло не порождать постоянные конфликты, что, в свою очередь, сказывалось на качестве оперативной работы. Несмотря на это обстоятельство, надо признать, что жандармы были хорошо осведомлены состоянием дел в революционном подполье. Руководители этих служб использовали каждый промах коллег, при удобном случае стремились первыми доложить столичному начальству. Вот, например, некоторые фрагменты служебной переписки.

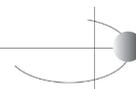
Так, вице-директор Департамента полиции Н. П. Зуев после убийства Метуса просил начальника ИГЖУ Л. Н. Кременецкого «сообщить, совершенно конфиденциально», сведения о служебных качествах и деятельности помощника в Забайкальской области ротмистра Покровского. Кременецкий, чтобы отвести от себя всякое подозрение в непрофессиональном руководстве жандармами, обстоятельно и живо описал достоинства своего подчиненного: «Ваше превосходительство, милостивый государь, Нил Петрович! Имею честь доложить, что помощник мой в Забайкальской области ротмистр Покровский по своим служебным качествам и деятельности представляется выдающимся офицером. Делу службы предан всецело, энергичен, хорошо производит дознания и расследования и обладает розыскными способностями. Вступив в указанную должность 10 августа прошлого года, ротмистр Покровский до текущего июля, помимо многочисленных дознаний и расследований об отдельных лицах, произвел в декабре того же года две обширных ликвидации: с 2 по 6 декабря преступного сообщества «Забайкальской федерации группы вооруженного восстания в Забайкальской области» и с 7 по 15 этого же декабря «Читинского комитета Российской социал-демократической рабочей партии», причем по указанным ликвидациям были возбуждены следствия и по первому было привлечено 24 обвиняемых, а по второму – 12. Затем 14 апреля сего года им был обнаружен, ввиду местных агентурных сведений и полученного подтверждения от начальника Одесского охранного отделения, подкуп под кладовую Читинского казначейства,

где хранилось в это время до 15 миллионов денежных знаков. По этому последнему делу также было возбуждено следствие... В агентурном отношении деятельность ротмистра Покровского значительно слабее. Так, он только в последнее время приобрел одного полунинтеллигентного сотрудника «Староверова» и при том не состоящего в организации и мало осведомленного. Кроме этого, два сотрудника из нижних чинов «Кузнецкий» и «Войсковой», были переданы ему военным начальством.

До приобретения указанных сотрудников ротмистру Покровскому приходилось пользоваться командированными мною в Читу в конце 1905 года интеллигентным сотрудником «Свирским», старым сотрудником из рабочих «Арбузовым» и командированным по временам сотрудником «Гавриковым», которые также в организации не состоят, не знают многих революционных деятелей, имеющих связи, что не даёт им возможность доставлять полезные сведения. В начале июня мною посланы в Читу ротмистру Покровскому интеллигентный сотрудник «Белоусов», полунинтеллигент «Востоков», а в текущем июле – интеллигентный сотрудник «Шарыгин», он же «Шемяков», которые при надлежащем руководстве, несомненно, должны принести пользу делу розыска.

Недостаточная деятельность ротмистра Покровского в агентурном отношении находит себе оправдание в невозможности, благодаря многочисленным дознаниям и обширной канцелярской переписку, посвятить агентуре столько времени, сколько это в действительности требуется вследствие интенсивности революционного движения в Чите и вообще в области. Прошу, Ваше превосходительство, принять заверение в совершенном моём почтении и преданности».

Власти области, испытывая давление со стороны Жандармского управления Забайкальской железной дороги, были иного мнения о достоинствах ротмистра. Так, военный губернатор Забайкалья, обращаясь к барону Ф. Ф. Таубе, командующему отдельным корпусом жандармов, писал 13 июля 1907 г. следующее: «Милостивый государь, Федор Федорович. В дополнение к письму моему от 3 июня за № 591 считаю нужным сообщить. Находящийся недели две в распоряжении ротмистра Покровского поручик Воронин, недавно переведённый в Корпус жандармов из 115 пехотного Вяземского полка, совершенно к делу неподготовлен. Недавно откомандирован обратно в Иркутск. Назначенный тоже в помощь ротмистру Покровскому ротмистр Дудкин, бывший начальник Читинского жандармского железнодорожного отделения, уволенный от этой должности по несоответствию ей, совершенно не способен оказать какую-либо серьёзную помощь названному офицеру.

В первых числах июня с. г. был командирован полковником Кременецким в распоряжение этого офицера агент Гаврилов за условное вознаграждение. С первого же дня прибытия в Читу он начал сильно пьянствовать и спаивать к тому же жандармов. В таком состоянии, ровно ничего не делая, кроме буйств, дошел до того, что, явившись в предместье города («Остров»), подстрекал китайцев к беспорядкам. Когда же был задержан общей полицией, то кричал, что он переодетый жандарм ротмистра Покровского. Ныне Гаврилов за упомянутое подстрекательство заключён под стражу.

Для полной, однако, характеристики действий этого агента в связи с неправильными и неосмотрительными действиями полковника Кременецкого необходимо возвратиться к февралю с. г. В начале этого мая полковник Кременецкий получил сведения, что в Акатуевской тюрьме арестанты замышляют убить её начальника и, взорвав помещение, учинить массовое бегство.

Одновременно с этим было получено сведение, что проживающий в Иркутске бывший арестант Акатуевской тюрьмы из партии социалист-революционеров обратился с просьбой к Гаврилову, не зная, что последний жандармский агент, отвезти на станцию Борзя по известному адресу $\frac{1}{2}$ пуда динамита и 4 пироксилиновых шашки, которые затем будут доставлены в Акатуевскую тюрьму вместе с динамитом.

Следовательно, дело это сводилось к возможности обнаружения виновных в замышляемом в тюрьме преступлении без фактической передачи туда $\frac{1}{2}$ пуда динамита... Дело было организовано полковником Кременецким так: 1) агента Гаврилова с $\frac{1}{2}$ пуда динамита и 4 шашками должен был сопровождать от Иркутска до Читы переодетый жандарм; 2) на смену ему приказано было ротмистру Покровскому дать своих двух жандармов для сопровождения Гаврилова до станции Борзя, где он должен был передать динамит и шашки ожидавшим его там лицам; 3) те же два жандарма должны были сопровождать этих последних лиц до Акатуевской тюрьмы с целью обнаружения виновных в приеме динамита, т. е. ликвидации всего дела.

На самом же деле случилось так: агент Гаврилов с динамитом и шашками ускользнул от жандармского наблюдения и по прибытии на станцию Борзя, вручил эти взрывчатые вещества ожидавшим его лицам. На вопрос, кому он вручил взрывчатые вещества, Гаврилов ответил, что не знает. Полковник Кременецкий об этом важном случае мне не сообщил, хотя принял меры к розыску, но безуспешно. Таким образом, в район каторги был невольно водворен полковником Кременецким динамит, как следствие неумелой и неосмотрительной организации столь важного дела»¹.

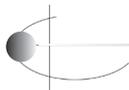
¹ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 81. Л. 48–60.

На сайте достойно представлена богатая событиями и именами история Нерчинской каторги. Надо подчеркнуть особо то, что эта область сибирской ссылки сегодня активно продолжает изучаться. В давно осваиваемом, казалось бы, предмете познания находятся новые грани. Так, например, З. В. Мошкина (Чита) исследует внутренний мир политических каторжанок [10]. Несколько десятков молодых женщин, решивших изменить к лучшему российскую действительность, осужденных за это и отправленных через всю страну в Забайкалье, были собраны на длительное время в одном замкнутом пространстве деревянного барака Мальцевской тюрьмы. На первый взгляд, женщины пользовались относительной свободой – много гуляли, разводили цветы, шили, читали любимые книги. Кандалы надевались лишь по просьбе зрителей, ждущих очередной жандармской проверки, да и почтовая связь с Европейской Россией существовала.

Но тюрьма есть тюрьма, и, наверно, самое страшное испытание здесь – испытание вынужденным общением, когда невозможно уединиться, отказаться от общих разговоров и обсуждения уже хорошо известных проблем. В этой ситуации в первую очередь страдает психика человека, его душевное равновесие. Неслучайно, среди женщин-каторжанок было так много больных, издерганных и нервных людей. В такой атмосфере любая попытка ограничить женщин в правах встречала резкий болезненный протест и крайняя мера – самоубийство – уже не казалась революционеркам проявлением слабости духа.

З. В. Мошкина отдельно рассматривает историю пребывания на Нерчинской каторге Е. К. Брешко-Брешковской. Сначала эсеровская партийная пропаганда сделала из этой женщины символ освобождения «крестьянина-мужика», «заступницы и страдальцы за народ», затем большевистская идеологическая машина превратила в карикатуру, «выжившую из ума старуху из компании Керенского и Милюкова». Характерна, например, карикатура на обложке одного из номеров журнала Аркадия Аверченко «Новый сатирикон» за 1917 г.: гротескный дедушка русской революции Петр Алексеевич Кропоткин вместе с «бабушкой» Брешко-Брешковской, прогуливаясь возле дома, склонились над только что сломанным маленьким деревцем, олицетворяющим, по мысли автора карикатуры, по всей видимости, хрупкую народную демократию февраля–октября 1917 г. в России. Старые народники расстроены, едва не плачут, а сидящий на заборе Лев Троцкий соорудил ехидную рожицу: смотрите, мол, что мы сделали с вашей демократической революцией!

Из Иркутской тюрьмы Брешковская была отправлена с конвоем на Кару в сентябре 1878 г., а

вернулась в Иркутск в 1892 г. Четырнадцать лет провела она в Забайкалье, назвав эти годы впоследствии «самыми пустыми и грустными». Всего же «ссылный» стаж этой женщины составил четверть века (1878–1896, 1910–1917)! Уже это, не говоря об активной конспиративной и пропагандистской деятельности в ссылке, вызывает к ней неподдельное уважение.

Е. К. Брешковская поступила в Баргузин после каторги в начале 1879 г. Здесь проживало всего три-четыре «политика», не было совершенно никакой работы, а значит, и средств к существованию. Решение бежать из ссылки зародилось у неё еще на этапе, все мысли, как она вспоминала, были направлены на скорейшее возвращение к активной работе. Этот побег вызвал настоящую панику в рядах сибирской администрации, а её действия получили жесткую оценку на самых «верхах». О серьёзности положения может свидетельствовать телеграмма министра внутренних дел Иркутскому генерал-губернатору с предложением «принять самые решительные меры к разысканию скрывшихся государственных преступников и доложить мне для доклада Его Величеству»¹.

История этого побега хорошо описана Н. С. Тютчевым, воспоминания о нём оставила и сама Брешковская. Бежавшие пытались пройти тайгой на юго-восток, преодолевая отвесные подъёмы и горные реки. «Приходилось идти по таким острым и крутым хребтам, – вспоминала Брешковская, – что более слабые лошади не могли держаться и, оступившись, падали, скатываясь под гору кубарем... Вьюки не давали им подняться, тогда товарищам по одному приходилось спускаться вниз, сначала развьючивать коня, ставить на ноги, снова навьючить и тащить его, перепуганного и избитого, с большими усилиями к нам вверх. Скорей, скорей, вперед! Но скорость не давалась...» [2].

Через несколько дней беглецы сбились с дороги, окончательно заблудились, проводник их бросил. Они потеряли всех лошадей, запасы продуктов и, окружённые чинами полиции, мобилизовавшими местных жителей, вынуждены были, не приняв боя, сдаться. Их привезли в Верхнеудинск, где содержали в здании военной гауптвахты. Следствие о побеге закончилось в августе 1881 г.: Линева, Тютчев и Шамарин были высланы в Якутскую область, Брешковскую же решено было, наказав розгами, отправить повторно на Кару.

В 1884 г. Екатерина Константиновна получила назначение в Селенгинск. Здесь государственная преступница обучала грамоте детей и взрослых, занималась самообразованием, шила одежду. Это были трудные годы самых суровых испытаний. «В Селенгинске, мертвом», «сером»,

«как в клетке», томилась я целых восемь лет... Одинокая, вечно рвущаяся – выходила я в степь и громким голосом изливала тоскующее по свободе сердце...» [5, с. 8].

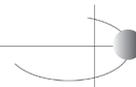
Изучение Нерчинской каторги как самой большой тюрьмы на востоке империи продолжается молодым исследователем из Читы А. В. Волочаевой [4]. Автор рассматривает богатую историю Нерчинска, используемого когда-то в качестве опорного форпоста для движения русских на Амур и к Тихому океану. Уже в 1722 г. последовал указ Петра о ссылке преступников в Даурию на серебряные заводы и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях. По указу от 15 июля 1729 г. в сибирскую ссылку из центра страны стали отправлять бродяг и беглых, что придавало политике штрафной колонизации необходимые силы. С 13 октября 1731 г. разрешили переводить ссылных в состав заводских крестьян, и эта мера становится постоянной. В 1762 г. были изданы узаконения о прекращении ссылки на Колыванские заводы колодников и о селении их на дистанциях от Тобольска к Иркутску до Нерчинска, а также о ссылке преступников в Рогервик и в Нерчинск, смотря по близости расстояния этих мест от места посылки. В 1763 г. последовал Указ о формировании в Сибири, «для защищения этого края», пяти пехотных и двух конных полков из вывозимых из Польши беглых российских подданных и о поселении тех из них, которые в военную службу негодны, в Нерчинском и Селенгинском уездах для распространения хлебопашества.

Первые же партии следующих в Нерчинск ссылных выявили «узкие места» плана расселения, главное из которых заключалось в отсутствии по дороге необходимого количества продовольствия. Например, при переводе в 1754 г. из Соликамских соляных варниц в Нерчинск 2151 чел. незаселёнными болотистыми местами по Кети за семь недель умерло от голода и болезней 517 человек. К тому же для сопровождения осуждённых не хватало конвойных команд, транспорта, помещений для остановок в пути [15, с. 172–176].

Сколько ссылных было отправлено в Забайкалье по «рекрутским» указам? Согласно подсчётам А. Д. Колесникова, в Сибирь в 1761–1781 гг. было выслано не менее 35000 душ мужского пола. Если же иметь в виду, что женщины в этот период составляли около 75–80 % от числа сосланных мужчин, то можно полагать, что в Сибирь за 20 лет прибыло около 60 тысяч ссылных и членов их семей. Часть этих поселенцев были отправлены, как того и требовали указы, в Забайкалье [8, с. 354–355].

17 октября 1799 г. именным указом, данным Сенату, повелено было заселить южную часть

¹ ГАИО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 82. Л. 8.

Восточной Сибири, прилегающую к границам китайским, между Байкалом, Ангарой, Нерчинском и Кяхтой, с предоставлением различных выгод желающим поселиться. Выполнение и этих планов было организовано плохо. Оказалось, что часть людей были отправлены помещиками без надлежащей одежды, большинство не имело в дороге кормовых денег. Такое «переселение» увеличило бродяжничество в крае. Ситуация с заселением Забайкалья ссыльными не изменилась и в XIX в. По-прежнему в этом деле царил неразбериха, отсутствовала планомерность и последовательность.

А. В. Волочаева рассматривает также режим содержания преступников Нерчинской каторги, регламентированный законом, и реально существующие условия их жизни. В ходе исследования автор приходит к выводу, что общий карательный режим каторги, определённый законом, дополнялся суровыми условиями жизни (старыми тюремными помещениями, их большой переполненностью, плохим состоянием медицинской части и др.). Пытаясь сохранить «необходимый» режим каторги, государство не могло изменить неудовлетворительные условия жизни преступников, ограничиваясь только полумерами.

Отдельно в статье А. В. Волочаевой исследуется труд каторжан на строительстве железной дороги. Несмотря на то, что количество преступников каторжного разряда в железнодорожных работах было небольшим, труд этот (в отличие от труда на предприятиях Кабинета) приносил финансовую и стратегическую выгоду государству. Каторжные отрядов исправляющихся и испытываемых работали совместно, причем с последних снимались оковы. Размещались арестанты во временных бараках и без особой охраны.

Кроме перечисленных тем А. В. Волочаева даёт и массу статистического обобщающего материала, последовательно рассматривает количество и динамику поступления преступников на каторгу в Забайкалье, определяет состав каторжных по основным признакам: пол, возраст, социальное и семейное положение, характер совершенных преступлений и их количество.

Дальнейшее исследование роли и места Нерчинской каторги в истории революционного движения императорской самодержавной России видится прежде всего в историографическом осмыслении наработанного материала, а также в

её изучении как характерного примера существования особых интересов Кабинета в Забайкалье.

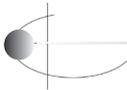
История политической и уголовной ссылки в Сибирь представлена на сайте в работах и других авторов. Перечислим здесь только некоторые имена. Так, С. П. Исачкин (Омск) рассматривает влияние ссыльных социал-демократов на партийное подполье Сибири, журналистскую деятельность Н. Рожкова в ссылке, а также историографические проблемы дальнейшего изучения темы; П. Л. Казарян (Якутск) исследует практику внесудебной административной расправы по политическим мотивам в России конца XIX в.; Н. П. Курусканова (Краснодар) анализирует архивные материалы о следовании через Сибирь на Нерчинскую каторгу группы ссыльных эсерок во главе с М. А. Спиридоновой; И. Н. Никулина (Барнаул) поднимает проблемы политической ссылки 1820–1890-х гг. на Алтае.

Как видим, сегодня специалистов этой темы интересует прежде всего история уголовной ссылки и каторги, правовые аспекты деятельности тюремной администрации и чиновников ГТУ. Определённое внимание уделяется выявлению роли штрафной колонизации в экономическом освоении Сибири. Привлекает внимание историков работа правоохранительных органов, а также структур политического и уголовного сыска региона. По-прежнему исследуется история Нерчинской каторжной системы. Гораздо меньше стала изучаться революционная ссылка, а также деятельность в регионе радикальных политических партий и движений. Практически прекратилось исследование легальной и конспиративной работы большевиков в сибирской ссылке, что может быть объяснено как сравнительной изученностью отдельных сюжетов этой темы, так и её сегодняшней «непопулярностью».

В целом же историографический анализ материалов иркутского сайта даёт основание заключить, что исследование истории пенитенциарной и охранительной политики государства в Сибирском регионе и, в первую очередь, в Забайкалье не только продолжается, но всё больше приобретает комплексный, «сквозной» характер. Организаторы сайта приглашают к обмену результатами своих исследований всех специалистов этой обширной проблематики.

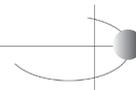
Список литературы

1. Баринов А. О. Стража: очерки истории деятельности спецслужб России в Забайкалье в начале XX века (1901–1917). Чита, 2008. 252 с.
2. Брешковская Е. К. Побег (отрывок из воспоминаний) // Дни. 1924. 20 янв.
3. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского с 1819 по 1822 год. Т. 1. СПб., 1872. 801 с.

4. Волочаева А. В. Нерчинская уголовная каторга во второй половине XIX века. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=485
5. Е. К. Брешко-Брешковская. О самой себе. ПГ., 1917. 18 с.
6. Забайкалье: краткий исторический, географический и статистический очерк Забайкальской области / изд. Забайкальского обл. стат. комитета. Иркутск, 1891. 155 с.
7. Иванов А. А. Историография политической ссылки в Сибирь второй половины XIX – начала XX в. Иркутск, 2001. 275 с.
8. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973. 440 с.
9. Марголис А. Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М., 1995. 208 с.
10. Мошкина З. В. Поведение политических узниц в условиях содержания на Нерчинской каторге в 80-е гг. XIX века. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=503
11. Плюта К. В. Антитеррористическая политика российского правительства во второй половине XIX – начале XX вв. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=507
12. Политическая ссылка в Сибири. Нерчинская каторга. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1993. Т. 1. 292 с.
13. Ссылка в Сибирь: очерк её истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мерах по отмене ссылки. СПб., 1900. 340 с.
14. Степанова Н. Г. Правовое регулирование сибирской каторги в первой половине XIX века. URL: www.penpolit.ru/authors/profile_view.php?id=508
15. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. 463 с.

Рукопись поступила в редакцию 30 марта 2011 г.

УДК 94
ББК Т63

Е. А. Хантуева
г. Улан-Удэ, Россия

Польское женское движение в начале XX в.

В статье рассматривается развитие женского движения на польских землях в начале XX в. Автор описывает достижения женщин в их борьбе за равные права, анализирует деятельность феминистского движения. В работе использованы оригинальные источники, в том числе малоизвестные в отечественной историографии материалы.

Ключевые слова: женское движение, феминизм, борьба за равноправие, Польша.

Ye. A. Khantueva
Ulan-Ude, Russia

Polish Women's Movement at the Beginning of 20th Century

The article considers the progress of Women's movement in Polish lands at the beginning of 20th century. The author describes the achievements of Polish women in their struggle for equal rights with men, analyses the feminists' activity. The paper uses original historical sources including materials little known in Russian historiography.

Keywords: Women's movement, feminism, a struggle for equal rights, Poland.

Первое десятилетие XX в. принесло всплеск феминистского движения в Царстве Польском и Галиции, увеличивалось число различных съездов и форумов, выпускаемых женских журналов и различных сборников. Это было связано с некоторой демократизацией в результате революции 1905–1907 гг. политического режима в России, в том числе и в Царстве Польском. Появилось новое законодательство об общественных организациях. Большинство из них могло теперь действовать легально, а не тайно, как раньше [10], громко заявлять о своём существовании и своих идеалах. Именно этой цели, например, послужил созданный в 1907 г. в Варшаве женский конгресс по случаю 40-летия творческой деятельности Э. Ожешко. В своём выступлении на этом конгрессе, посвящённом вопросам предоставления всеобщих прав, М. Тужима подчеркнула, что постулаты феминисток направлены не только против патриархальности польского и других обществ, но и, прежде всего, против существующего политического устройства. Они добиваются государственной независимости Польши, а также стремятся к «свободе и равенству для всех, в том числе для женщин» [11. с. 417].

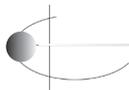
В 1905 г. в Галиции также было разрешено проводить легальные форумы феминисток, в октябре того же года в Кракове прошел I съезд женщин. Его постановления были опубликованы на страницах журнала «Нове слово» (Новое слово), которое их полностью поддерживало. На съезде было решено, что теперь высшей целью женского движения становится «достижение политической свободы женщины ..., достижение всеобщего

единого права для всех граждан. ...Съезд женщин считает обязательным расширение агитации за всеобщее, равное, тайное, прямое, активное и пассивное избирательное право без различий по половому признаку» [8, с. 409].

Особую роль в польском женском движении начинает играть периодическая печать. Это было связано с тем, что в 1905–1914 гг. журналистика в России получает большую свободу, в том числе и в выражении своих взглядов на различные проблемы общественной жизни. Императорский манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», в котором Николай II обещал некоторые политические свободы, провозглашал среди прочего свободу слова и прессы. Именно поэтому уже с 7 ноября 1905 г. по новому стилю большинство варшавских изданий начало выходить без вмешательства цензуры.

Новые более либеральные правила (регистрация планируемого печатного органа вместо получения специального разрешения на право издания) предоставляли возможность основать собственный журнал или газету практически каждому совершеннолетнему и дееспособному российскому гражданину. В связи с этим наблюдался рост числа печатных изданий, предназначенных для женщин. В этот период в Варшаве выходило множество женских журналов, делившихся на литературные («Плюш» и другие), идеологические («Стер» и т.п.) и промежуточные (например, «Мир женщины»).

Однако, как отмечает исследователь Франке, контроль над печатью не исчез: «была ликвидирована превентивная цензура, вместо неё

возникла цензура репрессивная. С этого времени редакция предоставляла материал одновременно с изданием нового номера» [3, с. 29]. Обращение к острым политическим темам, комментирование текущих событий (особенно в годы революции 1905–1907 гг.) могло привести к большим денежным штрафам, а в некоторых случаях к закрытию редакции и конфискации выпущенной продукции.

Поэтому женские журналы предпочитали соблюдать большую осторожность в комментировании правительственной политики, благодаря чему к их редакциям редко применялись санкции. Ни одно из изданий такого рода не было закрыто властями, не было ни одного случая ареста редактора женского журнала, как это бывало, скажем, с руководителями изданий, связанных с социалистическим движением, пишущих на патриотические темы или выступающих за независимость Польского государства. Известен лишь случай конфискации по решению суда № 7–8 «Стера» в 1910 г. за публикацию стиха «Грюнвальдские поля». Но Кучальская-Райншмит, вероятно, подала апелляцию, поскольку в следующем году решение об аресте было отменено.

Высокие штрафы, изъятие тиражей, а также судебные иски, предъявляемые редакторам, заставляли избегать опасных тем, способствовали появлению авторской цензуры в журналах. Другим поводом отсутствия на страницах «Стера» актуального политического анализа происходящего был консерватизм многих читательниц, их интерес к традиционной тематике женских журналов. Внезапное появление на страницах знакомого издания непривычных статей мог снизить интерес к нему, а этого не могли себе позволить даже редакции некоммерческих журналов. По этой причине работы на социальные, экономические, философские темы соседствовали с публикациями о моде и советами по ведению домашнего хозяйства. Поскольку читающими женщинами были в основном выпускницы частных пансионов, необходимо учитывать некоторую их ограниченность, вызванную таким воспитанием. Традиционность вкусов и интересов аудитории в большой степени влияла на облик женской прессы в 1900–1914 гг.

Ещё одной причиной избегать оценки политических событий была нехватка должным образом подготовленных кадров. В итоге несколько женщин-журналистов, получивших соответствующее образование, работали сразу в нескольких редакциях. Так, Софья Дашиньская-Голинская, пользовавшаяся непререкаемым авторитетом в женских изданиях, являлась практически единственным автором, писавшим статьи на экономические темы. Вопросы этики на страницах многих женских журналов поднимала Мария Чеслава

Пжевуская, а правовые проблемы – Янина Подгурская.

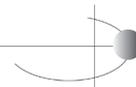
Растущий с начала XX в. профессионализм работников прессы не обошёл стороной и женщин. Многие начинают обучаться азам журналистики, увеличивается число корректоров и переводчиц. Но лишь для некоторых из них эта работа была источником существования, большинство участвовало в подготовке журнала периодически.

Программы изданий разнились в зависимости от того, к какой группе принадлежал журнал, а также направления, которого придерживалась редакция. Польское женское движение делилось на две части. Сторонники одного из них высказывались «за строительство "здания" равноправия женщин с основания» [3, с. 36]. Это означало, что за «фундамент» бралась предшествующая феминистская традиция, опирающаяся на католическую этику, практику активной общественной, экономической деятельности и традиции борьбы за независимость Польши. Данное течение придерживалось тактики постепенного приобретения новых прав и привилегий, прежде всего тех, пользоваться которыми мог не только слабый пол. Главной целью являлась реализация национальных общепольских интересов, частью которых считалось и равноправие полов.

Другая, радикальная, часть женского движения сосредотачивалась, прежде всего, на проблеме получения политических прав. Представительниц этого направления обвиняли в пренебрежении естественным ходом вещей и законами природы, возведении «здания равноправия» с верхних этажей: то, что должно венчать деятельность, у них становится началом. В ответ сторонницы этого течения заявляли, что политические права являются ключом к разрешению других проблем; правильно применяемые, они приведут к полной эмансипации женщин. Радикально настроенные феминистки не забывали о борьбе за соблюдение этического кодекса (дистанцируясь от ортодоксальных католиков), за свободный доступ к науке и рабочим местам, а также за проведение реформ в области воспитания и образования.

В 1906 г. впервые на польских землях, в Краковском университете, степень кандидата наук получила женщина, Хелена Донайзер-Сикорская, общественная деятельница, работавшая врачом в краковских школах. Это была крупная победа женского движения за равноправие, нанесящая удар по широко распространенному мифу о неспособности женщин к научному творчеству. Впоследствии численность таких женщин только увеличивалась.

Расширились возможности получения женщинами высшего специального образования в Царстве Польском. В 1906 г. тайный «летучий»

университет превратился в легальные Высшие женские курсы. В 1908 г. Торговая школа Анели Варецкой стала называться Высшими женскими торговыми курсами. Всего в 1897–1910 гг. её закончило 236 девушек, большинство из которых стало работать по профессии: 224 трудилось в торговле, 12 – в школьном образовании [1, с. 150]. Лишь в прусской части Польши так и не были созданы высшие учебные заведения для женщин, впрочем, там не было такого рода заведений и для мужчин.

Несмотря на все цели, которые уже в какой-то мере были достигнуты или ожидали своей реализации, феминистки не забывали и о внутреннем содержании женщины. Оно должно было соответствовать новой свободной личности. Так, М. Тужима писала в 1906 г.: «Первой и главной задачей, неизменной и вечной задачей женщины является верность себе; необходимо оставаться самой собой, такой, какой сотворила её природа. Юные черты тела и души дала ей природа, чтобы они во все времена передавались человечеству, потому что черты эти ставят человека над всяким живым существом, потому что черты эти дали человеку жажду совершенствования и стремление к бессмертию» [12, с. 177].

В последние годы рассматриваемого периода продолжалось увеличение возможностей для женщин в области образования и трудоустройства. Расширялась сеть школ для девочек, в университетах росло число студенток. В 1910 г. Варшавский торговый банк принимает на работу первую женщину. Вскоре его примеру последовали и другие банки.

Девушки приглашались в открывшуюся Фармацевтическую школу для женщин при первой женской аптеке в Санкт-Петербурге. Объявление в «Календаре польской женщины» гласило: «Двухлетний курс требует свидетельства об окончании гимназии или средней школы, а также сертификат о четырехлетнем изучении латинского языка. Оплата составляет 175 рублей в год и 25 рублей за лабораторные материалы» [5, с. 2].

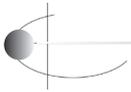
В 1908 г. М. Дулемба, при поддержке Крестьянской партии (Стронництво людовое), демонстративно выдвинула свою кандидатуру на выборах в галицийский сейм, хотя женщины в то время ещё не имели политических прав. В организации предвыборной кампании ей активно помогала М. Конопницкая. Разумеется, М. Дулемба депутатом не стала, но это не охладило её намерений добиться для женщин права на участие в политической жизни. В 1911 г. во Львове она же создала избирательный комитет женщин в городской совет, а годом позже – Гражданский комитет труда женщин, выступавший в 1914 г. за участие женщин в польском легионе, который в союзе с австро-

венгерскими и немецкими войсками должен был сражаться за освобождение Царства Польского из-под русского господства.

В этот период продолжается процесс формирования польских политических партий как правого, так и левого толка. Но женское движение не пошло на установление тесной связи ни с одной из них. Союз за равенство в правах польских женщин сознательно старался сохранить политическую независимость, опасаясь стать для какой-то из сил простым поставщиком женских голосов на выборах. П. Кучальская-Райншмит писала в связи с этим: «Жизненный опыт и факты вновь показывают, что наиболее свободлюбивые партии для своей непосредственной выгоды, для ускорения собственной победы всегда легко отступают от принципа равенства полов. Поэтому в конечном итоге женскому движению необходимо формироваться самостоятельно, чтобы занять положение равноправного союзника по отношению к другим партиям, а не быть в их руках инструментом, который отбрасывают, как только он становится ненужным» [6, с. 169].

Не последнюю роль в выборе такой позиции играло то, что главные польские политические партии отнюдь не стремились включать проблему равенства полов в число своих приоритетов. Пахуцкая отмечала, что в Галиции, где часть женщин к этому времени всё-таки имела ограниченные избирательные права, политические группировки, обещая добиваться соблюдения равноправия во всех сферах жизни, на деле быстро забывали об этом, получив женские голоса. В своих «Мемуарах» она вспоминала: «Когда, однако же, мы начали агитацию среди женщин, принадлежащих к национально-демократической и социалистической партии, нас ожидал большой сюрприз – все отказывались. Женщины из правого крыла боялись быть осмеянными, а социалистки гордились тем, что борются за права для человека (следовательно, не называя человеком женщину), и говорили, что это может помешать им в кампании за избирательную реформу и в требовании прав для рабочих масс, в которых, как это ни удивительно, они не замечали работниц. Таким образом, правые поддерживали левых в сопротивлении феминизму» [7, с. 98].

Тем не менее, при подготовке и проведении многих акций эмансипантки сотрудничали с польскими партиями, чаще всего с левыми, примером здесь служит уже упоминавшаяся нами поддержка на выборах Марии Дулембы Стронництвом людовым. А некоторые убежденные феминистки особенно тесно сотрудничали с политическими силами. Так, одна из них, Фелиция Носсиг-Прухник, подруга лидера галицийских социалистов Игнация Дашиньского, активная де-

ательница Польской социально-демократической партии, была против создания самостоятельных структур женского движения, требуя его интеграции с социал-демократическим движением [4, с. 15].

В Царстве Польском с социалистической партией была связана Иза Мосьченьская, которая в 1913 г. участвовала в создании Лиги женщин боевой готовности, организации, помогавшей польскому легиону.

Постепенно женский вопрос, по крайней мере на бумаге, становился частью национального вопроса. Мария Дулемба заявляла: «На этой же земле мы, женщины, желая равноправия, жаждем участвовать в борьбе за права народа, работать на его будущее, участвовать в строительстве национального здания. А хотим мы этого, поскольку имеем право думать, что сооружение это будет лучше, надёжнее и сильнее, если мы приложим к этому свою руку, поскольку мы чувствуем, что в силах работать на всех участках и на всех полях, а не только на пустошах. Именно поэтому полными иронии нам представляются слова: "теперь не стоит тратить время на борьбу за права женщины"» [2, с. 131].

Особенно она подчёркивала, что не следует, борясь за свободу народа, забывать о правах женщин, ведь они являются его неотъемлемой частью. Накануне первой мировой войны даже убежденные противники женского равноправия стали считать, что женщины вместе с мужчинами несут общую ответственность за судьбу страны, и признали их огромную роль в сохранении самосознания польского народа во все время разделов.

К 1914 г. женщины успели занять довольно важное место в польской общественной и экономической жизни. Во время первой мировой войны позиция их упрочилась, они стали преданным партнером в борьбе за государственную независимость и после образования II Речи Посполитой наделяются равными с мужчинами правами и обязанностями, к чему они так долго стремились.

Либерализация политической жизни в Российской империи и позитивные сдвиги в положении женщин сопровождались ростом числа различных женских обществ. Так, с 1906 по 1914 гг. здесь возникло около 30 женских организаций. Одним из них было Общество за равенство в правах польских женщин, возникшее в 1907 г. Однако очень скоро в результате внутренних разногласий из него выделилась группа, в которую входили Казимера Буйвид, Паулина Кучальская-Райншмит, Юзефа Бояновская, Романа Пахуцкая и др. Они создали свою организацию – Союз за равенство в правах польских женщин (СРППЖ). Он считается более радикальным, чем Общество за равенство в правах, поскольку его члены

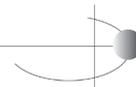
выступали за более активные формы борьбы и предоставление всех прав женщинам немедленно, не дожидаясь обретения государственной независимости Польши. Кроме того, в руководстве Общества за равенство в правах польских женщин участвовали мужчины, поддерживающие феминистские идеи, против чего были настроены оппозиционеры. Тем не менее, обе организации, хоть и имели свои собственные издательства, тесно сотрудничали, организовывали совместные съезды, придерживались единой точки зрения в таких вопросах, как реформа гражданского права, участие женщин в органах власти, запрет узаконенной проституции.

Программа общества концентрировалась вокруг требования женского равноправия по трудовому законодательству и в гражданской жизни, получения обязательного женского образования, борьбы с аморальностью, проституцией и алкоголизмом; изменения брачных правовых отношений (личная и имущественная независимость от супруга, родительские права для матери); обретения женщинами избирательных прав, возможности баллотироваться в сейм и Государственную думу [9, с. 250].

Глава Союза за равенство в правах польских женщин, Паулина Кучальская-Райншмит стремилась создать широкую территориальную сеть своей организации, основав представительства в других городах Царства Польского (Людзь, Белосток, Плоцк и т. д.) и Российской империи, где были большие польские колонии (Киев, Одесса, Санкт-Петербург). Благодаря этим усилиям СРППЖ в 1909 г. насчитывал 215 членов в Варшаве и 165 в местных отделениях [3, с. 25].

Большое внимание руководители СРППЖ уделяли пропагандистско-просветительской деятельности. Уже в первые месяцы существования организации были проведены два собрания по проблеме искоренения проституции и торговли живым товаром. Помимо регулярных собраний эта организация занималась организацией всевозможных лекций, докладов и конференций. Так, в 1909 г. были заслушаны 29 докладов (всего 2327 слушательниц). В том числе, 6 лекций И. Будзиньской-Тылицкой по теме «Гигиена ребенка», 7 докладов Л. Кшивицкого «Современный женский вопрос» и Р. Женкевич «Следует ли замужним девушкам зарабатывать?». Были также проведены отчетно-дискуссионные вечера о зарубежном женском движении. Такие акции осуществлялись и в последующие годы.

Немаловажную роль в укреплении положения и распространении идей этого общества играла поддержка в прессе. Издававшийся с апреля 1907 г. журнал «Стер» (Руль) с момента создания организации использовался как публичная трибу-

на Союза за равенство в правах польских женщин, хотя формально он стал его официальным изданием только в 1914 г. Этому, безусловно, способствовало то, что руководителями и журнала, и организации были одни и те же люди – Кучальская-Райншмит и Бояновская. На страницах журнала публиковались пропагандистские материалы активисток женского движения и авторов, связанных с Союзом за равенство в правах польских женщин. Зачастую это были тексты лекций, представленных на заседаниях этого Союза. В 1909 и 1910 гг. при поддержке Союза за равенство в правах польских женщин выпускался Календарь польской женщины, в котором были материалы о деятельности полек, завоеваниях феминизма в просвещении и образовании.

В течение четырех лет в штаб-квартире Союза (квартира Кучальской-Райншмит) действовало информационное бюро, дававшее консультации по вопросам высшего образования, трудоустройства, правовой защиты работающих женщин [7]. Там же действовала библиотека-читальня для женщин, возглавляемая Бояновской. Осуществлялось шефство над общеобразовательными курсами для женщин, для девушек же в 1914 г. был проведён цикл лекций, целью которых была помощь в выборе работы или общественной деятельности. В 1910 г. в штаб-квартире СРППЖ открылись двухлетние курсы, готовившие девушек к экзаме-

ну на аттестат зрелости, а в 1915 – годовые курсы для выпускниц семилетних женских школ.

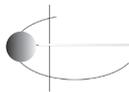
Члены Союза за равенство в правах польских женщин использовали для популяризации своих идей, организации действий по реализации программных требований страницы «Стера». Последнее из воззваний, адресованное польским депутатам Государственной думы, было опубликовано в 1914 г. Оно содержало требование добиться ликвидации публичных домов и отмены регламентации проституции. Его авторы отмечали, что их акция приобретает всё больший размах, «повидимому, эта позорная действительность гложет совесть людей» [13, с. 33], что большинство респондентов многочисленных анкет Союза высказывалось против этой укоренившейся практики.

Начало первой мировой войны во многом ограничило работу Союза за равенство в правах польских женщин. Была приостановлена издательская деятельность, закрыт «Стер», однако его текущая деятельность не прекратилась. Вслед за другими женскими организациями Союз участвовал в ряде практических начинаний, таких, например, как организация дешёвой столовой для рабочих и курсов для неграмотных, раздача одежды беднякам, подготовка медсестер. После признания в свободной Польше политических прав за женщиной (основное требование Союза) эта организация прекратила своё существование в 1918 г.

Список литературы

1. Chyra-Rolicz Z. Pionierki w nowych zawodach na początku XX wieku // Kobieta i edukacja na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. T. II. Cz.1. Zbiór studiów pod redakcją Anny Żarnińskiej i Andrzeja Szwarca. Warszawa, 1995.
2. Dulębianka M. Polityczne stanowisko kobiety // Górnicka-Boratyńska A. Chcemy całego życia. Antologia polskich tekstów feministycznych z lat 1870–1939. Warszawa, 1999.
3. Franke J. Wokół buntu i pokory. Warszawskie czasopisma kobiece w latach 1905–1918. Warszawa, 1999.
4. Górnicka-Boratyńska A. Chcemy całego życia. Antologia polskich tekstów feministycznych z lat 1870–1939. Warszawa, 1999.
5. Kalendarz Kobiety Polskiej. Warszawa, 1910.
6. Kuczalska-Reinschmit P. Wyborcze prawa kobiet // Górnicka-Boratyńska A. Chcemy całego życia. Antologia polskich tekstów feministycznych z lat 1870–1939. Warszawa, 1999.
7. Pachucka R. Pamiętniki z lat 1886–1914. Wrocław, 1958.
8. Program I Zjazdu Kobiet Polskich w Krakowie // Nowe słowo. 1905. № 20.
9. Sierakowska K. Aspiracje polityczne Związku Równouprawnienia Kobiet Polskich // Kobieta i świat polityki. Polska na tle porównawczym w XIX i w początkach XX. Zbiór studiów pod redakcją Anny Żarnińskiej i Andrzeja Szwarca. Warszawa, 1994.
10. Szwarc A. Kobiety a rewolucyjna przemoc w Rosji w ostatnich dziesięcioleciach XIX i na początku XX wieku // Kobieta i świat polityki. Polska na tle porównawczym w XIX i w początkach XX. Zbiór studiów pod redakcją Anny Żarnińskiej i Andrzeja Szwarca. Warszawa, 1994.
11. Turzyma M. Kongres // Nowe Słowo. Dwutygodnik społeczno-literacki poświęcony sprawom kobiet. Kraków, 1907. № 14/15.
12. Turzyma M. Wyzwalająca się kobieta. Kraków, 1906.
13. Wezwanie // Ster. Organ Równouprawnienia Kobiet 1914. № 4–5.

Рукопись поступила в редакцию 28 июня 2011

УДК 281.9
В 191*С. В. Васильева*
г. Улан-Удэ, Россия**Конфессиональный корпоративизм
и соборность старообрядцев в Байкальском регионе**

Статья посвящена проблеме формирования и функционирования регионального старообрядчества. Особое внимание уделено легитимности религиозных и общественных структур старообрядцев в первой трети XX века. На основе комплекса архивных документов раскрывается роль и значение епархиальных съездов в духовной жизни старообрядческих сообществ в Байкальском регионе.

Ключевые слова: расселение, община, соборность, конфессиональный корпоративизм, Епархиальный Совет, Совет съезда, Иркутско-Амурская епархия.

S. V. Vasilieva
Ulan-Ude, Russia**Confessional Corporatism and Collegiality of Old-believers in Baikal Region**

The article represents the history overlook on formation and development of old believers' religious and public structures legitimacy at first third of 20th century. The stress was made on archive materials, which disclose the role of eparchial conferences in economic and spiritual life of Old-believers' community in Baikal region.

Keywords: household, community, collegiality, Confessional corporatism, eparchial conference, conference senate, Irkutsk-Amur eparchy.

Старообрядчество Байкальского региона имело сложную историю формирования. Исследователи выделяют три потока появления староверов. К первому относились представители русского населения Сибири, которые на момент раскола проживали в крае, не участвовали в принятии реформ церкви и остались «при старой вере», так называемый местный или «явный и тайный раскол» [1, с. 89]. Ко второму потоку относились староверы, которые самовольно бежали в Сибирь, считая, что контроль государства здесь был более слабым. К третьему принадлежали ссыльные старообрядцы, которых приводили в регион как по одиночке, так и большими группами. К такой группе можно отнести «водворение» на территорию Забайкалья в 60-е г. XVIII в. старообрядцев-семейских, которые в силу своей многочисленности, сплоченности и яркой самобытной культуры в дальнейшем составили компактный ареал старообрядцев Байкальского региона.

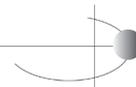
Согласно переписи 1897 г., по некоторым волостям Верхнеудинского уезда старообрядцы распределялись следующим образом. В Куйтунской волости проживало 4 217 семейских (95 % от общего числа жителей), в Куналейской – 4 165 (93 %), в Тарбагатайской – 6 937 (68 %), в Мухоршибирской – 5 370 (78 %), в Бичурской – 4 539 (93 %), в Никольской – 7 485 (84 %), в Брянской – 2 893 (68 %), в Кульской – 1 684 (47 %), в Окино-Ключевской – 310 (0,8 %) и в Еланской – 147

(0,3 %). Согласно официальным данным, на территории Верхнеудинского уезда в конце XIX в. проживало всего 36 797 старообрядцев (63 % от общего количества жителей) [2, с. 41].

Относительно небольшие общины староверов жили на территории Читинского, Нерчинского и Нерчинско-Заводского уездов. Дисперсно семейские проживали практически во всех сколько-нибудь крупных экономических центрах региона: Верхнеудинске, Чите, Иркутске, Нерчинске, Сретенске, Кяхте, Петровском Заводе, а также во многих деревнях, удалённых от зоны компактного проживания.

Большую роль в сохранении и развитии старообрядчества сыграла община, которая наряду с согласием и родом стала основной структурной единицей этого движения. Старообрядческая община во многом отличалась от общины последователей официального православия, так как она была в первую очередь религиозным и только потом хозяйственным объединением.

Из-за неравномерности расселения старообрядцев в разных уездах Забайкальской области и Иркутской губернии было разное количество старообрядческих общин, которое колебалось от нескольких единиц до нескольких десятков. По официальным данным, на момент 1910 г. здесь было 46 «отдельных обществ» старообрядцев; по неофициальным, их было в два раза больше. При этом абсолютное большинство общин в регионе

не были зарегистрированными и функционировали на традиционных основах.

Кроме религиозной, организационной и экономической община играла и важную воспитательную роль. Структура старообрядческой общины, а также характер внутриобщинных отношений позволяли воспитывать у её членов ряд необходимых для жизни качеств. Среди этих качеств можно выделить социальную и экономическую активность, причём активистские элементы «зиждильсь на требовании активизма, непосредственно вытекающего из религиозной доктрины» [3, с.163].

Неотъемлемой частью конфессионального корпоративизма была система взаимопомощи членов общины. Это могла быть помощь попавшему в сложную жизненную ситуацию и в зависимости от характера последней выражалась в деньгах, семенах, скоте, рабочих руках – «помочи», продуктах. При этом уровень развития хозяйства, с одной стороны, и старообрядческая актуализация христианского вероучения – с другой, нередко вели к тому, что помощь, по крайней мере продуктами и одеждой, могла распространяться не только на членов общины, но и на иноверцев, так называемая «тайная милостыня» [4, с. 37].

В старообрядческом общественном движении России в первой трети XX в. возникло новое легитимное учреждение – всероссийские съезды старообрядцев с постоянно действующим органом управления – Советом съезда, со своим особым уставом (положением), со своими задачами и целями. По представительности депутатов от разных старообрядческих общин они могли быть волостными, местными, региональными, общероссийскими. Насущными проблемами съездов являлись вопросы канонической, нравственной и хозяйственно-организационной тематики.

Главной задачей Совета съезда являлось ходатайство перед светской властью по делам старообрядчества, выявление церковно-общественных нужд перед правительством, избрание уполномоченных от общин и приходов. В число целей съездов входило: «давать общее руководство деятельности старообрядческих общин и приходов», «...содействовать подъёму просвещения и развитию правосознания в старообрядчестве», «содействовать распространению полезных знаний и сведений в широких массах старообрядчества». Кроме этого, обязательной целью съезда отмечалось «издание старообрядческого журнала, который должен существовать на самокупаемости» [5].

Одним из интереснейших комплексов источников, рассматривающих историю съездов и соборов различных согласий, регулировавших внутреннюю религиозно-общественную жизнь старообрядческих общин на территории Бай-

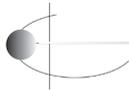
кальского региона, является фонд № 478 Национального архива Республики Бурятия «Переписка и письма Старообрядческого Епископа Иркутско-Амурского и всего Дальнего Востока с настоятелями старообрядческих общин и храмов других городов» (1923–1936).

Среди многих дел в фонде имеются интересные материалы: копии протоколов заседаний Священного синода и Собора, съездов епископов – старообрядцев, архиепископского совета и объединённых собраний, представителей прихода Иркутско-Амурской древлеправославной старообрядческой епархии; письма всесоюзного архиепископского совета и священника Московского казённого храма епископам церквей (1923–1930) (д. 1); протоколы Архиепископского совета и объединённых заседаний комиссии старообрядцев; памятные записи при встрече епископов у московского архиепископа; письма епископов и переписка с ними (д. 2); обращение епископа к православным христианам с. Тарбагатай, Куйтун и др.; переписка с епископами и священниками других городов о постройке храма в г. Харбине (д. 3); переписка с архиепископским советом г. Москвы и епископами других городов о священно-церковнослужителях, совершении церковных обрядов, проведении общих собраний прихожан и другим вопросам, письма архиепископа Московского и епископов других городов по вопросам использования духовной службы и обрядов (д. 4); прошения прихожан с просьбами о разрешении на крещение, вступление в брак и по другим вопросам.

В данном контексте, на наш взгляд, интересно рассмотреть протоколы епархиального съезда старообрядцев Томско-Алтайской епархии, состоявшегося 17–20 мая 1926 г. в г. Барнауле и съезда Иркутско-Амурской епархии [6]. На съезде в г. Барнауле обсуждались такие вопросы, как возвращение старообрядцам церковно-общественных имуществ и юридических прав; заслушивание отчёта казначея о недополученных суммах прошлого самообложения; о состоянии приходов в нравственном, религиозно общественном отношении, о тех или иных достижениях в смысле улучшения в церковно-общественной жизни; о создании кассы взаимопомощи для духовенства.

В протоколе съезда Иркутско-Амурской епархии, который проходил в с. Бардагон с 2-5 августа 1928 г. отмечаются следующие вопросы;

- охрана догматов и правовое исповедание веры;
- о нормах представительства и предполагаемой численности членов на съезд от религиозных организаций;
- отчет Исполнительного органа съезда религиозных общин Иркутско-Амурской епархии;

- отчет Епархиального казначея (кассовый);
- доклады общин и священно-церковнослужителей по церковно-религиозным и богослужебным вопросам;
- проведение в жизнь постановлений съезда и Собора по вопросам веры и нравственности;
- избрание кандидата в епископы на Иркутско-Амурскую епархию;
- выборы исполнительного органа съезда религиозных общин Иркутско-Амурской епархии;
- выборы уполномоченных на Священный собор 1928 г. [7].

Часто протоколы программ съездов сопровождалась «объяснениями к повестке», в которых по каждому пункту подробно комментировался процесс исполнения принятых решений. Так, в «объяснении к повестке» Иркутско-Амурской епархии указано: «...исполнительный орган епархии / Епархиальный Совет/ избирается на один год, имея от съезда наказы и поручения, во исполнении каковых обязан дать отчет своим избирателям», «...уставы и каноны Церкви требуют единообразия исполнений богослужения и треб церковных, и других церковных обычаев. Однако, отчасти благодаря отдаленности приходов, отчасти же по неопытности некоторых священнослужителей и руководителей приходов, в церковно-богослужебной практике довольно часто встречаются разногласия, волнующие членов в Церкви. Цель поставленного на обслуживание вопроса –

по мере возможности вводить единообразие в богослужебной практике и правильное исполнение богослужений и таинств». Здесь же предполагалось «больше уделить внимания вопросам воспитания детей, подрастающего молодого поколения в семье, обратить внимание на представителей провинции» [8].

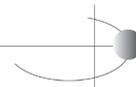
Как показывает анализ источников, внутриконфессиональная жизнь старообрядческих сообществ Байкальского региона в первой трети XX в. имела свою специфику. Важной частью региональных связей между общинами явилась информационная составляющая, где заметное место занимали соборы и съезды, на которых ставились насущные вопросы, требовавшие обсуждения и возможного разрешения. Старообрядческие общины, когда-то замкнутые и закрытые для окружающего мира, теперь были вынуждены реагировать на меняющуюся действительность. На фоне активного участия старообрядцев центра страны в политическом процессе большинство старообрядческих общин Байкальского региона в основном руководствовалось указаниями епархиального совета и архиепископии.

В рамках реализации внутрорегиональной коммуникации общины староверов изучаемого региона уделяли большое внимание организации епархиальных съездов. А присущая старообрядчеству конфессиональная корпоративность постепенно стала играть важную роль в развитии, прежде всего, духовной жизни региона.

Список литературы

1. Костров А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905-1930-е гг.). Иркутск, 443 с.
2. Васильева С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII–XX). Улан-Удэ, 2007. 233 с.
3. Андреев В. В. Раскол и его значение в народной русской истории: исторический очерк. СПб., 1870. 412 с.
4. Бурлаков Н. Н. Сибирская Русь // Болонев Ф. Ф. Пахари и ратники русских волостей Западного Забайкалья в XIX–начале XX века. Новосибирск, 2005. 203 с.
5. НАРБ Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
6. НАРБ Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 81–82.
7. НАРБ Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 190.
8. НАРБ Ф. 478. Оп. 1. Д. 1. Л. 193.

Рукопись поступила в издательство 13 июля 2011 г.

УДК 271.2
ББК Э. 372

Е. В. Дроботушенко
г. Чита, Россия

Православие в малоизвестных трудах богослова и историка церкви протопресвитера Г. И. Шавельского

В статье даётся краткая биография и характеристика трудов протоиерея Г. И. Шавельского по истории православной церкви и по различным аспектам богословского исследования. Упор сделан на работы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, которые не были опубликованы и являются малоизвестными. Автор приводит наименование рукописных или отпечатанных на машинке текстов первой половины XX в. с кратким их анализом. Делается попытка оценить степень освещённости работ Г. И. Шавельского в отечественной науке.

Ключевые слова: православие, церковь, богословие, Шавельский, архив, история.

Ye. V. Drobotushenko
Chita, Russia

Orthodoxy in Theologian and Church Historian Archpriest G. Shavelsky's Obscure Writings

The article characterizes the works of archpriest G. Shavelsky about the history of the Orthodox Church and various aspects of theological studies that are stored in the State Archives of the Russian Federation. The author gives names of the handwritten or typed texts at the beginning of 20th century with a brief analysis.

Keywords: Orthodox Christianity, church, theology, Shavelsky, archive, history.

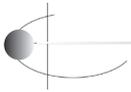
Различные аспекты истории Русской православной церкви становятся предметом изучения историков в 1990 – начале 2000 гг. В силу того, что на протяжении всего советского периода история православия, как и иных религий, практически не изучалась, многие страницы этой истории не были написаны и во время активного научного поиска последних лет. Одна из таких страниц – научное наследие протопресвитера Георгия Ивановича Шавельского.

Имя Г. И. Шавельского не слишком известно исследователям, занимающимся историей православия, по крайней мере оно не находит в работах частого упоминания. Многие его работы в своё время не были опубликованы и сохранились в виде рукописных или машинописных текстов в документах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Бахметевского архива российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. Ряд дел, содержащих сведения о самом Г. И. Шавельском, хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА), в архиве Синода [6].

О самом Г. И. Шавельском, его биографии, деятельности как протопресвитера и трудах имеется несколько публикаций. Одна из наиболее известных – это исследование А. А. Кострюкова «Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий синод». Автором отмечается, что имя Г. И. Ша-

вельского перед революцией очень хорошо было известно в России. Но в эмиграции он оказался мало востребованным и постепенно о нём стали забывать. В этой же публикации даётся косвенная характеристика работ Г. И. Шавельского, хранящихся в ГАРФе. А. А. Кострюков характеризует Г. И. Шавельского как человека постоянных крайностей, причём эти крайности можно проследить и в его работах, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации. Статья А. А. Кострюкова среди относительно большого количества публикаций, посвящённых жизни и деятельности Г. И. Шавельского, пожалуй, единственная, в которой содержится характеристика данных статей [5].

Достаточно большая статья принадлежит В. М. Коткову и Ю. В. Котковой. В ней приводятся данные из биографии Г. И. Шавельского. Данная публикация содержит характеристику «Воспоминаний товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова», в которой о Г. И. Шавельском автор отзывается крайне негативно. В этой же публикации говорится о том, что биография Г. И. Шавельского была опубликована в Париже в 1930 г. в газете «Возрождение». Неполная биография в журнале «Вестник военного и морского духовенства» за 1911 г. в связи с назначением Шавельского на должность военного протопресвитера [6].

Воспоминания о Г. И. Шавельском протоиерея Федора Бокача характеризуются А. Поповым. По воспоминаниям, Г. И. Шавельский предстает человеком простым, при этом в его поведении чувствовался аристократизм. Иначе как патриотом своего отечества он не называется [7]. Как глава флотского духовенства Г. И. Шавельский рассматривался наряду с протопресвитером Е. П. Аквилоновым в объёмном исследовании А. Белякова «Роль флотского духовенства в воспитании военных моряков дореволюционной России». Упоминания о Г. И. Шавельском встречаются и в некоторых других публикациях. Так, его письма анализируются Л. С. Георгиевой [1; 2].

Родился Г. И. Шавельский 6 января 1871 г. в с. Дубокрай Витебской губернии. Окончил духовное училище, а затем Витебскую духовную семинарию. С 1895 г. настоятель храма в с. Бедрица Витебской губернии. Тогда же поступает в Петербургскую духовную академию. Являлся настоятелем Суворовской церкви при Академии Генерального штаба. В русско-японскую войну 1904–1905 гг. был полковым священником, дивизионным благочинным, главным священником Маньчжурской армии.

В 1911 г. назначен протопресвитером военного и морского духовенства России. С 1913 г. он почетный член Санкт-Петербургской духовной академии и Московского археологического института. Исследователями отмечается, что во время руководства Г. И. Шавельским флот перестал испытывать нужду в духовенстве. Им был подготовлен проект реорганизации управления военного и морского духовенства. Его реализация планировалась к концу 1914 г. Реорганизация духовной жизни на флоте поддерживалась его командованием и, в частности, командующего Балтийским флотом знаменитого адмирала Н. О. Эссена. «Он придавал огромное значение работе судового священника, – писал отец Георгий, – и в моих реформах оказывал мне самую энергичную поддержку». Но воплотить в жизнь эту реформу ему было не суждено, причиной стала начавшаяся война.

Были и иные значимые проекты. Так, в планах существовала идея создания семинарии для подготовки военных священников. Отмечается так же, что Г. И. Шавельский имел большой авторитет в среде духовенства, причём не только военного и морского, но и среди высшего епархиального руководства. На Петроградском съезде в мае 1917 г. он был одним из кандидатов на Петроградскую митрополицию кафедру [1].

В 1918–1920 гг. Г. И. Шавельский протопресвитер Добровольческой армии. Пожалуй, на данном поприще он получил наибольшую известность. Он являлся инициатором и организатором создания Временного Высшего церковного управ-

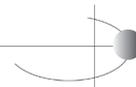
ления на юго-востоке России, которое было сформировано на Юго-Восточном Русском церковном соборе 19–24 мая 1919 г. в Ставрополе. Участие в нём приняли иерархи, управляющие южными российскими епархиями, которые оказались отрезанными от высшего руководства РПЦ [10, с. 507]. В последующем Шавельский в эмиграции в Болгарии. Здесь он являлся профессором богословского факультета Софийского университета и одновременно директором русской гимназии. Умер в 1951 г. [6].

Работы Г. И. Шавельского можно условно разделить на две группы. Это опубликованные труды и малоизвестные исследования, сохранившиеся в архивах. Наиболее известная его работа – «Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота», изданная в Нью-Йорке в 1954 г. и переизданная в современной России. Это мемуары, во многом характеризующие социально-политическую действительность начала XX в. [12; 13]. Известность получила книга «Русская церковь перед революцией», вышедшая из печати в 1935 г. В ней дается характеристика духовенства России в предреволюционные годы, отчасти характеризуются юго-западные и северо-западные епархии. В середине 1990-х гг. в России выходит из печати его работа «Православное пастырство» [8].

Основная же масса трудов Г. И. Шавельского не нашла широкого распространения. В основном о них мы узнаем по ссылкам, встречающимся в различных работах. Среди них книги на болгарском языке, изданные в Софии в 1920–30-е гг. – «Свети Атанасий Великий», «Толстовское учение о непротивлении злу», «О Боге и Его правде», «Молитва Господня» и др. [Более подробно библиографию изданных работ Г. И. Шавельского см.: 11].

Следует упомянуть также речи Г. И. Шавельского, посвященные памяти лидеров Добровольческой армии – генералов М. В. Алексеева, Л. Г. Корнилова, С. Л. Маркова, М. Г. Дроздовского, донского атамана генерала А. Л. Каледина, произнесённые им в разных местах в 1919 г. и нашедшие отражение в публикациях [9].

Мы не ставим целью данной работы характеристику изданных трудов Г. И. Шавельского. Для историка особый интерес представляют исследования, не нашедшие отражения в печати. Они во многом представлены в фонде 1486 «Шавельский Георгий Иванович (1869–1951)» Государственного архива Российской Федерации. В двух делах – № 13 и № 15 даётся представление об основных неизданных работах незаслуженно забытого историка и богослова. Дело № 13 «Работы протопресвитера Шавельского Г. И. по религиозным вопросам и истории православной церкви». Оно начато

10 сентября 1940 г., и окончено в июне 1947 г. и содержит 67 листов машинописного текста. На титульном листе читаем «б/д», что может быть понято как «без даты». В самом же деле, после каждого текста от руки написано «1947». Это скорее год составления дела, «собрание в кучу» имеющихся машинописных работ Г. И. Шавельского.

Труды Г. И. Шавельского, хранящиеся в ГАРФе, в основном небольшие, в пределах нескольких страниц. Исключением, пожалуй, являются работы «Смерть и бессмертие» (написание автора) и «Служение священника на войне». Все работы можно разделить на две большие части. Это заметки богословские и по истории православной церкви.

Работ чисто богословского плана в названных делах немного. Можно назвать заметки «Идея братства в христианском учении». Данный труд является чисто богословским. Он содержит в себе рассуждения о подвигах во имя братства под воздействием Христовых и апостольских наставлений. Братство представляется одной из значимых идей христианства. «...В последнюю великую войну высокий подъем братских чувств помог русским воинам...» [3, л. 25–29].

Следующая работа, которую мы отметим, «Поспешное богословие очень опасно». В ней даётся оценка взглядов Т. Икономова на реформы церкви. Оценка эта крайне негативна. Как отмечает Г. И. Шавельский, по Т. Икономову, догматы не от Христа; Евангелие ап. Иоанна написано под влиянием эллинизма и др. [3, л. 29–31].

Еще один труд, как уже отмечалось выше, достаточно объемный – «Смерть и бессмертие». Здесь мысли автора о вере в бессмертие как защите от страха смерти. Это не что иное, как двигатель жизни. Г. И. Шавельский в этой работе предстает как человек энциклопедических знаний. Помимо разносторонней оценки трудов богословов, это исследования зоологов и антропологов, физиков и медиков. Автор ссылается на работы К. Э. фон Бэра, Г. Дэви и др. [3, л. 36–61].

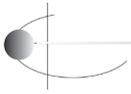
На стыке богословия, истории и социально-политической характеристики действительности стоит работа «Наша партия». В ней автор кратко анализирует деятельность политических партий современности, лозунги, которые они используют. По аналогии Г. И. Шавельский называет церковь Христову Христовой партией. Делает вывод, что многие идеи, используемые современными на тот момент политическими партиями, взяты ими на вооружение именно из христианства. Примером является всё то же учение коммунизма. Это не что иное, как учение ранней христианской церкви о равенстве, которое ею и было реализовано. Анализируя партийные лозунги и призывы, автор

делает вывод, что многие из них есть основа христианского учения. Так, лозунг «Обязательности труда» находим у Иисуса Христа в его осуждении ленивого [3, л. 34–36].

Исторические аспекты и богословские рассуждения содержат в себе заметки «Канонические вопросы Русской православной церкви о расколе», в которой содержится характеристика старообрядческих течений после 1667 г.: беспоповцев, беглопоповцев и австрийского согласия или Белокрыницкой епархии. Это своеобразная краткая история старообрядчества. Г. И. Шавельский оценивает ситуацию с приобщением старообрядцев к официальному православию. Он отмечает, что во многих случаях православные миссионеры более увлекаются своей славой, чем славой Божьей. Отсюда и неудачи миссионерской деятельности среди старообрядцев. Оценивается и ситуация начала XX в., когда 13 апреля 1906 г. Предсоборным Присутствием оговаривалось заявление главных представителей белокрыницкого толка о том, что их толк готов присоединиться к Православной церкви. В отрыве от выявления негативной и позитивной составляющих в истории взаимоотношения официального православия и старообрядчества у Г. И. Шавельского встречаем рассуждения о том, что окончательное присоединение старообрядцев к Православной церкви «...было бы величайшей радостью...». Первый же шаг к объединению легче сделать официальной православной церкви. Однако чёткого ответа на вопрос, как признать старообрядчество, у Г. И. Шавельского не было [3, л. л. 15–24].

Ко второму, более историческому блоку относится работа «Отношение Ватикана к православию за последние 30 лет». Канва исследования в анализе проблемы воссоединения католической и православной церкви. Автор в своих рассуждениях ссылается на работу протоиерея Иоанна Яхонтова «Письмо к отступникам» (СПб., 1864). Помимо этого поднимается вопрос о главенстве Папы Римского над православной церковью [3, л. 1–3].

Интересен труд «Православная церковь и экуменическое движение». В нем Г. И. Шавельский, со ссылкой на труд «Православие по существу» почитаемого им профессора Н. Н. Глубоковского и статью Л. Занцера «И согласно славим Всесвятского духа» (изданной в сборнике статей «Живые предания»), рассуждает о необходимости для православия экуменизма. Также в основе появившихся мыслей лежит доклад протопресвитера С. Цанкова, сделанный им в июне 1946 г., который также содержит рассуждения об экуменизме. В итоге Г. И. Шавельский приходит к выводу о полезности участия православия в экуменистском движении [3, л. 5–8].

Следующая работа – «Возможность принятия англиканского рукоположения православной церковью». Данный труд построен на анализе диссертации профессора Московской духовной академии В. Соколова «Иерархия англиканской церкви» и труде П. И. Малицкого «История на хр. Церкви» в переводе М. Попова. Автор в работе отмечает, что православная церковь долгое время воздерживалась от признания англиканского рукоположения. При этом в некоторых случаях, в Иерусалиме или Царьграде, разрешалось иногда совершать богослужения в православных храмах представителям англиканской церкви. Известны случаи, когда православные священники причащали англикан. На англиканском богослужении в 1925 г. в г. Лондоне присутствовали православные архиереи. В 1945 г. Лондон посетил митрополит Крутицкий. На протяжении достаточно долгого времени англиканская церковь оказывала финансовую поддержку русским эмигрантам. Получал постоянную финансовую поддержку от англикан и Русский богословский институт в Париже. Г. И. Шавельский приходит к выводу, что история и литургическая наука на стороне признания православной церковью англиканского богослужения. По его мнению, также следует учитывать и то, что англиканская церковь выступает своеобразным противовесом католицизму [3, л. 9–10].

Интересны мысли Г. И. Шавельского, изложенные им в работе «Армяно-Григорианская церковь, Сиро-Оковитская церковь, Абиссинская церковь, Сиро-Халдейская церковь и их отношение к православной церкви». Автор дает краткую характеристику перечисленным церквям. У них, по данным Г. И. Шавельского с дореволюционной Россией отношений не было. Были ли подобные отношения с Восточными православными патриархами, автор сказать затруднялся. Как вывод работы следует замечание о желательности сближения с Армянской церковью, поскольку она догматически не отличается от Русской православной церкви. В отношении же иных церквей со стороны русского православия может быть миссионерская деятельность [3, л. 11–12].

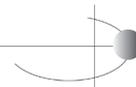
Истории православной церкви посвящены все документы дела № 15 – «Священник на войне», «Церковь и революция» и др.». Данное дело не содержит богословских рассуждений. Все заметки написаны от руки. Дело датируется 1913 г., хотя, судя по тексту документов, составлено несколько позднее. Всего 22 листа [4, л. 1–22]. В данном деле хранится текст одной из достаточно известных работ Г. И. Шавельского «Служение священника на войне» и письменные записки по ней. Эта работа была написана в 1913 г. и представляет собой сорокастраничное рассуждение о том, что можно и нужно делать священнику во

время военных действий. «...Священник, таким образом обязан поддерживать и воспитывать в воинах веру и праведность, долг и честь...» [4, л. 5–20].

Достаточно интересные рассуждения содержатся в заметках «Последний дореволюционный обер-прокурор Св. синода». Речь идет об обер-прокуроре А. Н. Волжине. Отмечается, что «...он не ко двору, прямой, благородный, не пошел по пути компромисса, настроил против себя «царские», отказался от знакомства со «Старцем», уклонился от визита всесильной тогда А. А. Вырубовой» [4, л. 3, 4].

Заключительным документом данного дела является работа «Церковь и революция». В основной массе материал заметок посвящен не анализу роли РПЦ в революции 1917 г. и не определению места церкви в новых социально-политических обстоятельствах. Данный труд – попытка определить, почему революция вообще была возможна, кто виновен в том, что страна дошла до подобного. В своих рассуждениях автор называет события того времени катастрофой или «несчастнейшей катастрофой». Автор считает виновниками произошедшего целую группу политиков и государственных деятелей того времени. «... виновники катастрофы Родзянко, Гучков, Милоков, Керенский и др.» Насколько кто из них виноват в случившемся, покажет время. Ещё один важный момент – осознание Г. И. Шавельским того, что к революции страна подходила долго, и случившееся стало закономерным итогом. «...Для меня, несомненно, к несчастнейшей катастрофе мы подходили медленно и долго, упорно не замечая опасности» [4, л. 21–23].

Пожалуй, отдельно можно выделить работу Г. И. Шавельского «О календаре». Она не является в чистом виде не исторической (хотя исторический экскурс в ней присутствует) и не богословской. В ней приводятся рассуждения о введении нового календаря. Данный вопрос рассматривался еще на Соборе 1898 г. в Санкт-Петербурге. Тогда была создана Особая комиссия, состоявшая, в основном из ученых – астрономов, математиков, историков. Протоколы заседания комиссии хранились некоторое время у Н. Н. Глубоковского. После его смерти они были приобретены Болгарским Св. синодом, однако в 1944 г. во время одной из бомбежек они сгорели. В дальнейшем данный вопрос обсуждался на Соборе 16–17 марта 1930 г., однако итогового решения так принято и не было. Г. И. Шавельский отмечает, что одни православные церкви живут по Юлианскому календарю, а другие – по Григорианскому. По мнению автора, недалеко то время, когда все православные церкви перейдут на Григорианский календарь [3, л. 29–31].

Работа «Наша церковная современность и уроки прошлого», исходя из названия, может представлять в себе исторический материал, однако такого там практически нет. Заметки посвящены рассуждениям о необходимости реформы церкви. Г. И. Шавельский характеризует РПЦ как организацию, нуждающуюся в переменах [3, л. 32–34].

Еще один труд, который стоит некоторым особняком – «Религия та е совместима с наукой» (авторское написание). В ней Г. И. Шавельский рассуждает о том, есть ли что-то общее у религии и науки. Насколько они могут сочетаться? «... Если бы религия и наука действительно были несовместимы, не стал бы возможен факт, что были и есть величайшие ученые – верующие в Бога...» [3, л. 66–68].

Таково научное и публицистическое наследие богослова и историка православия Георгия Ивановича Шавельского, хранящееся в фондах Государственного архива Российской Федерации. Его имя, к сожалению, не стало широко известно научной общественности, хотя некоторые его рассуждения представляют несомненный интерес.

Его труды не получили распространения в силу того, что многие из заметок не были изданы. При этом Г. И. Шавельский имел самые разносторонние интересы, его заметки имеют самую разную направленность.

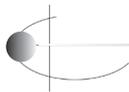
Выше упоминалось, что значительная часть документов хранится в Бахметевском архиве российской и восточно-европейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке. Среди имеющихся публикаций нами не встречено исследование, которое бы более или менее полно характеризовало данные документы. Представляется, что тщательное изучение архивных дел может дополнить как биографию Г. И. Шавельского, так и список его неопубликованных работ.

Следует еще раз отметить, что личность Г. И. Шавельского далеко не однозначна. Он являлся лидером, своеобразным знаменем для ярых «монархистов». Во многом в связи с этим, а также в связи с его эмиграцией в Болгарию он не стал широко известен потомкам. Не признавала его и часть современников. Однако независимо от оценок Г. И. Шавельского как личности, его научное и публицистическое наследие достойно внимания.

Источники и литература

1. Беляков А. Роль флотского духовенства в воспитании военных моряков дореволюционной России // Русская линия: Библиотека переодической (дата обращения. 21.03.2011).
2. Георгиева Л. С. Письма священника Г. И. Шавельского // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX–XX веков. Л.: Гос. публ. б-ка им. М. Салтыкова-Щедрина, 1991. С. 115–154.
3. ГАРФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАРФ. Ф. 1486. Оп. 1. Д. 15.
5. Кострюков А. А. Протопресвитер Георгий Шавельский и Карловацкий Синод // Церковь и время. 2006. № 1 (34). С. 134–151.
6. Котков В. М., Коткова Ю. В. Г. И. Шавельский: «Деятельность моя как протопресвитера военного и морского духовенства связана с именем русского народа...» // Военно-исторический журнал. № 4. 2004. С. 57–60.
7. Попов А. Зарубежная Россия: последний протопресвитер императорской армии и флота – Г. И. Шавельский // Русская газета. 2005. № 20 (дата обращения. 21.03.2011)
8. Православное пастырство. СПб.: РХГУ, 1996. 688 с.
9. Протопресвитер Георгий Шавельский. Великой, светлой памяти почивших вождей Добровольческой армии генералов Алексева, Корнилова, Маркова, Дроздовского, полковника Миончинского, донского атамана генерала Каледина. URL: //http://www.ruskline.ru/monitoring_smi/2009/02/05/ (дата обращения. 21.03.2011)
10. Римский С. В., Багдасарова Ж. Р. Временное Высшее церковное управление на Юго-востоке России // Православная энциклопедия. Т. 9. М.: Изд-во ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2000. С. 507–510.
11. Шавельский Георгий Иванович // Marki Samochodow. URL: http://www.audi.samochodziki.info/ru/Шавельский_Георгий_Иванович.html (дата обращения. 21.03.2011)
12. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: в 2 т. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. Т. 1. 414 с.; Т. 2. 412 с.
13. Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота: в 2 т. 2-е изд. М.: Крутицкое патриаршее подворье, ОЛЦИ, 2010, 703 с.

Рукопись поступила в редакцию 14 апреля 2011 г.

УДК 94(47)
ББК ТЗ(2Р-5ДВ)

А. С. Готовщик
г. Чита, Россия

Антирелигиозная пропаганда в Восточном Забайкалье в первой половине 1920-х годов

В статье рассматривается процесс проведения антирелигиозной пропаганды в Восточном Забайкалье в 1920-х гг. Здесь советская власть установилась после ликвидации Дальневосточной республики в 1923 г. и соответственно проведение декретов СНК 1918 г. «Об отделении церкви от государства» и «Об отделении школы от церкви» начинается с этого времени. Местные власти пытались разными способами внедрить основные положения декретов в жизнь. В результате были созданы специальные отделы агитации и пропаганды, под особый контроль взяты религиозные организации, существовавшие в Забайкальской губернии. Власть всеми средствами старалась создать атмосферу неприятия религиозного мировоззрения и навсегда искоренить церковь из жизни советского общества.

Ключевые слова: церковь, антирелигиозная деятельность, антирелигиозная пропаганда, агитация, церковь, религиозные общины.

А. С. Gotovshchik
Chita, Russia

Antireligious Propaganda in Eastern Transbaikalia in the First Half of 1920s

In the article the process of carrying out antireligious propaganda in East Transbaikalia in 1920s is considered. Here the Soviet power was established after liquidation of the Far Eastern Republic in 1923. From that time carrying out the SPC decrees of 1918 «About the Separation of Church and State» and «About the Separation of Church from School» begins. Local authorities tried different ways to introduce substantive provisions of decrees into life. As a result, special departments of propaganda and propagation have been created. The religious organizations existing in Transbaikalian province were taken under special control. The authorities by all means tried to create the atmosphere of antagonism to religious outlook and to eradicate church from life of Soviet society for ever.

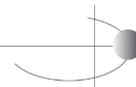
Keywords: church, antireligious activity, antireligious propagation, propaganda, church, religious communities.

Русская православная церковь (РПЦ) вступила в XX в. будучи мощной организацией, пользующейся поддержкой государства. Официально к 1917 г. в Российской империи проживало 117 млн. православных христиан, которых охватывали 67 епархий, управляемых 130 епископами, 50 с лишним тысяч священников и диаконов служили в 48 тыс. приходских храмов. В ведении РПЦ находилось больше тысячи действующих монастырей, в которых находилось почти 95 тыс. монашествующих. Помимо этого, непосредственно в её ведении находилось 35 тыс. начальных школ и 58 семинарий.

Октябрь 1917 г. в корне изменил ситуацию. В 1918 г. было издано два декрета – «Об отделении церкви от государства» и «Об отделении школы от церкви». Сами по себе декреты носили общедемократический характер, но их конкретное воплощение было далеко от этого. Большевики приступили к созданию государства, в котором не было место богу и церкви. В силу этого взаимоотношения церкви с советским государством не склады-

вались, а порой переходили в жестокую борьбу. Одним из методов давления нового государства на церковь можно считать и антирелигиозную пропаганду, которая широко развернулась уже в 1918 г. Известно, что борьба с церковью в эти годы привела к отрицательным результатам. Первый опыт борьбы с религией показал её полную бесперспективность, а то и вредность, поскольку породил у многомиллионных масс верующих недоверие к политике партии и правительства и, в общем-то, слабо влиял на сокращение уровня религиозности масс.

4 февраля 1922 г. ЦК РКП (б) утвердил и разослал на места циркуляр «О постановке антирелигиозной пропаганды». В документе в целом преобладали призывы к решительной и систематической борьбе с религией. Тем не менее, в нём пробивали дорогу и новые настроения по отношению к религии и верующим. В частности указывалось на необходимость соблюдения на местах «крайней осторожности в проведении различных антирелигиозных практических кампаний, как

снятие колоколов, закрытие церквей, отмена церковных праздников и т. д.».

На сегодняшний день открытыми остаются многие вопросы, связанные с политикой советского государства в отношении РПЦ. Одним из важнейших является вопрос развертывания атеистической пропаганды. Советская историография данной проблемы представлена такими авторитетами, как В. Д. Бонч-Бруевич, Е. М. Ярославский, П. А. Красиков, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский, И. И. Скворцов-Степанов. Об «антисоветской» деятельности церкви в 1920-х гг. также писали И. П. Брихничев, М. Горев, М. Н. Лукин, А. В. Лунин, Д. Зорин, В. Рожицын и др. Некоторые из них были сотрудниками ведомств, которые непосредственно контролировали деятельность церкви или занимались пропагандистской работой. В начале 1990-х гг. по-новому и наиболее полно рассмотрены ключевые проблемы взаимоотношения государства и церкви в первое десятилетие существования советской власти в книге В. А. Алексеева «Иллюзии и догмы» (1991).

Систематизированные и обширные исследования по данной проблеме для территории Восточного Забайкалья отсутствуют. Единственной работой является диссертация работы М. Л. Неймана [13], посвященная изучению характера и форм борьбы забайкальского духовенства против мероприятий советской власти в первые годы её существования и в частности против декретов 1918 г., касающихся церкви. Основное внимание автор уделит работе местных партийных и советских органов в отношении религии и церкви. Дальнейшего развития, к сожалению, эта тема не получила. Поэтому данная тема является актуальной. Требуется по-новому взглянуть на сложные взаимоотношения церкви и государства на территории Забайкалья, осветить вопросы антирелигиозной пропаганды.

Как известно, в сложные годы революции и Гражданской войны церкви на территории Забайкалья удалось выжить и сохранить количество верующих, а также церквей и монастырей. Положение церкви ухудшилось с восстановлением советской власти после ликвидации ДВР в 1923 г., когда на территории края власть приступила к исполнению декретов СНК 1918 г., касающихся церкви. С этого же времени начинается и широкая антирелигиозная пропаганда на территории Забайкальской губернии.

Первоначально забайкальские коммунисты пытались непродуманно внедрить в жизнь положения декретов об отделении церкви от государства и школы от церкви, что имело место в центре страны. Центр же, учитывая свой печальный опыт борьбы с церковью, сдерживал подобные настроения. Перед местными партийными и ком-

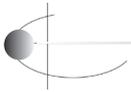
сомольскими ячейками ячейкам ставилась задача проводить декреты с осторожностью, не оскорбляя чувств верующих. Бесцеремонное же снятие колоколов, закрытие церквей могло стать серьёзным препятствием для массовой советизации населения.

ЦК РКП (б) особо обращал внимание на программу коммунистической партии, в которой говорилось: «... необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Резолюция XIII партсъезда (1924) по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждала, что «...грубые приёмы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры, культа взамен серьёзного анализа и объяснения – не ускоряет, а затрудняет освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков» [1, л. 2].

В целом же наступление на церковь в стране продолжалось. Согласно конституции СССР 1924 г., правительство гарантировало свободу только антирелигиозной пропаганды, религиозная же пропаганда запрещалась, все права верующих ограничивались «отправлением религиозного культа» в специально предназначенных для этого помещениях. В 1925 г. государством были запрещены всякие религиозные процессии или церковные службы вне церковных стен, без специального письменного разрешения местных властей в каждом отдельном случае. Делались попытки ослабить церковное влияние созданием «революционных обрядов», некой религии, символов религии [11, с. 264].

Вести антирелигиозную и естественнонаучную пропаганду среди широких масс населения предписывалось не только созданному в 1920 г. Отделу агитации и пропаганды (агитпропотделу) ЦК РКП (б). Этим же призван был заниматься Главполитпросвет, который возглавила Н. К. Крупская. Однако результатами и методами этой работы руководство партии и правительства было явно недоволено. Именно поэтому весной 1923 г. на XII съезде РКП (б) на самом высоком уровне было заявлено, что партия приступает к постановке «систематической антирелигиозной пропаганды и агитации как одного из действительных средств расширения партийного влияния на широкие трудящиеся массы» [10, с. 266].

Начало 1920-х гг. было ознаменовано активным выпуском антирелигиозной периодической печати: появились многочисленные новые газеты и журналы. Перед ними ставилась задача «вскрыть антинародную, реакционную роль церкви и духовенства в борьбе с революцией и показать её как защитницу эксплуататорских классов». Такой тематики придерживались журналы «Атеист», «Без-

божник», вокруг которых сформировался кружок безбожников, а с 1925 г. журнал «Антирелигиозник». Они пропагандировали образ жизни без религии и являлись своеобразным методическим пособием для пропагандистов «безбожного образа жизни».

Данные журналы поступали и в Забайкальскую губернию. В отчёте ВКП (б) за август 1923 г. содержатся сведения о постановке живых журналов «Безбожник» в клубах Читы, ещё раньше в марте в рабочем клубе «Красный Октябрь» (Чита-1) прошла постановка живого журнала «Рычаг» с антирелигиозным содержанием.

Вместе с проведением декретов об отделении церкви от государства и школы от церкви в Забайкальской губернии в 1923 г. усиливается антирелигиозная пропаганда. Ежемесячно райкомы РКП (б) подают сводки об антирелигиозной пропаганде. Так, по сводке Читинского райкома за февраль 1923 г., в Черновских каменноугольных копиях «антирелигиозная пропаганда проходит удовлетворительно» [2, л. 120]. В этом году рабочим бесплатно раздавались билеты на постановки антирелигиозной направленности. Так, пьесу «Жрец Тарквиний» показывали целую неделю рабочим и военнослужащим Красной Армии. Отдельным и проверенным лицам из рабочей и руководящей среды поручалось чтение лекций, которые помогали бы людям объяснять ненужность религии. В марте и апреле перед праздником пасхи читались лекции на тему «Сущность пасхи».

Несмотря на антирелигиозную пропаганду, уровень религиозности в крае оставался высоким. К этому выводу власти пришли по итогам прошедшего в апреле 1923 г. праздника пасхи. Тревога возникла из-за того, что «праздничное настроение охватило не только граждан, но и некоторую часть военнослужащих» [3, л. 87]. Тут же властями было дано указание на немедленную подготовку пролетарского праздника – Первого мая. В первую очередь, требовалось, чтобы праздник был более торжественным и массовым, чем празднество пасхи, с привлечением большего количества людей. Осуществление этих задач поручалось специальной комиссии, которая должна была организовать праздник и провести эффективную работу по разъяснению «одурманивания» религией.

По многочисленным директивам и циркулярам вышестоящих органов, важным было не оскорбить чувства верующих. Стоит полагать, что властям не хотелось выглядеть в глазах народа с отрицательной стороны, поскольку в 1923 г. советская власть только укреплялась в Забайкалье. Антирелигиозную пропаганду начали разворачивать достаточно осторожно, учитывая опыт других губерний (Иркутской, Орловской, Тверской,

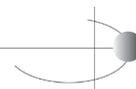
Владимирской), где при закрытии церквей или молитвенных домов иногда происходили вооруженные столкновения между верующими и представителями власти.

В 1923 г. была опубликована инструкция наркоматов юстиции и внутренних дел от 15 апреля – «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых». Инструкция позволяла создавать религиозные объединения в форме «обществ», которые имели несколько больше прав, чем «двадцатки», существовавшие с 1918 г. – в частности они могли иметь свой устав. Наличие устава отличало «общество» от «двадцатки», которая такого устава не имела и подлежала регистрации с заключением договора с местным советом.

Для регистрации религиозного общества требовалось 50 чел., и оно могло управлять не более чем одним молитвенным зданием. Это давало возможность преследования незарегистрированных религиозных групп и их руководителей и позволяло произвольно определять условия, требуемые для регистрации. Дело доходило до регистрации всех лиц, обслуживающих данный храм, приход или епархию. Таким образом, правительство могло контролировать назначение духовенства, отказывать в регистрации тому или иному епископу [14, л. 114]. Такие общины имелись и в Забайкальской губернии с немалым количеством верующих. Так, в Сретенском уезде в 1923 г. было заключено два договора с общинами верующих (Ботовским и Усть-Наринзорским) [4, л. 67].

Содержание церкви, духовенства, уплата налогов входило в один из пунктов договора общины с государством. Налоги порою становились тяжёлым бременем для верующих, ведь ими не облагались только добровольные пожертвования самих верующих. К тому же бывало и так, что местная власть злоупотребляла своим положением и налагала штраф и на церковь, ещё более утяжеляя её положение. Иногда случалось, что местные представители власти, несмотря на сопротивление общин, по собственному усмотрению закрывали церкви и удаляли священника. Такое положение дел не устраивало Агитпропотдел Забайкальского губернского комитета партии, потому что местные партийные ячейки могли настроить население против советской власти. Отдел настоятельно требовал вести пропагандистскую деятельность на местах и постоянно привлекать народные массы на сторону безбожия именно путём агитации. Агитатору, которого отправляли на место, давалось задание убедить верующих закрыть церковь или превратить её в клуб, театр, народный дом и т. д. [5, л. 76].

В 1923 г., по данным отчёта Дальбюро ЦК РКП (б) о состоянии парторганизаций, именуются

ся сведения о том, что работа по антирелигиозной пропаганде была сосредоточена главным образом в кружках и аудиториях. Кроме того, пропаганда проводилась путём проведения так называемых судов над религией, живых журналов и лекций. Главным антирелигиозным мероприятием агитаторов являлось проведение антипасхальной кампании при поддержке местных парторганов.

Возникновение антирелигиозных кружков, чтение лекций и проведение ряда мероприятий способствовало ликвидации религиозных предрассудков у населения, особенно в рядах рабочих-железнодорожников. Но численность верующих в деревне оставалась весьма значительной. Тем самым, деревня становилась местом, где требовалось проводить интенсивную антирелигиозную пропаганду. Она проводилась в избах-читальнях, в которых были организованы красные уголки. К 1925 г. главным в пропагандистской работе становится газета. Отмечалось, что в ней «...антирелигиозная пропаганда должна вестись с особенной тщательностью и осмотрительностью. Газета должна быть умной, с образцовой постановкой антирелигиозной пропаганды, задавать ноты деревенским коммунистическим и комсомольским ячейкам и кружкам безбожников» [6, л. 9].

Также с помощью кружков партийные органы могли вести учёт религиозных сект и собирать разностороннюю информацию о их деятельности. Изучение сект и являлось одной из первостепенных задач кружка. Так называемые секты существовали в ряде городов губернии: Нерчинске (адвентисты), Чите (баптисты), Сретенске (адвентисты, баптисты и старообрядцы). Местные органы также не оставались в стороне. Борьба с сектантством стала одним из пунктов указаний вышестоящих органов. Рост сектантства объясняется тем, что в ряде районов Забайкальской губернии наблюдался упадок влияния православной религии [7, л. 294].

Наблюдавшийся рост сектантства объяснялся ещё и массовым отходом верующих в результате преследования православной церкви властями. У верующих была очень велика нужда в удовлетворении своих религиозных потребностей. К тому же и сами сектанты ввиду ослабления православной церкви усилили «вербовку» в свои общины новых членов. Такая ситуация ещё больше заставляла власти «осторожничать» в борьбе с религией, которая вылилась в форму решительного наступления на православную церковь, ограничения сфер её влияния, в массовые аресты духовенства, закрытие церквей и монастырей. Усилению же сектантства, притоку в их общины новых членов способствовало и начавшееся с введением новой экономической политики (НЭП) сильнейшее расслоение крестьянства. Базу для многих сек-

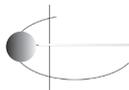
тантских общин в деревне составляли начавшие торговать и богатеть крестьяне. Они к тому же образовали внутри религиозных общин товарищества и кооперативы по изготовлению и сбыту сельхозпродуктов.

В 1924–1925 гг. усиливается внимание власти к составу местных партийных ячеек. Интерес вызывают, прежде всего, личные убеждения членов и кандидатов партии. Становится частым явлением исключение из партии за религиозные обряды, венчание в церкви, крестины. Религиозные убеждения являлись нежелательными и среди партийцев. Однако всех поголовно исключить из партии было, конечно, невозможно. Поэтому руководством партийных ячеек на местах проводилась тщательная работа с вступающими в партию «по ликвидации веры в Бога». Проводились лекции на антирелигиозные темы, организовывались кружки безбожников, красные уголки на предприятиях и фабриках.

Из отчётов парторганизаций следует, что число исключённых по причине религиозности было небольшим по сравнению с теми, кто нарушал партдисциплину или пьянствовал. Так, за нарушение дисциплины было привлечено 481 человек (исключили 185), за пьянство привлекли 396 (исключили 153), а «за веру в Бога и совершение религиозных обрядов» привлекли 34 (исключили 25) [8, л. 266]. Такие данные получила Дальневосточная центральная комиссия, которая проводила проверку антирелигиозной деятельности в Забайкальской губернии в 1924 г. Это, в первую очередь, говорит о том, что доля верующих была высока до начала проведения массовой антирелигиозной пропаганды. Сложившееся положение можно объяснить и тем, что наверняка население продолжало верить тайно, не афишируя своих убеждений.

XIII съезд партии (май 1924 г.) в резолюции «Об агитпропработе» признал необходимым выделение в низовых, наиболее крупных и важных ячейках ответственных за ведение агитационно-пропагандистской работы [15, с. 710]. В итоге институт агитаторов был создан во всех крупных партийных организациях железнодорожного и водного транспорта, в угольной и обрабатывающей промышленности [12, л. 278]. Агитаторы, как помощники секретарей партийных ячеек, отвечали за всю агитационно-пропагандистскую работу на предприятии, руководили кружками агитаторов.

Вопрос о закрытии церквей и усиленной антирелигиозной пропаганде ещё не раз поднимался в последующие годы. Главным для парторганов было то, как происходит процесс закрытия церкви, как ведётся пропаганда. В отчёте агитотдела Борзинского уездного комитета РКП (б) отмечалось, что «насильственного закрытия церквей,

гонения на духовенство в нашем уезде нет». Отдел, действуя в рамках директивы от 29 октября 1924 г., разослал всем партийным ячейкам циркуляр о недопустимости подобных случаев. Антирелигиозная пропаганда проводилась в избах-читальнях через сельскохозяйственные кружки и распространение газеты «Безбожник» [9, л. 4].

Таким образом, по мнению власти, успешная ликвидация религиозных предрассудков должна была исходить от людей, которые уже отказались от религии. В партийных ячейках коммунисты и кандидаты в члены ВКП (б) порой принимали участие в совершении религиозных обрядов (крестин, венчаний и т. д.). Поэтому назрела необходимость в создании антирелигиозных кружков, красных уголков, выпуске периодической печати («Безбожник», «Антирелигиозник»). Данные мероприятия могли стать помощью при успешной антирелигиозной пропаганде не только в среде

партийцев, но и среди населения. Происходит возникновение антирелигиозных кружков безбожников в ряде населённых пунктов губернии. Кружки пытались создать атмосферу научного мировоззрения у населения и в первую очередь у молодёжи.

Таким образом, можно сделать вывод, что власти пытались разными способами внедрить основные положения декретов СНК 1918 г. В результате были созданы специальные отделы агитации и пропаганды. Действовали они достаточно активно, о чем свидетельствует периодическая отчётность перед вышестоящими органами. Под особый контроль были взяты религиозные общины и религиозные секты, пересмотрен состав местных ячеек, членов и кандидатов партии на личные убеждения. Власть всеми силами старалась навсегда искоренить церковь из жизни советского общества.

Список литературы

Архивные материалы

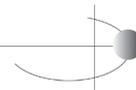
ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края)

1. ГАЗК Ф. П. – 8. Оп. 1. Д. 643. Л. 2.
2. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 694. Л. 120.
3. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 704. Л. 87.
4. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 697. Л. 67.
5. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 697. Л. 76.
6. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 1394. Л. 9.
7. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 701. Л. 294.
8. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 701. Л. 266.
9. ГАЗК Ф. П. – 81. Оп. 1. Д. 1069. Л. 4.

Литература

10. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М.: Политиздат, 1991. 400 с.
- 11 Конституция СССР 1924 г. Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. М.: Политиздат, 1987. 283 с.
12. Московский А. С. Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири (1920–1937 гг.). Новосибирск: Наука, 1979. 378 с.
13. Нейтман М. Л. Проведение ленинского декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» в Забайкалье (1918–1923 гг.) // История Сибири. Томск, 1974. № 3.
14. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XXвека. М.: Республика, 1995. 511 с.
15. Протоколы и стенографические отчеты съездов и конференций коммунистической партии советского союза. Двенадцатый съезд РКП/б/. 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1968. 897с.

Рукопись поступила в редакцию 18 мая 2011 г.

УДК 947(571.54/55)
ББК 63.3(258)614

О. П. Еланцева
г. Владивосток, Россия

Инженер-путеец Константин Николаевич Кашкин

В статье рассматривается сооружение вторых путей Забайкальской железной дороги в 1930-е гг. силами БАМлага НКВД СССР. Решение сложнейшей задачи в жёстко ограниченные сроки, в условиях острейшего дефицита рабочей силы, строительных материалов, проектно-сметной документации удалось благодаря очень сильному управленческому составу строительства, инженерам и техникам. В их числе трудился бывший профессор ЛИИЖТа, инженер-путеец с большим производственным стажем, а затем заключённый, ставший вольнонаёмным сотрудником БАМлага К. Н. Кашкин. В 2011 г. исполняется 145 лет со дня его рождения.

Ключевые слова: восток России, Сибирь, строительство железных дорог, инженеры, К. Н. Кашкин, личность, судьба, эпоха.

O. P. Yelantseva
Vladivostok, Russia

Section Engineer – Konstantin Nikolaevich Kashkin

In the article the questions of the Transbaikalian railway second tracks construction by forces of Baikal-Amur labor camp in 1930s are considered. The solution of the most complicated problem in rigidly limited terms in conditions of the sharpest deficiency of labour forces, building materials and construction documents became possible thanks to the experienced administrative staff, engineers and technicians. Among them K. N. Kashkin, the former professor, the section engineer with a big industrial experience, and then the prisoner who has become a civilian employee of Baikal-Amur highway worked. It is his 145th anniversary in 2011.

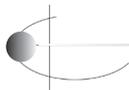
Keywords: the East of Russia, railways construction, engineers, K. N. Kashkin, person, destiny, epoch.

Наша страна отметила 70-летие начала и 66-летие окончания Великой Отечественной войны. Значительный вклад в её Победу был сделан в довоенное десятилетие. Речь в данном случае идёт о развитии транспортной инфраструктуры Востока нашей страны. Известно, что, захватив в начале 1930-х гг. Маньчжурию и создав государство Маньчжоу-го (Маньчжоу-Диги), воинствующие круги Японии повели активную подготовку к войне с СССР. На первом месте среди успехов, достигнутых в Маньчжоу-го, фигурировала постройка новых железных дорог: за 1932 г. – началось 1936 г. на территории Китая таковых было построено 3127 км, намечалось построить еще 1500 км; в Корее – соответственно 767 км и 530 км [5, с. 73]. В 1945 г. на территории, занимаемой Квантунской группировкой войск, эксплуатировалось уже 13700 км железных дорог, часть из которых подходила к границам СССР [1, с. 404].

В начале 1930-х гг. Дальний Восток СССР был связан с центром страны только Транссибирской магистралью. От Карымской до Ворошилова (Уссурийска) действовала лишь одна её колея, имеющая ограниченные пропускные возможности. На ряде железнодорожных станций возникали

заторы. К примеру, несмотря на то, что перевозки грузов на Забайкальской дороге за 1929–1931 гг. возросли на 220,8 %, бывали периоды, когда среднесуточный пробег товарных поездов едва достигал 98 км. Со своей задачей не справлялись поезда-водовозы, за сотни километров доставлявшие воду для паровозов Забжд. Попытки местных партийных и государственных органов изменить ситуацию к лучшему не давали желаемых результатов: ресурсы дороги истощились.

1930-е гг. отмечены пристальным вниманием Совета народных комиссаров СССР, Совета труда и обороны к развитию рельсовых путей на Дальнем Востоке, выработкой ряда постановлений, в том числе: «О капитальных и реконструктивных работах на железнодорожном транспорте в 1932 г. и о паровозовагоностроении», «О строительстве вторых путей на участке Карымская – Уруша Забайкальской железной дороги», «О строительстве Байкало-Амурской магистрали и вторых путей Карымская – Уруша», «О строительстве Байкало-Амурской магистрали» и др. [10. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 65. Л. 285–301; Д. 67. Л. 171–172; Оп. 57. Д. 23. Л. 131–134 и др.].

Документы показывают, что до 1938 г. основные усилия концентрировались не на сооружении новой железной дороги, а на развитии Транзитной сибирской магистрали, на повышении её пропускной способности [6, 9; 12, Ф. Р-3625. Оп. 1. Д. 20. Л. 5, 6 и др.].

В течение короткого времени менялись главные исполнители этих объектов: с февраля по октябрь 1932 г. работы выполнял наркомат путей сообщения, а в октябре 1932 г. их передали ОГПУ – НКВД, Байкало-Амурскому исправительно-трудовому лагерю. Ещё более активный поиск исполнителя работ шел на местах. 19 апреля 1932 г. начальник Забайкальской железной дороги издал приказ № 5096 «Об оказании содействия строительству вторых путей», объявивший об организации в Чите управления строительства Карымская – Уруша. Фактически же руководство строительством осуществляло управление БАМа во главе с С. В. Мрачковским, центр которого располагался сначала в Благовещенске, а затем в Свободном. В октябре 1932 г. выполнение работ по вторым путям было выделено в самостоятельное строительное управление со своим трестом. Новая структура подчинялась Главному управлению железных дорог Дальневосточного края. В начале 1933 г. НКПС возвращает строительство вторых путей Забайкальской железной дороги в ведение дирекции дороги, начала восстанавливаться и ее строительная контора [9. Ф. Р-604. Оп. 29. Д. 66. Л. 84; Д. 67. Л. 309].

В соответствии с заданиями на 1932–1933 гг. в пределах Забайкальской дороги требовалось перестроить в двухпутные десять перегонов: Зубарево – Пушкарево, Размахнино – Солнцево, Куэнга – Шапка, Арчиной – Зилово, Рассыпка – Ксеньевская и другие. Начатые на этих перегонах работы по постройке искусственных сооружений и земляного полотна в 1933 г. были переданы для окончания БАМлагу. В следующем году БАМлагу поручили строительство второго пути на всех перегонах участка Тарский – Ксеньевская и развитие 25 малых станций и нескольких больших станций – Зилово, Куэнга, Зубарево, Шилка и т. д. Летом 1935 г. Забайкальская дорога передала БАМлагу часть объектов по гражданскому строительству и водоснабжению, по путевому развитию ст. Шилка. Позже к этому перечню добавились работы по водоснабжению станций Карымская и Шилка и окончание работ по развитию Карымской [7. Ф. 1. Оп. 8/3-т. Д. 9. Л. 1–2]. Таким образом, строительство вторых путей велось и Забайкальской дорогой, и в значительной степени Байкало-Амурским ИТЛ.

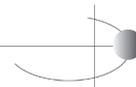
Обе организации столкнулись с почти полным отсутствием индивидуальных смет на сооружение сотен железнодорожных объектов,

исключительно плохо обстояло обеспечение строительства вторых путей генеральной сметой. Чрезвычайной сложностью характеризовались инженерно-технические задачи строительства. Участки второго пути Забайкальской дороги проходили вдоль рек (Ингода, Шилка, Куэнга, Алеур, Белый Урюм, Черный Урюм), либо по скальным косоогорам, либо в мягких или щебенистых грунтах. На всём протяжении скальных косоогоров из-за резкого колебания зимних и летних температур, наличия водных ключей в скальных выемках, шло интенсивное выветривание неоднородных по своему строению скальных пород. При отсыпке насыпей второго пути следовало учитывать опасность обвалов. К тому же трасса вторых путей пересекала частичные или сплошные районы вечной мерзлоты, с обильными грунтовыми водами. В некоторых местах насыпи имели болотистое основание, на отдельных участках наблюдались оползни откосов в выемках, пучение пути. Здесь надо было менять грунт, укладывать шлаковые подушки, устраивать деревянные лотки, возводить иные инженерные сооружения.

Организация работ по устройству железнодорожного полотна, перегонов представляла значительные трудности, связанные с необходимостью производить скально-взрывные работы на откосе действующего первого пути [9. Ф. Р-604. Оп. 29. Д. 77. Л. 195, 195-об.]. При этом движение пассажирских, товарных и грузовых поездов по первому пути должно было осуществляться по расписанию, бесперебойно.

Сохранился очень интересный документ – Акт дорожной подкомиссии по приемке вторых путей в постоянную эксплуатацию на участке Карымская–Ксеньевская (26 сентября – 26 ноября 1938 г.). Он фиксирует, что подавляющая часть работ была выполнена на «хорошо» и «отлично» [7. Ф. 1. Оп. 8/3-т. Д. 9. Л. 7, 10, 13, 34 и др.]. Строители за сравнительно короткий срок в исключительно сложных топографических, трудных геологических и климатических условиях качественно выполнили большой объём работ по возведению земляного полотна, постройке сложных инженерных сооружений разного профиля. Это коренным образом улучшило оснащённость Забайкальской железной дороги. На ней появились мощные железнодорожные узлы и надёжные системы водоснабжения, деповские предприятия, солидные вагонные хозяйства, позволившие перевести ремонт вагонов от кустарного уровня к индустриальному. Пополнился жилой фонд и культурно-бытовая инфраструктура дороги. По производственным показателям, прежде всего по пропускной способности, дорога вышла на заданные параметры.

Безусловно, главную роль в успешном решении задач железнодорожного строительства

на Дальнем Востоке сыграл мощный «мозговой центр» транспортного строительства в г. Свободном, создание которого начал НКПС и продолжил НКВД. Уже в сентябре 1933 г. управленческий аппарат строительства БАМа и БАМлага насчитывал 379 чел., из них вольнонаемных – 168 чел., заключенных – 211 чел. На 1 февраля 1935 г. эти показатели изменились и стали составлять 1483 чел., 822 чел. и 661 чел. соответственно [12. Ф.Р-3625. Оп.1. Д.24. Л.1; Д.28. Л.13; Д.35. Л.7–15]. Цифры указывают на значительную долю в управленческом аппарате специалистов из заключенных.

Московским этапом 28 января 1933 г. в г. Свободный была доставлена необычная группа заключенных. В её составе – профессора, инженеры железнодорожного транспорта П. И. Шилов, С. С. Гросман, А. Н. Протасьев, В. В. Каллинг, В. И. Левановский, Е. Д. Герценштейн, К. С. Лесневский.

В этой группе был 66-летний профессор, инженер Константин Николаевич Кашкин. Более пяти с половиной лет он проработал на строительстве БАМа и вторых путей Транссибирской магистрали инженером-инспектором, старшим инженером в секретариате НСТРа (начальника строительства), в аппарате ГИСТРа (главного инженера строительства), в производственно-технической части, в группе земляного полотна и верхнего строения проектного отдела. Трудиться приходилось с огромнейшим напряжением, по много часов, практически без выходных и праздничных дней. К. Н. Кашкин обходился без отпуска с января 1933 г. по август 1938 г. И в течение всего этого времени – постоянные командировки, инспекционные проверки, осмотры строящихся линий, напряжённый трудовой ритм, ненормированный рабочий день, громадная ответственность.

Изыскатель БАМа В. Д. Татаринов вспоминал, что в конце 1933 г., когда после тяжёлого полевого сезона изыскательские партии съехались в г. Свободный, была организована проверка выполнения взятых ими производственных обязательств. В состав комиссии вошли П. С. Изюмов (председатель), К. Н. Кашкин, А. К. Беляев. При общем обсуждении «особенно ценными были замечания и высказывания профессора Кашкина. У него громадный опыт. Все слушали его, затаив дыхание» [8. Ф. 28. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–2].

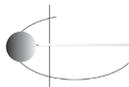
При активном участии Константина Николаевича рассматривались и обсуждались отдельные направления участков трассы БАМа. Его привлекали к составлению задания для Байкало-Амурской комплексной экспедиции Академии наук СССР, осуществлявшей исследования на БАМе в 1933–1934 гг., а затем – к приёмке от неё материалов. К. Н. Кашкин разрабатывал возможные варианты

обходов многочисленных линз вечной мерзлоты на головном участке БАМа до Тынды.

Профессиональным, взвешенным, мудрым советом он помогал выбрать оптимальный вариант строительства вторых путей Забайкальской железной дороги. Весомой, значимой была его позиция при рассмотрении и разработке чрезвычайно сложных вопросов укрепления земляного полотна в пределах рек Шилка, Ингода, Белый и Черный Урюмы. Он внёс немало предложений, удешевивших железнодорожное строительство по целому ряду проектов. В частности, предложения К. Н. Кашкина к проектам по регулированию рек Зеи и Томи были полностью приняты и одобрены наркоматом путей сообщения. Неслучайно в официальных характеристиках подчеркивалось: «инженер Кашкин ценен как консультант по всем вопросам строительства железнодорожного полотна, регуляционным сооружениям, укрепительным работам и верхнему строению»; «его можно считать одним из сильнейших работников на строительстве». Главный инженер А. К. Бакин резюмировал: «Работа профессора Кашкина в аппарате строительства была продуктивна, плодотворна и принесла строительству несомненно большую пользу» [11, Коллекция документов]. Во всём сказывался солидный интеллектуальный багаж Константина Николаевича, накопленный долгим, систематическим трудом, а отношение к труду было привито в семье.

Отец К. Н. Кашкина, Николай Дмитриевич Кашкин, служил профессором Московской консерватории, позже – директором музыкальной академии в Казани. Мать, Елизавета Константиновна, занималась домашним хозяйством и воспитанием семерых детей, старшим из которых был Константин. В 1888 г. он окончил математический факультет Московского университета «со званием кандидата математических наук. В том же году в августе, – отмечал К. Н. Кашкин в автобиографии, написанной в г. Свободном, – я выдержал экзамен на третий курс Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения, каковой и окончил в 1891 году со званием инженера путей сообщения» [11, Коллекция документов].

С этого момента К. Н. Кашкин служил на постройке ряда железных дорог, в том числе Сибирской и Ташкентской, а также на изысканиях разных линий; в 1911–1912 гг. был начальником окончательных изысканий линии Новосибирск – Семипалатинск; в течение следующих пяти лет – главным инженером Общества железнодорожных ветвей. В 1920-е гг. совмещал деятельность в наркомате путей сообщения (в том числе должность начальника изысканий) с преподавательской работой в Саратовском политехническом институте,

в 1924 г. возглавил кафедру изысканий железных дорог в ЛИИЖТе.

Чтобы свободно пользоваться специальной литературой зарубежных стран по профилю своей деятельности, Кашкин расширял знания французского и немецкого языков, приобретённые еще в гимназии, а затем выучил английский и итальянский язык. «На первых трех, – замечал он, – я читаю и техническую и общую литературу, а по-итальянски пока только техническую. Знание латинского языка, вынесенное из гимназии, также иногда оказывает мне услугу» [11, Коллекция документов]. Напомним, что получение человеком двух высших образований для России XIX в. было не правило, а исключение. К. Н. Кашкин стал таким исключением.

Не менее показателен и другой факт: в 1929 г. Константина Николаевича избрали членом Американского общества гражданских инженеров (American society of civil engineers), имеющего на то время в США свыше 11 тыс. членов, а в СССР – менее двух десятков. К. Н. Кашкин никогда не был в США, и его избрание в указанное выше общество состоялось на основе его печатных трудов, главным из которых стала научная монография «Экономика изысканий», выдержавшая с 1914 г. по 1930 г. несколько изданий [3]. Кстати, эта книга имела в технической библиотеке Байкало-Амурского ИТЛ и управления строительством. Высокий профессиональный научно-практический уровень К. Н. Кашкина подтвердило опубликование его статьи по железнодорожным изысканиям в седьмом томе Технической энциклопедии. Добавим к этому его печатные труды в Техническом обществе, на электротехнических съездах 1903–1905 гг. и др.

Яркое представление о квалификации К. Н. Кашкина дает, например, его доклад «О проведении линии железной дороги в безводной местности и об электрической тяге на таких линиях. Железная дорога Оренбург – Ташкент». Этот материал, подготовленный по просьбе Министра путей сообщения, опубликовал журнал «Железнодорожное дело» [2]. Его основные положения сводились к тому, что «проведение железных дорог в безводной местности весьма затруднительно при пользовании паровой тягой; химическая очистка плохой воды не всегда возможна, а опреснение воды вызывает большие расходы, равно как возка воды поездами и доставка её водовозами вдоль линии; стоимость оборудования снабжения водой поездов в безводной местности вместе с капитальными расходами эксплуатации на тот же предмет так значительна, что уже одна эта сумма вполне оплачивает расходы по оборудованию линии электрической тягой, не считая других преимуществ последней; применение электрической тяги на

безводном участке тем выгоднее, чем длиннее этот участок и чем труднее его профиль».

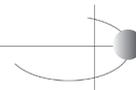
Несомненный интерес представляет стенограмма обсуждения этих материалов, зафиксировавшая позиции председателя дискуссии: «Без всякого сомнения, докладчик заслуживает нашей благодарности за свой труд. Труд его является первым в вопросе применения электрической тяги по маловодным местностям... Следует выразить пожелание, чтобы правительство... воспользовалось этим трудом» [2, с. 306].

Константина Николаевича Кашкина арестовали 21 ноября 1930 г., следствие продолжалось до осени 1931 г., но приговор не был объявлен. В заявлении в Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР он дважды подчёркивает данное обстоятельство и то, что знал о приговоре к 10 годам лагерей. Пометки в личном деле вольнонаемного сотрудника БАМлага К. Н. Кашкина указывают на постановление коллегии ОГПУ от 18 августа 1931 г., в соответствии с которым он был осужден по ст. 58 – 7, 11, 14 УК РСФСР сроком на 10 лет. Он обвинялся как один из руководящих членов контрреволюционной вредительской группы инженеров-транспортников в Ленинграде. В сохранившейся автобиографии Константин Николаевич признает: «Вместе со многими представителями интеллигенции я находился под влиянием партии конституционных демократов, но, будучи одно время членом её, я не вёл никакой активной работы в ней... Никакой антисоветской деятельностью я не занимался и ни в какие антисоветские комбинации не входил, оставаясь всегда лояльным гражданином своей Родины» [11, Коллекция документов].

8 мая 1934 г. коллегия ОГПУ заменила К. Н. Кашкину лагерь высылкой в Казахстан на оставшийся срок. БАМлаг возбудил ходатайство об оставлении сильнейшего инженера-транспортника на Дальнем Востоке, но ГУЛаг разъяснил, что по предложению прокурора дело в отношении К. Н. Кашкина подлежит пересмотру на предмет досрочного освобождения с разрешением проживать ему в г. Ленинграде и что, таким образом, вопрос о прикреплении его к Байкало-Амурскому ИТЛ вместо высылки в Казахстан отпадает.

Руководство БАМлага настаивало: К. Н. Кашкин «состоит у нас на службе по вольному найму с 10 июня 1934 г. в качестве старшего инженера проектного отдела и является чрезвычайно ценным для строительства работником. Приём его на службу по вольному найму был санкционирован ГУЛагом». Константина Николаевича оставили работать в г. Свободном.

В октябре 1935 г. вольнонаемный сотрудник БАМлага Кашкин получил срочное сообщение

из Москвы: «Телеграфирую личному поручению Председателя ЦИК Союза Петровского от его имени незамедлительно подай официальном порядке заявление ЦИК Союза прекращении ссылки снятии судимости приложением отзывать твоей работе дубликаты пришли мне. Телеграмму передай Управлению БАМа = Проскуряков» [11, Коллекция документов]. Со значительной долей вероятности можно предположить, что эту телеграмму направил известный в СССР инженер-мостостроитель Н. К. Проскуряков, зять К. Н. Кашкина.

26 октября 1935 г. К. Н. Кашкин написал заявление в ЦИК СССР с просьбой о прекращении ссылки, снятии судимости и о возвращении в Ленинград. Протокол № 32/07 от 17 июля 1936 г. заседания Президиума ЦИК СССР гласил: «Ходатайство о помиловании Кашкина К. Н. удовлетворить. Из ссылки досрочно освободить» [11, Коллекция документов]. И ни слова – о судимости. Это лишний раз подтверждает, что суда над К. Н. Кашкиным не было.

Руководство строительства и БАМлага было заинтересовано в том, чтобы лучшие специалисты продолжали трудиться в их системе. И хотя Константину Николаевичу перевалило за 70 лет, а врачебная контрольная экспертная комиссия при Управлении БАМлага, осматривавшая профессора, заключила: «К службе в БАМлаге не годен», – тем не менее его не отпустили.

Да и сам Константин Николаевич признавал: «Беспримечательные в истории события нашей жизни, конечно, научили меня многому, и я, не будучи ни политиком вообще, ни коммунистом в частности, не могу не ценить высоко тех огромных общечеловеческих задач, которые поставила перед собою компартия, и конечно всемерно стараюсь способствовать, по мере сил и возможности, проведению их в жизнь, оставаясь по-прежнему беспартийным деятелем».

И это были не просто слова. Достаточно обратиться к карте зачета рабочих дней, в которой фиксировалось количество заработанного времени к досрочному освобождению. В первой половине 1930-х гг. такая практика имела широкое распространение. Тысячи заключенных трудом добивались сокращения сроков наказания. Так, К. Н. Кашкин только за второй квартал 1933 г., то есть за 91 день сократил срок заключения на 76 дней. Другой документ – выписка из протокола № 132 заседания Центральной аттестационной комиссии БАМлага от 10 июля 1934 г. говорит о том, что с 28 января 1933 г. по 10 июля 1934 г. он заработал 345 дней к льготе [11, Коллекция документов].

Напряжённая трудовая деятельность была общей отличительной особенностью довоенного

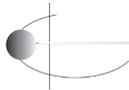
времени. Но для бывших заключённых, в категорию которых К. Н. Кашкин попал уже в 1934 г., необходимость такого режима обострялась неуверенностью в прочности своего положения, психологическим давлением прошлого.

Проработав несколько лет в г. Свободном, К. Н. Кашкин попытался решить вопрос о продолжении преподавательской деятельности, но не в ленинградском ЛИИЖТе, а в Новосибирском институте военных инженеров железнодорожного транспорта. Командование НИВИЖТа через свою секретную часть обратилось в отдел кадров БАМлага с просьбой прислать на К. Н. Кашкина «политделовую характеристику и сообщить возможность его использования на преподавательской работе» и получило ответ: «К. Н. Кашкин в прошлом судим по ст. 58–7–11–14 УК РСФСР, поэтому приём его на преподавательскую работу в военный институт считаем нецелесообразным» [11, Коллекция документов].

Другим подтверждением указанного выше положения может служить письменное обращение К. Н. Кашкина в мае 1934 г. к начальнику 7-го отделения Байкало-Амурского ИТЛ НКВД: «Когда я прибыл 28 января 1933 года в г. Свободный, то вскоре, через два-три дня, был вызван к начальнику Управления лагерями т. Еремину для выяснения моей квалификации и разных других практических обстоятельств. По ознакомлении с моей прошлой деятельностью начальник Управления сказал, что я могу к лету выписать сюда для совместного проживания со мной мою семью. Впоследствии мне был выписан для проезда моей жены от Ленинграда сюда бесплатный разовый билет и наряд на перевозку домашних вещей. Жена моя, Ольга Александровна Кашкина, приехала сюда 28 июня 1933 г. и с того времени проживает со мною в бараке ИТР № 5 по Новоуправленческой улице» [11, Коллекция документов]. Напомним, что две дочери К. Н. Кашкина оставались в Ленинграде: Ольга, окончившая в 1930 г. биологический факультет Ленинградского госуниверситета по специальности генетика, и Елена, которая пошла по стопам отца и в 1934 г. получила диплом Ленинградского института инженеров путей сообщения.

Но вернемся к тексту записки К. Н. Кашкина: «До сих пор я не имею на руках никакого письменного подтверждения о разрешении жене моей проживать совместно со мною. Возможно, что неимение такого удостоверения может когда-нибудь вызвать недоумение. Поэтому я позволю себе обратиться к Вам с просьбой оказать зависящее содействие о выдаче мне такого удостоверения».

Архивные документы не дают возможности установить, выдали ли Константину Николаевичу требуемое удостоверение, но они подтверждают,

что Ольга Александровна оставалась с мужем в течение всего периода его работы на строительстве БАМа и вторых путей Транссиба. И даже на отдых они поехали вместе. По распоряжению начальника строительства Н. А. Френкеля старшему инженеру проектного отдела К. Н. Кашкину предоставили курортную путевку из числа премиальных в Кисловодск с 19 июля по 13 августа 1938 г.; О. А. Кашкиной туда же и на такой же срок была выдана путевка из числа лимита санитарного отдела БАМлага.

Во время отпуска Константин Николаевич заболел. В г. Свободный от него пришло несколько телеграмм. В одной из них читаем: «Ввиду повторяющихся припадков гриппа просьба продлить отпуск еще две недели счет неиспользованного ответ срочный Ленинград Социалистическая тринадцать квартира 18 – Бадеевой передать мне = Кашкин». В другой телеграмме сообщалось: «После гриппа значительное расстройство зрения. Продление отпуска седьмого ноября необходим ответ» и далее указывался тот же ленинградский адрес.

Еще один сохранившийся документ позволяет предположить, что осенью 1938 г. К. Н. Кашкин обратился в Управление БАМлага и строительства с просьбой разрешить ему уйти на пенсию. Главный инженер строительства А. К. Бакин направил в отдел кадров записку следующего содержания: «Старшему инженеру... Кашкину Константину Николаевичу был предоставлен отпуск до 17 октября. Во время отпуска Кашкин К. Н. заболел и уже продолжительное время находится

в бессознательном состоянии. В дальнейшем продолжать работать по состоянию своего здоровья и в силу преклонного возраста Кашкин К. Н. не может. Им было возбуждено ходатайство о переводе на пенсию. Тов. Кашкин за время работы в БАМлаге – ЖДСУ проявил себя исключительно с хорошей стороны, поэтому считаю безусловной необходимостью удовлетворить его ходатайство» [11, Коллекция документов].

В начале 1939 г. из Ленинграда в г. Свободный на имя начальника строительства Н. А. Френкеля пришло печальное известие от Ольги Александровны: «Девятнадцатого января после продолжительной тяжелой болезни скончался муж мой Константин Николаевич Кашкин прошу оказать мне содействие получении пенсии страхования жизни материальной поддержки = Кашкина».

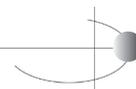
Прошло свыше 70 лет после смерти К. Н. Кашкина, но и сегодня его имя известно в кругу профессионалов. Его вспоминают, например, в связи с развитием высокоскоростного железнодорожного транспорта. Инженер К. Н. Кашкин писал о возможности и даже необходимости перевода пассажирского движения на линии Петербург – Москва на подвесную дорогу или третий и четвертый пути, где поезда будут достигать скорости до 200 верст в час.

Жители востока России с благодарностью и признательностью вспоминают трудовой и гражданский подвиг Константина Николаевича Кашкина, проявленный в 1930-е гг. на строительстве БАМа и вторых путей Транссиба.

Список источников и литературы

1. Железнодорожный транспорт в Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Транспорт, 1985. 575 с.
2. Кашкин К. Н. О проведении линии железной дороги в безводной местности и об электрической тяге на таких линиях. Железная дорога Оренбург – Ташкент // Железнодорожное дело. 1903. № 27–28. С. 281–294; 297–302.
3. Кашкин К. Н. Экономика изысканий железных дорог. М.: Транспечать – НКПС, 1928. 263 с.
4. Киселев И. П. Развитие скоростного железнодорожного транспорта в России и СССР (середина XIX – конец XX вв.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2007. № 3. С. 14–41.
5. Оккупация Маньчжурии и борьба китайского народа. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 148 с.
6. Финансовый отчет по строительству Байкало-Амурской магистрали и вторых путей Забайкальской железной дороги (БАМ) на 1 января 1934 г. Финотдел ОГПУ БАМ. Л. : б/и, 1934. 90 с.
7. Архив Забайкальской железной дороги, г. Чита.
8. Архив Приморского государственного объединенного краеведческого музея им. В. К. Арсеньева, г. Владивосток.
9. Государственный архив Забайкальского края, г. Чита.
10. Государственный архив Российской Федерации, г. Москва.
11. Отдел специальных фондов Информационного центра УВД Амурской области, г. Благовещенск.
12. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, г. Владивосток.

Рукопись поступила в редакцию 25 мая 2011 г.

УДК 373 (571.54)
ББК 74.03 (2Рос. Бур)
Н 813

В. В. Номогоева
г. Улан-Удэ, Россия

Национальная школа в Бурятии в 1920–1930-е гг.: проблемы формирования

В статье рассматривается формирование национальной школы Бурятии в годы культурной революции. Главное внимание уделено анализу проблем, возникших в ходе этого процесса. Показано преодоление трудностей хозяйственного, организационно-кадрового, языкового и методического характера. Анализ позволил выявить расширение сферы применения бурятского языка в системе образования, издательской деятельности. Результатами создания национальной школы стало возрастание культурного уровня бурятского населения и подготовка его к новому образу жизни.

Ключевые слова: национальная школа, программно-методическое обеспечение, подготовка кадров, коренизация, языковое строительство.

V. V. Nomogoeva
Ulan-Ude, Russia

Ethnic School in Buryatia in 1920–1930-s: Problems of Formation

The article discusses the formation of school in Buryatia during the Cultural Revolution period. The main part is devoted to the analysis of problems, concerning this process. The article shows the negotiation of economic, organizational, personnel, linguistic and methodological difficulties. The analysis revealed the growth of the Buryat language use in education and publishing activities. Creation of ethnic school caused an increase of the Buryats' cultural level and preparation of population for a new lifestyle.

Keywords: ethnic school, program-methodological support, training, korenizatsia (Soviet "localization policy"), linguistic construction.

Национальные проблемы, наряду с религиозными и культурными, являлись одними из важнейших в переломные периоды новейшего времени и продолжают оставаться актуальными сегодня.

В данной статье будут проанализированы проблемы формирования национальной школы Бурятии на коротком, но важном историческом отрезке 1920–1930-х гг.

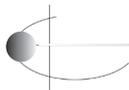
Основы национального образования были заложены в постановлениях Наркомпроса РСФСР («Основные принципы единой трудовой школы» от 16 ноября 1918 г., «О школах национальных меньшинств» от 30 ноября 1918 г., «Об организации дела просвещения нацмен РСФСР» от 21 февраля 1921 г.).

В них наряду с необходимостью быстрее проведения всеобщего образования как в национальных республиках в целом, так и среди национальных меньшинств отмечалось, что все национальных меньшинств РСФСР, пользуются правом организации обучения на родном языке.

На I съезде Советов Бурятии, состоявшемся в начале декабря 1923 г., в докладе Народного комиссара просвещения в числе ряда неотложных вопросов прозвучала задача подготовки кадров

для обеспечения преподавания наук на родном языке в бурятских школах [16, с. 6–7]. IV пленум ВКП (б), созванный в августе 1926 г. и обсудивший вопрос «О задачах культурно-национального строительства в Бурятской республике», дал директиву о развитии письменности, родного языка и литературы, обучении на родном языке, о подъёме искусства, просвещения и науки и наметил конкретные пути развития культуры бурятского народа.

В связи с поставленными задачами в республике была начата работа по созданию национальной школы. Общее число бурятских детей школьного возраста, по данным демографической переписи 1920 г. в западных и сельскохозяйственной переписи 1923 г. в восточных аймаках, составляло примерно 39 тыс., из них посещало школу чуть более 7 тыс. чел. По данным наркомпроса БМАССР в первые годы существования республики большинство созданных национальных школ было недоукомплектовано учащимися, что объяснялось территориальной разбросанностью полукочевого и кочевого населения. Преподавание бурятского языка осуществлялось в 70 школах первой ступени и лишь в некоторых школах

второй ступени в восточных аймаках, а в западных аймаках из-за незнания учительских кадров монгольской письменности преподавание велось на русском языке. Поэтому здесь еще предстояла большая работа по переводу всех начальных школ на родной язык преподавания [15, с. 75].

Создание национальной школы в Бурятии сопровождалось ещё одной проблемой. В языковом отношении буряты распались на две группы: западную и восточную, из которых первая еще не была приобщена к родной письменности, что объясняло то обстоятельство, когда говоры этих двух групп сильно дифференцировались и теряли свою устойчивость и богатство.

Поэтому главной задачей культурно-национального строительства Бурятии являлось литературно-языковое объединение западных и восточных бурят путём коренизации школы и других культурно-просветительных мероприятий. В отношении учебных планов бурятские школы на первом этапе своего развития отличались от русских школ тем, что в программу обучения входило изучение таких предметов, как родной язык и монголоведение, на изучение которых отводилось 22 (23 %) из 96 часов учебного плана [3, с. 49].

Из-за слабой методической базы учительства уровень знаний учащихся был низким. Поэтому наркомпросом республики проводились мероприятия по повышению квалификации учительских кадров. Организовывались курсы и конференции для учителей, немаловажную роль сыграли аймачные опытно-показательные школы-семилетки, созданные в Агинском, Аларском и Хоринском аймаках [5].

Подготовкой квалифицированных учительских кадров для бурятских школ начал заниматься открытый в 1924 г. Бурпедтехникум, а при нем

двухгодичные педагогические курсы. Буручком и Бурятское книжное издательство выпускают первые учебники и учебные пособия на бурятском языке.

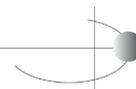
В 1923–1924 гг. в бурятских школах имелись «Букварь», книга для чтения после букваря «Улан-Цэцэг» Б. Барадина, «Книга для чтения после букваря» Малкова, книга для чтения после букваря «Улан-Туя» Намжилона и «Грамматика» Г. Цыбикова. Были составлены и ждали переиздания «Красная звезда» в 4 книгах Базарона, его же задачник в 4 книгах, «Монголоведение» Барадина, учебная книга для школ I и II ступени, «Арифметика» Базарона, «Природоведение-обществоведение». Преподавание на родном языке усложнялось отсутствием книг для внеклассного чтения на бурят-монгольском языке. В то же время необходимо отметить, что недостаточное снабжение бурятских школ учебниками и учебными пособиями на родном языке во многом объяснялось слабостью национального издательского дела, нехваткой авторов и составителей учебников и пособий. Национальные школы не имели необходимых учебных пособий и принадлежностей: глобусов, географических карт, в частности карт Бурреспублики, торговых счет, метрических мер, компасов, магнитов, таблиц и др. При составлении бюджета на 1924–1925 гг. наркомпрос республики распорядился выдать каждой школе на их приобретение 50 р. Всего на учебники и учебные пособия планировалось затратить 36712 р. [13].

В марте 1925 г. всего по республике действовало 210 бурятских школ I ступени и семь школ II ступени. Кроме этого, задачи всеобщего в Бурятии выполняли и школы нацменьшинств: татарская, еврейская, польская школы (табл.) [9].

Таблица

Список школ нацменьшинств в БМАССР (1925 г.)

<i>Школа</i>	<i>Местонахождение</i>	<i>Нац.</i>	<i>Тип</i>	<i>Кол. компл.</i>	<i>Кол. учит.</i>	<i>Кол. учащихся</i>
Новоселковская	Аларский аймак	Тат.	3	1	1	Свед. нет
Баргузинская	Баргузинский аймак	Евр.	4	4	4	104
В-Удинская № 9	г. Верхнеудинск	Евр.	5	6	8	191
В-Удинская № 9	г. Верхнеудинск	Тат.	4	3	4	63
Душкачанская	Эхирит-Булагатский аймак	Эвенк.	3	1	1	16
Вершининская	Боханский аймак	Польск.	3	1	1	43
Троицкосавская	г. Троицкосавск	Тат.	Сведений нет			30
Мальто-Тарасинская	Боханский аймак	Тат.	3	1	1	40
Тункинская	с. Тунка	Тат.	Сведений нет			

В 1925 г. в тюрко-татарской школе № 10 г. Верхнеудинск числилось по списку 64 ученика, из них всего пять татар, обучение в 1 классе проводилось на татарском языке, во 2 – на смешанном, а в 3 – на русском языке. Поэтому зав. горно Глушинский считал нецелесообразным содержание данной школы как национальной [8]. Баргузинская еврейская школа I ступени в 1924/25 учебном году насчитывала 159 учеников, из них 94 еврея, 44 русских, 20 бурят и 1 поляк. По существу, это была русифицированная школа, которая сохранила за собой только наименование. Поэтому опять же зав. айно Шубин ходатайствовал перед СНК БМАССР о командировании к началу 1925/26 учебного года учителей нужной квалификации и об учебно-методическом обеспечении школы [10].

Подготовкой и изданием учебно-методической литературы и доведением её до образовательных учреждений занимался аркомпрос БМАССР. Из сопроводительного письма в книжный магазин «Улан-Туя» от 17 ноября 1927 г.: «Прилагая при сем развёрстку на разрезную азбуку на монгольском языке, наркомпрос предлагает Вам получить означенную азбуку в количестве 1000 листов в типографии и разослать немедленно по всем аймакам соответственно количеству школ [11].

Проблема развития национальных школ была рассмотрена на пленуме областного комитета, проходившем в мае 1925 г. и посвящённом вопросам культурного строительства в деревне и улусе. Было отмечено, что существующая сеть национальных школ не приспособлена к действительности, в них учится по 12–15 чел., а большинство детей из-за дальности улусов и кочевий от школ не может посещать их. Одним из больших препятствий делу развития национального образования являлась малочисленность учителей и их крайне низкая квалификация. В 7 обследованных хошунах все без исключения учителя не знали четырех действий арифметики. Ещё одним недостатком являлось отсутствие собственных зданий [7].

На I Культурно-национальном совещании Бурят-Монгольской АССР, состоявшемся в 1926 г., одним из основных был вопрос о языковой политике в Бурят-Монголии. На совещании отмечалось: «без развития культуры языковой, без реализации родного языка и его письменности, т. е. без всего того, что называется языковой культурой, не будет ни возрождения бурят-монголов как этнической единицы, ни развития национальной культуры» [18].

Совещание, проходившее с участием представителей Монголии, предложило выработать единую орфографию, терминологию и стиль литературного бурят-монгольского языка путем согласованной работы Бурят-Монгольского и

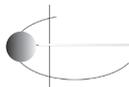
Монгольского ученых комитетов. В резолюции совещания говорилось: «Вопрос о повышении языковой культуры бурят-монгольского народа должен быть решён не в масштабе одних бурят-монголов, а в масштабе общемонгольском. Отрыв языковой культуры бурят-монгольского народа от остальных монгольских племён путем создания какой-либо самостоятельной бурят-монгольской письменности считать совершенно недопустимым» [17].

Поэтому основной задачей Наркомпроса БМАССР и отделов народного образования в отношении бурятских школ в этот период стала коренизация их, т. е. внедрение родного языка в школу как средства преподавания. В этой работе определенные сдвиги наблюдались в восточных аймаках республики, где за редким исключением школы в полном смысле были коренизированы. В западных же аймаках, где до революции не прививалась монгольская письменность, коренизация оставалась еще серьезной и трудной проблемой [4]. В этих аймаках родной язык являлся подсобным средством при прохождении программного материала по русским учебникам.

Из 222 бурятских школ, функционировавших в 1927–1928 гг., работу на родном языке, используя бурятскую письменность на старомонгольской графической основе, вели 66 (29,8 %), остальные же вели свою работу при помощи двух языков – бурятского и русского. Таким образом, существовал громадный разрыв между языком преподавания и языком учащихся: материал на смешанном или чужом языке воспринимался учащимися несравненно медленнее, нежели на родном языке; этим во многом объяснялся факт пребывания детей-бурят в школе 5–6 лет, вместо 4 положенных. Большая часть учителей-бурят не знала монгольской письменности, а бурятские школы не были обеспечены учебной и учебно-методической литературой на родном языке.

Коренизация бурятских школ усложнялась недостатком учителей и учебной литературы. Число преподавателей в школах I ступени было 281, из них бурят – 152, что составляло 54,1 %; в школах II ступени – 50, из них бурят – 17, или 24 %. Квалификация бурятских учителей в этот период была очень низкой, 50 % среди них имели только курсовую подготовку [12].

Первые выпускники педтехникумов несколько разрешили проблему подготовки учительских кадров к этому времени. Выпускники Бурпедтехникума имели хорошую теоретическую подготовку и обладали необходимыми техническими навыками для работы в бурятской школе I ступени и с первых же дней работы в школах показали себя. Положительным и ценным в их образовании было то, что они обладали достаточной подготов-

кой для работы в школах I ступени, владели и родным, и русским языком. Инспектор Наркомпроса БМАССР Хамаганов, обследовав школы Тункин-ского аймака в 1928/29 учебном году, отмечал хорошую работу выпускников Бурпедтехникума, в частности выпускника 1927 г. Асалханова, который сумел по букварю на русском языке и букварю на бурятском языке научить учеников читать вполне удовлетворительно [1, с. 396].

К концу 1920-х гг. состояние преподавания бурятского языка в отчете наркомпроса БМАССР характеризовалось следующим образом:

1) в школах западных районов Бурятии языком преподавания являлись родной и русский, причём фиксация велась исключительно на русском языке; удельный вес того и другого языка в разных классах школы первой ступени был различный;

2) во всех начальных классах разговорный родной язык не имел программной нормировки, не принималось должных мер по развитию разговорной речи, по обогащению словарного запаса школьников;

3) знание бурятскими детьми русского языка при первоначальном поступлении в школу ограничивалось 20–30 словами в среднем, что, конечно, не давало основания вести обучение в первом классе на русском языке; при этом в отчетных материалах школ того периода говорится, что «двуязычие, языковой параллелизм, особенно в младших классах, часто приводит к слабому усвоению русского языка учащимися средних классов, порождает неправильные выражения, неправильное построение фразы, искажение отдельных слов, выражений»;

4) в школах восточных районов Бурятии языком преподавания повсеместно являлся родной язык. В 1–4 классах русский язык как предмет преподавания вводился со 2-го, а иногда с 3-го года обучения; однако преподавание обоих языков не имело программной ясности и четкости, методическая постановка дела была слабая;

учителя родного языка (монголисты), в силу слабой научно-педагогической подготовки, недостаточно владели родным языком, слабо или почти не знакомы были с русским языком;

б) учащиеся, оканчивающие курс начальной школы, получали недостаточные знания по родному языку и совершенно неудовлетворительную подготовку по русскому языку. Исключение составляли школы, укомплектованные выпускниками Бурятского педагогического техникума [14].

Обеспеченность бурятских школ учебниками, детской и педагогической литературой была недостаточной, к 1929–1930 гг. издавался небольшой минимум учебной и детской литературы на родном языке (учебная грамматика бурятского

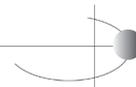
языка для школ первой ступени, орфографические и терминологические словари, детские рассказы и другие). Методических пособий для бурятских школ почти не было [6].

При всем том некоторое качественное улучшение педагогических кадров национальных бурятских школ, материальное обеспечение и наличие национальных учебников позволили поставить к концу 1920-х гг. вопросы более глубокого порядка – как привести в порядок национальные школы в программно-методическом отношении. Перед народным образованием республики стояли задачи: определить объём знаний в пределах школы I ступени, разработать методику преподавания русского языка и определить его место в национальной бурятской школе, создать учебную грамматику и разработать методику преподавания бурят-монгольского языка.

Однако с 1931 г. начинаются эксперименты по реформированию бурятского языка. До 1930 г. бурятский язык преподавался на старомонгольской графике, в 1931 г. перешли на созданный латинизированный алфавит и селенгинское наречие. В 1939 г. было принято решение о переводе бурятской письменности на русский алфавит. В связи с этим началась разработка теоретических основ грамматики, составление новых учебников.

Отсутствие единой терминологии, научных и технических терминов, многодиалектности бурятского языка, ведение делопроизводства во всех организациях и учреждениях республики только на русском языке затрудняло процесс коренизации преподавания в национальных школах. А с принятием в 1938 г. постановления СНК СССР «Об обязательном изучении русского языка в национальных школах» началось постепенное признание одного общего языка, культуры. Что обосновывалось следующими причинами: «Во-первых, в условиях многонационального государства... знание русского языка должно явиться мощным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту. Во-вторых, овладение русским языком способствует дальнейшему усовершенствованию национальных кадров в области научных и технических познаний. В-третьих, знание русского языка обеспечивает необходимые условия для успешного несения всеми гражданами СССР воинской службы».

Вместе с тем в постановлении подчеркивалось, «что родной язык является основой преподавания в школах национальных республик и областей... и что тенденция к превращению русского языка из предмета изучения в предмет преподавания, и тем самым к ущемлению родного языка, является вредной и неправильной» [2, с. 75].

Необходимо отметить, что в рассматриваемый период не была создана общая концепция развития нерусской школы и не было определено её место в общей структуре народного образования многонационального государства. В Бурятии реформирование языка и трагические события 1937–1938 гг., в ходе которых были почти полностью репрессированы представители этого прогрессивного движения, негативно отразились на развитии национальной школы БМАССР.

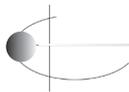
Тем не менее, в годы советского культурного строительства в республике заметно расширилась

сфера применения бурятского языка, обучение в большинстве национальных школ осуществлялось на родном языке. Учились не только дети, но и взрослые: действовала система ликбеза, расширялась сеть школ крестьянской молодежи (ШКМ). Интенсивно развивалась издательская деятельность на бурятском языке. Основным результатом явилось возрастание культурного уровня бурятского населения и подготовка его к новому образу жизни, начало формирования советской национальной интеллигенции и научных работников.

Список литературы и источников

1. Андреев А. Буддийская святыня Петрограда. СПб.; Улан-Удэ: Эко Арт, 1992. 128 с.
2. Владыкина В. А. Концептуальные проблемы национального образования в Советской России (1920–1930-е гг.) // Педагогика. 2000. № 10. С. 71–75.
3. Дуринов А. А. Развитие бурятской национальной школы // Бурятия от ликбеза до филиала Академии наук. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. С. 36–76.
4. НАРБ. Ф. 1-П. Оп.1. Д. 103. Л. 19.
5. НАРБ. Ф. 1-П. Оп.1. Д. 113. Л. 246.
6. НАРБ. Ф. 1-П. Оп.1. Д. 345. Л. 25–26.
7. НАРБ. Ф. 1-п. Оп.1. Д. 83. Л. 60–64.
8. НАРБ. Ф. р-60. Оп.1. Д. 190. Л. 11.
9. НАРБ. Ф. р-60. Оп.1. Д. 190. Л. 5.
10. НАРБ. Ф. р-60. Оп.1. Д. 190. Л. 92.
11. НАРБ. Ф. р-60. Оп.1. Д. 257. Л. 10.
12. НАРБ. Ф. р-60. Оп.3. Д. 36. Л. 31.
13. НАРБ. Ф. р-60. Оп.3. Д. 36. Л. 32.
14. НАРБ. Ф. р-60. Оп.3. Д. 36. Л. 42–44.
15. Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд // Бюллетень ВСОРГО. Иркутск, 1925. № 6. С. 9–22.
16. Постановление I съезда Советов БМАССР. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1923. 18 с.
17. ЦВРК ИМБИТ СО РАН. Общ. Ф. Д.434. Л.9.
18. Цыбиков Г. Ц., Барадин Б. Б., Дамбинов П. М. Материалы к I культурно-национальному совещанию. Верхнеудинск: Бургосиздат, 1926. С. 15–24.

Рукопись поступила в редакцию 22 февраля 2011 г.

УДК: 94 (410)
ББК: ТЗ(2)71 +4631.3

М. В. Пряженникова
г. Чита, Россия

Становление и развитие радиофикации на территории Восточного Забайкалья (1920 – 30-е гг.)

В статье даётся описание процесса становления и развития радиофикации в Восточном Забайкалье. Прослежен путь радиофикации от любительских кружков до создания широкоэмиттерной трансляционной станции. Анализируется деятельность кружков радиолюбителей. Делаются выводы о влиянии радиовещания на культурное развитие населения Забайкалья. Статья основана на газетных публикациях 1920–30-х гг., а также на ранее неопубликованном архивном материале.

Ключевые слова: радио, радиолюбительские кружки, радиостанция, радиокурсы, радиофикация, радиобюро, радиовещание.

M. V. Pryanzennikova
Chita, Russia

Start and Development of Broadcasting on the Territory of Eastern Zabaikalye (1920s – 1930s)

The article deals with the description of the process of the start and development of broadcasting in Eastern Zabaikalye. The way of the development of broadcast networks from the amateur societies to the creation of transmitting station is traced. The activity of radiofans societies is analyzed. The conclusions about the influence of broadcasting on the cultural development of the population in Eastern Zabaikalye are drawn. The article is based on the publications of 1920s – 30s and archive records which were not published earlier.

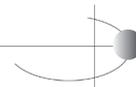
Keywords: radio, amateur societies, broadcasting station, broadcasting courses, development of broadcast networks, broadcasting bureau, broadcasting.

Восстановив после Гражданской войны народное хозяйство, руководство советского государства в 1925 г. взяло курс на индустриализацию страны. Одним из важных направлений государственной политики стало создание радиотехнической промышленности, обеспечивающей радиофикацию страны. «Газета без бумаги и расстояния будет великим делом. Она может из воли миллионов разрозненных, раздробленных, разбросанных на протяжении громадной страны создать единую волю...» – так утверждал В. И. Ленин [16, с. 130]. Эти слова оказались вполне правдоподобными и, как в дальнейшем показала практика, реально осуществимыми. Долгое время население всей страны, а особенно отдалённых её частей находилось фактически в информационной изоляции. Кроме того, радио выступало в качестве проводника культурных мероприятий, проводимых по всему Советскому Союзу, а также являлось мощным политическим агитатором.

Радиотехническая промышленность, начиная с середины 1920-х гг., стала выпускать первые радиоприёмники для коллективного прослушивания, работавшие на громкоговоритель и осуществлявшие приём программ в радиусе нескольких сот километров от радиовещательной станции.

Помимо этого, стали выпускать громкоговорители для первых советских музыкальных приёмников и детекторные радиоприёмники с головными телефонами (наушниками), рассчитанные на индивидуальный приём.

О проблемах планомерного развития сети радиовещания, т. е. радиофикации, на территории Забайкалья имеются лишь отдельные упоминания в обобщающих работах. Например, в работе «Очерки истории Читинской областной организации КПСС» упоминается о создании радиотрансляционного узла в Чите [17, с. 322]. О начале широкой радиофикации на Дальнем Востоке говорит С. Б. Белоглазова в труде «Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20–30-х годов XX в.» [14, с. 89]. Процесс развития радиовещания на Дальнем Востоке отражён в учебном пособии «История культуры Дальнего Востока России XVII–XX веков» [15, с. 230]. Фактически данная тема является не разработанной. Поэтому автор на основе архивного материала, газетных публикаций делает попытку показать процесс становления и развития радиофикации, который проходил на территории Восточного Забайкалья в 1920–1930-е гг. Данные хронологические рамки обусловлены тем, что первая

радиостанция появилась в Чите в 1924 г., а к концу 1930-х гг. на территории края завершился процесс радиофикации.

На территории Восточного Забайкалья радиофикация началась в 1924 г., когда была создана Читинская радиостанция. В это же время возникло радиолюбительство. Любители-одиночки постепенно объединились в радиокружок при культотделе губернского совета профессиональных союзов (ГСПС). Известно, что в 1925 г. в нем насчитывалось уже 73 чел.

Кружки радиолюбителей создавались при клубах, коллективах связи. Они позволяли всем желающим приобщиться к миру радио. К концу 1925 г. в Чите насчитывалось пять кружков радиолюбителей, организованных при клубе «Красный Октябрь» (Чита I), уголке связи, клубе К. Либкнехта, уголке 1-й пожарной части и управлению Забайкальского железнодорожного бюро [1, л. 36]. Способствуя развитию радиолюбительства, культотделы вышеуказанных организаций выписывали тематические библиотечки. Они состояли из книг как отечественных, так и зарубежных авторов. Среди них – Химтт-Верилль «Практика радиолюбителя», д-р Гериг «Справочник радиолюбителя», И. Герман «Утопия и действительность в радиотехнике», Л. Андренко «В царстве радио», А. Смиренин «Что читать о радио», А. Н. Марин «Мачты, наружные и комнатные антенны для радиолюбителей», П. Рымкевич, Б. Смиренин «Радио завтра», Дж. А. Флеминг «Введение в радио» и др. Кружки устраивали тематические лекции, собеседования, приобретали или содействовали приобретению радиоприборов, устраивали радиоconcertы и радиодоклады [11, с. 7].

Организация подобных кружков была официально разрешена правительством. Члены радиокружков могли приобрести и установить радиоприёмник, причем разрешение на его установку выдавала местная почтово-телеграфная контора. При помощи таких кружков среди населения проводилось не только культурное воспитание, но и идеологическое.

Кружки радиолюбителей положили начало радиоработы в Чите и способствовали созданию при Забайкальском губернском профсоюзном совете в сентябре 1925 г. радиобюро, председателем которого был назначен П. Шастин. Данное бюро, в состав которого входили два радиста, окончивших специальную школу, взяло на себя проведение организационной работы среди разрозненных любительских кружков. Оно проводило осмотр и учёт всех радиоприёмников (насчитывалось 13 любительских) и давало советы радиолюбителям [1, л. 36]. Таким образом, разрозненным, не взаимодействующим друг с другом многочисленным

кружкам радиолюбителей была предана централизация.

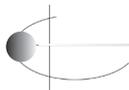
Первой мыслью радиолюбителей, организовавших кружки, было заполучить свой радиоприёмник, чтобы иметь возможность с его помощью слушать передачи из Нью-Йорка, Парижа, Москвы и других городов. Уверенные в успехе данной идеи, члены кружка направили письмо в адрес Читинской радиостанции с просьбой высылки такового, а культотдел ГСПС отпустил для этого необходимые средства. Установить радиоприёмник предполагалось на вышке Дворца труда, куда спешно была протянута антенна [5, с. 8].

Однако осуществить намеченное не удалось. Технические возможности радиоприёмника не соответствовали задуманному. Представители читинской радиостанции на страницах газеты «Забайкальский рабочий» объяснили: «...чтобы слышать радиотелеграфные передачи некоторых заграничных мощных станций, на здании Дворца труда потребовалось бы установить мачты высотой 25–30 м, трехпроводную антенну длиной 80–100 м, приёмник ЛБ-2 и усилитель «3-Тер» [5, с. 8]. Кроме того, Читинская радиостанция не являлась трансляционной, а для приобретения мощных усилителей и передатчиков требовались большие затраты.

В Чите в это время отсутствовала в достаточном количестве необходимая радиоаппаратура, она имела только в частном магазине Виноградовой. Однако её невозможно было приобрести в виду высокой наценки (в 4,5 раза от первоначальной стоимости) [1, л. 36]. Помощь в получении необходимой аппаратуры по просьбе радиобюро оказал Читинский радиокомитет, выписав её из Москвы. Кроме того, всякий желающий приобрести радиоприёмник мог выписать его через агентство связи при Читинской почтово-телеграфной конторе или непосредственно из Москвы.

Радиолюбители также могли приобретать на аукционных торгах вышедшие из употребления на местных радиостанциях приёмники (они рассматривались как пригодные для работы на бытовом уровне). Для поведения подобных аукционов требовалось особое разрешение начальника Дальневосточного округа связи. Таким образом, желание получить доступ к «газете без бумаги» заставляло энтузиастов обращаться к вопросам радиофикации, делать попытки самостоятельно осуществить приём и трансляцию радиопередач, приобретать радиоприёмники и проводить своего рода ликвидацию радио-неграмотности среди всех желающих.

В целях разрешения задачи широковещания наркомат печати и телеграфа с 1925 г. начал осуществлять план по использованию значительной части оборудования ведомственных приёмопе-

редающих станций. В Чите имелись две передаточные станции, через которые производили приём все приёмники – станция N-ского авиаотряда (маломощная) и радиостанция за о. Кенон «Искрянка» (передающая по азбуке Морзе) [1, л. 36]. Существующие радиостанции путем приспособления к ним телефонных передатчиков служили связующим звеном между столицей и отдалёнными районами. Каждая такая радиостанция использовалась для областного или районного широковещания, что давало радиолюбителю возможность слушать радиопередачи на обыкновенном, недорогом приёмнике. Таким образом, на территории Восточного Забайкалья постепенно начало внедряться радиовещание, т. е. прием и передача различных звуковых эффектов для широкого круга слушателей.

С 1925 г. на Дальнем Востоке начали устанавливать ламповые четырёхкиловаттные передатчики с радиусом умеренного действия в 600 верст. Первым в очереди стоял Хабаровск, где установка была осуществлена к концу 1925 г. В начале 1926 г. передатчик с усилителем начали монтировать на Читинской радиостанции. В связи с финансовыми трудностями установка собственной трансляционной станции в Чите была на тот период времени невозможной ввиду отсутствия необходимых финансовых средств (требовалось 10–13 тыс. р.). Однако радиоприёмник с усилителем позволял ловить радиопередачи, которые шли с передаточных станций Новониколаевска (Новосибирска), Иркутска, Владивостока и Хабаровска.

Пока шли подготовительные работы для приёма передач и возможности транслировать их Читинской радиостанцией, приём радиопередач производился со станции авиабазы и других ведомственных станций. Радиостанцией вышеуказанного авиаотряда проводилась ежедневная передача, которую принимали все установленные в Чите приёмники. 1 января 1926 г. радиостанция авиаотряда приняла концерт от радиотелефонной станции Владивостока [7, с. 5].

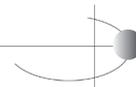
В сентябре 1927 г. на читинской радиостанции установили новый усилитель, позволивший принимать вещание хабаровской радиостанции без помех. Читинская окружная контора связи организовала в городе проводное вещание – передачу по телефонным проводам. Для этого на телефонной станции были оборудованы специальные шнуровые коммутаторы и ряд других установок, которые давали возможность абонентам, имеющим телефон, принимать радиовещание из Хабаровска на дополнительную слуховую трубку и другие необходимые приспособления.

Абоненты читинской телефонной сети, присоединённые к передаче широковещания, подразделялись на четыре категории. К первой относи-

лись те, кто присоединился к широковещанию в индивидуальном порядке (стоимость услуги – 1 р. в мес.). Во вторую входили рабочие клубы, дома крестьянина, красные уголки и другие культурно-просветительные учреждения (3 р. в мес.). Третья категория включала в себя места общественного пользования – кинотеатры, кооперативные столовые и т. п. (5 р. в мес.). И четвертую группу составляли рестораны, пивные и другие увеселительные заведения (10 р. в мес.) [7, с. 5]. Таким образом, радиофикацией были охвачены различные увеселительные заведения, культурно-просветительные учреждения и отдельные граждане.

Слуховые трубки приобретались абонентами как самостоятельно, так и брались напрокат (75 к.), а также покупались на телефонной станции. Для того чтобы систематизированно проводить данное мероприятие, контора связи предварительно выявила количество предполагаемых абонентов, составила смету на содержание этой сети и выписала всё необходимое оборудование. Кроме Читы, такое же широковещание было установлено в Петровском Заводе, Верхнеудинске и других населённых пунктах.

Однако радиоприёмников по-прежнему не хватало. В продаже их имелось мало, можно было приобретать их у частных лиц, но гораздо выше их первоначальной стоимости. Чтобы хоть как-то выйти из затруднительного положения, в январе 1928 г. был создан временный окружной совет друзей радио, в который вошло 229 чел. в Чите и 170 по периферии [16, с. 148]. Совет организовал в Чите в клубе им. Луначарского радиолaborаторию, в которой предполагалось силами радиолюбителей изготавливать радиоприёмники. Несмотря на то, что для ведения такой деятельности требовались специальные материалы и соответствующие знания, работа радиолaborатории дала положительные результаты. К 1929 г. в обществе насчитывалось около 100 приёмников, и Чита по их числу заняла второе место на Дальнем Востоке после Хабаровска. В Чите также были организованы трёхмесячные курсы радиолюбителей, на которых обучалось 40 чел., 9 чел. были отправлены на краевые радиокурсы [6, с. 4]. Кроме того, дорпрофсоюзом совместно с дороно для повышения квалификации радиоработников и развития радиодела на местах проводились четырехнедельные радиокурсы. На курсы были командированы от Иркутского учкпрофсоюза три человека, Верхнеудинского – два, Читинского – семь, Шилкинского – три, Ерофеевского – три и деревни Тыргетуй – один человек. В составе учащихся были рабочие (16 чел.), крестьяне (1 чел.), служащие (2 чел.). Курсанты были обеспечены литературой, взятой из библиотеки правления дороги и радиокружка

МК-4, во время практических занятий они могли пользоваться радиолaborаторией [2, л. 86].

Благодаря таким курсам, а также материальной помощи от различных организаций (коллектив окружного финансового отдела отпустил 280 р., из них 100 р. внес местком), в Чите умельцы-радиолюбители смогли самостоятельно начать изготовление радиоприёмников. Секция коротковолнников изготовила передатчик для телефонной передачи радиовещания.

Коротковолновые установки были в ходу, ими снабжался не только город, но и отдаленные населенные пункты. Всё это стало возможным благодаря работе хабаровской коротковолновой станции. Радиослушатели могли слушать только Хабаровск и редко две-три иностранные станции, которые, естественно, вели трансляцию на своих языках. Наличие столь малых возможностей слушать радиопередачи в некоторой степени подрывало у населения интерес к радио.

Чтобы найти выход из данной ситуации, акционерное общество «Гонец» предложило специально для красных уголков и изб-читален длинноволновую радиостановку с хорошим приемником БЧ-4 стоимостью 185 р. Она давала наибольший выбор для прослушивания разных радиостанций, особенно советских (Владивосток, Иркутск, Томск, Новосибирск и Москва). Если к этому добавить коротковолновый приемник с двухламповым усилителем, то общая их стоимость составляла 300 р., что для того времени было не очень дорого [8, с. 8]. Благодаря внедрению данной радиостановки, в деле широковещания произошел своеобразный коренной перелом.

Подобные установки стали появляться в клубах и избах-читальнях. Так, в рабочем клубе станции Зилово «Красный май» в июле 1930 г. установили подобную радиостановку, позволившую принимать не только Хабаровск, но и Москву. С её помощью появилась возможность передавать и местные концерты, доклады, клубные инсценировки. Трансляция из клуба через громкоговоритель велась также на железнодорожный посёлок, где установили 35 телефонов, обслуживающих около ста человек.

Для более широкого охвата трудовых масс радиокультурой, читинским радиоузлом с 1930 г. начала выпускаться регулярная радиогазета с участием всех политических, литературных и других культурных сил Читы. К участию в радиогазете привлекалась труппа драматического театра, музыкальная школа, врачи, агрономы и другие представители творческой интеллигенции. Они давали советы, читали лекции, ставили инсценировки и пр. Такие передачи велись на всех предприятиях и учреждениях Читы в обеденный перерыв. Для обеспечения эффективного руководства радиога-

зетой была создана редколлегия, выбиравшая наиболее полезную и идеологически выдержанную информацию.

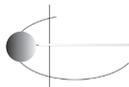
Радиостановки были внедрены для обслуживания всех школ по ликвидации неграмотности и малограмотности. В эфир вводились специальные часы с различной тематикой – политчас, литчас, агрочас, санчас, антирелигиозный час и др., со строгим их расписанием [10, с. 6].

С 1931 г. вводилось специальное заочное радиообучение. Его организацией руководил Институт Московского заочного обучения при ЦК ВКП(б). Он организовал цикловые радиолекции по марксистско-ленинской теории, заочную совпартшколу, заочный комвуз, заочные курсы партактива, заочные комсомольский университет и институт сельского хозяйства. Обучение по данным курсам происходило в специальных радиоаудиториях, оборудованных в Доме работников просвещения (ДРП), Дворце культуры, в школе на Большом Острове, в школе в Кузнечных рядах, в кабинете партработы музея. Также радиообучение транслировалось в селах Александровка, Беклемишево, Верх-Чита, Шишкино, Угдан, Хаоцайский сомон и Титово.

Такая форма обучения представляла значительный интерес для населения. При наличии подобных радиокурсов можно было получать знания, не выезжая за пределы своего места жительства. Надо полагать, для того чтобы стать слушателем радиолекций, достаточно было отослать по почте заявление и по почте же получить задание и сдать вступительные экзамены. В дальнейшем все задания также отсылались через почтовую связь. Кроме того, Читинский радиокomitee организовывал ряд радиолекций по истории русской литературы. К их проведению привлекались лучшие преподаватели литературы читинских учебных заведений [6, с. 4]. Таким образом, радио способствовало не только ликвидации неграмотности среди населения, но и являлось проводником идеологической линии правящей партии.

В августе 1934 г. в Чите был образован областной комитет по радиовещанию и началась трансляция собственных радиопередач. А 7 ноября того же года, в день XVII годовщины Октябрьской революции, в эфире зазвучал позывной «РВ-52» – Читинской ширококвещательной станции [12, с. 4]. Таким образом, местное вещание сделало еще один шаг вперед в своем развитии, привлекая к своему вниманию всё большую аудиторию.

К концу 1930-х гг. радиовещание Читинской области вышло на новый уровень своего развития. Всесоюзный радиокomitee в 1936 г. значительно увеличил бюджетные ассигнования Читинскому комитету радиовещания. Городской совет передал радиокomitee двухэтажное здание, располагаю-

щеся в центре города (ул. Анохинская) и отпустил 94 тыс. р. на его оборудование [16, с. 322]. Тем самым была решена проблема размещения радиокомитета, который до этого находился в более тесном и неудобном помещении.

В новом здании было оборудовано три радиостудии, репетиционные комнаты и установлен звуковой блок, улучшающий передачу тонфильмов (лент с записанным на них звуком). При радиокомитете была создана стационарная литературно-драматическая труппа, симфонический оркестр, увеличилось число вокалистов. Данные мероприятия позволили радиокомитету создавать радиоспектакли и радиоконцерты и давать их в прямой эфир. В 1936 г. радиоузел организовал трансляцию первой постановки краевого театра музыкальной комедии «Холопка» в постановке Н. Стельникова. Радиоточек к концу 1930-х гг. по г. Чите насчитывалось

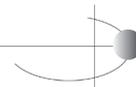
более 1100, радиостанция включала абонентские точки в пятидневный срок, а работы по проводке выполнялись за 10 дней [13, с. 4].

Таким образом, процесс становления и развития радиофикации в Восточном Забайкалье прошёл сложный путь от утопических планов радиолюбителей до вещания на обширную территорию. Радио играло большую культурно-просветительскую роль. С его помощью в самых отдаленных уголках края все желающие могли слушать радиопередачи не только из Читы, но также из Москвы и ряда других городов Советского Союза. Радио также стало своеобразным мощным оружием в руках коммунистической партии. Оно активно пропагандировало успехи в социалистическом строительстве, призывало к бдительности и борьбе с врагами народа, способствовало укреплению культа личности Сталина.

Список источников и литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.П-81. (Забайкальский губернский комитет РКП(б)). Оп. 1. Д. 1075. С. 36.
2. ГАЗК. Ф.П-75 (Читинский окружной комитет ВКП(б)). Оп. 1. Д. 935. С. 86.
3. Дайте деревне хорошие радиоустановки // Забайкальский рабочий. 1930, 9 июля. С. 4.
4. Конференция радиолюбителей // Забайкальский рабочий. 1929, 11 апреля. С. 5.
5. Кружок радиолюбителей // Забайкальский рабочий. 1925, 10 февраля. С. 8.
6. Лекции по истории русской литературы // Забайкальский рабочий. 1938, 10 декабря. С. 4.
7. Новости радио // Забайкальский рабочий. 1929, 5 июля. С. 5.
8. Радио – в массы // Забайкальский рабочий. 1930, 5 марта. С. 8.
9. Радио в Чите // Забайкальский рабочий. 1925, 25 августа. С. 8.
10. Радиовещание по телефону // Забайкальский рабочий. 1927, 9 октября. С. 6.
11. Радиохроника // Забайкальский рабочий. 1926, 3 января. С. 7.
12. Расширение радиокомитета // Забайкальский рабочий. 1936, 6 апреля. С. 4.
13. «Холопка» по радио // Забайкальский рабочий. 1936, 28 апреля. С. 4.
14. Белоглазова С. Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20–30-х годов XX в. Очерки истории. Владивосток, 2001. 192 с.
15. История культуры Дальнего Востока России XVII-XX веков: учеб. пособие. Владивосток, 1998. 300 с.
16. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. М., 1982. Т. 51. 573 с.
17. Очерки истории Читинской областной организации КПСС. Иркутск; Чита, 1975. 560 с.

Рукопись поступила в редакцию 18 апреля 2011 г.

УДК 329.04
ББК 66.75(2)1(2Рос.Бур)

А. З. Бадмаев
г. Улан-Удэ, Россия

Комсомол Бурятии: от попытки реорганизации до распада

В статье на материалах республики Бурятия последовательно рассматривается деятельность ВЛКСМ в поисках нового курса – от проведения XXI съезда и до полного распада организации. Автором предпринимается попытка осмыслить на фоне общесоюзных процессов критический период в истории республиканского комсомола, выявить причины самороспуска, проанализировать качественное переформатирование некогда молодежной по духу организации в сферу предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: ВЛКСМ, съезд, кризис, проблемы комсомола, Союз молодежи

A. Z. Badmaev
Ulan-Ude, Russia

Komsomol in Buryatia: from Reorganizational Attempts to Collapse

On the basis of the materials of the Republic of Buryatia the article provides a coherent analysis of the All-Union Leninist Communist League (Komsomol) activity in its search for a new course from the 21st Congress till the final collapse of the organization. Against the general background of sweeping changes in the Soviet Union the author tries to provide a new comprehension of the critical period in the history of the republican Komsomol, to find out the reasons for its voluntary dissolution, to analyze a qualitative reformatting of once a youth-oriented organization towards the business activity.

Keywords: Young Communist League, congress, crisis, komsomol's problems, youth union.

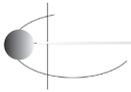
Курс на демократизацию ВЛКСМ во второй половине 1980-х гг. в сочетании с процессами суверенизации и политического реформирования стимулировал центробежные тенденции в комсомоле, способствовал децентрализации управления. Союзные (национальные), республиканские молодежные организации приобрели большую самостоятельность. В этих условиях объективно возник вопрос о создании российской республиканской организации в рамках ВЛКСМ. Ряд совещаний и встреч лидеров территориальных комсомольских организаций в Кемерово, Волгограде, Волжском, Свердловске, движение «Сургутская альтернатива», пленумы ЦК ВЛКСМ способствовали объединению комсомольских организаций России в единую организацию. Этот процесс, явно обозначившийся в 1989 г., закончился образованием ЛКСМ РСФСР 31 мая 1990 г., к которому примкнула комсомольская организация Бурятской АССР.

Характеризуя проблему в целом, необходимо отметить, что в 1989–1990 гг. ослабили деятельность или полностью отошли от активной политической жизни братские Ленинскому комсомолу союзы молодежи стран социалистического содружества, что поставило комсомол в трудное и без того положение. После известных общественных катаклизмов практически все молодежные организации восточноевропейских стран отмежевались

от коммунистических партий. Очевидно, в кризисных условиях жёсткий тандем союзов молодежи и партии означал ответственность не только за собственные промахи, но и за ошибки партии. К началу 1990-х гг. в массовом сознании комсомол стал ассоциироваться с ненужной, сомнительной и в чём-то «запятнанной» организацией. Так, например, в отечественном Военно-Морском Флоте была полностью переименована «комсомольская» эскадра (около 80 единиц), состоящая из кораблей различных типов. Таким образом, беспрецедентные перемены коснулись практически всех сфер общественной жизни.

К 1990 г. полноценной жизнедеятельности молодёжного союза, запросам, оставшимся в его рядах, членов отнюдь не отвечали лишь слегка изменившиеся формы, методы и стиль его работы. Новый рубеж требовал изменить внутреннюю структуру, суть и содержание деятельности комсомола. Задачи коренного поворота в деятельности комсомола, создания обновлённого всесоюзного коммунистического союза молодежи должен был решить внеочередной съезд ВЛКСМ. Новая модель ВЛКСМ представлялась федерацией, объединяющей самостоятельные ЛКСМ союзных республик, имеющие свои уставы и программы.

11–18 апреля 1990 г. состоялся XXI съезд ВЛКСМ. Съезд был созван для решения неотложных задач в сложный период, характеризовав-

шийся масштабным развалом социалистической системы. Общественно-политические процессы, носившие иногда далеко не мирный характер, выпукло выявили проблемы молодого поколения и комсомола. Влияние ВЛКСМ в период перестройки продолжало падать. И съезд выбрал путь радикальных преобразований, обозначающих поворот к принципам демократии в структуре комсомола и содействие самоутверждению молодежи в жизни. Учитывая международный опыт, усиление антикоммунистических настроений в стране, XXI съезд освободил ВЛКСМ от идеологической основы – марксизма-ленинизма, не стало демократического централизма, партийного руководства, хотя ожидаемых результатов это не принесло.

Вновь возродившийся российский комсомол возник уже на новых принципах. Программа и Устав ЛКСМ РСФСР, закрепленные на XXI съезде ВЛКСМ, дали необходимую степень свободы комсомольским организациям для самоопределения и самовыражения. Комсомол как общественно-политическая организация ориентировался теперь на общечеловеческие ценности, не примыкал к определённой политической партии и в определении целей союзов молодежи на первый план выдвинул социально-защитную функцию. ЛКСМ РСФСР видел свою задачу в создании условий для развития личности молодого человека, организации и становлении полнокровного молодежного движения в России, решении проблем молодежи во взаимодействии с государственными органами и в коалиции с другими молодежными объединениями.

В конце 1980-х гг. общественное внимание было привлечено к негативным явлениям в молодежных кооперативах, хозрасчетных организациях ВЛКСМ. Отсутствие в этот период четкой нормативно-правовой базы привело к тому, что в молодежной экономике допускались серьезные просчеты и даже злоупотребления. Зачастую предприятие называлось комсомольским, а к уставным целям ВЛКСМ никакого отношения не имело. В связи с этим 7 августа 1989 г. секретариат ЦК ВЛКСМ принял постановление «О мерах по упорядочению деятельности предприятий и хозяйственных организаций комитетов ВЛКСМ». В постановлении говорилось о том, что основу деятельности хозяйственных подразделений ВЛКСМ должна составлять социально-политическая направленность, неуклонное исполнение уставных задач комсомола. Предписывалось в кратчайшие сроки провести реорганизацию хозяйственных подразделений, добиться соответствия их деятельности государственному законодательству и нормативным документам ЦК ВЛКСМ. Была осуждена практика выдвижения на первый план

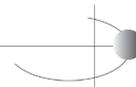
принципов наживы и частнопредпринимательской деятельности [10, с.11–12].

В этот период хозрасчетная деятельность комсомола Бурятии уже прошла этап становления. Хозрасчетной деятельностью занимались 33 подразделения при комитетах комсомола разного уровня. В том числе десять – при обкоме, десять – при горкомах, райкомах ВЛКСМ, тринадцать – при первичных комитетах комсомола. Смогло финансово окрепнуть и неплохо зарекомендовать себя объединение «Инициатива» при комитете ВЛКСМ У-УППО, молодежный центр при комитете ВЛКСМ Северобайкальского отделения БАМа, центр «Импульс» при Улан-Удэнском горкоме ВЛКСМ.

Анализ деятельности всех существовавших формирований позволяет проследить явную тенденцию к оказанию населению услуг в организации досуга. Так, 22 хозрасчетных коллектива считали эту сферу своей основной деятельностью: 15 занимались видео-аудиопрокатом и лишь восемь коллективов выпускали или планировали выпускать конкретную товарную продукцию. В рамках собственной хозрасчетной деятельности были заключены договоры на сумму более 1,6 млн. р. Комсомольские предприниматели проявляли активный интерес к созданию совместных предприятий с иностранными фирмами [2, с.7].

18 мая 1990 г. в г. Улан-Удэ прошел II пленум Бурятского областного комитета ВЛКСМ, на котором был рассмотрен вопрос об итогах XXI съезда ВЛКСМ. Решения съезда озвучил в своем докладе первый секретарь Бурятского обкома ВЛКСМ Ц. Б. Батуев. XXI съезд ВЛКСМ принял новый Устав комсомола, кардинально меняющий модель союза молодежи и рассчитанный на переходный период в развитии союза, что обусловило следующие подходы. Во-первых, утверждение и гарантирование реальной свободы и прав членов ВЛКСМ в организации. Во-вторых, установление подлинного приоритета первичных комсомольских организаций. В третьих, демократизация внутрисоюзных отношений, четкое разграничение полномочий центра и ЛКСМ союзных республик, местных организаций. В четвертых, создание необходимой гибкости, восприимчивости к новому в организационном строении Союза [2, с. 2]. Относительно вопроса о членстве в союзе было введено так называемое понятие «свободный выход» из ВЛКСМ.

Доклад комсомольского лидера представил содержательную статистику падения авторитета комсомола. Ц. Б. Батуев отметил неуклонное сокращение численности комсомольских организаций в республике. Так, в период 1987–1990 г. количество членов ВЛКСМ сократилось на 27600 чел. [2, с. 4]. Секретарь высказался о возможно-

сти комсомольцев объединяться на основе общих социально значимых интересов в политические клубы и экологические формирования. Предполагалась возможность объединения этих формирований в региональные и всесоюзные ассоциации. Это, на взгляд комсомольских руководителей, позволило бы сделать гибким структуру ВЛКСМ и в будущем координировать работу этих организаций в решении общекомсомольских задач. Участники II пленума узнали, что выход постановления ЦК ВЛКСМ «О мерах по дальнейшему совершенствованию финансово-экономической деятельности...» способствовал устранению излишней регламентации, расширению самостоятельности в расходовании средств. Было отмечено, что «доходы в областной комсомольской организации растут» [2, с. 5–6]. Судя по всему, бурятский комсомол в лице их лидеров стремился к активной хозяйственной деятельности. Не исключено, что новый сектор экономики как раз зарождался в недрах различных молодежных центров.

Вместе с тем в выступлении руководителя обкома ВЛКСМ Ц. Б. Батуева не были затронуты вопросы реализации молодежных программ, ради чего и создавались молодежные хозрасчётные центры. Отчётливо сквозило «серьёзное» беспокойство за развитие комсомольской экономики, а, следовательно, за доходы комсомольского «цеха».

Небольшая выдержка из доклада: «...Основной нормативный документ, на котором базируется хозрасчёт в комсомоле, это постановление Совета Министров № 956. <...> Скажем прямо, что основным экономическим рычагом для хозрасчётной деятельности комсомола, несомненно, послужило освобождение от уплаты налогов в госбюджет и платы за производственные фонды» [2, с. 7–8].

Очевидно, что одним из главных рассматриваемых вопросов на пленуме являлся вопрос о налогообложении. Речь шла о вынесенном на сессию Верховного Совета СССР законопроекте о налогообложении государственных, кооперативных, общественных и других предприятий. Новый закон обещал хозрасчётным комсомольским формированиям отчисления в госбюджет от 30 до 50 %, объясняя это уравнием условий для всех предприятий, независимо от их принадлежности, что, естественно, вызвало тревожный вопрос комсомольских руководителей на пленуме: «Но в равные ли условия попадают государственные и комсомольские предприятия?»

Далее на повестке дня стал вопрос об отсутствии централизованного снабжения материальными ресурсами, лимитов, фондов и о создании финансово-экономической комиссии обкома ВЛКСМ. Участники пленума решили подготовить предложения по экономической деятельности

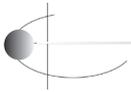
комсомольской организации республики, адресованные Верховному Совету и Совету Министров Бурятской АССР.

На пленуме был затронут важный вопрос о политической роли комсомола. Говоря о первом политическом опыте, первый секретарь обкома ВЛКСМ отметил, что кандидатами в народные депутаты Бурятской АССР было выдвинуто всего 33 представителя молодёжи, из них 22 члена ВЛКСМ. В итоге после 2 туров голосования народными депутатами Бурятской АССР от молодёжи было избрано восемь человек. В местные Советы из 1416 выдвинутых кандидатов было избрано народными депутатами 468 человек из числа молодёжи (291 комсомолец). Но в то же время «вопросы избирательной кампании не находились в центре внимания комсомольских органов» [2, с. 8]. На пленуме ясно прозвучала мысль о создании комсомольской фракции в парламенте, необходимости реализовывать собственные проекты в структурах власти. Перенесение центра тяжести в деятельности комсомола на политические вопросы (борьба за место в представительных органах и использование их в решении назревших проблем), на наш взгляд, являлось серьёзным шагом для комсомола в надежде обновиться и выжить [2, с. 9].

На пленуме было принято несколько постановлений, в том числе «Об итогах XXI съезда» и о вхождении Бурятской областной комсомольской организации в состав ЛКСМ РСФСР. Из 110 присутствовавших членов обкома ВЛКСМ большинство (63 чел.) проголосовало за вхождение в состав Российского комсомола [2, с. 9].

К сожалению, на наш взгляд, бурятский комсомол, сохранив в этот период свою структуру, материальную базу, не смог проникнуться интересами молодёжи. Возобладали пресловутые «принципы частнопредпринимательской деятельности». Комсомол, являясь, по сути, общественно-государственным институтом, не стимулировал создания организаций, способных выступить его конкурентом в Бурятии, хотя деклараций об их желательности звучало всегда предостаточно [3, с. 4]. На деле деятельность обкома ВЛКСМ всё больше приобретала экономическую направленность.

Проблема первичных комсомольских организаций приобрела в этот момент всё большую остроту – они продолжали разваливаться. Закрепленный XXI съездом ВЛКСМ лозунг о приоритете первичных организаций, казалось бы, снимал все проблемы. Полная самостоятельность, в том числе финансовая, права юридического лица, невмешательство вышестоящих комитетов, казалось, должны были обеспечить расцвет первичек. Но жизнь опрокинула эту идею: численность ком-

сомольских организаций постоянно снижалась, деятельность их «угасала», вышестоящие комсомольские органы оказывали слабую помощь. Главные причины подобного положения дел, на наш взгляд (не беря в расчёт общие рассуждения о потере авторитета комсомола, выходе из него и т. д.), в следующем:

- дефицит ясных, чётких и привлекательных целей первички;
- сложившееся устойчивое мнение об отсутствии объективных потребностей в комсомольской (наряду с партийной) организации в трудовом или учебном коллективе;
- попытки строить работу ещё функционирующих первичек лишь на основе интуиции, отсутствие тактики действий в конкретных специфических условиях;
- преимущественный акцент на досугово-развлекательную деятельность в жизни первичек;
- «кадровый голод», низкий уровень профессиональной подготовки кадров и актива;
- неразвитость связей с другими организациями и отсутствие элементарной информации;
- практический отказ вышестоящих органов от работы с первичными организациями на основе демагогического толкования их полной самостоятельности.

В столь безрадостной картине есть существенная доля вины и ЦК ВЛКСМ, который сосредоточил внимание на крупномасштабных идеях и инициативах. Однако на уровне первички реализация социально-защитной функции оказалась весьма проблематичной. Робкие попытки местных комитетов комсомола сделать что-либо в этом отношении в большинстве случаев успеха не принесли.

Кризисные явления в исследуемый период в Союзе молодежи нарастали и приобрели к 1990 г. зачастую неуправляемо-разрушительный характер. Состояние комсомола оценивалось как близкое к коматозному. Опрос четырёх тысяч руководителей райкомов, горкомов, первичных организаций показал, что 42 % из них справедливо считали, что комсомол находится на грани распада [1, с. 20]. Несмотря на привнесённые XXI съездом ВЛКСМ новации во внутрисоюзную жизнь, на значительную переориентацию ВЛКСМ, его возросшую политическую самостоятельность, поворот в практической политике к молодёжи, преодолеть стереотип восприятия ВЛКСМ как ненужной и отмирающей организации, остановить или хотя бы локализовать процессы отчуждения молодёжи от комсомола не удалось.

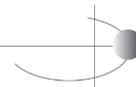
За 1990 г. количество первичных комсомольских организаций в республике сократилось с 1634 до 1461. Чуть более полугодом сохранялись комсомольские организации в таких отраслях на-

родного хозяйства, как промышленность – 150 первичек; сельское хозяйство – 195; транспорт – 62; строительство – 85; торговля и общественное питание – 62; жилищное коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание – 50; наука, народное образование, культура и искусство – 577. В территориальных организациях и «прочих видах» соответственно оставалось 41 и 239 первичных комсомольских организаций [4, с. 3–9].

Несмотря на внешнюю деидеологизацию комсомола, руководящий корпус республики продолжал опекать республиканский союз молодёжи. В 1990 г. согласно постановлению III пленума республиканского комитета ЛКСМ РСФСР «аппарат рескома ЛКСМ РСФСР и комсомольские хозрасчётные формирования» получили официальное разрешение на переезд в здание правительства [5, с. 3].

В этот период социалистическая система испытывала общий кризис, охвативший сферу экономики, политики, национальных отношений. В стране расшатались нравственные устои, обострились социальные проблемы, особенно остро сказавшиеся на молодом поколении. Все стремительней менялась палитра политических красок: усилились антикоммунистические настроения, настроения сепаратизма. С 1991 г. процесс развала комсомола в стране ускорился и стал необратимым. На наш взгляд этот процесс неправомерно связывать только с событиями августа 1991 г., хотя они, конечно же, ускорили его. События августа 1991 г. кардинально изменили ситуацию в стране. Запрет на деятельность в России Коммунистической партии мог рикошетом ударить по её молодёжному крылу. Но здесь немаловажную роль сыграло изначальное дистанцирование российского комсомола от Российской коммунистической партии. Кроме того, позиция ЦК ЛКСМ РСФСР в августе 1991 г. оказала решающую роль на дальнейшее развитие событий. Первый секретарь ЦК ЛКСМ В. Елагин выступил в поддержку Президента РСФСР Б. Н. Ельцина на митинге у Белого дома. Поэтому по отношению к ЛКСМ РСФСР не было принято никаких запретительных мер. И хотя в республике отношение к комсомолу было далеко не однозначным (а порой просто равнодушным), юридически деятельности рескома ЛКСМ ничто не препятствовало.

Дистанцирование рескома ЛКСМ от текущих проблем дезориентировало первичные комитеты. Многие из рядовых комсомольцев Бурятии перестали видеть смысл в дальнейшем пребывании в союзе. В республике в 1991 г. по собственному желанию прекратили членство в ВЛКСМ 1177 человек. Исключению из ВЛКСМ подверглось 3762 комсомольца. За первые полгода 1991 г. численность республиканского комсомола сократилась

на 22087 чел. и составила 66407 комсомольцев, подавляющее большинство из которых числилось номинально. Количество первичных комсомольских организаций сократилось с 1634 до 1461. Школы, вузы, армейские коллективы являлись последним бастионом и оплотом комсомольских традиций. В 1991 г. пополнение в ряды ВЛКСМ шло в основном за счёт учащейся молодёжи. Из 717 человек, вступивших в ряды ВЛКСМ, 688 относились именно к этой категории [6, с.16; 4, с.2–9]. Деятельность первичных комсомольских организаций стала формальной и в основном сводилась к сбору членских взносов.

Уже 27 сентября 1991 г. XXII (чрезвычайный) съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи объявил о прекращении существования комсомола в России. Фактически исчез его правопреемник ЛКСМ, который в октябре 1991 г. реорганизовался в Российский Союз Молодёжи. Приоритет был отдан социальной защите молодёжи. В Уставе было записано, что Российский Союз Молодёжи – общественная организация. Политическая деятельность стала не целью, а средством на пути решения основных программных задач.

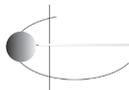
Бурятский обком ВЛКСМ оперативно отреагировал на происходящее, утвердив на республиканской конференции 31 октября 1991 г. Устав Союза Молодёжи Бурятии (СМБ), который вошёл в состав РСМ на правах субъекта федерации. Главными целями СМБ стали «создание условий для свободного всестороннего развития молодого человека, реализация интересов и прав членов союза, содействие развитию свободного, гуманного и демократического общества» [9, с. 2].

Союз для достижения целей ограничился общими декларациями, включающими защиту интересов членов Союза в органах государственной власти, использование возможностей государственных, хозяйственных, общественных организаций для социальной и правовой поддержки членов Союза. Представляется немаловажным, что отныне Союз поддерживал и участвовал в развитии предпринимательской деятельности [9, с. 2]. Как общественная организация республиканский Союз молодёжи имел на это право, но с этого момента предпринимательство стало главной составляющей в работе Союза. Забота о «создании условий для свободного развития молодого человека» превратилась в мыльный пузырь. Бурятский комсомол в лице СМБ самоустранился от решения социальных и других проблем не только всей молодёжи республики, но и даже членов Союза, что констатировал Протокол II этапа XXXV (чрезвычайной) Республиканской комсомольской конференции от 21 января 1991 г. Это последний документ, зафиксировавший драматическую судьбу Союза Молодёжи Бурятии.

На конференции присутствовало 48 делегатов. В работе конференции приняли участие секретарь ЦК РСМ А. Федотов, председатель Президиума Верховного Совета республики Л. В. Потапов, С. В. Калмыков, курировавший культуру, науку и образование в Верховном Совете республики. На повестке дня стоял самый важный вопрос – о положении дел и перспективах в деятельности СМБ. Конференция подтвердила поиск Союзом своей, на наш взгляд, коммерческой ниши в новой политической и экономической ситуации.

Открыл конференцию первый секретарь рескома СМБ Ц. Б. Батуев. Обрывистая и некачественная стенограмма выступления первого секретаря зафиксировала попытку лишь эпизодически затронуть проблемы, стоящие перед СМБ. В докладе прозвучал отказ от решения молодежных социальных проблем «не в силу предания (видимо, подразумевалось предательство, забвение. – А. Б.) основных целей и задач организации» [3, с. 2–3]. Подчеркивалась необходимость создания экономической структуры. Докладчик заострил внимание на создании в мае 1991 г. специализированного студенческого отдела с личным расчётным счетом в бурятском отделении «Азия-Банка». Отдел из 4 сотрудников находился на полном самофинансировании. «Мы вплотную подошли к пониманию необходимости создания экономической структуры на основе объединения усилий 2 наших МП (малых предприятий. – А. Б.), созданных или создаваемых хозяйственных структур в районных комитетах» [7, с. 3; 3, с. 3]. На наш взгляд, первые лица республиканского комсомола были очарованы успешной предпринимательской деятельностью студенческого отдела. Сам заведующий отделом ограничился весьма туманными общими фразами: «Организаторы работают не на коммерцию, а на организацию для студентов. Поставили конкретную социальную задачу, и студенты поддерживают» [7, с. 8].

Дискуссия нашла продолжение в выступлении первого секретаря Железнодорожного райкома СМБ Е. Бутакова, в котором чувствовалось глубокое знание проблемы, искреннее сопереживание родному Союзу. В основных положениях доклада говорилось, что, во-первых, финансовая несостоятельность республиканской организации выразилась в отсутствии поступления членских взносов. Это не позволяло формировать бюджет на уровне районного звена для самофинансирования. Практика создания хозрасчётных формирований не оправдала себя в большинстве районных организаций. Общественные организации были поставлены в равные условия с предприятиями, учреждениями и другими организациями в налогообложении, аренде помещений. Усечённый вариант дотации предполагал дальнейшее сокра-

шение кадров, а также совмещение должностей, что влекло за собой дальнейший отток кадров в коммерческие структуры и другие организации. Все это, по словам Е. Бутакова, отрицательно сказывалось на работе организации и выполнении функциональных обязанностей, изложенных в её Уставе.

Во втором пункте доклада комсомольский лидер выразил обеспокоенность, что перенос основной части работы районных комитетов на функции социальной защиты молодёжи диктовал приоритет материальных стимулов, которые невозможны без экономической реорганизации. Это в основном выражалось в несоответствии заработной платы освобождённых работников Союза Молодёжи Бурятии с теми затратами, которые бы удовлетворяли прожиточный минимум их семей. Прекращение поступления денежных средств на счета комсомольской организации, отсутствие доходов от экономической деятельности привели к тому, что сотрудники Союза были вынуждены большую часть своего рабочего времени посвящать поискам дополнительных источников для пополнения своего семейного бюджета.

В третьем разделе доклада секретарь районного комитета пришел к выводу, что обязанности общественной организации постепенно отошли от основного курса деятельности райкомов и приобрели исключительно коммерческое и производственное направление. В связи с этим он предложил направить процесс коммерциализации райкомов в цивилизованное правовое русло, рассмотреть варианты экономической реорганизации, которые предполагали бы:

1. Остановить в организации отток кадров, а также попытаться вернуть ушедших в коммерческие структуры.
2. Сохранить функции общественной организации молодёжи.
3. Создать условия для стабильного пополнения бюджета организации [3, с. 4–5].

Взволнованный судьбой союза, Е. Бутаков предупредил, что оттягивание решения данного вопроса повлечёт за собой крах организации. Он предлагал провести экономическую реорганизацию с учреждением ассоциации молодежных организаций. Это предложение мягко отверг секретарь ЦК РСМ А. Федотов, логично заметив, что «у всех РК есть счета, есть возможность заниматься разной хозрасчетной деятельностью. Это заложено в Уставе» [3, с.7]. В то же время секретарь ЦК РСМ признал сложным вопрос о жизнеспособности союза, посетовал на малочисленность РСМ и отсутствие в будущем централизованного финансирования.

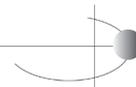
Реальную картину обрисовал председатель Комитета по делам науки, образования, культуры

С. В. Калмыков: «Ориентир потерян, и потому организация не будет существовать». Он предложил заниматься коммерческой деятельностью, по существу, легализуя и санкционируя её [3, с. 8]. Цель общественной организации С. В. Калмыков видел в решении экологических проблем, вопросов развития культуры.

В заключение прений секретарь рескома СМБ А. Варфоломеев, в поисках компромисса, предложил «разумное сочетание общественно-политической и коммерческой деятельности». А. Варфоломеев выразил, на наш взгляд, дежурную обеспокоенность бездеятельностью СМБ и затянувшимся периодом раздумий, который подменил собой практическую деятельность. Он (в привычной для функционера лозунговой манере) призвал заняться делом и вспомнить о требовательности, обязательности, самодисциплине. Постановлением конференции первым секретарём рескома СМБ был утверждён Б. Д. Цыдыпов [3, с. 9–11].

Так, «выживая», общественная организация молодёжи и для молодежи окончательно превратилась, на наш взгляд, в коммерческую структуру частных лиц – аппарата рескома СМБ. Руководящий корпус молодежного союза, говоря о необходимости создания экономической структуры, прежде всего, видел в этом расширение (или увеличение) своих доходных возможностей. Союз молодежи, находясь с 1991 г. на периферии общественно-политической жизни, но, будучи в фигуральном и буквальном смысле под «крышей» правительства республики, в 1994 г. призвал во время избирательной кампании по выборам президента Бурятии оказать поддержку действующему президенту Л. В. Потапову. Вскоре Л. В. Потапов был избран президентом республики и в отношении малочисленного аппарата Союза продолжился режим благоприятствования. Комсомольский руководитель А. Варфоломеев стал помощником президента, а затем согласно указу президента Республики Бурятия был назначен «руководителем группы помощников (советников) – первым помощником Президента Республики Бурятия» [8, с. 1]. Впоследствии А. Варфоломеев стал руководителем Бурятской государственной телерадиокомпании (БГТРК).

Итак, с середины 1980-х гг. ВЛКСМ, как и все общественно-политические институты страны, испытывал беспрецедентные перемены. Комсомол в поисках нового курса пошел на созыв внеочередного съезда, последующую идеологизацию союза и по мере ослабления влияния со стороны КПСС-КПРФ всё более обращался к реальным молодёжным проблемам. Стремление к реализации молодёжных программ подталкивало комсомол к активной хозяйственной деятельно-

сти. В республике именно при содействии Бурятского областного комитета ВЛКСМ в недрах различных молодежных центров зарождался новый частнопредпринимательский сектор экономики, который в скором времени подменил собой основную деятельность республиканского комсомола.

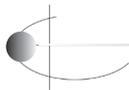
Параллельно с этим шёл общероссийский процесс наделения большим количеством прав субъектов федерации, входившими в состав всесоюзной организации. Несмотря на то, что республиканская комсомольская организация приобрела большую самостоятельность, руководство комсомола не смогло преобразовать свою повседневную деятельность в интересах искреннего служения молодёжи.

С 1991 г. процесс развала комсомола ускорился и стал необратимым. 27 сентября 1991 г. XXII (чрезвычайный) съезд ВЛКСМ объявил о самороспуске комсомола, прекращении его существования в России. Правопреемник ВЛКСМ в республике – ЛКСМ-РСМ-СМБ – постоянно терял свою кадровую базу, сокращался количественный состав членов организации. Большинство первичных организаций развалилось. Организационно-идейный кризис охватил и коллектив рескома Союза молодежи Бурятии, который был озабочен собственным выживанием, пытаясь официально легализовать под «вывеской» СМБ коммерческую деятельность, что констатировал второй этап XXXV чрезвычайной республиканской комсомольской конференции в январе 1992 г.

Список литературы:

1. Алейников А., Чепурин В. ВЛКСМ: Что же с нами происходит? // Перспективы. 1991. № 9. С.20–25.
2. Государственное учреждение «Национальный архив Республики Бурятия» (ГУ НАРБ). Ф.36. Оп. 27. Д. 152. Л. 7.
3. ГУ НАРБ. Ф. 36. Оп. 27. Д. 231. ЛЛ. 2–11.
4. ГУ НАРБ. Ф. 36. Оп. 27. Д. 221. ЛЛ. 2–9.
5. ГУ НАРБ. Ф. 36. Оп. 27. Д. 153. Л. 3.
6. ГУ НАРБ. Ф.36. Оп. 27. Д. 219. Л. 16
7. ГУ НАРБ. Ф.36. Оп. 27. Д. 211. Л. 4.
8. Правда Бурятии. 1996. 25 сент. С. 1.
9. Устав Союза Молодежи Бурятии. Улан-Удэ, 1991. 32 с.
10. Фирма при горкоме. М.: Молодая гвардия, 1990. 236 с.

Рукопись поступила в редакцию 25 февраля 2011 г.

УДК 394.014
ББК 63.3 (2) 7

Ж. Б. Балдандоржиев
Чита, Россия

Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья)

Цель статьи – разработка дополнительного критерия типологии и классификации малых городов Восточного Забайкалья на основе анализа сохранности, историко-культурной преемственности и вовлеченности культурного наследия в жизнедеятельность города. Реализация поставленной цели предполагает решение таких задач как аргументация необходимости введения нами дополнительного критерия типологии и классификации малых городов на основе отличий культурного наследия в жизнедеятельности малого и большого города. Это потребовало в свою очередь анализа культурогенерирующих факторов культурного наследия, проблемы измерения культурного наследия, выделения этапов историко-культурного развития малых городов Восточного Забайкалья в контексте культурного наследия, определения культурно-хозяйственных особенностей городских поселений.

Историко-сравнительный, структурно-функциональный, феноменологический, герменевтический, синергетический подходы и принцип системности позволили выявить взаимодействие между качеством человеческого потенциала малых городов Восточного Забайкалья, сформировавшего основное ядро культурного наследия региона и внешними как естественными (климатические, географические, минерально-сырьевыми) так и социокультурными условиями развития городских поселений Восточного Забайкалья. Синергетический подход позволил сделать акцент на человекообразность культурного наследия и вовлеченность человека в процессы самоорганизации и жизнедеятельность малого города.

Ключевые слова: малый город, культурогенерирующие факторы, критерий, развитие, культурное наследие, синергия, классификация, типология.

Zh. B. Baldandorzhiev
Chita, Russia

Small Towns: Typology and Classification in the Context of Cultural Heritage (on the Example of the Towns of Eastern Transbaikalia)

The purpose of the article is to develop the additional criterion of typologies and classifications of towns of Eastern Transbaikalia based on cultural heritage. The tasks of the investigation are: to substantiate the additional attribute of typology and classification of towns of Eastern Transbaikalia based on the «cultural heritage» criterion; to analyze culture forming factors of cultural heritage and problems of cultural heritage measurement; to determine stages of historical and cultural development of small towns of Eastern Transbaikalia in the context of Russian history.

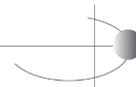
The research is based on the historical comparative, structural functional, phenomenological, hermeneutical and synergetic approaches combined with the principle of classification. This fact allowed the authors to educe the interaction between the quality of small towns' human potential and external (both natural and socio-cultural) conditions of towns' development of Eastern Transbaikalia. Human potential here is regarded as the nucleus of the cultural heritage of the region under study. Using synergetic approach, the authors focus on the human role in cultural heritage and highlight of the human involvement in the processes of self-organization and in the vital activity of a small town.

Keywords: town, culture forming factors, criterion, development, cultural heritage, synergy, typology.

Статус города во многих странах закрепляется законодательно, то есть, является юридически оформленным актом, в отдельных странах его признаком является статистическая величина населения (численность жителей). Поселение могло приобрести статус города в советское время, если

в нём насчитывалось не менее двенадцати тысяч жителей, и при этом большинство жителей было занято вне сельского хозяйства.

В современной России по федеральному закону № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Фе-

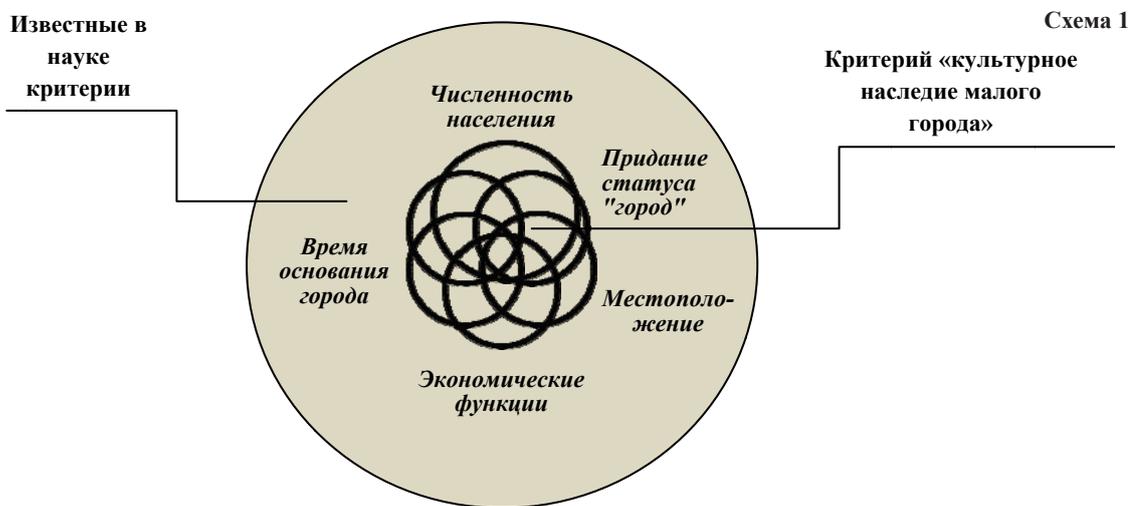

дерации» созданы муниципальные образования. Спецификой этого закона является признание роли человеческого потенциала в решении проблем муниципального образования через местное самоуправление, через выборные или иные органы. В соответствии с настоящим законом, муниципальное образование – это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения; городской округ – городское поселение, не входящее в состав муниципального района; городское поселение – город или поселок. Преобразование сельского поселения, городского поселения муниципального района, внутригородской территории, городского округа, наделение статусом города поселений осуществляется законами субъектов Российской Федерации [21]. В рекомендациях ООН для возможности сопоставления урбанизации стран и других целей считать городами предлагается поселения с численностью населения 20 тыс. и более. В географии, экономике, градостроительстве и др. науках при подразделении городов на небольшие, малые, средние, большие и крупные главным детерминирующим критерием является численность населения [19].

В нашем определении в контексте культурного наследия малый город понимается нами как городское поселение с численностью населения

до 50 тыс. с законодательно закрепленным и присвоенным статусом «город», имеющее материальное, нематериальное, природное и социокультурное наследие, проявляющееся в образе жизни, в параметрах поведения, в архитектуре города, в сознании горожанина, создаваемое городским сообществом, транслируемое культурной памятью, историко-культурными традициями, обычаями, сохраняемое коллективными способами жизнедеятельности.

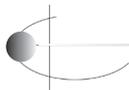
Под классификацией понимается выделение городов по одному или нескольким признакам, характеризующим их с одной стороны или нескольких сторон. Типология – это более высокий уровень обобщения, позволяющий дать комплексную, синтетическую характеристику городов, и на этой основе наметить обоснованную стратегию их развития [17, с. 155]. Научные классификации и типологии городов основываются на таких критериях, как величина города (численность населения) и выполняемые функции (экономическая, градообразующая) [12]. Однако наличие и особенности вовлечения культурного наследия в жизнедеятельность малых городов, которое является одним из основных критериев самобытности, ещё не рассматривались в качестве критерия типологии и классификации малых городов (схема 1).

Сложность и междисциплинарный характер исследования феноменов «культурное наследие» и «малый город» потребовали их обобщения и сопряжения содержаний понятий. Так в исследовании возникает понятие «культурное наследие малого города». Анализ понятия «культурное наследие» основывается на принятых конвенциях ЮНЕСКО о нематериальном культурном наследии, о культурном разнообразии и документах об объектах культурного наследия, а также на Концепции сохранения и развития нематериального

культурного наследия народов Российской Федерации и изучения литературы, посвящённой этой теме [9; 8; 22].

Феноменологический и герменевтический подход к анализу понятия «культурное наследие» позволил уточнить культурное наследие малого города не только как совокупность социоприродных, материальных (движимых и недвижимых объектов – здания, улицы, сооружения, предметы искусства и т.д.), нематериальных (обычаи, верования, празднества, традиции и т.д.) и природных

объектов. Культурное наследие малого города, по нашему мнению, – результат жизнедеятельности городского сообщества, которое создало материальное и нематериальное культурное наследие, население которого участвует в воспроизводстве материального культурного наследия, является основным носителем и транслятором нематериального культурного наследия. В таком понимании человек является основным качественным условием культурогенерирующего фактора культурного наследия (культуропродуцирующего результата) городского поселения.

Измерение культурного наследия малого города представляет слабоизученную в России научную проблему. Количественные признаки (материальное КН) в отличие от качественных признаков (нематериальное КН) являются измеримыми. Они определяются путём измерений, подсчётов статистических данных, например частота посещений объектов культуры и искусства, сумма затрачиваемых средств из семейного бюджета и т.д. Качественные признаки являются трудноизмеримыми (например, семейное положение, религиозная принадлежность, традиции, обычаи). Поскольку не существует эталона измерения культурного наследия малых городов, изоморфную модель (точную модель) измерения практически не удаётся получить. Разрабатывается гомоморфная модель (приблизительный аналог), в числовом выражении условно соответствующая оригиналу, или квалитетическое измерение, которое является условно количественным аналогом качественных отношений [25, с. 131]. Таким образом, для измерения материального и нематериального культурного наследия города необходимы междисциплинарные исследования и сочетание количественных и качественных методов.

Культурное наследие малого города, доступное выявлению, будет меньше всего объёма культурного наследия, так как часть его неизбежно в процессе эволюции малого города утрачивается. Чем динамичнее процесс выявления и сохранения культурного наследия малого города, тем меньше его потери [14].

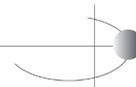
С экономической точки зрения культурное наследие является валотильным активом в аспекте его ликвидности исторической ценности. Культурное наследие малого города, являющееся не только экономической ценностью, но и общественным благом, достоянием, включает целый спектр эстетических, исторических, социальных, духовных (нематериальное) и образовательных стоимостей ценности. Экономическая ценность активов, то есть материального культурного наследия, может повышаться или понижаться в зависимости от того, в каком она находится состоянии и насколько востребована современным поколением. В

экономических исследованиях некоторых учёных зарубежных стран дан анализ экономической ценности и востребованности культурного наследия в соответствии с актуальными общественными предпочтениями. Была подсчитана стоимость использования историко-культурного наследия на основе цены, которую кто-то согласен платить за сохранение культурного наследия или посещение его объектов. В этих подсчётах учёные также учитывают неиспользованную ценность культурного наследия, поставив вопрос о том, сколько кто-то готов платить за сохранение этого наследия для будущих поколений [1, с. 226]. Отмечаем, что такую условную стоимость или определение затрат трудно сгруппировать на провинциальных или региональных рынках такого рода ценностей.

Вместе с тем, существует сбалансированная система показателей (ССП), которая позиционируется как набор способов измерения, позволяющая быстро получить всеобъемлющее впечатление о целом, распространяющая стратегию, устанавливающая долгосрочные стратегические цели, объединяющая инициативы, распределяющая долгосрочные, краткосрочные ресурсы и, наконец, обеспечивающая обратную связь со стратегией и извлечением связанных с ней уроков. Во главу угла в ССП ставят стратегию и прогноз, но не контроль. Хотя сбалансированная система показателей, являясь измерительной, как и всякая система не может существовать в изоляции. Она неизбежно оказывается привязана к бюджетам, программам постановки целей, стимулированию и вознаграждениям [1, с. 228].

Применение ССП как способа измерения и стратегического планирования устойчивого социально-экономического и социокультурного развития малых городов, при активном вовлечении культурного наследия в экономическую и социокультурную жизнедеятельность города, по нашему мнению, является одним из эффективных способов прогнозирования, планирования и анализа эффектов управленческих решений и реализации стратегических программ и инициатив на местах.

Для того чтобы понять природу культурного наследия малых городов Восточного Забайкалья, авторами произведена синхронизация общей теории культурного наследия и теории развития городов [7; 16] в контексте исторического развития России. Так, историческая концепция И. М. Гревса [2] позволила нам рассмотреть город вместе с его окружением, предысторией его возникновения и изучением его современной жизни через исследование локальной истории. Исследование локальной истории городов, синхронизация теорий позволили выделить этапы исторического развития малых городов, обосновать влияние внешних (естественных, социокуль-

турных) и внутренних (человеческий потенциал) условий культурогенерирующего фактора на формирование культуропродуцирующего результата на определённых этапах развития малых городов (схема 2).

Так, историческое развитие и культурное наследие городских поселений складывалось из множества человеческих судеб и исторических событий, происходивших в крае. Накопление культурного наследия и формирование малых городов Восточного Забайкалья обусловлено геополитическими, социокультурными, экономическими факторами и качеством человеческого потенциала. В освоении территории принимали участие два потока переселенцев: легально-государственный (служилые люди: казаки, стрельцы, торговцы, промышленники, крестьяне и др.) и вольно-народный (безземельные и беглые крестьяне, преступники и др.). Кроме этого, в период массовой колонизации во второй половине XVIII в. из Польши были переведены крестьяне-старообрядцы (семейские) [8]. Главной культуротворческой силой Забайкалья стало купечество, государственные чиновники, служащие, духовенство, крестьяне и политические ссыльные, врачи и учителя.

Культурное наследие дореволюционного (до 1917 г.) этапа развития малых городов Восточного Забайкалья сегодня составляет основное ядро культурного наследия региона. Малые города Восточного Забайкалья – своеобразные очаги культуры, связанные с процессом освоения региона, имевшие стратегическое и геополитическое значения для России дореволюционного периода, повлиявшие на историко-культурное становление, развитие, накопление культурного наследия. В соответствии с концепцией Н. К. Пиксанова [18], малые города Восточного Забайкалья являются своеобразными «культурными гнездами».

Так, своеобразие Нерчинска (здесь и далее год основания города 1653) предопределило тот факт, что он возник как острог, форпост освоения территории, развивался как торгово-купеческий город. Совпадение двух векторов развития внешнего (государству нужно было осваивать территорию и вести мирную торговлю) и внутреннего (личные качества людей того времени, в частности купцов М. Д. Бутина, Н. Д. Бутина, М. В. Зензинова, В. П. Паршина, Э. Лаксмана и др.) дали сильный синергетический эффект развитию данного города. В совокупности они во многом повлияли на все сферы жизнедеятельности не только малого города, но и региона [3].

Сретенск (1694), в то время типичный торгово-купеческий город, долгое время оставался местом пересылки на нерчинскую каторгу, в нём развивалось пароходство, торговое судоходство, добывали серебро и золото недалеко от города [24, с. 9]. Особенность Сретенска в том,

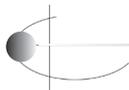
что в отличие от Нерчинска здесь сложился другой климат деловой культуры и получился иной культуропродуцирующий результат. Несмотря на то, что и там были купцы и торговцы, дворцы построены не были (в городе не было своих Бутиных и др.) Свои купеческие дома и первый кинотеатр в городе и регионе построили купцы, которые оставили заметный след в облике города – это Я. С. Андоверов, М. Горманов Трахтенберг, Г. П. Мошкович, С. П. Мошкович, С. Хацкелев - Вейнерман, Г. Добисов и др., построили свои купеческие дома. [20].

Таким образом, несмотря на совпадение внешних (освоение Даурии, наличие речного сообщения и др.) и внутренних векторов, культуропродуцирующий результат в данном городе во многом был определен качеством человеческого потенциала, местного сообщества, качеством личности.

Петровск-Забайкальский (в прошлом Петровский завод) – торгово-промышленный город, известный своим железоделательным (1789), позже металлургическим заводом (1940). Внешним условием развития города была потребность в развитии тяжёлой промышленности региона (производство металла, чугуна и т.д.). В городе сформировалась элита рабочего класса, специализированных кадров, горных инженеров.

В связи со строительством железной дороги возникли и получили развитие Хилок, Шилка, Могоча, Борзя, которые строились согласно своим функциям. В эти города прибывали станционные рабочие, путейцы, инженеры и т. д. Жилые станционные здания, перрон освещались керосиновыми лампами; станки, насосы приводились в движение паровыми машинами. Так, постепенно Хилок становится самым крупным поселением между Читой и Петровским Заводом [13]. Шилка (1897) развивается как железнодорожная станция, куда прибывали инженерно-технические рабочие для освоения минерально-сырьевых ресурсов, лесопромышленного потенциала и др. [5]. Население города занималось торговлей, земледелием, перевозками и др.

Могоча (1910) считалась в России местечком, богатейшим по залежам золота. В середине XIX в. здесь началась «золотая лихорадка», в регион устремились искатели золота, ежедневно прибывало до 50 чел., что для Забайкалья и сейчас является серьёзной величиной. Развитие Могочи как большого поселка началось в связи со строительством Амурской железной дороги. Дальнейшая история становления города связана с локомотивным депо. На Могочинской земле геологи нашли все виды сырья, которые могут обеспечить самостоятельное экономическое развитие города. Несмотря на разнообразные сырьевые запасы, сегодня добывается только золото [15].

В указанных городах формировался класс высококвалифицированных специалистов. Однако в связи со строительством КВЖД развитие Сретенска, Шилки, Нерчинска замедлилось, доминирующие позиции начала занимать Чита.

Таким образом, весь дореволюционный этап историко-культурного развития малых городов Восточного Забайкалья можно охарактеризовать как период формирования и накопления разных проявлений ядра культурного наследия. В процессе своего развития малые города Восточного Забайкалья накопили множество материальных и духовных ценностей. Основу культурного наследия составляет не только материальное наследие, но и сохраненные традиции жителей, накопленные за многие годы, унаследованные и закреплённые в нормах и правилах поведения, ценностях и верованиях горожан, которые усваивались и передавались в социокультурном опыте городского сообщества от поколения к поколению.

Развитие малых городов и их культурное наследие было неравномерным, они имели подъёмы, спады в своём экономическом и культурном становлении.

Советский этап (1917–1991 гг.) исторического развития малых городов характеризуется ускоренной индустриализацией и урбанизацией [4], появлением поселков городского типа и освоением минерально-сырьевых ресурсов Восточного Забайкалья. Появляются поселки городского типа, в них – типовые многоквартирные дома, жители в первом поколении становились горожанами, которые постепенно утрачивали ценности деревенской культуры и не усваивали ценности малого города, что приводило к маргинализации населения. Эти признаки характерны для первого поколения жителей малых городов. Активное вовлечение следующего поколения в воспроизводство социокультурного наследия малого города со временем утрачивает эти признаки.

Главным событием в развитии Восточного Забайкалья в советский период является строительство такого моногорода, как Краснокаменск. Появление города обязано открытию геологами (1963) уникального месторождения урана, необходимого для промышленности и военных нужд Советского Союза. Градообразующим становится многоотраслевое горнодобывающее предприятие по добыче и переработке урановой руды. В город прибывают со всего Советского Союза высококвалифицированные рабочие, инженеры, физики-ядерщики, горные рабочие. Формируется в Краснокаменске специфичный культурогенерирующий фактор – субкультура высококвалифицированных специалистов и менеджеров сложного производства, своего рода инженерное культурное «гнез-

до», повлиявшее на культурное наследие данного малого города [11], региона в целом.

В вышеназванных городах Восточного Забайкалья развивалась промышленность, вводились в эксплуатацию заводы, фабрики, предприятия и жилые здания. Предприятия промышленности становились градообразующими. Социокультурная жизнь малых городов была насыщенной, создавались ансамбли, театры народного творчества и т.д., строились учреждения культуры, образования, развивалась сфера услуг и обслуживания населения.

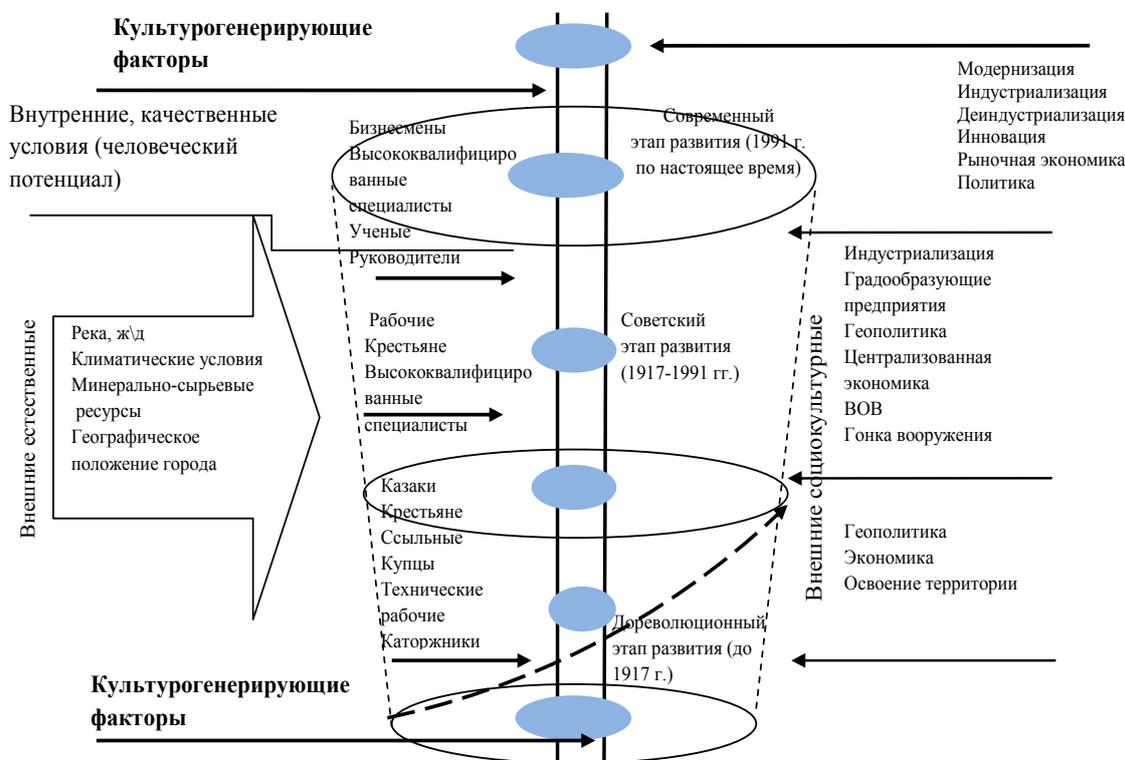
Вместе с развалом СССР и переходом на новые рыночные отношения ведущие градообразующие промышленные предприятия останавливались, появилась безработица и экономический спад. В малых городах Восточного Забайкалья началась деиндустриализация [4]. Упадок, разрушение промышленности, отсутствие в горнодобывающей промышленности, в лесопромышленном комплексе, в сельском хозяйстве полного цикла переработки продукции – следствие развала СССР – до сих пор оказывает негативное влияние на развитие региона в целом.

На выделенных нами этапах развития культурного наследия наблюдается преемственность историко-культурных традиций, сохранение и накопление культурного наследия. И вместе с тем трансформации, охватывающие все сферы жизнедеятельности горожан на разных этапах исторического развития малых городов Восточного Забайкалья, вели к селекции, отмиранию культурных ценностей, смыслов, форм, явлений культуры, одновременному порождению новых, отбору, возрождению культурных ценностей прошлого и новому синтезу. В последние два десятилетия происходит переосмысление культурных ценностей советского периода, возрождение культурных ценностей и традиций дореволюционного этапа.

Как видим, при общности протекания внешних (социокультурных, экономических, политических процессов) условий культурогенерирующих факторов культуропроизводящего результата малые города Восточного Забайкалья развивались неравномерно и сформировали разный социокультурный и экономический потенциал. Их развитие в решающей степени было определено духовным, культурным уровнем человеческого потенциала и спецификой экономических профилей малых городов. Исторические условия формирования, характер освоения региона, экономические функции, выполняемые малыми городами, и сегодня влияют на социальную, культурно-хозяйственную жизнедеятельность населения и вовлечённость культурного наследия.

Сегодня для активного развития городов должны сложиться два вектора (внутренние и внешние условия) (схеме 2).

Культурное наследие малых городов

Сравнительный анализ этапов историко-культурного развития малых городов Восточного Забайкалья показывает, что взаимодействие и совпадение векторов внешних (естественные, социокультурные) и внутренних качественных (человеческий потенциал) условий культурогенерирующих факторов влияет на развитие и формирование культуропроизводящего результата.

Культурное наследие малого города является основным культуропроизводящим результатом жизнедеятельности городского сообщества на определенном этапе историко-культурного развития города (схема 2).

Эволюция малых городов Восточного Забайкалья и их культурного наследия детерминирована двумя возможными типами развития. При совпадении векторов основных культурогенерирующих факторов внешних и внутренних условий происходит синергетический эффект. При несовпадении двух основных векторов внешних и внутренних условий возникает регрессивный тип культурогенеза, при котором в развитии малого города и его культурного наследия наблюдается деградация.

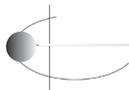
На основании анализа развития культурного наследия, разной степени вовлеченности его в жизнедеятельность малого города нами разработана типология современных малых городов Вос-

точного Забайкалья. Выделены два типа развития малых городов Восточного Забайкалья:

- малый город, основанный в дореволюционный период с богатым культурным наследием, развивающийся как центр административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения (Нерчинск, Сретенск, Петровск-Забайкальский, Шилка). Это эртерный тип (от фр. *hériter* – наследовать). Для городов такого типа характерно значительное культурное наследие или достаточно высокий уровень культуропроизводящего результата, наблюдаются социокультурные практики по сохранению историко-культурной преемственности культурного наследия;

- малый город, основанный в советский период, имеющий сравнительно небольшой объем культурного наследия, характеризующийся наличием градообразующего предприятия, обладающий отдельными памятниками истории, культуры и современной архитектурой и развивающийся как центр административно-культурного, промышленного и сельскохозяйственного значения (Краснокаменск). Это эссорный тип, то есть быстроразвивающийся город (от фр. *essor* – подъем, быстрое развитие) с градообразующей историей, традициями и памятниками.

На основе данной типологии и методики анализа и диагностики социокультурной, эконо-

мической ситуации, а также культурного наследия нами представлена следующая классификация малых городов Восточного Забайкалья:

– малый город с богатым культурным наследием, где современная социокультурная и экономическая ситуация характеризуется стабильным развитием и умеренным вовлечением в неё потенциала культурного наследия (Нерчинск, Сретенск, Петровск-Забайкальский, Борзя, Балей, Могоча, Хилок, Шилка);

– малый город с богатым культурным наследием, где современная социокультурная и экономическая ситуация характеризуется динамичным развитием и активным вовлечением в неё потенциала культурного наследия (Агинское);

– малый город с богатым культурным наследием, где современная социокультурная и экономическая ситуация характеризуется депрессивным развитием и минимальным вовлечением в неё потенциала культурного наследия (поселения, имевшие статус города, сегодня развивающиеся как сельские поселения, например, Доронинское, Акша);

– малый город с развивающимся культурным наследием, где современная социокультурная и экономическая ситуация характеризуется стабильным развитием и минимальным вовлечением в неё потенциала культурного наследия (Карымское, Приаргунск, Забайкальск, Чернышевск, Дарасун, Кокуй, Новокручининский, Ясногорск и др.);

– малый город с развивающимся культурным наследием, где современная социокультурная и экономическая ситуация характеризуется динамичным развитием и умеренным вовлечением в неё потенциала культурного наследия (Краснокаменск);

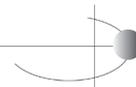
– малый город с развивающимся культурным наследием, где современная социокультурная и экономическая ситуация характеризуется депрессивным развитием и минимальным вовлечением в неё потенциала культурного наследия (Золоторечинск, Запокровский и др.).

Диагностика и анализ вовлечённости культурного наследия в социокультурную и экономическую жизнедеятельность города помогает идентифицировать конкретную ситуацию, глубже понять и разобраться в ней, осознать ключевые проблемы, наметить возможные стратегии развития малого города и активного вовлечения культурного наследия в жизнедеятельность города [23, с. 51; 6, с. 14].

Дальнейшее типологическое исследование малых городов Восточного Забайкалья на основе критерия «культурное наследие», позволит анализировать, фиксировать и структурировать культурное наследие малых городов по разным параметрам – накопления, сохранения, селекции, трансляции; типология и классификация также необходимы для углубленного анализа специфики малых городов, чтобы наметить и разработать наиболее эффективную стратегию их развития.

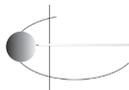
Список литературы

1. Армстронг М., Бэрн А. Performance Management. Управление эффективностью работы / пер. с англ. И. Ющенко. М.: НИРРО, 2005. 384 с.
2. Бамбизова К. В. Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса – основоположника Петербургской школы медиевистики: автореф. дис. ... кандидата исторических наук: 00.07.09. Томск: Томский гос. ун-т, 2008. 31 с.
3. Бардакова В. В., Бидюк Е. Б., Жеребцова Т. И. Нерчинск // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область. В 4 т. / СО РАН, ЧИПР, ЗабГПУ им. Н. Г. Чернышевского, адм. Читинск. обл.; гл. ред. Р. Ф. Гениатулин. Новосибирск: Наука, 2006. Т. III. И – Р. С. 323–324.
4. Булаев В. М., Федотова В. К. Проблемы моноструктурных поселений в Восточном Забайкалье. Методология исследований. Практика. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 82 с.
5. Ведмидь А. П. Силькарь, Шилкарь, Шилка // Дорога – это жизнь: 100 лет Забайкальской железной дороге. Чита: Забтранс, 2000. С. 144–145.
6. Возрождение и развитие малых городов России: основные положения Федеральной программы и экономических методов её практической реализации. М.: АО «Панас-Аэро», 1994. 319 с.
7. Генезис города. URL: <http://oeconomia.ru/genezis-gorodov/> (дата обращения: 06.07.2011).
8. Город Петровск-Забайкальский: Природа. История. Культура. Экономика. Улан-Удэ: Информполис, 2006. 128 с.
9. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия: принята в г. Париже 16.11.1972 на 17-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 290–302.
10. Конвенция об охране нематериального культурного наследия: принята в г. Париже 17.10.2003 на 32-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/csich.pdf> (дата обращения: 15.17.2008).
11. Краснокаменск // Города России: энциклопедия / гл. ред. Г. М. Лаппо. М.: Науч. изд-во Большая Рос. Энциклопедия, 1994. С. 219.

12. Лаппо Г. М. География городов. М.: Владос, 1997. 480 с. Уелупежов О. Д. Из истории станции Хилок // Дорога – это жизнь: 100 лет Забайкальской железной дороге. Чита: Забтранс, 2000. С. 139–141.
13. Любичанковский А.В. Классификация объектов культурного наследия // Интелпрос – интеллектуальная Россия. Credo New. №4. 2007. URL: http://www.intelros.ru/2007/11/26/klassifikacija_obektov_kulturnogo_nasledija.html (дата обращения: 05.06. 2011)/
14. Маслюков Г. М. Могочинский район. Природные богатства. Чита: Поиск, 2001. 214 с.
15. О законах урбанизма (градоведения). URL: <http://oeconomia.ru/socialnye-priznaki-i-struktura-sovremennogo-goroda/25-o-zakonah-urbanizma.html> (дата обращения: 06.07.2011).
16. Перцик Е. Н. География городов. Геоурбанистика. М.: Высшая школа, 1991. 319 с.
17. Пиксанов Н. К. Областные культурные гн'зда. М., Л., 1928. С. 6
18. Предерий А. А. Классификация и типология городов. URL: <http://www.mstu.edu.ru/publish/conf/11ntk/section8/> (дата обращения: 10.09.2006).
19. Сергеев Н. Г. Прошлое и настоящее: Сретенску 300 лет // Забайкальский рабочий. 1989. 29 июня. С. 3.
20. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 202. 8 октября.
21. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. 2002. № 116–117. 29 июня.
22. Цирульников А. М. Социокультурные основания развития системы образования. Метод социокультурной ситуации // Вопросы образования. 2009. № 2. С. 40 – 65.
23. Чащин А. И. Сретенск. Страницы прошлого. Казачество. Купечество. Военнопленные. Денежные знаки. Чита: Экспресс-издательство, 2009. 256 с.
24. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: Добросвет, 2001. 596 с.

Рукопись поступила в редакцию 18 июля 2011 г.

УДК 332.1
ББК У9(282Р-4Ал)

С. П. Тюхтенева
г. Москва, Россия

Скотоводство у современных алтайцев

В статье сделана попытка рассмотреть скотоводство у современных алтайцев не только как традиционную отрасль экономики, но и как важную часть картины мира. Социально-экономические трансформации, происходящие в России, породили множество различных стратегий адаптации населения. На основе многолетних исследований автор статьи делает вывод: колебания численности скота в частном подворье можно использовать как индикатор адаптации сельского населения к меняющейся социально-экономической ситуации.

Ключевые слова: алтайцы, скотоводство, картина мира.

S.P. Tyukhteneva
Moscow, Russia

Animal Husbandry among the Modern Altaians

This article attempts to examine herding among contemporary Altai People not only as a traditional branch of economy, but also as an important part of image of the world. Socio-economic transformation in Russia gave rise to a variety of adaptation strategies. Based on years of research, author concludes, that fluctuations in the number of livestock in the private backyard can be used as an indicator of adaptation of the rural population to the changing socio-economic situation.

Keywords: the Altaians, animal husbandry, the image of the world.

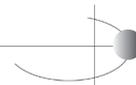
Скотоводство и связанный с ним образ жизни согласно унелинейной эволюционистской схеме развития производящего хозяйства (собирачество, охота, скотоводство, земледелие) еще двадцать лет назад считалось отсталым, неразвитым, экономически невыгодным видом доиндустриальной экономики. В соответствии с этим, «на протяжении более ста лет сельское хозяйство России и работавшие в нем люди рассматривались руководством страны в качестве объекта воздействия, то есть как проблема, требующая своего решения, и как социальный слой, нуждающийся в изменении собственной природы», – пишет Т. Шанин [1, с. 420].

Сельские жители Горно-Алтайской автономной области (1922–1991 гг.) наравне с другими крестьянами страны пережили коллективизацию и укрупнение, сеяли кукурузу и орошали высокогорную Чуйскую степь. Логика социально-экономического развития бывшего Советского Союза была продиктована стремлением лидеров страны модернизировать и трансформировать экономику и общество. Основная цель состояла в преобразовании государства, население которого имело преимущественно крестьянский уклад, в промышленно развитую страну, в социально-классовой структуре которой рабочие преобладали бы над всеми остальными категориями населения. Сельское хозяйство должно было быть индустриализировано, стать агроиндустрией, а вчерашние крестьяне, кочевники, полукочевники,

охотники и собиратели – стать технически образованными рабочими с 8-часовым рабочим днем. В соответствии с этим были проведены реформы, призванные глобально изменить не только уклад жизни, но и мировоззрение населения. После распада СССР и последовавшего за этим снижения уровня жизни произошел массовый возврат к единственно доступному занятию, характерному для них до первой трети XX века – разведению скота.

Современные алтайцы, большая часть которых сельские, являются вполне модернизированным населением: они используют автомобили, трактора, комбайны, компьютеры, мобильные телефоны и банковские пластиковые карты. Вместе с тем, в начале третьего тысячелетия подавляющее большинство сельских алтайцев продолжает вести скотоводческое хозяйство и сопутствующий образ жизни, а картина мира, явленная в языке и культуре алтайцев, мало чем отличается от той, которая была описана в этнографической литературе в XIX веке.

Рабочая гипотеза данной статьи такова: в картине мира у алтайцев до сих пор ведущее место занимают представления о скотоводстве как наиболее приемлемом образе жизни и способе жизнеобеспечения. В системе традиционной этнической культуры этот способ был престижным, общественно одобряемым и поощряемым. С этой точки зрения возвращение в постсоветский период к скотоводству является вполне объяснимым. Это

первый аспект. Второй аспект – политический, сыгравший немаловажную роль в актуализации скотоводческой практики в начале XXI в. Он связан с имевшим место в середине XX в. запретом содержать в личном подворье более одной коровы, пяти овец и абсолютном запрете иметь лошадей. Хрущевские реформы негативно сказались не только на экономике домохозяйств алтайцев, но и на системе ценностей. В ней лошадь – это alter ego мужчины, метафорически называемая «днем – крылья, ночью – друг». Политическим этот аспект назван потому, что увеличение поголовья лошадей в постсоветский период я связываю с запретом разводить лошадей. Третий аспект связан с представлениями о собственности и социальном статусе человека. Полноценной личностью в традиционной культуре алтайцев мог быть лишь тот, кто владеет скотом, имеет жилище, пищу и детей. Таким образом, возврат в постсоветский период к скотоводству и связанным с ним верованиям и практикам, связан с тем, что традиционная картина мира за XX век существенно не изменилась.

Предпосылки скотоводства, по мнению археологов, складывались на территории Алтая в течение всего II тыс. до н.э. [2]. В литературе есть мнение о том, что скотоводство появилось в Горном Алтае и сопредельных современных территориях севера Китая, северо-запада Монголии у населения, относимого археологами к афанасьевской и андроновской культурам, существовавшим здесь в конце IV – начале II тыс.л. до н.э. [3, с. 103–125]. «Мало известно об истории древнейшего скотоводства этого региона, хотя он относится к областям Старого Света, где интенсивно шел процесс одомашнивания животных. <...> До сих пор еще <...> не выявлена видовая структура диких и домашних животных, отсутствует хронология и генезис важнейшей производящей

отрасли хозяйствования» пишет В.П. Дьяконова [4, с.9]. Петроглифические памятники Алтая позволяют предположить, что яководство бытовало здесь уже во II–I тыс.л. до н.э. [5, с.10].

Сегодня алтайцы продолжают разводить все те же три основных вида скота: овец (коз в том числе), коров (быки в том числе), лошадей практически во всех десяти районах. Свиной содержат также, но в относительно малом количестве. Яков (сарлыков) и верблюдов разводят преимущественно жители Кош-Агачского района. Приведенные в табл. 1 данные свидетельствуют о том, что большая часть скота находится в частном подворье.

К числу новшеств советского периода следует отнести появление опытных хозяйств Сибирского отделения Академии сельскохозяйственных наук, в которых разводят зубров и пятнистых оленей, а также увеличение количества маралов. Алтайцы разводили маралов для получения пантов и раньше, но в небольшом количестве [6, с. 97]. Разведение этого вида оленей особенно стало популярным после 1991 г. Первые мараловодческие хозяйства появились в 1930-е годы. Сегодня большинство маралов содержатся в крестьянских (фермерских) хозяйствах населения РА. Маралы – это единственный вид домашних животных, численность которого с 1991 г. неуклонно растет (см. Табл. 1). С 1991 по 2009 гг. стадо маралов в Горном Алтае увеличилось более чем в 2,5 раза. Следует отметить, что одомашненными маралов можно считать лишь условно, поскольку их разводят только для получения пантов и, при выбраковке стада, для мяса. Маралы остаются полудомашними животными, продолжая смешиваться с дикими маралами: по рассказам мараловодов, в период гона самцы уходят в тайгу, перескочив за ограждение высотой в 3 метра.

Таблица №1

Динамика роста поголовья скота с 1991 по 2009 гг.
(в хозяйствах всех категорий, тысяч голов)

<i>Годы</i>	<i>Овцы</i>	<i>Крупный рогатый скот</i>	<i>Коровы</i>	<i>Лошади</i>	<i>Маралы</i>	<i>Олени</i>	<i>Свины</i>	<i>Верблюды</i>
1991	936,3	185,6	74,3	77,5	21,1	8,4	18,4	0,77
1992	913,3	182,9	74,8	78,9	22,5	8,9	20,4	0,74
1993	825,3	169,1	71,8	78,2	23,3	9,3	17,9	0,72
1994	769,4	157,3	68,9	76,6	23,5	8,7	16,4	0,72
1995	650,8	151,8	67,1	77,3	24,7	8,7	15,4	0,73
1996	535,5	141,6	63,9	68,7	26,9	8,1	14,2	0,70
1997	442,9	135,8	61,4	66,8	29,8	7,7	14,0	0,67
1998	366,6	120,6	56,3	57,9	31,8	6,1	10,9	0,62
1999	322,9	113,5	52,9	53,9	36,4	5,4	10,7	0,56

2000	312,1	117,5	55,7	49,8	38,7	5,7	13,2	0,46
2001	314,3	117,9	54,9	48,5	40,1	5,3	11,8	0,41
2002	358,7	123,7	57,1	50,4	43,2	4,5	12,4	0,33
2003	380,9	137,3	62,4	56,1	46,6	4,5	16,2	0,33
2004	427,4	145,9	61,8	60,9	50,5	4,3	15,8	0,39
2005	377,4	139,7	59,6	61,0	52,2	4,3	11,5	0,30
2006	329,9	131,2	57,1	58,0	51,2	3,9	11,4	0,30
2007	352,6	143,6	63,3	64,9	53,9	3,7	12,7	0,32
2008	389,6	164,6	74,6	75,8	54,4	3,2	13,3	0,35
2009	606,2	218,5	86	87,5	56,6	2,8	24,1	0,37

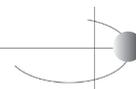
Итак, какие процессы, происходящие за последние два десятилетия, позволяют осветить данные таблицы №1? Ко времени распада СССР алтайцы вполне уже адаптировались к советской социально-экономической ситуации. К началу 1990-х гг. их система жизнеобеспечения строилась, в большинстве домохозяйств, на наемном труде в пользу государственных учреждений и коллективных хозяйств, а основным источником средств существования являлась заработная плата. В конце 1980-х гг. в Горно-Алтайской автономной области заработная плата в народном хозяйстве равнялась 176,7 руб., а в сельском хозяйстве – 172,4 руб. в месяц, пишет И.Ф. Медведев. «Сопоставление зарплаты работников сельскохозяйственного производства по годам с зарплатой в народном хозяйстве в целом показывает, что государство, местные органы власти постоянно и повсеместно, как правило, труд сельскохозяйственного рабочего ценили ниже труда промышленного рабочего, служащего», - пишет автор, в связи с чем «выходом из имевшихся финансовых трудностей для колхозников, как и других сельских жителей, являлся сверхурочный труд на собственном, или личном подсобном хозяйстве» [8, с. 253].

Скотоводство при этом играло роль дополнительного источника жизненных средств – это молоко, мясо, шкуры, шерсть и пух. Развал колхозно-совхозной системы и последовавший социально-экономический шок привели ко вполне логическому результату – актуализации традиционного способа жизнеобеспечения.

В таблице №1 выделены максимальные и минимальные цифры, соответствующие численности определенного вида скота. По этим данным в 1991–1993 гг. совокупное количество общественного и частного стада овец и коз, крупного рогатого скота и коров, лошадей, верблюдов, оленей и свиней, было максимальным. Разумеется, в эти годы численно преобладало общественное стадо, за исключением свиней. В последующие годы, характеризующиеся как период постсовет-

ского социально-экономического кризиса, с 1994 по 2001, по данным таблицы №1 отчетливо видно постепенное уменьшение количества скота. В этот период бывший колхозно-совхозный скот, розданный на паи, был изведен «на мясо», поскольку иных источников для поддержания жизнедеятельности не было. Для 1999–2001 гг. характерно минимальное количество основных видов скота: овец стало в 3 раза меньше, чем в 1991; коров – в 1,4 раза; лошадей – в 1,6 раз. Перелом ситуации произошел в 2001–2002 гг. С этого времени виден постепенный прирост численности скота. Принципиально изменился собственник (см. Табл. №1): в 2009 г. более 90 % свиней, 69 % КРС, 53 % лошадей и 43 % овец и коз находятся в частной собственности населения. Таким образом, можно сказать, что в период с 1991 по 2009 гг. произошла очередная социальная трансформация – «пролетарий со скотом» советского времени вновь стал владельцем, частным собственником. Нельзя не сказать также и о том, что значительно увеличилось имущественное и социальное расслоение общества: в современном алтайском селе разница в количестве скота измеряется сотнями. Некоторые семьи владеют 5–10 овцами, 1 коровой, а другие содержат от 100–400 до 1000 голов овец, от 5–10 до 800 голов КРС [9]. Обобщая, можно сказать, что сегодня в алтайском селе параллельно сосуществуют две различные экономические системы: натуральное нетоварное хозяйство, базирующееся на экстенсивном скотоводстве и интенсивное товарное животноводство.

Рассмотрение колебания численности скота разных видов на протяжении XIX–XXI вв. позволяет сделать вывод, что между социальными трансформациями и скотоводством имеется корреляция. Увеличение поголовья скота может быть вызвано и социально-экономической стабильностью и ростом спроса на мясо, и наоборот, нестабильностью, когда продукция животноводства идет на удовлетворение нужд самого домохозяйства.

Сравнивая степень адаптации сельских и городских алтайцев к рыночной экономике, следует отметить, что как в селах, так и в районных центрах и в единственном в республике городе есть успешно приспособившиеся, так и не приспособившиеся. Однако сельские жители на фоне ждущих социально-экономических улучшений от властей горожан представляются мне большими реалистами. Они, в основном, рассчитывают на собственные силы, на разводимый ими скот и живут на выручаемые деньги от его продажи, и на собственную мясомолочную и овощную продукцию. Для адаптации к новым социально-экономическим условиям (рыночным, капиталистическим) сельскому населению РА потребовалось примерно 20 лет. К аналогичным выводам приходит А.В. Головнёв, исследовавший этнокультурные процессы у ненцев. Основной вывод, сделанный им, вполне коррелирует с моим, что нагалькивает на мысль о сходстве адаптационных стратегий бывших и нынешних кочевников, где бы они не жили, в тундре или в горах: «С момента своего становления крупностадное оленеводство было ответом туземных культур на внешнее воздействие, обеспечивая высокий уровень самодо-

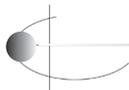
статочности экономики и социальных отношений ненцев. Не случайно олень стал для кочевников символом независимости, а оленеводство вобрало высший ценностный статус в ненецкой культуре» [10, с. 94]. Совершенно аналогичными словами я могла бы сказать и об алтайцах – лошадь для современных алтайцев не просто хозяйственно полезное животное. Это – символ их культуры, в том числе символ мужественности, согласно традиционной гендерной модели, мужчиной может считаться тот, кто сидит в седле, пасет свой скот и ездит на охоту; и этнической идентичности.

Даже когда речь шла об этническом единстве алтайцев в период подготовки переписи населения 2002 г., они использовали пословицы и поговорки, семантически уподобляющие социум стаду. К примеру, «Отделившееся (от стада животное) будет съедено волком, разделившееся (животное) будет съедено медведем», Болунгенди бору жиир, айрылганды айу жиир. Сами себя алтайцы, выражаясь высоким стилем, в художественной литературе и в публицистике, называют «Черноголовые, с поясом из сыромятной кожи, с нравом, как у жеребенка, алтайский народ», Кара башту, кайыш курлу, алтай кулун албаты.

Список литературы

1. Шанин Т. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире; пер. с англ. / сост. Т. Шанина; под ред. А. В. Гордона. М.: Прогресс-Академия, 1992. 432 с.
2. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблема). М.: Наука, 1980. 336 с.; Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства. М.: Наука, 1989. 444 с.
3. История Республики Алтай. Древность и средневековье. Горно-Алтайск: Институт Алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. 359 с.
4. Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайское республ. Книжн. изд-во «Юч-Сюмер», 2001. 223 с.
5. Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайское республ. Книжн. изд-во «Юч-Сюмер», 2001. 223 с.
6. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. Барнаул, 1900. 360 с.
7. URL: http://statra.gks.ru/digital/region4/DocLib/поголовье_скота_90.htm. Сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Алтай (дата доступа 13.07.2011).
8. Медведев И.Ф. Национальные особенности претворения в жизнь культурно-бытового обслуживания тружеников села автономий Сибири в 60–80-х гг. XX в. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина 6-7 октября 1999 года: Материалы конф. Барнаул: изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. 421 с.
9. Полевые материалы автора 2007 г., Усть-Канский р-он, с. Каракол, запись от Б., 1946 г.р., сеок меркит.
10. Головнёв А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с.

Рукопись поступила в редакцию 10 августа 2011.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК070
ББК76

С. Н. Большаков, Ю. М. Большакова
Санкт-Петербург, Россия

Политико-коммуникативные модели регионального развития

В представленной статье анализируются коммуникационные условия регионального развития. Дается существующая типология политических моделей регионов и их теоретическое обоснование. Рассматриваются необходимые условия и принципы формирования политико-коммуникативных моделей регионального развития.

Ключевые слова: регион, региональное развитие, политическая культура, гражданское общество, политическая интеграция, политический процесс.

S. N. Bolshakov, Yu. M. Bolshakova
St. Peterburg, Russia

Political Communication Models of Regional Development

In the presented article the communication conditions of regional development are analyzed. The existing typology of political models of regions and their theoretical substantiation is given. Necessary conditions and principles of formation of political and communicative models of regional development are considered.

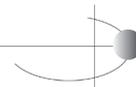
Keywords: region, regional development, political culture, civil society, political integration, political process.

В контексте исследований данного направления особый интерес представляет понимание регионального развития как процесс разрешения локальных (региональных) проблем властными группами, поиск согласованных и взаимовыгодных способов разрешения конфликтных ситуаций между ведущими акторами политического процесса. В основе теоретических конструктов лежит положение, согласно которому региональное сообщество состоит из многочисленных групп, интересы которых взаимно пересекаются. Основными выразителями этих интересов являются элиты, которые в свою очередь, формируют политическую повестку различными стратегиями взаимодействия и соглашений, противостояния и столкновений.

Принципиально важной концептуальной категорией является понятие – политический интерес, который может рассматриваться как реальная причина, лежащая в основе политических действий и событий. При этом политические интересы оказывают реальное воздействие на политику, воплощаясь в целях и ценностях ее субъектов.

Исследователь региональных политических режимов Н. П. Распопов выявляет зависимость процессов регионализации от следующих явлений: «Фактическая реализация политики зависит от соотношения реальных сил противостоящих группировок. От этого же зависит и степень эффективности ее реализации, то есть мера использования группировкой своей реальной силы в достижении цели, способность группировки навязать другим свою политику, обеспечить её реализацию в ущерб другим; коэффициент полезного действия, который она может извлечь из своей силы, из людских и материальных ресурсов... Способность группировки и её лидера использовать свою реальную силу определяется не только её абсолютными размерами, но и умением применить ее сообразно с меняющимися обстоятельствами» [13, с.172].

В процессе изучения современных процессов в региональных сообществах внимание многих ученых привлекло существование «патронажно-клиенталистских» отношений.

Российский исследователь М.Афанасьев относит к числу клиентел личные «команды» отдельных лидеров, большинство политических партий и клиентализированные институты (органов власти, предприятий и. п.) [1, с. 121–126]. В данной связи наблюдается трехзвенная структура региональной политической системы, характеризующаяся промежуточным статусом второго звена «патрон-клиентских» отношений, с одной стороны, это зависимая от главного лица прослойка общества, но, с другой стороны, она способна выполнять аналогичные функции относительно рядовых членов регионального сообщества. К привилегированной группе могут быть отнесены «как чиновники государственных и муниципальных ведомств, так и депутаты представительных органов государства и местного самоуправления» [4, с. 92], «финансово-экономические структуры, которые... поддерживают патронажно-клиенталистские отношения с политическими лидерами, [при этом] их главной характеристикой является неформальное взаимодействие... для борьбы за право распоряжаться или контролировать ресурсы» [6, с. 49–52].

В современном обществе частым явлением, проявляющимся на уровне регионов, является слияние экономических и политических ресурсов. В связи с этим исследователи стремятся анализировать структуру межрегиональных и федерально-региональных связей с позиции политического интереса главных региональных акторов.

Американский исследователь Р. Патнэм вводит ещё одно звено «патронажно-клиенталистских» отношений, характеризуя его в качестве «вертикальной стратегии регионов», на основании которой роль «клиента» возлагается на региональную элиту, «патрона» – на федеральную власть. Теоретик указывает на негативный характер подобного рода отношений в связи с тем, что отношения между ними будут строиться в виде защиты «узких интересов местной элиты» [11, с. 32–38].

Приверженцы данного подхода определяют также в качестве одной из важнейших предпосылок, влияющих на процесс принятия политических решений относительно основных направлений развития региона, качественную и количественную характеристику структуры политической элиты.

Согласно количественной характеристике выделяют два типа политических режимов:

- 1) моноцентричная (однополюсная) система организации власти;
- 2) полицентричная (двухполюсная) модель политического режима.

Первый тип обуславливает наличие политического режима, в условиях которого только

правящая группа во главе с губернатором имеет полномочия определять приоритеты регионального развития и принимать конкретные решения, в то время как контрэлита либо отсутствует, либо ее лидеры не в состоянии оказывать эффективное влияние на региональный политический процесс.

Второй тип предусматривает существование на территории региона не менее двух политических центров, между которыми устанавливаются отношения конкуренции; при этом ни одна из элит не может претендовать на абсолютную независимость в своих действиях.

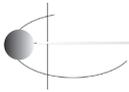
Данные разработки положены в основу «Теории групп», концепции «Второго общества» («Клиенталистской концепции») и «Теории обмена». Вместе с тем многие исследователи считают подобного рода концепции субъективными и непригодными для понимания долговременных процессов развития. В данной связи в качестве антитезы предлагается концепция «Гражданского общества».

При этом под «гражданским обществом» понимается «совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и препятствовать вытекающей отсюда атомизации остального общества» [2, с. 23].

В качестве необходимых условий для успешного функционирования гражданского общества С. М. Масловская рассматривает характер взаимоотношений региональных властей с тремя видами общественных институтов. Исследователь отмечает, что гражданское общество можно считать сформировавшимся в случае установления партнёрских отношений между региональной элитой и такими неправительственными институтами, как ассоциации (профсоюзы, политические партии и т. п.), средства массовой информации и институт частной собственности; об отсутствии такового следует говорить при наличии элементов «патронажа» или «подавления» [10, с. 68–72].

В условиях взаимного уважения и сотрудничества формируются «горизонтальные» социальные структуры гражданского общества, которые обеспечивают независимость индивидов и общественных групп от государства, защищают их от произвола чиновников и позволяют контролировать органы власти.

Норвежский исследователь С. Роккан указывает, что данный тип взаимоотношений утвердился в Норвегии, где основные решения принимаются на основе ежегодно проводимых совещаний с участием всех заинтересованных групп, во время которых «представители правительства

напрямую встречаются с профсоюзными лидерами, представителями фермеров, мелких собственников, рыбаков, посланниками предпринимательских ассоциаций» [21, с. 107].

Концепция «социального (общественного) капитала», разработанная американскими исследователями Р. Патнэмом и Ф. Фукуямой по многим моментам соотносима с концепцией «Гражданского общества». В частности, Р. Патнэм выделяет четыре группы факторов эффективного функционирования политических институтов в регионах:

- 11) гражданская вовлеченность, реализация личных целей через достижение общего блага;
- 12) политическое равенство, ответственность лидеров перед гражданами;
- 13) солидарность, доверие и терпимость;
- 14) наличие большого числа гражданских ассоциаций [11, с. 110–116].

Томас Николс по этому поводу пишет: «... чем более тесными являются социальные обязательства, тем больше вероятности, что мы станем свидетелями появления норм, связанных с взаимным сотрудничеством и доверием... Центры повторяющихся (и позитивных) социальных взаимодействий создают и поддерживают нормы доверия и репутацию, вследствие чего результаты этого усиливают надежду на взаимность среди участников такого взаимодействия» [8, с. 46].

Применительно к анализу процессов регионального развития, большой интерес представляет также сравнительно-сопоставительный анализ региональных политических субкультур, на формирование которых оказывают влияние предпочтения правящих групп, а также исторически обусловленные отличия в массовом сознании жителей. В процессе исследования, предпринятого ранее упоминавшимся американским ученым Р. Патнэмом, последний пришёл к выводу, что ключевая роль в различиях регионального политического развития между регионами Севера и Юга Италии принадлежит не экономическим факторам, а региональным политическим субкультурам [11, с. 13].

Данные представления также нашли своё выражение в концепции «Политической стратификации региона», которая позволяет выявить особенности функционирования политических сообществ, строго привязанных к своей территории, в пределах которой они имеют влияние. При этом, как отмечают российские теоретики В. Колосов и Н. Мироненко, территориальное пространство выступает в качестве субъекта социальных отношений и источника самоидентификации человеческих сообществ. Вместе с тем территориальное пространство, или политико-географическое место, является продуктом длительного исто-

рического пути, в ходе которого складывается специфика реализации им его главной социально-политической функции – первичной социализации человека, формирования наиболее устойчивых компонентов его политической культуры – политических ценностей и политической ориентации [5, с. 292–293]. Важное значение имеет также фактор территориально-пространственной дифференциации общества, индикатором которой является граница региона.

Исследователь А. Дахин отмечает: «Под региональной стратификацией общества мы понимаем фундаментальное и постоянное измерение его бытия, которое проявляется, с одной стороны, как территориально-пространственная дифференциация, а с другой – как иерархия масштабов территориально-пространственного деления общества» [3, с. 77].

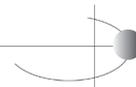
При этом следует учитывать, что дифференциация социально-географического пространства представляет собой распадение на образования, сохраняющие свойства и параметры «своего» пространства, будь то этническая, экономическая, политическая или пространственная общность.

По нашему мнению, для наилучшего понимания особенностей политических субкультур мы должны взять за основу типологию, предложенную известным политологом Г. Алмондом, который выделил фрагментарный, смешанный, гомогенный и тоталитарный типы [14].

Первый тип политической культуры характерен для регионов, разделенных на несколько сообществ, каждое из которых обладает своими ценностями, стереотипами и поведенческими нормами, часто несовместимыми с ценностными ориентациями других сообществ, входящих в данную политическую субкультуру. Подобного рода дисгармония в отношениях приводит к плюрализму мнений и отсутствию единой точки зрения по поводу путей дальнейшего развития региона.

Гомогенный тип политической культуры также предполагает наличие альтернативных точек зрения, вместе с тем, в отличие от фрагментарного типа, предпочтение отдается не противопоставлению и противоборству между сообществами в рамках единой политической субкультуры, а поиску компромиссных решений для формирования единого мнения по поводу основополагающих принципов устройства существующей политической системы и её будущего функционирования.

Смешанная политическая субкультура присуща обществам переходного периода, который сопряжён с постепенной заменой традиционных институтов и ценностей нормами индустриального или постиндустриального общества. В такой политической обстановке особую важность приобретает формирование новой элитой мобилизации

онного потенциала харизматического лидерства, который противостоит лидерству, основанному на традиции.

В условиях тоталитарной политической субкультуры правящая элита осуществляет полный, всеобъемлющий контроль над формированием политических предпочтений и ценностей населения.

По нашему мнению, особенный интерес представляет рассмотрение приведённых выше типов региональных политических субкультур в контексте разнонаправленного политического развития. Мы исходим из предположения о существовании альтернативных сценариев политического развития и наличии разных соотношений между вводимыми нами переменными:

1. Данный тип политической субкультуры предполагает становление гражданского общества, основанного на принципах свободного выражения своих суждений, либо построение модели патрон-клиентских отношений, центральным пунктом которой является доминирование элитарной группы.

2. В политической субкультуре данного типа складываются предпосылки для тенденций интеграции или дезинтеграции.

Следует отметить, что тенденции интеграции присущи как сообществам, основанным на защите гражданских прав и свобод, так и обществам, отношения в которых строятся на принципах принуждения.

В первом случае это обусловлено добровольным отказом от некоторых суверенных прав для получения преимуществ, связанных с совместным развитием в рамках больших политических образований. Так, например, К. Дойч рассматривает интеграцию как процесс формирования сообщества, объединяемого общими характеристиками, проявлением взаимного доверия и сознательной самоидентификации, для которого минимальным условием является укоренившееся убеждение, что конфликты внутри группы будут разрешены мирным путём [17, с. 5].

Примерами второго вида интеграции могут служить многонациональные империи или полиэтничные государства диктаторского типа.

В данной связи ученый-африканист М. Г. Смит отмечает: «Разнообразие культур порождает объективную потребность в доминировании одной из социокультурных групп, что обуславливает необходимость недемократических средств регулирования отношений между группами, в противном случае страны могут распасться на отдельные территории» [20, с. 14].

1. Проявления дезинтеграции, связанные с движениями сепаратистского и автономистского толка или организациями, определившими в

качестве основного пункта своих политических требований провозглашение независимости и обретение суверенитета, также могут наблюдаться в обоих типах политических субкультур.

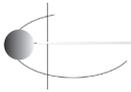
В условиях существования развитого гражданского общества, как отмечает исследователь Т. Нордлингер, «наделение территориально обособленных сообществ долей самоуправления, предполагаемое федерализмом, иногда придает им дополнительный стимул требовать большей автономии» [19, с. 32] и, как следствие, инициирует сепаратистские дезинтеграционные процессы внутри государства.

В контексте патрон-клиентских отношений между федеральным правительством и региональными властями последние всегда стремятся к получению максимальных выгод, которые могут быть обусловлены предоставлением их территории особого статуса.

2. На основании данных наблюдений мы можем обозначить *гомогенный тип политической субкультуры* в качестве единственного варианта политического развития общества, включающего в себя одновременно обе характеристики – наличие структур гражданского общества и приверженность интеграционному сотрудничеству.

Вместе с тем исследователи расходятся в понимании сущности гомогенного политического сообщества. Как отмечает американский исследователь А. Лейпхарт, довольно распространено мнение, согласно которому в качестве цели политического развития государства выступает идеальный тип в высокой степени гомогенного западного общества, тогда как «основная ошибка, присущая многим теоретическим работам по проблемам политического развития, состоит в преувеличении степени гомогенности западных демократий... Модель «нормативных гомогенных западных государств»... не характерна для всех западных обществ в целом. Она приблизительно соответствует англо-американскому типу Алмонда или, точнее, идеализированному британскому обществу», тогда как исследователь говорит о существовании двух типов западных демократий – англо-американского центростремительного типа и континентального европейского типа с раздробленной (негомогенной и несветской) политической культурой и слабой автономностью подсистем [7, с. 56–57].

Индивид всегда принадлежит одновременно к нескольким группам с различными интересами и ценностями, соответственно в силу своего гетерогенного окружения он будет более умерен в своих взглядах. В то же время политические лидеры, подвергающиеся воздействию разнородных сил, также будут стремиться к компромиссам.

Джеймс С. Коулмен указывает, что подход, основанный на противопоставлении западных гомогенных и незападных гетерогенных обществ, свидетельствует об «этноцентрическом прозападном нормативном уклоне» [16, с. 74].

Ещё более определенно высказывается в данной связи американский аналитик Д. Дж. Элейзер: «гомогенная нация-государство, охватывающая собой население, состоящее из отдельных граждан, чьё единство не нарушается устойчивыми групповыми связями, т. е. та нация-государство, которая являлась целью движения за суверенитет (каким оно выросло в европейском контексте), так никогда и не была создана и вряд ли появится в обозримом будущем» [18, с. 10].

В данной связи мы сталкиваемся с необходимостью поиска демократических принципов сосуществования региональных сообществ, отличающихся друг от друга согласно культурным, религиозным, этническим или лингвистическим особенностям в рамках единого политического пространства, принципов, которые подкрепляются наличием общественного согласия по основным пунктам осуществления политической практики, что обуславливает существование в регионе «гомогенной политической субкультуры». При этом А. Лейпхарт применяет термин «гомогенность» не для характеристики национально-культурной общности, подобно некоторым ученым, а в качестве критерия политического единства граждан. Исследователь рассматривает четыре типа демократических режимов, выстраивая классификацию на основании двух критериев:

1. Структура общества (гомогенная – многокомпонентная).
2. Поведение политических элит (сотрудничество/соперничество) [7, с. 143].

В данном контексте оптимальной формой демократического устройства государств является, по мнению ученого, «общественная демократия», которая воплощает в себе принципы сотрудничества элит в условиях многокомпонентных обществ. Подобного рода политическая организация позволяет сохранить уникальность всех самобытных групп и одновременно способствовать взаимовыгодному обмену опытом и достижениями между ними.

Управление в *общественных демократиях* базируется на принципах большой коалиции, автономии сегментов, пропорциональности и праве вето, что позволяет региональным лидерам быть полноправными акторами в процессе принятия политических решений на общегосударственном и местном уровне власти и, тем самым, наиболее эффективно осуществлять функции представительства своего регионального сообщества [7, с. 60–83].

Рассмотрение приведённых выше концепций позволяет проанализировать наиболее интересные положения, представленные как исследования, основывающимися на гомогенном подходе к изучению структуры регионального общества, так и работами, посвященными изучению модели гетерогенных региональных сообществ.

В рамках первого направления исследователи предлагают рассматривать однородность общества в качестве необходимого предварительного условия для демократического правления [20, с. 14].

Вместе с тем на практике наличие демократического гражданского общества не служит достаточной предпосылкой для сохранения территориальной целостности государства и формирования единой системы социально-политических ценностей.

Среди ярких случаев проявления дезинтеграционных тенденций в развитых демократических обществах можно выделить противостояние на этнической почве в Канаде, конфликты, вызванные лингвистической разнородностью населения в Бельгии и т. п.

В данной связи следует отметить, что на нашей планете едва ли существуют регионы с идентичной историей формирования нации, культурными традициями и т. п.

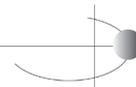
В свете этого можно утверждать, что в национальном развитии сохраняются тенденции не к гомогенности общества, а скорее к акцентированию и сохранению своих территориальных особенностей и, тем самым, к поддержанию многообразия социально-политических систем в современном мире.

В данной связи Дж. С. Коулмен критически относится к точке зрения, согласно которой гомогенное общество западного типа должно стать конечным продуктом развития [16, с. 74].

Сама суть феномена развития не приемлет постановки конечных целей. В данном случае справедлив постулат Бернштейна – «цель – ничто, движение – всё». История обществ не стремится к достижению своей заключительной фазы бесконфликтности; напротив, любое социальное, политическое, экономическое противоречие воспринимается как импульс для развития, для трансформации общественно-политических структур и отношений.

Гомогенность может восприниматься в данной связи как упрощение «социального организма» или общественно-политической системы, что ведёт к деградации и прекращению усложнения как источника развития.

В данной связи мы можем заключить, что региональные сообщества в процессе социально-политического развития, независимо от того,

направлено это развитие на интеграцию или дезинтеграцию, стремятся не к гомогенности, а к плюрализму обществ, интересов и ценностей и пытаются тем самым занять определенную нишу для выражения уникальной национальной, культурной, лингвистической и т. п. природы своей группы посредством формирования однопорядковых и равных, в отношении с другими региональными сообществами, политических институтов, идеологий или практик.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время широкое научное применение получили так называемые «Игровые концепции», объединяющие черты двух моделей регионального развития: «патронажно-клиенталистских отношений» и «гражданского общества». Основной темой, разрабатываемой в данных концепциях, является построение моделей наиболее эффективного взаимодействия между политическими элитами.

Данные концепции базируются на так называемой «Теории рационального выбора», заложенной в недрах экономической науки в начале 50-х гг. XX в. Применение данной методологии в политической науке началось с выхода в свет книги Энтони Даунса «Экономическая теория демократии».

Для изучения политической проблематики регионального развития представляет интерес тезис, согласно которому поведение элитарных групп продиктовано рационально-эгоистическими интересами, т. е. стремлением к уменьшению усилий, затрачиваемых на достижение цели, и к получению максимальной выгоды от своих действий.

В свою очередь, американские политологи Дж. Б. Мангейм и Р. К. Рич отмечают следующее обстоятельство: «... и экономические, и политические процессы включают в себя в качестве важной составляющей «рациональное» (т. е. целенаправленное) принятие решений в условиях неопределенности, конкретных ограничений и частую соперничества» [9, с. 467].

При этом в качестве субъектов политических отношений могут выступать как региональные заинтересованные группы, так и национальная элита.

Успех сопутствует элите того региона, который выигрышно отличается от других по величине и плотности населения, ресурсно-производственному потенциалу, хозяйственной специфике и т. п.

Практическим выражением такого рода процессов является возникновение предпосылок для развития внутренней асимметрии. С политической точки зрения асимметрия может объясняться:

1) политическими обстоятельствами (уступки со стороны центра отдельным республикам);

2) она может носить структурный характер, отражая дифференциацию между регионами;

3) асимметрия может быть составной частью стратегии центра по привлечению к сотрудничеству региональных элит, которые в большинстве случаев ориентированы на сопротивление федеральным властям.

Ещё одна разновидность Асимметрии – этническая. Она связана с особым политико-культурным самосознанием национальной (этнической) элиты и регионального социума.

Исследователь Л. С. Перепелкин выделяет два типа этнокультурной идентичности:

- «Шотландский». Ему свойственна частичная культурно-языковая ассимиляция меньшинства со стороны более многочисленного народа при сохранении его национального своеобразия.

- «Баскский». Здесь предполагается значительное дистанцирование и сопротивление доминирующему этносу. Такой тип усиливает тенденции дезинтеграции и сепаратизма [12].

Вышеприведенные типы асимметрии возникают вследствие этнического, географического и экономического многообразия субъектов и являются естественным процессом регионального развития, однако наряду с ними существует ещё и асимметрия юридическая, связанная с договорным характером отношений между государством и его регионами.

Данные явления можно рассматривать, с одной стороны, в качестве своеобразной стратегии регионов по защите своих прав в условиях острой внутривнутриполитической конкуренции, с другой – как попытки оказывать давление на центр в пользу не всегда справедливого и целесообразного распределения полномочий.

Данные процессы, в частности, оказывают влияние на развитие двух сценариев взаимодействия элит в рамках «Игровых концепций»:

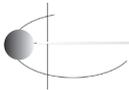
1 сценарий – «игры с постоянной (нулевой) суммой»;

2 сценарий – «игры с переменной (ненулевой) суммой».

Первый сценарий предполагает победу одного из участников политического процесса над другими. Данную ситуацию можно проследить в трех измерениях:

1. В рамках конкретного региона это означает установление на территории недемократического режима. Как мы указывали ранее, атрибутами подобного вида властных отношений будет доминирование одной элитной группы в регионе за счет ослабления и/или устранения от принятия политических отношений другой группы/групп.

2. Взаимодействие по схеме «регион» – «регион» может привести к нанесению косвенного ущерба одними регионами другим [8, с. 49] в слу-

чае, если финансовые вливания (субсидии, кредиты, инвестиции и т. п.) в одни регионы приводят к истощению источника ресурсов для других.

3. В случае противостояния «центр» – «регион» наиболее ярким примером может служить перераспределение властных полномочий, всякий раз, когда нарушается равновесие и один из акторов усиливает свою позицию в системе общественно-политических отношений.

Второй сценарий предполагает отсутствие ярко выраженного лидера, в результате этого возникает необходимость поиска оптимальной формы сотрудничества.

«Игры с ненулевой суммой» предполагают подготовку к такой ситуации, при которой каждая заинтересованная группа имеет возможность извлечь максимальную пользу.

Ключевым моментом выступает здесь поиск точки положительного эквиполюса, т. е. оптимального соотношения между всеми участниками политического процесса.

Отношения здесь также могут строиться между правящими группами на федеральном или региональном уровне или путём взаимодействия столичных и провинциальных элит.

Анализ вышеизложенных концепций важен для изучения политических процессов регионального развития в связи со следующими исследовательскими задачами, поставленными авторами данных концепций:

1) определить факторы и условия, влияющие на формирование «патронажно-клиенталистских» отношений или гражданского общества:

- обозначить политические функции элит;
- выявить роль элит в региональном политическом процессе;
- определить степень влияния привилегированных групп на социум;
- объяснить региональные процессы с точки зрения агрегирования и артикуляции политических интересов местными элитами;
- выявить роль граждан в процессе принятия политических решений на региональном уровне;

2) обозначить условия, влияющие на возникновение центробежных (дизинтеграционных) тенденций на уровне регионов:

- сопоставить тенденции политического развития на региональном и федеральном уровнях;
- проследить причины возникновения политической асимметрии на региональном уровне;
- обозначить региональный уровень как наилучший для подготовки и принятия социально ориентированных решений;

– выработать принципы эффективного взаимодействия региональных и национальных элит в процессе принятия решений, касающихся политического развития регионов;

– объяснить заинтересованность в сохранении территориального единства со стороны федеральных властей;

3) сравнить типы политического развития в регионах:

– установить влияние общественных отношений разного типа на потенциал и направленность политического развития региона;

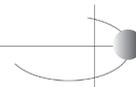
– раскрыть взаимозависимость между вектором политического развития и типом политической субкультуры;

– выявить потенциал интеграции и дезинтеграции в общественных отношениях на уровне регионов.

Нам представляется важным обратить внимание на то обстоятельство, что исследователи не выделяют в качестве самостоятельной группы или даже не упоминают о наличии политических деятелей надгосударственного или трансграничного масштаба. По нашему мнению, это связано с тем, что новая элита еще не сформировалась как класс, осознавший себя в процессе политической социализации и не имеет чётко обозначенной системы социальных ожиданий и предпочтений.

Для понимания политических процессов на региональном уровне необходимо учитывать сложные взаимодействия различных групп факторов, которые включают в себя анализ внутреннего состояния региона, главным образом, позиции регионального лидера по тому или иному вопросу, а также наблюдение за состоянием внешней среды. При этом представляется целесообразным обращать особое внимание на то обстоятельство, что выбор той или иной политики определённым образом препятствует (или способствует) реализации интересов социальных групп, так как каждая группа имеет свою иерархию потребностей и ожиданий, а следовательно, будет демонстрировать определённую реакцию в ответ на действия политических лидеров по преобразованию их жизненного мира. Исследователь Н. П. Распопов обобщает данные наблюдения следующей формулой: «совокупность реакций социальных группировок на политику власти, лидера, других социальных группировок... мы называем политической ситуацией. Особенности политической ситуации влияют на выбор возможных политик» [13, с. 171].

В процессе реализации политики появляется одно из ключевых условий развития регионального сообщества – гибкость и оперативность субъективных решений органа власти и политического

лидера, регулирующих внутренний социальный процесс и отношения с внешней средой.

Политико-коммуникативные модели регионального развития позволяют рассмотреть процессы регионального развития в контексте специфических взаимоотношений между региональной и федеральной элитой. Данное взаимодействие может осуществляться как путем конфликтов и

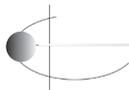
противостояний, так и посредством компромиссов и взаимного уважения.

Политико-коммуникативные факторы, на основании которых нами было выделено данное методологическое направление, являются одним из ключевых для объяснения различий в приоритетах и направленности регионального и национального развития.

Список литературы

1. Афанасьев М. Клиентела в России вчера и сегодня // Полис. 1996. № 1. С. 121–126; Афанасьев М. Правящая элита России: образ деятельности // МЭМО, 1996. № 3. С. 46–56, № 4, С. 28–38.
2. Геллнер Э. Условия свободы. М., 1995.
3. Дахин А. В. Регионализм глобальный – регионализм локальный: две грани региональной стратификации общества // Регион в составе Федерации... Н.-Новгород, 1999.
4. Егоров И. В. Трансформация региональной элиты и становление системы властных институтов в Удмуртской республике после 1993 года // Перспективы и проблемы становления Поволжского регионализма: материалы международного семинара. г. Астрахань, 28 июня–1 июля / под ред. Е. Митяевой. М.: МОНФ, 1999.
5. Колосов В. А., Мироненко Н. С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 292–293.
6. Куколев И. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть, 1996. № 1. С. 49–52.
7. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / пер. с англ. под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской. М.: Аспект Пресс, 1997.
8. Макарычев А. С. Регионализм, федерализм и ценности открытого общества // Регион в составе Федерации: Политика, Экономика, Право: монография. Н.Новгород: изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 1998.
9. Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования / пер. с англ. ; предисл. А. К. Соколова. М.: Весь Мир, 1997.
10. Масловская С. М. Региональные элиты: на пути к гражданскому обществу? // Выборы в Российской Федерации: федеральный и региональный аспект: тезисы выступлений участников науч.-практ. конф. 26–28 июня 1999 г. СПб.: Центр «Стратегия», 1999. С. 68–72.
11. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в современной Италии. М.: Ad Marginem, 1996.
12. Перепелкин Л. Е. Истоки межэтнического конфликта в Татарии // Мир России. Том 1. № 1. 1992.
13. Распопов Н. П. Политика власти по созданию региональной политической стабильности // Регион в составе Федерации: Политика, Экономика, Право: монография. Н.-Новгород: изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 1998.
14. Almond G. A. Comparative Political Systems // Journal of Politics 18. 1956. № 3.
15. Coleman J. S. The Development Syndrome: Differentiation Equality – Capacity // Binder L. et al. Crises and Sequences in Political Development. Princeton: Princeton University Press, 1971. P.74.
16. Coleman J. S. The Development Syndrome: Differentiation Equality – Capacity... P.74.
17. Deutsch K. W. Political Community and North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton: Princeton University Press, 1968. P.5.
18. Elazar D. J. (ed.) Self Rule/Shared Rule: Federal Solutions to the Middle East Conflict. Ramat Gan, 1979, P.10.
19. Nordlinger T. A. Conflict Resolution in Divided Societies // Occasional Papers in International Affairs. Cambridge, Mass: Center for International Affairs, Harvard University, 1972. № 29.
20. Pluralism in Africa /Ed. by Kuper L., Smith M. G. Berkeley: University Press, 1969. P. 14.
21. Rokkan S. Norway: Numerical Democracy and Corporate Pluralism in: Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 107.

Рукопись поступила в редакцию 14 мая 2011 г.

УДК 321.01
ББК 66.01*С. А. Гадышев*
*Волгоград, Россия***Современные подходы к определению публичной политики**

Предпринята попытка проанализировать существующие подходы к определению публичной политики, публичности. Дается понимание публичной сферы разными учёными. Говорится о роли коммуникации в публичной сфере, об институтах публичной политики и их функционировании. Предложен ещё один подход к определению публичной политики, и в его рамках дана дефиниция данного термина.

Ключевые слова: политика, публичная политика, публичная сфера, публичность, политический процесс, социальный институт, коммуникация.

S. A. Gadyshev
*Volgograd, Russia***Current Approaches to the Definition of Public Policy**

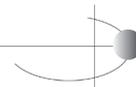
An attempt to analyze different approaches to the definition of public policy is made. Understanding of public sphere is represented by different scientists. It is spoken about the role of communication in public sphere, about public policy institutes and their functioning. One more approach to the definition of public policy is offered and the definition of the given term is represented. The author introduces his own definition of public policy.

Keywords: policy, public policy, public sphere, publicity, political process, social institution, communication.

Со времён Платона и Аристотеля сфера борьбы за власть и её удержание называлась политикой. В настоящее время это понятие включает в себя решение общественных проблем, выработку политического курса в условиях конкуренции [3, с. 180]. Современные технологии политики содержат определённые элементы публичности. Через них она реализуется в социальном пространстве, при этом вовлекает в общественные процессы социальные группы различного уровня в качестве своих субъектов и объектов. Публичности свойственны, как замечают Л. И. Никовская и В. Н. Якимец, такие черты, как «транспарентность (прозрачность); общезначимость; диалогичность (договорной характер отношений субъектов публичной сферы, где немаловажную роль играет культура переговорного процесса)» [7, с. 31].

Анализ литературы показывает, что при понимании публичной политики выделяется три подхода (институциональный, деятельностный, академический), через призму которых даётся толкование этого термина. Многие учёные, давая определение публичной политике, опираются на такие понятия, как «публика», «публичность», «общественность», «публичная сфера», «публичное пространство». Н. Луман считает: «В классическом правовом дискурсе «публичное» определяется через понятие «доступности для каждого», то есть через исключение контроля над доступом» [6, с. 161].

М. Риттер использовала институциональный подход, предполагающий, что институты структурируют политический процесс. Исследователь, рассуждая о публичной и частной сфере, объясняет взаимосвязь политического, экономического развития, социальной интеграции и норм демократии. Главным понятием, при помощи которого возможно осознать и описать публичную сферу, М. Риттер считает «демократию участия»: «Партиципаторная и нормативная теория демократии исходит из того, что постоянное добровольное участие населения в политическом процессе является единственной гарантией сохранения настоящей демократии... Построение демократических политических институтов, таких как парламент, правительство, правовые институты, органы исполнительной власти, находящиеся под контролем, не может произойти без участия населения» [8, с. 12]. В современной России часто подвергаются критике институты публичной политики: в парламенте имеет большинство одна партия; исполнительная власть главенствует над законодательной; политические партии в России не выражают интересы основных социальных групп. Также критикуется институт выборов, потому что регулярно изменяющиеся правила их проведения ограничивают круг политических субъектов, сужают права граждан. Сегодня глав субъектов РФ уже публично не выбирают, а их кандидатуры якобы согласовывают с политиками регионов.

СМИ как общественный институт, наделённый определёнными функциями, чаще всего выполняет социальный заказ других институтов, хотя СМИ и парламент являются институциональной основой публичной политики. Институты структурируют политический процесс, допуская к участию в нём политических акторов. Так происходит в системах, где политические интересы чётко определены, а работа институтов отличается постоянством, то есть существующие правила не меняются на протяжении нескольких десятилетий, например, институт выборов в демократических странах, где все партии придерживаются одних и тех же норм во время проведения выборов. В России наблюдается стагнация в развитии данных институтов [4, с. 70].

М. Риттер полагает, что публичная сфера позволяла гражданам спорить по политическим вопросам, обсуждать свои интересы. «Под публичной сферой понимается опосредующий уровень между государственной властью и частными интересами, который функционирует в двух направлениях: с одной стороны, субъекты дискутируют о государственных решениях и планах, интегрируя их таким образом в систему идентификаций и морально-практических ориентаций деятельности. С другой стороны, гражданки и граждане таким образом формулируют свои претензии и потребности, проблемы и предложения их решения и адресуют их как требования в отношении государства. Публичная сфера здесь – символическое место связи между аспектами социальной интеграции субъектов в обществе как частных лиц с их интересами, желаниями и страстями, с одной стороны, и противостоящим развитием и организацией политических институтов как субъектов внешнего мира – с другой стороны» [8, с. 13].

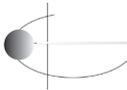
По мнению представителя деятельностного подхода А. Ю. Сунгурова, давая определение публичной политике, необходимо чётко разграничивать, к какой именно политике относится термин «публичный». «Более эффективно относить термин «публичный» к политике в смысле «*policy*», включая в фокус рассмотрения характер, процедуру процесса разработки и реализации программ деятельности власти различного уровня» [9, с. 15]. «Под публичной политикой можно понимать программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учётом ожиданий социальных групп (страт) общества через их представителей» [9, с. 15]. Синтезировав несколько важных положений, М. Б. Горный определяет публичную политику следующим образом: это «деятельность органов власти, направленная на удовлетворение публичных потребностей в сочетании с общественным участием, т. е. с участием граждан и их

организаций в процессе подготовки, принятия и контроля исполнения (а в отдельных случаях и исполнения) властных решений. Органы власти обязательно должны быть прозрачными, т. е. удовлетворять следующим условиям: открытости, понятности, возможности влияния» [2, с. 11]. В данном случае публичная политика тесно связана с общественным участием в принятии государственных решений.

Ю. А. Красин и его коллеги, изучающие философские и методологические вопросы, анализируют соотношение частного и публичного, что связано с переходом к рыночной экономике, когда общегосударственное становится частным. Для большинства граждан утрачивается контроль над публичной сферой. По мнению Ю. А. Красина, «публичная сфера предстаёт не только как общественный форум коллективного поиска гражданами общих целей и средств их достижения, но и как область их практических воплощений в систему реальных общественных отношений и институтов» [5, с. 7].

Т. А. Алексеева выделяет важный для политической философии момент: публичная сфера получает статус политической тогда, когда граждане интересуются деятельностью государства. По её мнению, это происходит «лишь при наличии институциональной защиты свободы слова и собраний, поскольку главная тема публичного обсуждения – высказывание сомнения в авторитете власти и государства» [1, с. 28]. Исследователь выделяет важную черту публичной политики, связанную с властью, которая воздействует на «публику». «Государственная власть – это публичная власть. Но прилагательное «публичная» относится к ней только в контексте заботы о публике, т. е. обеспечения общего блага для всех легальных элементов общества» [1, с. 27]. Публичная политика направлена на удовлетворение потребностей граждан.

По мнению Н. А. Шматко, «публичная политика существует, во-первых, как совокупность практических акций, превентивных мер (предупреждение преступности, наркомании, девиантного поведения...), контроля, регуляции, публичных обсуждений. Во-вторых, публичная политика – это ансамбль категорий социальной перцепции [восприятия], легитимных номинаций, социальных классификаций и иерархий, определений нормы и девиации, оценочных суждений» [10, с. 110]. Данное явление представляет собой взаимодействие власти и тех, на кого она распространяется, информацию, интерпретацию и иерархию важных вопросов и событий общественной жизни, а также политические действия с участием всех слоёв населения и профессиональную деятельность политиков, научную и ненаучную рефлексию по политическим решениям и действиям, массмедийную коммуникацию. Всё вышеперечисленное в своей

совокупности рисует «образ» власти. Поэтому публичная политика как форма репрезентации власти предстаёт своеобразной основой государственной и частной жизни, которая объединяет или разобщает общество на различных уровнях. Важно то, что публичная политика является сильным коммуникационным феноменом, создающим социальную реальность. Данное понимание Н. А. Шматко можно назвать субъектно ориентированным, так как публичная политика определяется с опорой на действия трёх агентов, обладающих определённой автономностью: политика, журналистика и социальные науки. Их представители как профессионалы объясняют социальный мир, разъясняют и согласовывают практические схемы, придавая им систематизированный вид, чтобы «в дальнейшем перевести их в эксплицитные категории и задействовать в легитимном дискурсе» [10, с. 108]. Публичная политика предусматривает участие всех социально-политических институтов в политическом процессе. Его публичность позволяет обществу участвовать в выработке политического курса, вести открытый диалог.

Итак, рассмотрев разные точки зрения на публичную политику, можно констатировать, что институциональный, деятельностный, академический подход не даёт полного представления о значении данного термина. Поскольку понимание публичной политики тесно связано с существующей государственной системой; на наш взгляд, ни одно представленное толкование не отражает происходящего полностью. Основываясь на понимании Ю. Хабермаса дискурса, мы предлагаем следующее определение, которое, по нашему мнению, должно соответствовать демократическому общественному развитию. Публичная политика – это дискурсивная коммуникация, в основе которой находится многоуровневый диалог, где выделяются все существенные для его участников предметы и явления, а также преобладает субъект-субъектное взаимодействие. Это определение позволяет выделить ещё один подход в понимании публичной политики – коммуникативный, который предполагает существование обратной связи, а не односторонней.

Список литературы

1. Алексеева Т. А. «Публичное» и «частное»: где границы «политического»? // *Философские науки*. 2005. № 3. С. 26–39.
2. Горный М. Вместо введения // *Публичная политика: проблемы мягкой безопасности в Балтийском регионе* / под ред. М. Б. Горного. СПб.: Норма, 2004. С. 52–147.
3. Гуляихин В. Н., Серова Н. В. Агональные паттерны в системе политико-правовых норм российского общества // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2009. № 2. С. 180–183.
4. Гуляихин В. Н. Ценностно-смысловая система политической и правовой деятельности российского гражданина // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2010. № 1. С. 70–74.
5. Красин Ю. А. Публичная сфера и публичная политика в российском измерении // *Полития*. 2004. № 3. С. 5 – 23.
6. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
7. Никовская Л. И., Якимец В. Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // *Полития*. 2007. № 1. С. 30–51.
8. Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры // *Граждане и власть: проблемы и подходы*. М., 1998. 174 с.
9. Сунгуров А. Ю. Публичная политика и экспертиза // *Пчела*. 2004. № 1 (45). С. 15–6.
10. Шматко Н. А. Феномен публичной политики // *Социологические исследования*. 2001. № 7. С. 106–113.

Рукопись поступила в редакцию 30 апреля 2011 г.

УДК 372.82
ББК 66.4

Е. Е. Карнаухова
г. Нижний Новгород, Россия

МИД – ведущий актер во внешней культурной политике Германии

В данной статье рассматривается повышение роли внешней культурной политики Германии во внешнеполитической системе страны. Автор анализирует также способы участия государства в реализации основных направлений деятельности политики. В условиях возрастания значимости форумов ЕС, ЮНЕСКО, Совета Европы и ОБСЕ в свете глобализации и европейской интеграции речь идет также о согласовании европейских и национальных интересов в культурной сфере.

Ключевые слова: внешняя культурная политика, Министерство иностранных дел, межкультурные контакты, европеизация, глобализация, имидж государства

Ye. Ye. Karnaukhova
Nizhny Novgorod, Russia

The Foreign Ministry – the Leading Actor in the External Policy of Germany in the Cultural Sphere

The article touches upon the problem of the increase in the significance of the policy in the cultural sphere in the whole foreign policy system of Germany. The author analyzes the ways of state's participation in the realization of the basic directions of the policy. It should be emphasized that the coordination of the European and national interests in the cultural sphere has become more essential especially in the conditions of the increased role of the EU, UNESCO, the European Council and OSCE in the process of globalization and European integration.

Keywords: external policy in the cultural sphere, the Foreign Ministry, intercultural contacts, europeanization, globalization, state's image.

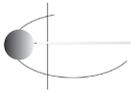
Определять основные направления внешней политики государства – притязание, которое в случае с внешнеполитической деятельностью в области культуры носит двоякий характер: с одной стороны, в этом предопределяется желание культуры играть ведущую роль в немецкой внешней политике; с другой стороны, это требование политики поставить культуру себе на службу, сохранив при этом ей определенную независимость [6, с. 179–185]. Необходимо в этой связи ответить на вопрос – какое место отводится культуре во внешней политике.

Следует отметить, что МИД ФРГ – наиболее влиятельный игрок в сфере внешней культурной политики на федеральном уровне. Его свобода действий ограничивается сложной системой разделения и ограничения властей. 32 статья Основного закона ФРГ устанавливает, что забота о сношениях с иностранными государствами является делом Федерации. Общий регламент федерального правительства конкретизирует данное положение: внешнеполитический курс ФРГ главным образом формируется МИДом. Наконец, изданный в 1990 г. «Закон о МИДе ФРГ» ставит перед МИДом задачу координировать общую внешнюю политику правительства.

Подобная роль МИДа формировалась в течение длительного времени – после окончания Первой Мировой войны МИД стало первым министерством, задачей которого стало устанавливать систематические культурные связи между Германией и за границей, и учредило в этой связи собственный отдел по культуре [8, с. 106–123]. После своего возрождения в 1951 г. МИД вновь принялось за формирование немецкой культурной политики. Ключевую роль тогда сыграла подготовка информационно-аналитического доклада о внешней культурной политике в 1970-х гг., ставшего ориентиром на более чем два десятилетия. Содержание политики того времени в основном определялось двумя личностями: статс-министрами Ральфом Дарендорфом и Хильдебрантом Брюхером.

К концу тысячелетия при министре иностранных дел Йозефе Фишере была представлена новая политическая концепция («Концепция 2000»), которая утверждала: «Основные направления внешней культурной политики Федерального правительства определяются и координируются МИДом» [2, с. 17]. Мы делаем вывод, что данное притязание МИДа фактически неоспоримо.

Дальнейшее содержательное и структурное оформление последовало с 2005 г. при Франке-

Вальтере Штайнмайере: с этого времени поле деятельности МИДа значительно расширилось, за счёт чего внешняя культурная политика выиграла по остроте и значимости во всей системе внешнеполитических приоритетов, что отразилось и на её финансировании: 726 млн. евро, выделенных МИДом в 2009 г., против 543 млн в 2004 г. [4].

При всём этом МИД не является монополистом во внешней культурной политике. Это вытекает из самой природы межкультурных контактов. В отличие от «классической дипломатии», межкультурные связи немислимо представить как суверенную задачу государства; настоящие связи в этой сфере возникают лишь там, где не только правительства, но и люди вступают в диалог друг с другом. И так, главную роль играют как раз те, кто собственно и делает межкультурные связи возможными: деятели искусства и творчества, учёные и исследователи, объединения, союзы, фонды, немецкие и иностранные культурные сообщества.

С другой стороны, федеральная система Германии ведёт к тому, что вопросы культуры и образования касаются не только федерального уровня, но и уровня общин и, прежде всего, федеральных земель, что проявляется в самых разных формах: от заключения договоров о партнёрстве с иностранными городами до признания зарубежных дипломов. Кроме того, в сфере внешней культурной политики общепризнано право посреднических организаций свободно определять содержание своей деятельности.

Наконец, в последние десятилетия вопросами внешней культурной политики стали заниматься и другие ведомства ФРГ. На сегодняшний день это пять министерств. Идея того, что ответственность за внешнюю культурную политику не должна быть взвалена на одни плечи, с одной стороны, заложена в самой системе федеративной республики. С другой – это следствие крепнущих международных связей, которые выражаются и в европеизации и глобализации, почти во всех политических сферах [7, с. 82–97]; в этом ключе считать или оформлять вопросы внешней политики как чью-либо монополию будет невозможно. Тем самым, МИД сегодня является сильнейшим актором во внешней политике в области культуры, но не единственным.

Внешнюю культурную политику можно охарактеризовать как одну из основ последовательного внешнеполитического курса страны. «Если мы хотим быть услышаны и поняты нашими партнёрами в мире, мы как никогда прежде должны стараться сделать понятными и доступными нашу точку зрения, образ мыслей и позицию (...) И самым простым и естественным способом мы можем добиться этого через культуру и образование» [5, с. 239–249].

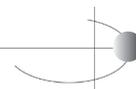
Этот отрывок из речи бывшего министра иностранных дел ФРГ Франка-Вальтер Штайнмайера в университете Гёттингена осенью 2008 г. достаточно чётко определяет значение и задачи культуры и образования во внешней политике. Основная мысль такова, что с падением железного занавеса и концом противостояния между Востоком и Западом внешняя политика не стала более простым делом, а, напротив, усложнилась.

В эпоху глобализации вопрос состоит в том, как наладить мосты между разными культурами и как предотвратить, наряду с технологическим, культурный разрыв наций. С другой стороны, мы можем установить, что в эпоху европеизации внешнеполитические вопросы теряют чисто национальный характер. Напротив, эффективная и разумная политика требует осознания проблем международного терроризма, бедности, например, и общей ответственности наций. Ответственность не должна заканчиваться за государственными границами или ограничиваться политическими акциями. Иными словами: ответственность недостаточно лишь чувствовать и признавать самому, к тому же нужно призывать и других. При этом не может быть и речи о том, чтобы навязывать кому-то своё мнение, образ мыслей или решения. Напротив, нужно наладить диалог по этим темам, диалог, в котором каждый был бы готов выслушать другого. Сегодня внешняя культурная политика должна быть не просто «третьей опорой» внешней политики. Она должна помочь заложить основу устойчивого внешнеполитического курса. А основой достижения внешнеполитического эффекта от культуры является не только уважение, но и поддержка её независимости. То свободное пространство, которого требует культура, не должно быть ограничено идеей, что она является лишь инструментом продвижения внешнеполитических целей.

Из этих основных требований вытекают три важных направления, в которых внешняя культурная политика может действовать.

Во-первых, культура способствует диалогу и поиску компромиссов. Неспособность к этому ведёт к возникновению множества конфликтов по всему миру. Культурные проекты, может, и не могут решить проблем. Но в некоторых случаях с их помощью можно опровергнуть сложившуюся картину враждебности – например, показать, что «враги» совсем не так уж сильно отличаются от нас самих.

Идея культурного диалога как ключа к взаимопониманию играет важную роль и в диалоге с исламскими странами, отношения с которыми оказались значительно осложнены политическими, культурными и общественными тенденциями, развивавшимися с 11 сентября 2001 г. И, чтобы из-

бежать культурного столкновения между Европой и её соседями на южном побережье Средиземного моря, МИД ФРГ пытается наладить культурные диалоги с населением этого региона.

К тому же речь идёт и о другом аспекте. Культурные и образовательные проекты могут оказать значительную поддержку в развитии гражданского общества, определив новые горизонты, и показать, что существуют альтернативы.

Во-вторых, культура является катализатором внешнеполитических приоритетов. Политические приоритеты могут быть подкреплены культурными и образовательными проектами, которые помогают и в случае борьбы с изменением климата, и в поддержке европейской интеграции, когда Европа будущего должна ощущать себя единым культурным пространством, и чья сила кроется в разрешении противоречий между культурным единством и многообразием.

В-третьих, культура обладает функцией обратной связи. С одной стороны, внешняя культурная политика ФРГ должна в определённой степени отражать культурную реальность, присущую ФРГ. Она должна показывать, как общественно значимые тенденции, такие как защита окружающей среды или перемены в немецкой культуре, выражаются в культурных течениях. Нужно учитывать, что если в ФРГ на данный момент проживает около трёх миллионов людей с турецкими корнями, то это также постепенно изменило культурную идентичность немцев.

С другой стороны, внешняя политика в области культуры должна знакомить немцев с опытом других стран. Межкультурные связи не могут быть улицей с односторонним движением. И речь не может идти о том, чтобы экспортировать немецкие идеи о мироустройстве окружающим. Напротив, нужно быть готовым пересмотреть и возможно даже изменить собственные взгляды, приняв во внимание мнение других культур.

С 2007 г. в МИДе создано отделение, объединившее в своих руках все полномочия, касающиеся культуры и связей с общественностью, что не могло не повлиять на внешнюю культурную политику. Важной частью её презентации стала конференция «Люди в движении – роль культуры и образования в немецкой внешней политике», конференция 2009 г. «Люди в движении – политика в области культуры в эпоху глобализации», «Дни внешней политики в области культуры», выборы «12 научных миров», мероприятия, проводимые в рамках инициативы «Внешняя политика и наука 2009», конференция 2010 г. «Мир без стен» – всё это даёт возможность сделать внешнюю политику ФРГ в области культуры более прозрачной и гласной.

С этим же связан и имидж государства за границей. Именно масштабные инициативы послед-

них лет, такие как реформа Гёте-института, инициатива межшкольного партнёрства или «Инициатива для внешней политики и науки», дают повод иностранным СМИ положительно взглянуть на ФРГ. При этом работа в сфере культуры всегда публичная. Таким образом, объединение культуры и связей с общественностью в системе МИДа стало важным шагом на пути к модернизации и совершенствованию содержательной стороны внешней культурной политики ФРГ.

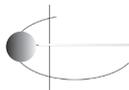
К четырём сферам, над которыми МИД ФРГ работает в рамках внешней культурной политики, относятся культурные программы, распространение немецкого языка, сотрудничество с зарубежными школами и научные обмены между вузами. Чтобы понять, в каком масштабе МИД развернул свою деятельность, достаточно трёх цифр: около 150000 учащихся посещают из года в год немецкие школы за границей. В 2008 г. более 170000 людей прошли курсы немецкого языка при Гёте-институте. Немецкая служба обменов совместно с Фондом Александра Гумбольдта выделяют более 35000 стипендий для иностранцев на обучение в немецких вузах или работу в исследовательских институтах Германии [1, с. 89].

Однако МИД как федеральное министерство не обязано самостоятельно осуществлять внешнюю культурную политику, его основная задача ограничивается стратегическим планированием. Воплощение же планов в первую очередь берут на себя так называемые посреднические организации, крупнейшими из которых является Гёте-институт, Германская служба академических обменов (DAAD), фонд А. Гумбольдта, на осуществление целей которых в 2009 МИДом было выделено около 175 млн. евро [9], 161 млн евро [11] и 38,9 млн евро [10] соответственно.

Кроме того, следует отметить такие организации, как Германский археологический институт, Институт по внешним сношениям, Немецкую комиссию ЮНЕСКО, Дом культур мира и Центральное управление по образованию за рубежом. Культура, язык, наука, школа – в этих традиционных сферах действует МИД в тесном сотрудничестве со своими исполнительными организациями.

Напротив, совершенно другой метод работы требуется от него в многосторонней культурной политике. Форумы ЕС, ЮНЕСКО, Совета Европы или ОБСЕ приобретают всё большую значимость в свете глобализации и европейской интеграции. В данных многонациональных рамках МИД ФРГ выступает за основополагающие международные культурно-политические интересы, такие как общая европейская политика в сфере культуры или сохранение мирового культурного многообразия.

Несмотря на все многосторонние связи, ключевой задачей МИДа остаётся взаимодействие с

немецкими организациями-партнёрами: яркими примерами данной деятельности в последние годы была инициатива межшкольного партнёрства, инициатива «внешняя политика и наука» и «всекультурная» волонтерская служба. В обязанности министерства входит управление и координация организациями-партнёрами и предоставление условий для их успешного функционирования; остается и средство связующего звена с внешней политикой.

Когда речь идёт об основах культурной работы за границей, необходимо отметить, что МИД создаёт необходимые условия для успешной деятельности своих партнёров: с одной стороны, предоставляет необходимые финансовые средства; с другой – обеспечивает надёжные правовые нормы, регулирующие работу организации-партнёра за границей, для чего заключает договор по культуре между федеральным правительством и правительствами принимающих стран.

Интересно отметить, что руководство МИДа считается со свободой его партнёров. Традиционно наиболее важным инструментом управления выступает ежегодное составление бюджета с последующим одобрением бундестага. Тенденция показывает, что большая часть соответствующих строк бюджета, посвященных, например, Гёте-институту, предоставляют партнерам много свободы. В ответ они обязуются перед МИДом достичь совместно поставленных целей. С одной стороны, это позволяет избежать излишней бюрократии. С другой – финансовое планирование обязано гарантировать, что культурная работа, проводимая за рубежом, отвечает ключевым целям внешней культурной политики.

Другая тенденция, которая прослеживается в распределении бюджета, заключается в том, что МИД и его посредникам зачастую предоставляются средства для узко определённых сфер (регионально или тематически ограниченных), например, таких как инициативы Эрнста-Ройтера по сотрудничеству с Турцией. Или по договорённости с партнёрами средства могут быть направлены на гражданское восстановление Афганистана или Ирака.

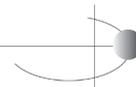
Обычно МИД и его посредники заключают множество договорённостей о сферах совместной деятельности в различных комиссиях. Это касается широкого спектра тем: от вопроса открытия нового филиала Гёте-института до принятия чрезвычайных мер в кризисной ситуации. При этом МИД в своём сотрудничестве с организациями-партнёрами, как правило, преследует свои интересы. Здесь имеется в виду координация, которая осуществляется на двух уровнях. С одной стороны, МИД устанавливает спектр региональных и тематических задач. Разрабатываются долгосрочные стратегии, координируются большие проекты. Это имеет множество измерений. Наряду с дого-

ворённостью с посредничающими организациями необходимо утвердить всё с другими федеральными министерствами, с федеральными землями, а также с частными партнёрами и министерствами иностранных дел других государств. Более значительные проекты, вроде «Года Германии», «Неделя Германии» или «Дней Германии», требуют такого согласования с зарубежными представителями и партнёрами, которое устроило бы всех.

Наряду с Центральным управлением МИДа важную роль в координации внешней культурной политики играют референты по культуре в немецких посольствах и генеральных консульствах. Во-первых, они уже на месте развивают концепцию осуществления целей немецкой внешней культурной политики в стране пребывания. Во-вторых, они поддерживают контакты с представителями немецких учреждений по культуре в стране пребывания и способствуют теснейшему взаимодействию этих учреждений. Их цель при этом – избежать дублирования обязательств, объединять проекты и тем самым наиболее эффективно использовать материальные средства [3, с. 316].

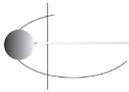
Ввиду того, что внешняя политика становится всё более комплексной, требования к внешней культурной политике также растут. Её политизация будет расти, так как значение культурных связей и ориентации на межкультурный диалог для внешней политики получили широкое признание. Задачей современной политики в области культуры является быть «проактивной», а не реагировать лишь по требованию политических отделов. В конце концов, она должна оправдать ту растущую финансовую поддержку, которую она получила в последние годы. Во времена финансового кризиса каждому в Германии должно быть понятно, почему это нужно и полезно тратить 726 млн евро на внешнюю культурную политику [12].

Таким образом, очень важно привлекать партнёров из самых различных сфер только на стадии воплощения проектов, но с самого начала задействовать их потенциал для улучшения стратегического планирования, привлекая их к постоянному диалогу. Насколько разумны и необходимы в этих целях институализированные формы диалога, будет ещё видно. «Тематические обсуждения», которые могут пролить свет на определённый круг вопросов (такие как культурный климат или креативная экономика, компьютерные игры и культура и развитие), могли бы послужить хорошим началом. Многие, может, и будут также обсуждаться интерактивно (в блогах, твиттере и т. п.). Первый шаг на этом пути уже сделала конференция «Люди в движении – культурная политика в эпоху глобализации». Но путь этот довольно долгий и до сих пор ещё не изучен внешней культурной политикой.

Список литературы

1. Auswärtiges Amt. Auswärtige Kultur- und Bildungspolitik heute. Berlin, 2002. 109 S.
2. Auswärtiges Amt, Forum: Zukunft der Auswärtigen Kulturpolitik. Berlin, 4.Juli 2000, Berlin, 74 S.
3. Brandt Enrico/ Buck Christian. Auswärtiges Amt. Diplomatie als Beruf. Opladen: Leske und Budrich, 2002. 408 S.
4. Jahresbericht der Bundesregierung 2009–2010 <http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/jahresbericht/DE/Startseite/startseite.html>
5. Kettner, Peter. Menschen bewegen – Das Auswärtige Amt in der Außenkulturpolitik./Maaß, Kurt-Jürgen.Kultur und Außenpolitik. Handbuch für Studium und Praxis.- 2., vollständig überarbeitete und erweiterte Auflage. – Baden-Baden, Nomos Verlagsgesellschaft, 2009. S.239–249
6. Sautter, Günter. Führung ohne Monopol. Das Auswärtige Amt in der Auswärtigen Kulturpolitik./ Kurt Jürgen Maaß. Kultur und Außenpolitik. Handbuch für Studium und Praxis, Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 2005. S.179–185
7. Schulte, Karl-Sebastian. Auswärtige Kulturpolitik im politischen System der Bundesrepublik Deutschland. Konzeptionsgehalt, Organisationsprinzipien und Strukturneuralgien eines atypischen Politikfeldes am Ende der 13. Legislaturperiode, Berlin: Verlag für Wirtschaft und Forschung, XVIII, 2000. 216 S.
8. Witte, Barthold. Auswärtige Kulturpolitik – die „dritte Säule“ der Außenpolitik. /Wichard Woyke. Neue deutsche Außenpolitik, Schwalbach/Ts.: Wochenschau-Verl, S. 106–123
9. URL: www.goethe.de
10. URL: www.humboldt-foundation.de
11. URL: www.daad.de
12. URL: www.interinstitut.de

Рукопись поступила в издательство 29 апреля 2011 г.

УДК 327
ББК 76–01

С. Б. Никонов

Политические решения как базовая составляющая международной журналистики

В условиях глобального информационного пространства информация, полученная от журналиста-международника, является основой для принятия того или иного политического решения. Информация, передаваемая журналистом-международником, может настроить общественность против дальнейшего сотрудничества с той или иной страной. В статье акцентируется необходимость всестороннего изучения ранее принятых политических решений для понимания развития международных отношений.

Ключевые слова: международная журналистика, международные отношения, геополитика.

S. B. Nikonov

Policy Decisions as a Basic Component of International Journalism

In the conditions of a global information space the information received from the journalist-foreign affairs specialist is a basis for acceptance of this or that political decision. The information transferred by the journalist-foreign affairs specialist can incite the public against the further cooperation with this or that country. The necessity of all-round study of the already accepted policy decisions for understanding the reasons of the international relations development is accented in the article.

Keywords: international journalism, international relations, geopolitics.

19 ноября 2010 г. во время открытой лекции на факультете журналистики профессор Открытого университета Берлина М. Люненбург заявила, что результаты проводимых ею и её коллегами исследования говорят о том, что XXI век перестал быть веком профессионалов в журналистике, однако с таким выводом согласиться нельзя. Касаясь вопросов политической или международной журналистики, можно заметить, что одного навыка писать недостаточно. Политическая новость, попадающая в свет, с точки зрения геополитики, не возникает из ничего, для всего есть свои предпосылки.

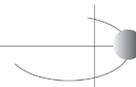
Журналист-международник должен быть и журналистом, и одновременно специалистом в области международных отношений, историком, социологом, дипломатом. Журналист-международник должен обладать следующими важными качествами: умением слушать и слышать, писать и думать, понимать то, что пишет, и предвидеть политические последствия опубликования своего материала, причём все эти качества совмещаются со знанием страноведения, а иногда и дипломатии. Журналисту-международнику необходимо не просто знать названия стран, а глубоко изучать экономическую, политическую, социальную географию и геополитику.

Содержательные аспекты работы журналиста-международника требуют знания специфики жанров. Говоря о жанрах международной журналистики, следует отметить, что для

умелого журналиста-международника важно не только пользоваться стандартным набором жанров, как то: очерк, интервью, репортаж, заметка, аналитическая статья – но и уметь их сочетать. Вся информация о политических событиях в той или иной форме доступна из сообщений информационных агентств или других источников, передающих новости в соответствии со своими традициями. Журналист-международник должен уметь показать читателю, зрителю, слушателю полную картину того, как и что происходит в той или иной стране, показать корни событий либо умолчать о них – иначе его работа лишена смысла, поэтому простое интервью без аналитики в настоящее время не подходит для освещения политической жизни элиты.

Раньше журналист-международник делил свою работу на две части – работу за рубежом и работу в редакции. В настоящее время работа в редакции, т. е. переработка сообщений информационных агентств, иностранной прессы и отраслевой прессы той страны, которая является его специализацией, будет основной.

Журналист-международник должен осознавать, что одно предложение, иногда одно слово, которое неверно или неточно истолковано, может нанести урон репутации страны, урон незащищенный и зачастую совершенно нежелательный, особенно если такая ситуация происходит перед международными переговорами или во время их переговоров. Информация, передаваемая

журналистом-международником, может настроить общественность против дальнейшего сотрудничества с той или иной страной.

Журналист-международник должен быть, кроме всего прочего, готов к тому, что к нему будут предъявляться повышенные требования в области деловой и личностной этики. Журналист, зачастую, особенно если он работает давно и имеет весомый авторитет, служит порой единственным связующим звеном стран – субъектов какого-нибудь межнационального конфликта. Соблюдение чести и достоинства, как личного, так и представляемого журналистом СМИ, а также и стран, про которые он пишет и в которых он пишет, должно быть превыше всего.

В условиях глобального информационного пространства, под которым понимается информационная открытость [1], важнейшей задачей, в первую очередь государства, является подготовка профессионалов, способных обеспечить информационную безопасность государства – сформировать позитивный имидж государства как демократического, правового государства; страны с рыночной экономикой, ориентированной на создание и поддержание цивилизованных правил политической игры, адекватных условий для деятельности национальных и иностранных политических элит; нации, чётко представляющей свою историческую миссию и независимой в принятии решений как у себя в доме, так и в отношениях с другими странами и международными институтами. С этой целью основной акцент в учебном процессе делается на формирование системного набора компетенций, что должно обеспечить высокий уровень конкурентоспособности выпускников. Эти выпускники должны отличаться обобщённым умением решать профессиональные проблемы любого уровня сложности.

В послевоенный период при советской власти была очень разумно выстроена система взаимодействия с зарубежной аудиторией. Частью этой системы было иновещание; существовал советский Комитет защиты мира с огромными международными связями (теперь он называется Федерация мира и согласия). Было Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, Комитет молодежи, Комитет женщин, Еврейский комитет (пока его не ликвидировали). АПН имело мощное издательство, которое издавало книги на 80 языках, распространявшиеся во многих странах. В 1990-е гг. вся эта система была разрушена.

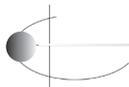
Можно с уважением относиться к работе телекомпании «Russia Today», но её конкуренты: телевизионное зарубежное вещание, «Голос Америки», «ВВС», «Аль-Джазира» – имеют гораздо большие бюджеты, а следовательно, и большие возможности, так что это конкуренция с разными

возможностями. По мнению известного Российского журналиста-международника Валентина Зорина, сегодня фактически точку зрения России Запад воспринимает только из уст Владимира Владимировича Путина и Дмитрия Анатольевича Медведева, дающих интервью западным телекомпаниям, выступающих на пресс-конференциях за границей, которые замолчать, конечно, нельзя, а всё остальное проходит с трудом. Плохо, когда всю задачу пропаганды и контрпропаганды, ориентированной на зарубежную аудиторию, берёт на себя только президент и премьер-министр, но на сегодняшний день это именно так [2]. В советский период международная журналистика была предметом внутреннего пользования, хотя, возможно, и сейчас эта тенденция сохранилась.

Не в обиду любым другим государствам мира будет сказано, но в настоящее время к державам, решающим и формирующим мировую политику, необходимо отнести Соединенные Штаты Америки, Россию и Китай. В разное время коалиции этих государств в том или ином варианте решали геополитические проблемы, отражающиеся на современных международных отношениях. Приведём несколько примеров политических решений, являющихся историческими фактами и нашедшим отражение в средствах массовой информации.

20 ноября 2010 г. в Португалии прошёл саммит Россия – НАТО. Одним из вопросов на саммите было обсуждение так называемого Иранского ядерного досье, темы которого касались президенты США и России. Журналисты-международники понимали, что эта тема будет освещена, так как за несколько дней до этого саммита произошла встреча президента России и президента Ирана.

Американо-иранские отношения представляются собой не просто процесс конфронтации, длящийся последние 20 лет, а сложный, многофакторный процесс, затрагивающий интересы многих государств региона Большого Ближнего Востока, России, Европы, Китая и Индии. За период существования исламского государства в Иране страна превратилась в мощную региональную военную макродержаву, которую трудно привести в состояние подчиненности или подконтрольности. Можно сказать, что стратегической ошибкой США и многих других стран западного сообщества является то, что отказ Ирана от своих приоритетов в мире и регионе может произойти в результате процессов реформирования команд М. Хаттами и М. Ахмадинижада. Это мнение связано как с ментальностью представлений о демократии и гражданском обществе, так и с опытом распада советской политической системы. Роль и значение политики ведущих держав и государств региона в развитии американо-иранских отношений были различны [3]. После Второй миро-

вой войны политика США в Иране стремилась к тому, чтобы Великобритания (хотя и была союзником США во Второй мировой войне) потеряла влияние на добычу Иранской нефти, так как американская бизнес-элита требовала увеличения своих прибылей. Американский обозреватель Д. Пирсон писал, что при президенте Трумэне в государственном департаменте США было трудно найти ответственного чиновника, «который не был бы так или иначе связан нефтяными монополиями и который был бы застрахован от возможных упреков в личной заинтересованности»: государственный секретарь Ачесон – совладелец юрисконсультской фирмы, которая вела дела «Стадард ойл оф Нью-Джерси»; заместитель государственного секретаря Дэвид Брюс – семейные связи с владельцем «Гальф ойл корпорейшн»; глава отдела планирования политики Поль Нитце связан через жену с нефтяной династией Праттов [4]. Посол США в Тегеране советовал премьер-министру Ирана Каваму ас Салтане пересмотреть концессионное соглашение с английской компанией с целью создания американско-иранской или англо-американско-иранской нефтяной компании и заявил о готовности США выкупить английскую долю акций англо-иранской нефтяной компании (АИНК) [5]. Однако события развивались таким образом, что в Иране 20 марта 1951 г. был принят закон о национализации АИНК. Правительство Англии обратилось в международный суд в Гааге. Но международный суд 22 июля 1952 г. признал себя некомпетентным рассматривать жалобу, касающуюся внутренних дел страны. Позицию США в данном вопросе прокомментировал Президент США Трумэн: «Западная Европа не может позволить себе потерять англо-иранскую нефтяную компанию. Подобная потеря нанесла бы ущерб европейской экономике и резко сократила бы военный потенциал Запада» [6]. Однако это была, как говорили тогда, «двойная дипломатия» или, как говорят сейчас, «двойные стандарты» США. После национализации нефтяной компании 13 июля 1953 года член палаты представителей конгресса США Даллес заявил: «Мы сочли невозможным иметь дело с Мосаддыком», и эти слова комментировала «Нью-Йорк пост»: «правительство Мосаддыка падёт ещё в этом году... Он будет свергнут, вероятно, армией... имеющей... особенно тесные связи с Соединёнными Штатами» [7]. Прогнозы оправдались, и 19 августа 1953 г. правительство Мосаддыка было свергнуто. «Агенты Центрального разведывательного управления США сыграли ключевую роль в свержении Мосаддыка. Операцией ЦРУ руководил Кермит Рузвельт, внук президента Теодора Рузвельта» [8]. С 10 апреля 1954 г. добывать нефть в Иране стало англо-голландская, англий-

ская, пять крупнейших американских и французская компании. Эта политико-военная победа Соединённых Штатов дала импульс развитию других политических решений. 5 января 1957 г. президент США Д. Эйзенхауэр обратился к Конгрессу со специальным посланием, посвящённым политике Соединённых Штатов в странах Ближнего и Среднего Востока [9, с. 15–23]. В основе доктрины лежал тезис о том, что на Ближнем и Среднем Востоке в результате подрыва влияния Англии и Франции образовался некий «вакуум», который должны заполнить США, чтобы не допустить там влияния СССР. Это было провозглашением программы установления господства США над странами Ближнего и Среднего Востока. В дипломатии этот документ называют «Доктриной Даллеса-Эйзенхауэра» [10 с. 562–565]. Таким образом, позиции Соединённых Штатов Америки по отношению к этому региону формировались задолго до сегодняшних событий, и что стоит за претензиями к современному Ирану – опасность развития атомного потенциала или страх национализации нефтяной промышленности правительством Ирана – остаётся под вопросом.

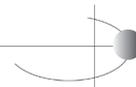
Наиболее показательным примером принятия политико-дипломатических решений служат события, относящиеся к окончанию Второй мировой войны. Особое место при обсуждении политики занимает вопрос о наличии и возможности применения атомного оружия. Впервые и, по существу, единственный раз атомное оружие было применено во времена Второй мировой войны, при операции коалиции, состоящей из США, Великобритании и Китая, – «принуждению к миру» Японии. Этот термин в современной истории относят к событиям, произошедшим 09.09.2009 г., во время грузино-югоосетинского конфликта.

Вопрос о будущем Японии широко дебатировался в политических сферах США и Великобритании. Основные принципы послевоенной политики США в отношении Японии государственный департамент сформулировал ещё в мае 1944 г. В проекте, подготовленном госдепартаментом, предусматривалось следующее:

– Япония должна возвратить территории, захваченные ею в результате всех войн;

– в период военной оккупации японское правительство прекратит своё существование как политическая единица;

– в оккупации Японии и в управлении ею будут участвовать союзные державы, воевавшие против Японии; оккупационную службу будут нести также и контингенты из азиатских стран (Китай, Индии, Филиппин и др.), для того чтобы не было впечатления, что война против Японии была войной белой расы против желтой [11, с. 1589–1590].

Общеизвестное мнение о том, что Советский Союз, США и Великобритания во время Второй мировой войны были союзниками в борьбе против их врагов, не соответствовало действительности. США и Великобритания были в состоянии войны с Японией, в то время как Советский Союз и Япония имели пакт о нейтралитете. Но в понимании политиков окончание Второй мировой войны было близко и велась усиленная подготовка к переделу территорий. 1 апреля 1945 г. началась высадка американских войск на острове Окинава, что резко осложнило военно-политическое и стратегическое положение Японии. 5 апреля 1945 г. правительство Японии подало в отставку, в этот же день народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов принял японского посла и заявил ему от имени Советского Союза о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете в соответствии со статьей 3 этого пакта [12, с. 550].

26 июля США, Великобритания и Китай приняли Потсдамскую декларацию и требовали капитуляции Японии. Потсдамская конференция сформулировала основные политические принципы по решению вопроса о капитуляции Японии: суверенитет Японии ограничивался островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые будут указаны союзниками, в число которых СССР не входил.

8 мая 1945 года фашистская Германия капитулировала, и с этого момента СССР не участвовал во Второй мировой войне. Началась политическая борьба за территории Японии. Если бы Япония капитулировала перед США, Великобританией и Китаем, это были бы те государства, которые являлись странами победителями, но Япония этого не сделала.

6 августа 1945 г. в 8 ч. 15 минут США, не нарушая принятого в то время международного права, так как вопрос о запрете применения атомного оружия в нем разрешен не был, произвели бомбардировку японского города Хиросима.

7 августа 1945 г. президент США Трумэн потребовал немедленной капитуляции Японии, сообщив, что в случае отказа атомные бомбардировки продолжатся. И хотя У. Черчилль в своих мемуарах отмечает, что «было бы ошибкой предполагать, что судьба Японии была решена атомной бомбой» [13, с. 559], но это была операция по «принуждению к миру». СССР понимал что если Япония капитулирует, то участия в решении судьбы Японских территорий он принимать не будет; понимали это и США, и Великобритания, и Китай.

8 августа 1945 г., в 17 часов по московскому времени СССР вручил японскому послу ноту о том, что с 9 августа 1945 г. «Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией» [14,

с. 362–363] и что Советский Союз присоединяется к заявлению союзников от 26 июля 1945 г. (Потсдамская декларация). Юридически это означало, что с 9 августа 1945 г. Советский Союз являлся государством, перед которым, наряду с другими находящимися в состоянии войны с Японией государствами, должна была капитулировать Япония. 9 августа 1945 г. вторая атомная бомба была сброшена на Японию. С этого момента в том, что произойдет капитуляция Японии, не сомневался никто, оставалось только сформировать список стран победителей. 10 августа 1945 Япония объявила войну и Монголия, став государством победителем над Японией. Таким образом, Курильские острова и острова, переданные Китаю, перестали находиться в суверенитете Японии, а политические решения 1945 г. отразились на развитии японо-российских и японо-китайских отношений в современный период.

Кратко ссылку на указанные события дает Иван Захарченко, международный обозреватель, рассказывая о современных российско-японских отношениях. Российское государство *унаследовало суверенитет над островами Шикотан, Кунашир, Итуруп и Хабомаи* от бывшего СССР, к которому они были присоединены по итогам Второй мировой войны. В 1951 г. Япония подписала Сан-Францисский мирный договор, который фиксировал отказ японцев от Курильских островов и южного Сахалина, но в котором не упоминалось, кому именно эти территории будут принадлежать. В связи с этим советские представители отказались от подписания договора. Воспользовавшись этим обстоятельством, Япония в 1955 году заявила СССР о своих претензиях на все Курильские острова и южную часть Сахалина, сославшись на двусторонний Трактат о торговле и границах 1955 г. В результате двухлетних переговоров позиции сторон сблизились, и Япония ограничила свои претензии только четырьмя островами. В 1956 г. СССР и Япония подписали совместную декларацию, в которой Москва соглашалась рассмотреть возможность передачи Японии двух островов в случае заключения мирного договора. Но если советская сторона рассчитывала поставить на этом точку, то Япония считала сделку лишь частью решения проблемы, не отказываясь от претензий на все острова. Последующие переговоры ни к чему так и не привели. В 2007 г. на южных Курилах побывал министр иностранных дел России, а 1 ноября 2010 г. – уже президент Медведев [15].

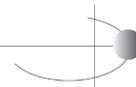
Политические решения, принимаемые для разрешения тех или иных конкретных задач, являются базой формирования будущих геополитических решений и основой освещения их журналистами-международниками.

Список литературы

1. Никонов С. Б. Глобализация и СМИ. СПб.: Роза мира, 2006. 168 с.
2. URL: <http://www.fontanka.ru/2009/12/11/096/>(дата обращения 04.04.2011)
3. URL: http://www.bvahan.com/armenianway/aw/igor_muradian/iran2/1.html(дата обращения 20.04.2011)
4. «Правда», 23 января 1953 г.
5. Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М., 1965. С. 132.
6. «Business Week» 17. III. 1951.
7. «New York Post», 13 . VII. 1953.
8. «New York Times», 6 III. 1967.
9. «United States Policy in Middle East. September 1956 – June 1957. Documents. Department of State Publication. 6505». Washington, 1957.
10. История дипломатии. Т. V. (в двух книгах). Кн. первая. М.: Полит. литература, 1974. С. 750.
11. The Memoirs of Cordell Hull. Vol. II.
12. Внешняя политика СССР: сб. док.. Т. IV. М.: Изд. ВПШ, 1946.
13. Churchill W. S. The Second World War. Vol. VI. P.559.
14. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны». Т. III. М.: Воениздат, 1974.
15. URL:<http://www.rian.ru/politics/20101113/295953763.html> (дата обращения 20.04.2011)

Рукопись поступила в редакцию 20 мая 2011 г.

УДК 94(571.5)
ББК 63.3(253.5)613
П385

А. М. Плеханова
г. Улан-Удэ, Россия

**Проект создания Ленско-Байкальской области:
экономическая целесообразность, интересы национальной
автономии или геополитический приоритет**

В статье изучен опыт экономического районирования Сибири в 1920-е гг. на примере проекта создания Ленско-Байкальской области. На основе анализа экономического, национального и внешнеполитического фактора объединения Иркутской и Забайкальской губерний и Бурят-Монгольской АССР в область доказывается, что особая геополитическая роль, отводимая республике в Центральной Азии, позволила ей избежать включения в состав проектируемой области на правах округа и сохранить статус национальной автономии.

Ключевые слова: экономическое районирование, Ленско-Байкальская область, национальная автономия, геополитика.

A. M. Plekhanova
Ulan-Ude, Russia

**The Project of Creation of the Lena-Baikal Region: Economic Feasibility,
Interests of a National Autonomy or Geopolitic Priority**

The article considers the practice of economic zoning of Siberia in 1920-s (case-study of the Lena-Baikal project). It analyzes the economic, national and foreign policy factors of integration between Trans-Baikal and Irkutsk provinces and the Buryat-Mongol Autonomous Soviet Socialist Republic into the Lena-Baikal Region. We prove that the special geopolitical role assigned to the republic in Central Asia, allowed it to avoid inclusion into the projected area as a district and to preserve the status of national autonomy.

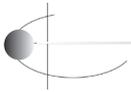
Keywords: economic regionalization, Lena-Baikal region, national autonomy, geopolitics.

Проходящий в настоящее время процесс укрупнения субъектов Российской Федерации определяется необходимостью совершенствования методов и основных положений современной региональной политики, что требует учёта в практике реформирования исторического опыта модернизации регионального устройства. Небезынтересным в данном отношении является обращение к опыту экономического районирования страны, в частности Сибири, в 1920-е гг., пристальный интерес к изучению которого испытывают многие региональные историки [2; 4; 10].

В дореволюционной России при проведении административного деления её огромной территории, различающейся многообразием природно-климатических, хозяйственных и исторических условий формирования отдельных регионов, не был ярко выражен национальный акцент. Вопрос рационального размещения производительных сил, специализации хозяйственной деятельности районов, населенных многочисленными народами с различной этнической принадлежностью, существовал в России преимущественно как экономическая проблема. С приходом к власти

большевиков в стране начались радикальные изменения старого административного устройства государства. Осуществляя эти преобразования, большевистское правительство обязано было рассмотреть и национальный вопрос, обещания в решении которого содержались во всех его программах.

Идея автономии бурятского народа, зародившаяся в ходе национального движения начала 1900-х гг. и окончательно оформившаяся в открытые требования предоставления автономии в период революции 1917 г., получила своё практическое воплощение в 1921–22 гг. Однако в связи с продолжавшейся до ноября 1922 г. интервенцией на Дальнем Востоке территория Бурят-Монголии входила в состав двух государственных образований с аналогичными названиями: восточные аймаки – в состав Бурят-Монгольской автономной области ДВР, западные – Бурят-Монгольской автономной области РСФСР. После окончания гражданской войны, в мае 1923 г. ВЦИК принял постановление об объединении Бурят-Монгольских областей и образовании Бурят-Монгольской автономной советской социалистической респу-

блики. Комиссия ВЦИК по определению границ республики предложила включить в состав Бурят-Монгольской АССР почти полностью территорию Прибайкальской губернии, волости и села Забайкальской и Иркутской губерний с бурятским и русским населением. Таким образом, на основе учета этнокультурных и традиционных хозяйственных связей районов была обеспечена компактность территории и экономическая целостность республики, в состав которой, как национальной государственности, вошло подавляющее большинство бурятского народа.

Таким образом, реализация национальной политики привела к созданию новой административной единицы с выраженной этнической спецификой. В результате процесс превращения некогда безликого национального вкрапления на «теле» российской империи в государственную структуру привёл к возникновению национальной республики.

Становление Бурят-Монгольской АССР по времени совпало с процессом нового районирования СССР, которое предусматривало перестройку административно-территориальных единиц и создание крупных экономических районов с целью обеспечения более эффективного функционирования хозяйственного механизма страны. Основным центром разработки административно-территориальной реформы стал Госплан РСФСР. Общие подходы к экономическому районированию России были представлены в докладе Госплана на III сессии ВЦИК Советов в 1922 г., в котором обосновывалось выделение районов с учётом естественных ресурсов, плотности и распределения населения, существующих промышленных и технических ценностей, транспортных условий и сложившихся хозяйственных центров.

В тезисах об экономическом районировании России, выработанных комиссией при ВЦИК и одобренных III сессией ВЦИК IX созыва, заявлялось: «В согласии с нашей Конституцией и с общими началами нашей национальной политики экономический принцип районирования должен быть выявлен в такой форме, чтобы он содействовал материальному и духовному развитию всех национальностей и племен РСФСР применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния». Далее однозначно утверждалось: «Провозглашенный Советской властью принцип самоопределения должен быть сохранен, и экономическое районирование должно послужить базой для наивысшего расцвета автономных национальных объединений в хозяйственном отношении». Были установлены конкретные принципы сохранения уже существующих автономных национальных образований:

«а) границы автономных республик и областей при вхождении в экономическую область не нарушаются; мелкие входят как подрайон, более крупные образуют самостоятельные районы, самые обширные образуют в своём составе несколько районов;

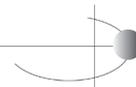
б) политические права и компетенции национальных объединений, предусмотренные декретами о них, не подлежат умалению» [11, с. 103–104].

Таким образом, экономическое районирование, по мнению его разработчиков, должно было решить основную задачу: поднять экономический и культурный уровень национальных автономий к уровню бывших русских губерний.

Авторитетный ученый того времени в области районирования И. Г. Александров убедительно доказывал, что основу политики районирования должен составлять принцип соблюдения интересов автономий. Прекрасно осознавая сложность решения национального вопроса, учёный предлагал при районировании исходить из следующих положений: во-первых, не должны нарушаться границы автономий, а крупные автономии должны образовывать области внутри своего состава; во-вторых, не должны нарушаться Конституции автономий; в-третьих, объединение деятельности и уточнение границ должно производиться на основании добровольных соглашений и утверждаться высшими органами Союза ССР. По мнению И. Г. Александрова, лишь «при внимательном отношении к интересам автономий» может быть достигнута правильная хозяйственная связь [1, с. 219, 221].

По проекту экономического районирования, разработанному секциями Госплана и Сибплана, намечалась схема районирования Сибири, предусматривавшая создание четырех областей: Енисейской, Якутской, Ленско-Байкальской и Дальневосточной. Согласно данному проекту Бурят-Монгольская республика должна была вместе с Иркутской и Забайкальской губерниями войти в состав создаваемой Ленско-Байкальской области на правах округа.

Проект создания Ленско-Байкальской области был внесён в Сибплан по инициативе Иркутских губернских органов, расценивших проведение районирования как возможность решить в свою пользу ряд спорных с Бурят-Монгольской республикой вопросов, возникших при образовании БМАССР. Дело в том, что при определении границ автономной республики в 1923 г. стремление включить в состав национальной автономии территории, населённые бурятами, в условиях многонационального состава края и чересполосицы бурятских и русских земель вызвало территориальные, а также экономические претензии со

стороны соседней губернии. Идея укрупнения регионов позволяла удовлетворить претензии краевых и губернских органов. При этом, обосновывая необходимость создания Ленско-Байкальской области, акцент делался на экономическую целесообразность и финансовую выгоду именно для Бурят-Монгольской АССР. Так, в специально изданной брошюре И. Н. Коркина на основе анализа внушительного количества источников было дано примерное распределение доходов и расходов проектируемого края. Иркутская губерния, по расчетам И. Н. Коркина, составляла 46 % совокупного дохода проектируемого края, Забайкальская губерния – 25 %, Бурят-Монгольская АССР – 19 %, Каннский уезд – 10 %. Сопоставляя это с общей суммой предполагаемых расходов: Иркутская губерния – 41 %, Забайкальская губерния – 24 %, Бурят-Монгольская республика – 27 %, Канский уезд – 8 %, – получалось, что Иркутская губерния в составе Ленско-Байкальской области становилась основным донором, поскольку доходы её превышали расходы на 5 %, а у Забайкальской губернии всего лишь на 1 %. Перераспределение доходов явно предусматривалось в пользу Бурят-Монгольской республики: доходы – 19 %, расходы – 27 %. При этом территория, занимаемая Бурят-Монголией, составляла 384 570 км² с населением 450 675 чел., а на территории Иркутской губернии площадью 843 175 км² проживало 660 353 чел. [7, с. 4, 16, 17].

Однако проект был отрицательно воспринят как руководством Забайкальской губернии, так и Бурят-Монгольской АССР. Расширенное заседание президиума Забайкальского губисполкома категорично заявило, что «губерния тяготеет к Дальнему Востоку, вхождение Забайкалья в Ленско-Байкальскую область дало бы только дефицит и местный, и государственный» [3, с. 95].

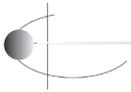
Председатель секции по районированию при Госплане Бурят-Монгольской республики Н. Н. Козьмин утверждал, что проектируемая Ленско-Байкальская область состоит из заведомо дефицитных частей и не имеет ни хозяйственного, ни географического базиса: «Иркутская губерния и бывшая Забайкальская область имели общее только в Байкале, который их разделял» [5, с. 5]. Опираясь на фактический материал, ученый доказывал, что «это будет самая захудалая из всех областей по СССР, поскольку в довоенное время население этих губерний с засеваемой площади получало 39 % потребной ему пшеницы», «доходы едва ли составляли более 40 % суммы расходов» [6, с. 3]. По мнению Н. Н. Козьмина, объединение этих дефицитных губерний с Бурят-Монгольской АССР не может поправить их положения, поскольку и республика не имеет ни излишков сельскохозяйственной продукции,

ни развитой промышленности. Вместе с тем, он считал, что «Бурят-Монголия должна сохранить значение отдельной самостоятельной хозяйственной единицы», поскольку имеет «совокупность условий, позволяющих всесторонне развить производительные силы», самым главным среди которых является наличие основных хозяйственных элементов: «Если бы Бурятия была обречена на приобретение нужного ей хлеба со стороны и на выбрасывание для этого значительных средств, её положение было бы безнадежно. Но у нас есть западные аймаки, которые могут дать достаточное количество хлеба и для восточных. У неё есть лес, уголь, железо, сульфат, соль, т. е. то, что нужно для заводов и фабрик, обработки продуктов сельского хозяйства и рыбопромышленности<...>. Отдельные части республики дополняют экономически одна другую» [6, с. 6].

Кроме аргументов экономического характера против создания Ленско-Байкальской области Н. Н. Козьмин выдвинул аргументы политические: «Республика имеет определённое политическое задание и положение в Союзе... она не может играть роль лишь материала для тех или иных построений. Повернутая политически лицом к Монголии, входящей в сферу жизни советских республик, и Центральной Азии, куда протягиваются нити весьма реальных отношений, вплоть до окраин Тибета, она является существенным элементом государственной жизни Союза» [5, с. 3–4].

Аналогичная точка зрения относительно включения Бурят-Монголии в состав Ленско-Байкальской области была высказана на заседании Забайкальского губисполкома: «С политической точки зрения мы не можем игнорировать мнение Бурят-Монгольской республики. Созданием Бур-республики разрешается не только важная задача, вытекающая из национальной политики советской власти, но и исключительного значения проблема советской внешней политики в отношении Монголии и Центральной Азии» [3, с. 97].

Детальный экономико-географический анализ проекта проводил представитель комиссии ВЦИК, профессор Иркутского университета К. Н. Миротворцев. Он пришел к выводу о том, что намеченная Госпланом Лено-Байкальская область с некоторыми незначительными исправлениями границ может сложиться в «достаточно жизнеспособную административно-хозяйственную единицу». Вместе с тем ученый отмечал, что «наиболее трудным является, конечно, вопрос об объединении с Бурят-Монгольской автономной республикой с точки зрения политической, экономических же препятствий никаких нет, и все доводы о возможности бездефицитного существования республики в будущем примени-

мы к любой части Ленско-Байкальской области и ко всей области в целом ... организация такой области могла бы быть вполне целесообразна, если исключить национально-политические соображения» [8, с. 35].

Руководство Бурят-Монгольской АССР исключать «национально-политические соображения» не собиралось и всеми силами выступило против создания области. 21 августа 1924 г. СНК БМАССР было принято постановление, в котором областное районирование Сибири и Дальнего Востока в направлении выделения Ленско-Байкальской области было признано преждевременным. Вместе с тем было подтверждено постановление II сессии БурЦИКа о нецелесообразности вхождения в состав Ленско-Байкальской области Бурреспублики [12, с. 84]. Комментируя данное постановление, необходимо отметить смелость руководства «молодой» автономной республики, которое «признало преждевременными» решения ВЦИК РСФСР и XII съезда партии. В отчете Правительства на II съезде Советов БМАССР (март, 1925 г.) председатель ЦИК и СНК М. Н. Ербанов ещё раз публично подтвердил позицию руководства республики о нецелесообразности создания Ленско-Байкальской области [9, с. 26].

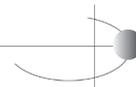
Стремясь найти поддержку в Центре, руководство республики обратилось за помощью в Народный комиссариат иностранных дел СССР, апеллируя при этом к особой геополитической роли БМАССР в Центральноазиатском регионе. Дело в том, что советская внешнеполитическая доктрина, обусловленная в 1920-е гг. идеей мировой революции, заключалась в экспорте революции в страны Центральной Азии и дальнейшем присоединении их к будущей «Всемирной республике Советов». Бурят-Монгольской АССР в этой политике отводилась роль «плацдарма мировой революции на Буддийском Востоке», поскольку считалось возможным использование национального фактора – общности языка, истории, религии и культуры, а также наличия стремления к единению монголоязычных народов, в том числе бурят, – для осуществления задач мировой революции.

В конечном итоге именно поддержка НКВД СССР руководства Бурят-Монгольской республики предопределила судьбу Ленско-Байкальской области, которая так и не была создана. 12 июня 1925 г. нарком иностранных дел Г. В. Чичерин направил письмо И. В. Сталину, в котором доказывал невозможность включения БМАССР в Ленско-Байкальскую область: «Подчинение Бурят-Монгольской республики Ленско-Байкальскому центру, а следовательно, фактически отказу от представленных ей ранее национальных прав при том условии, что создание Бурят-Монгольской

государственности в пределах самостоятельной Советской Республики имело прежде всего целью наилучшее влияние СССР на народы Дальнего Востока, пробуждение их и сближение с СССР в борьбе против иностранного империализма, означало бы, что этот акт неизбежно произвел бы глубоко отрицательное впечатление на народы и правительства Монголии, Тибета и др. и сорвал бы наметившиеся интенсивные культурнохозяйственные связи Бурят-Монгольской республики с Монгольской республикой». Далее в письме подчеркивалось, что «... признать включение Бурят-Монгольской области в состав Ленско-Байкальской области значит фактически отказаться от проводимой в Центральной Азии и Монголии нашей политической линии. Основываясь на вышеизложенном, НКВД решительно возражает против вхождения Бурят-Монгольской республики в состав Ленско-Байкальской области на правах округа, что оказалось бы в противоречии с положением ее как автономно-национального образования и фактически представило бы постепенную ликвидацию последнего, и считает политически необходимым сохранить за БМАССР значение и права самостоятельной области... учитывая то громадное значение факта существования Бурят-Монгольской республики для всего буддийского Востока» [2, с. 106].

Из-за позиции руководства Бурят-Монгольской АССР, поддержанной НКВД СССР, Ленско-Байкальская область не была создана. Интересы внешней политики и особой геополитической роли, отводимой Бурят-Монгольской автономии в ней, вытекавшие из актуальных на тот момент целей «мировой революции» на Востоке и в Центральной Азии, перевесили экономические проблемы районирования региона. Две другие губернии, которые должны были войти в состав Ленско-Байкальской области, были разделены между Сибирским (Иркутская) и Дальневосточным (Забайкальская) краями.

Однако уже через пять лет проект создания Ленско-Байкальской области был реанимирован. К концу 1920-х гг. политическое значение Бурят-Монгольской республики стало оцениваться в связи с той опасностью, какую она могла представлять как национальное образование, занимающее стратегическое положение, в случае возникновения внешней угрозы. Уже в июле 1930 г. Президиум ВЦИК принял решение об образовании Восточно-Сибирского края, куда вошли территории Сибирского и Дальневосточного краев и Бурят-Монгольской АССР. Несомненно, объединение в край Иркутской губернии, Забайкальской области и Бурят-Монгольской республики способствовало расширению и развитию экономических связей между ними, но в то же время ниве-

лировало значение их административных границ, что сыграло неоднозначную роль в подготовке условий для разделения территории БМАССР в 1937 г. на три части: собственно БМАССР и два Бурят-Монгольских округа – Агинский и Усть-Ордынский.

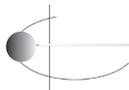
Опыт административно-территориального деления Сибири в 1920–30-е гг. со всей очевидностью показывает отсутствие надлежащей юридической формы для согласования интересов экономического районирования с началами национальной политики. Именно этим объясняется наличие неоднозначных суждений относительно проекта создания Ленско-Байкальской области в современной региональной историографии. Так, в Бурятии считают, что вхождение республики в состав проектируемой области «означало бы существенное ограничение её политической, хозяйственной самостоятельности и, по существу, было равносильно ликвидации её национальной государственности» [2, с. 105]. Иркутские учёные продолжают доказывать, что «крупные, экономически сильные регионы при условии сохранения всех национальных традиций и культуры входящих в них народов имеют неоспоримое преимущество перед небольшими по территории, немно-

гочисленными по населению и слабо развитыми районами» [4, с. 102]. Позиции исследователей вполне понятны: бурятские учёные обоснованно считают необходимым сохранение суверенитета Республики Бурятия, а иркутяне, как и в 1920-е гг., выступают за необходимость укрупнения региона, поскольку вполне естественно, что при объединении субъектов Иркутская область выступит в роли регионообразующего центра. Таким образом, и в настоящее время, когда активно обсуждается вопрос об укрупнении субъектов Российской Федерации, проблема соотношения экономического, национально-территориального и геополитического факторов остаётся по-прежнему наиболее сложной. На наш взгляд, в современных условиях при реформировании территориального деления необходимо учитывать, что, во-первых, неравномерность развития регионов – это объективный закон, который едва ли можно преодолеть путём присоединения одного региона к другому; во-вторых, при укрупнении субъектов неизбежно возникает проблема межнациональных противоречий. Поэтому данная реформа не должна проводиться «на ощупь», необходима комплексная стратегия реформирования территориального деления, которая должна разрабатываться на основе учета мнения и интересов населения регионов.

Список литературы

1. Александров И. Г. Основы хозяйственного районирования СССР // Вопросы экономического районирования. М: Госполитиздат, 1957. 344 с.
2. Елаев А. А. Бурятия: путь к автономии и государственности. М.: Антал, 1994. 176 с.
3. К вопросу о районировании (по советской печати) // Жизнь Бурятии. 1924. № 4–5. С. 95–97.
4. Казарин В. Н. Теоретические и практические аспекты административных и территориальных преобразований в Восточной Сибири в 20 – 30-е годы XX века // Известия ИГЭА. 2005. № 3–4 (44–45). С. 95–103.
5. Козьмин Н. Н. Бурят-Монгольская Республика – Область: доклад председателя секции по районированию при Госплане БМАССР. Иркутск, 1924. 13 с.
6. Козьмин Н. Н. Бурят-Монгольская Республика как хозяйствующая область // Жизнь Бурятии. 1924. № 1. С. 2–7.
7. Коркин И. Н. Бюджет Лено-Байкальского края, его реальные предпосылки и примерное построение. Иркутск, 1925.
8. Миротворцев К. Н. К вопросу о районировании Сибири (Лено-Байкальская область). Иркутск, 1924.
9. Протокол заседания II Съезда Советов БМАССР // Бюллетень ЦИК и СНК БМАССР. Верхнеудинск, 1925. № 11. 17 марта.
10. Санжиев Г. Л. В. И. Ленин и национально-государственное строительство в Сибири (1917–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1971. 175 с.
11. Тезисы, выработанные Комиссией при ВЦИК по вопросу об экономическом районировании России // Вопросы экономического районирования. М: Госполитиздат, 1957. 344 с.
12. Хроника по Бурятии // Жизнь Бурятии. 1924. № 2–3. С. 82–85.

Рукопись поступила в редакцию 10 февраля 2011 г.

УДК 334.02
ББК Н9(2)21

А. А. Симатов
г. Чита, Росси

Электронный аукцион как эффективный способ противодействия коррупции в системе размещения государственного и муниципального заказа

В статье представлен анализ возможных вариантов противодействия коррупции в Российской Федерации. Основное внимание уделено внедрению в систему размещения государственных и муниципальных заказов процедуры аукционов в электронной форме как одного из наиболее эффективных способов противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, аукцион в электронной форме, размещение заказов, контракт, эффективность торгов, контрактная система, номенклатура, планирование, торги, электронная цифровая подпись.

А. А. Simatov
Chita, Russia

On-line Auction as an Effective Method of Counteraction to Corruption in the System of State and Municipal Orders' Placement

The article describes different variants of the counteraction to corruption in the Russian Federation. The main attention is paid to the inculcation of on-line auction's proceedings to the system of state and municipal orders' placement. The author states that this action is one of the most effective methods of the counteraction to corruption.

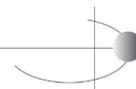
Keywords: corruption, on-line auction, state orders' placement, contract, effective tenders, contract system, nomenclature, planning, merchandising, tender, digital signature.

Развитие Российской Федерации на современном этапе в условиях модернизации тесным образом связано с необходимостью повышения эффективности государственного управления, содействием становления инновационной инфраструктуры и новых технологий в экономике. Руководство страны уделяет данным вопросам пристальное внимание, демонстрируя последовательную позицию в укреплении государственных интересов. Одним из негативных аспектов российской государственной системы является коррупционная составляющая, пронизывающая властные структуры на всех уровнях (от федерального до муниципального) и безусловно сдерживающая инновационное развитие страны. Отечественными и зарубежными политологами, государственными и общественными деятелями коррупция в России признана в настоящее время одной из наиболее серьезных проблем в нормальном развитии страны. В стремлении бороться с коррупцией единодушны все, однако по-настоящему действенных механизмов противодействия этому не выработано, поскольку зачастую зарубежные способы противостояния коррупции имеют в нашей стране весьма своеобразное приложение.

Предметом рассмотрения настоящей статьи являются некоторые аспекты государственной

политики в части противодействия коррупции на федеральном и региональном уровне. Основное внимание будет уделено внедрению электронных аукционов в систему размещения государственных и муниципальных заказов. По нашему мнению, последовательная деятельность государства в направлении совершенствования системы торгов в Российской Федерации позволит существенным образом оздоровить экономическую ситуацию и содействовать эффективному и целевому расходованию бюджетных средств. Необходимо отметить, что проблема коррупции в системе торгов в настоящее время достигла угрожающих размеров. По данным Счетной палаты Российской Федерации и контрольного управления Администрации Президента Российской Федерации, ежегодно присваивается до 20 % бюджетных средств (более 1 млрд р.), размещаемых в системе государственного и муниципального заказа [1]. Представленные цифры не бесспорны, однако специалисты в сфере торгов единодушны во мнении, что коррупционная составляющая в данном сегменте экономических правоотношений чрезвычайно высока.

Вместе с тем необходимо отметить, что в последние годы в системе государственного управления проведен ряд мероприятий, способствующих снижению коррупции. Проводимая админи-

стративная реформа в России с начала 2000-х гг. способствовала совершенствованию нормативно-правовой базы, упорядочению правоотношений на государственной гражданской службе, более чёткому разграничению полномочий между органами государственной власти. Так, например, в Читинской области (Забайкальском крае) в течение последних лет был проведён анализ и масштабная организационно-правовая работа по определению государственных функций органов власти федерального и регионального уровней. Необходимо отметить, что проводимая работа тесным образом взаимосвязана с реформой местного самоуправления в рамках Федерального закона от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Вопросы местного значения, определённые для каждого типа муниципальных образований, есть не что иное, как полномочия данных муниципалитетов, как муниципальные нужды. В свою очередь Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, оказании услуг, выполнении работ для государственных и муниципальных нужд» (далее 94-ФЗ) определяет, что размещение государственного и муниципального заказа осуществляется для удовлетворения государственных и муниципальных нужд, т. е. для исполнения полномочий данных органов [2]. Правовые акты тесным образом переплетены и взаимосвязаны, подчеркивая последовательность действий законодателя на федеральном и региональном уровне.

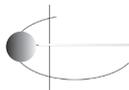
Определённым рубежным моментом в борьбе с коррупцией является обсуждение и принятие на федеральном уровне закона о противодействии коррупции, предопределившего дальнейшие шаги органов власти, прежде всего на региональном уровне, в данном направлении [3]. Существенным новшеством в рамках административной реформы и противодействия коррупции является внедрение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) при исполнении государственных и муниципальных услуг. В Забайкальском крае данный опыт получил своё распространение относительно недавно, начиная с 2010 г., и выводы пока делать преждевременно. Однако, основываясь на примерах других субъектов Российской Федерации (Республики Татарстан, некоторых регионов Поволжья и Урала), можно однозначно говорить о положительных результатах, прежде всего о существенном упрощении и сокращении по времени процедуры исполнения услуг, позитивных откликах граждан. Тем более, что порядок работы с обращениями граждан подробно прописан в одноимённом федеральном законе, принятом более 5 лет назад [4].

В Забайкальском крае портал государственных и муниципальных услуг начал свою работу с

2010 г., являясь подобием программного продукта, сформированного на федеральном уровне. Попробуем проанализировать с точки зрения пользователей, насколько эффективно и быстро работает данный электронный ресурс. Территориальные органы федеральных органов государственной власти подробным образом регламентируют деятельность должностных лиц в части предоставления организациям и гражданам необходимой информации. Например, зайдя по прямой ссылке на сайт Управления Федеральной налоговой службы по Забайкальскому краю, можно в течение нескольких секунд узнать задолженность по налогам для физических и юридических лиц (www.r75.palog.ru/). Несколько иная картина складывается при обращении к ресурсам органов власти Забайкальского края, где при рассмотрении отдельных вопросов можно либо вовсе не найти требуемую информацию (разделы пусты), либо обнаружить общие фразы с минимумом необходимой информации. И наконец, в некоторых случаях требуется скачать документ и прочитать его на компьютере, что, по нашему мнению, неприемлемо, так как на подобных сайтах все ссылки должны быть активны и информация доступной без лишних манипуляций [5]. Обращения автора были связаны с предоставлением информации о защите прав потребителей в части долевого строительства, весьма актуальном в настоящее время вопросе, и предоставлении услуг в области начального профессионального, среднего профессионального и дополнительного образования.

Таким образом, в настоящее время преждевременно говорить об открытости для граждан органов власти Забайкальского края в части предоставления государственных и муниципальных услуг и соответственно преодоления коррупции, т. е. деятельность портала государственных и муниципальных услуг Забайкальского края требует существенной корректировки и доработки.

Как известно, распространение коррупции во многом связано также с несовершенством законодательства, неопределённостью формулировок правовых актов, позволяющих должностному лицу принимать неоднозначные решения в зависимости от личной (или иной) заинтересованности. В связи с этим весьма актуальным является создание отделов по экспертизе противодействия коррупции или наделения подобными функциями отдельных специалистов на государственной и муниципальной службе. В настоящее время созданный в 2008 г. отдел лингвистической экспертизы и противодействия коррупции администрации правительства Забайкальского края успешно осуществляет возложенные на него полномочия, являясь одним из ключевых подразделений в пресечении коррупционных действий [6]. В последние два-три года произошла существенная

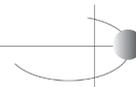
корректировка нормативной правовой базы в части противодействия коррупции на уровне субъекта Федерации, однако в ряде муниципальных образований ситуацию сложно охарактеризовать как конструктивную. В данном случае весьма действенным механизмом являются проверки и протесты органов прокуратуры, действия уполномоченного по правам человека и общественных правозащитных организаций, позволяющих со стороны выявлять факты коррупции в органах власти.

Указанные выше мероприятия мы оцениваем положительным образом, однако в современной государственной системе управления России основные коррупционные действия происходят на ином поприще. Поскольку коррупционные факторы тесным образом связаны с финансовыми (денежными, материальными), основная часть коррупционных действий объективно связана с теми структурами (должностными лицами), которые занимаются распределением (расходованием) данных ресурсов. Таким образом, органы, занимающиеся, например, вопросами социального обеспечения, однозначно менее коррупционны, чем структуры, связанные с размещением заказов. Учитывая, что до 2006 г. механизм размещения государственных и муниципальных заказов был почти полностью субъективным, т. е. конкурсные механизмы отсутствовали, следует согласиться с мнением Федеральной антимонопольной службы РФ и ведущих специалистов-экспертов по размещению заказов о том, что коррупционная составляющая в данной сфере составляла до 99 % от общего числа расходуемых средств [7]. В связи с этим возникла настоятельная потребность кардинальной перестройки законодательства путем внедрения конкурентных (конкурсных) механизмов в систему размещения государственных и муниципальных заказов.

Реализация в течение последних лет 94-ФЗ привела к существенному изменению порядка размещения государственных и муниципальных заказов, повысила прозрачность использования бюджетных средств, способствовала систематизации планирования размещения заказов. Вместе с тем несовершенство нормативно-правовой базы и явные диспропорции между положениями закона и реальной ситуацией в сфере торгов привели к серьёзной трансформации 94-ФЗ в течение двух последних лет. В настоящее время основным способом размещения заказа является проведение открытого аукциона в электронной форме (электронного аукциона), затрагивающего всех государственных и муниципальных заказчиков. Учитывая, что в ближайшее время будет упразднён запрос котировок, электронные торги в системе государственных и муниципальных заказов зай-

мут доминирующее положение. Необходимость повышения эффективности государственного управления в сфере торгов побудил законодателя неоднократно в течение последних лет вносить изменения в 94-ФЗ и иные нормативные правовые акты (за время работы закона в него внесено более 2000 изменений), усилить ответственность сторон за нарушения при размещении заказов.

Ведущим органом государственной власти федерального уровня, последовательно отстаивающим необходимость радикальной реформы системы государственного и муниципального заказа, является Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (ФАС). Именно ФАС является главным идеологом системы электронных торгов, одним из ключевых разработчиков важнейших нормативных правовых актов. Необходимо отметить, что противодействие внедрению электронных торгов весьма серьёзное, при этом противники нововведений не лишены известной логики и весомых аргументов в своей критике. Так, например, действительно, доминирование аукционов, в том числе и в электронной форме, приводит зачастую к демпингу в ценовой политике и явной потере качества при исполнении государственных и муниципальных контрактов победителями торгов, распространению коммерческих сговоров среди участников размещения заказа, фактам давления, шантажа и мошенничества. При этом ряд вопросов, связанных с торгами, получил правовое регулирование и соответствующее нормативное обоснование только в последнее время. В данном случае имеется в виду принятие 01 декабря 2010 г. номенклатуры товаров, работ и услуг (вступила в силу 01 февраля 2011 г.) – ключевого документа в системе размещения государственного и муниципального заказа [8]. Реалии современной России таковы, что один из важнейших документов в развитие положений федерального закона в сфере торгов принимается через пять лет после вступления в силу упомянутого выше 94-ФЗ, ведь фактически государственные и муниципальные заказчики при планировании работы по размещению заказов должны руководствоваться данной номенклатурой, а также адекватно определять необходимый способ размещения заказа. Также следует отметить, что только в апреле 2011 года принят порядок формирования начальной (максимальной) цены государственного (муниципального) контракта, предусмотренный 94-ФЗ, существенным образом влияющий на коррупционные аспекты в сфере торгов. Однако, анализируя ситуацию в системе государственного (муниципального) заказа, можно прийти к выводу, что сформировать и оформить надлежащим образом в подзаконных актах с правовой точки зрения подобный порядок

будет весьма непросто, так как размещение ряда заказов имеет специфический характер и при этом на формирование предполагаемой цены контракта влияют самые разнообразные факторы. Данная ситуация усугубляется ещё и тем, что экономическая ситуация в различных регионах нашей страны существенно отличается друг от друга и в этой связи выработать некий единый ценовой механизм весьма непросто. Оценить достоинства Федерального закона от 11 апреля 2011 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд» можно будет через год-полтора после его практической реализации на территории всей страны [9].

Однако доводы оппонентов 94-ФЗ в целом и электронных торгов в частности во многом базируются на субъективных аспектах неприятия данных нововведений, так как это затрагивает их собственные интересы в качестве заказчиков в части получения определённой доли средств при размещении заказов, либо поставщиков в части получения выгодных и безусловно прибыльных государственных и муниципальных контрактов. Чем непрозрачнее система торгов, тем больше возможностей у «заинтересованных» сторон получить известную «прибыль», тем выше коррупционная составляющая.

Исходя из вышеизложенного, несложно представить, что внедрение антикоррупционных механизмов в систему торгов, прозрачность размещения государственных и муниципальных заказов путем использования сети Интернет встречает достаточно серьёзное сопротивление должностных лиц, отвечающих за размещение заказов и привыкших работать не по закону, а исходя из собственных представлений и известной заинтересованности. В связи с этим в СМИ активно размещается информация с критикой электронных торгов, чиновники самого высокого уровня высказываются негативно о нормах 94-ФЗ.

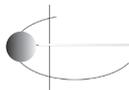
Электронные торги сводят к минимуму контакты между заказчиком и участниками размещения заказа, это технически невозможно до процедуры проведения аукциона, и в связи с этим стовор между сторонами максимально затруднён, хотя и не исключён вовсе. Разделение заявки на две части предполагает допуск участников к электронному аукциону без указания сведений об участниках размещения заказа. Внедрение современных информационных технологий (Интернет, электронная цифровая подпись – ЭЦП) исключает субъективизм при принятии решений. Немаловажным дисциплинирующим моментом является необходимость жёсткого следования регламенту подписания и размещения документов на портале

и соответствующей площадке. Если ранее, при несоблюдении регламента, представители заказчика имели возможность позже разместить протокол, подписать контракт (необходимо отметить, что несмотря на указанные нарушения, это редко приводило к привлечению заказчиков к административной ответственности), то в случае с электронными аукционами это невозможно технически. У сторон просто блокируется доступ к соответствующему электронному ресурсу, и в этом случае для цивилизованного выхода из сложившейся ситуации необходимо обратиться в контрольный орган для рассмотрения всех обстоятельств дела. Это в свою очередь ведёт, как правило, к проведению пусть выборочной, но проверки соответствия действий заказчика и участников размещения заказа действующему законодательству в сфере торгов. При этом объяснения участников процесса о том, что они чего-то не успели сделать в силу жёсткого регламента, выглядят невразумительными, поскольку в соответствии с регламентами всех электронных площадок сроки подписания и размещения документов более чем щадящие (до 5–6 дней).

Внедрение электронных торгов значительно упрощает документооборот, делает его более соответствующим современным требованиям в области информационных технологий, что также вносит элемент цивилизованности в правоотношения между заказчиками и их потенциальными контрагентами. Следует отметить, что в течение нескольких последних лет развитию современных информационных технологий в Российской Федерации уделяет личное внимание высшее руководство страны. Президент оставляет записи в своем блоге, общается on-line с различной аудиторией, обычным явлением становится интернет-конференция, проводимая председателем Правительства Российской Федерации и т. п. Всё это в совокупности способствует нормальному развитию современной информационной инфраструктуры современной России.

Вместе с тем полагаем, что преждевременно идеализировать ситуацию и говорить о том, что поставленные цели достигнуты. Рассмотрим некоторые проблемные моменты системы государственных и муниципальных закупок с целью выявления и анализа реальных болевых точек в сфере торгов.

Российская Федерация занимает первое место в мире по территории, что обуславливает чрезвычайно большое разнообразие в развитии субъектов федерации, специфике и особенностям социально-экономического развития различных территорий. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., обнародованные в марте-апреле 2011 года подтвердили неутешитель-

тельные прогнозы органов государственного статистического наблюдения о негативных процессах, неуклонно идущих в нашей стране. Несмотря на все усилия властей, продолжается отток населения (как правило, наиболее трудоспособного) из регионов Сибири и Дальнего Востока в европейскую часть страны (уменьшение за 10 последних лет численности населения в Дальневосточном федеральном округе более чем на 6 %, рост населения в Москве на 10 %) [10]. Ряд регионов Российской Федерации, в том числе и Забайкальский край, является высокодотационным и не обеспечивает необходимых потребностей в развитии собственными доходами, что неизбежно приводит к диспропорциям в развитии территорий. Указанные тенденции самым тесным образом связаны со сферой торгов, поскольку размещение заказов связано с удовлетворением государственных и муниципальных нужд, т. е. полномочий органов власти всех уровней. Насколько качественно и квалифицированно будут проводиться торги в регионах, настолько эффективной будет система управления территории. Что мы имеем в настоящее время в органах власти по выполнению данных функций?

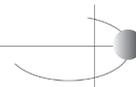
Квалифицированных специалистов по размещению заказов крайне мало, для многих государственных и муниципальных служащих данная работа является дополнительной и зачастую отдельно не оплачиваемой. Введение в действие Федерального закона от 08 мая 2010 г. № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» привело к существенному увеличению числа заказчиков среди бюджетных организаций, потребности которых удовлетворялись ранее посредством централизованных закупок либо на уровне субъекта федерации, либо в рамках крупного муниципалитета. Нормальная организация работы в сфере торгов не терпит суеты, спешки, однако современная ситуация складывается таким образом, что многие «новые» заказчики просто вынуждены идти на массовые нарушения законодательства для обеспечения возложенных на них полномочий, поскольку должного планирования закупок (это должно быть обязательно!) и соответствующей квалификации у них просто нет. Автор статьи является убежденным сторонником централизации закупок, что минимизирует риски, связанные с разработкой технического задания, приводит к упорядочению процедуры размещения заказа, экономии бюджетных средств и существенному снижению коррупции. В силу большого числа в настоящее время государственных и муниципальных заказчиков контрольные органы

просто не в состоянии проводить планомерную работу по соблюдению законодательства в сфере торгов. При этом не следует забывать, что к административной ответственности соответствующие должностные лица могут быть привлечены только в течение одного года после совершения административного правонарушения.

Отдельным проблемным вопросом по обеспечению эффективности размещения заказов является техническое оснащение рабочего места специалиста по торгам: наличие необходимого оборудования и программного обеспечения, а также быстрый доступ в Интернет. Следует отметить, что даже при наличии соответствующих средств на техническое оснащение в ряде муниципальных образований доступ в Интернет физически отсутствует, т. е. выполнение требований действующего законодательства по размещению заказов невозможно. При этом, даже при наличии доступа к электронным ресурсам, имеющаяся скорость коммутируемого или мобильного Интернета явно недостаточна для размещения информации на федеральном портале и электронных площадках. Сложившаяся практика в настоящее время такова, что при высокоскоростном Интернете в отдельные дни требуется до 2–3 ч., чтобы разместить информацию на федеральном портале. И это происходит через несколько месяцев после начала работы портала в штатном режиме. В отдельные периоды портал вовсе недоступен авторизованным пользователям для размещения информации. Указанные факторы отнюдь не способствуют популяризации 94-ФЗ, сторонником которого является автор настоящей статьи, и дают лишние доводы противникам закона.

В данной ситуации различные коммерческие структуры предлагают варианты информационной поддержки заказчиков: размещение необходимой информации, предложение программного обеспечения, создание автоматизированного рабочего места (АРМ) для взаимодействия с порталом и площадками, уполномоченными органами по размещению заказов в субъектах федерации и т. п. Данная поддержка зачастую требует от заказчика существенных финансовых затрат, а также приводит к зависимости от действий специалистов технической поддержки указанных структур. При этом программное обеспечение необходимо постоянно обновлять с учетом изменений действующего законодательства.

Проблемы в сфере торгов во многом неизбежны, как и в любом нововведении, поэтому следует воспринимать данные издержки как объективную реальность. Вполне естественно, что оппоненты существующего порядка размещения государственного и муниципального заказа используют изъяны закона для дискредитации всей

системы торгов. Вместе с тем последовательность и настойчивость со стороны ФАС в проведении данной идеологии развития 94-ФЗ заслуживает особого внимания и положительной оценки. Далее попытаемся рассмотреть возможные механизмы совершенствования 94-ФЗ в ближайшее время с точки зрения противодействия коррупции и развития системы конкурентных торгов.

2011 год является поворотным в размещении заказов и твердом стремлении идеологов ФАС завершить построение на территории всей страны единой системы торгов с едиными правилами. Как уже отмечалось выше, ФАС весьма последователен в отстаивании собственной точки зрения на размещение заказов, поэтому сделаем попытку проанализировать возможные варианты трансформации законодательства с точки зрения идеологии руководителей и специалистов центрального аппарата Федеральной антимонопольной службы.

Весьма показательной в данном плане является полемика между ФАС и Министерством экономического развития Российской Федерации (далее МЭРТ) в первой половине 2011 г. в отношении перспектив развития системы размещения государственного и муниципального заказа. Следует отметить, что своеобразным компромиссом между ФАС и МЭРТ являются согласованные действия по созданию с осени 2011 г. в Российской Федерации Федеральной контрактной системы, в рамках которой в равной степени найдется место, с одной стороны, основным принципам размещения заказа в русле 94-ФЗ и одновременно стремлению упорядочить всю схему размещения государственного муниципального заказа, начиная с этапа планирования и завершения исполнения контракта соответствующего уровня.

Безусловно заслуживают внимания следующие нововведения:

- отмена запроса котировок цен, как одного из «домашних» способов размещения заказа, и одного в настоящее время наиболее коррупциогенного элемента в сфере торгов;
- стремление федеральных органов государственной власти к введению обязательного планирования в системе торгов на текущий финансовый год с целью недопущения произвольного (фактически субъективного) использования бюджетных средств;
- утверждение единых требований к договорам поручительства и предоставления финансовых гарантий, с учётом недостоверности ряда финансовых организаций по предоставлению указанных сведений заказчикам при заключении контрактов, и в связи с этим введение реестра поручителей на федеральном уровне;
- введение требования обязательного обеспечения всех государственных и муниципальных

контрактов с целью повышении качества исполнения оных;

- введение государственной пошлины за подачу жалобы со стороны участников размещения заказов с целью взвешенного подхода к оценке действий заказчиков соответствующего уровня;

- одним из важнейших элементов в системе торгов является введение упрощенной (в срок до 10 календарных дней) процедуры обжалования заключения государственного и муниципального контракта с целью недопущения некачественного его исполнения;

- включение в реестр недобросовестных поставщиков сведений не только об юридическом лице, в отношении которого выдвинуты претензии в части исполнения государственного и муниципального контракта, но и информации о физическом лице, являющемся учредителем (одним из учредителей) данной организации с целью недопущения участия данной организации (физического лица) в процедуре торгов в дальнейшем;

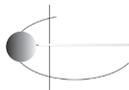
- ввести обязательность (а не право) предъявления штрафных санкций заказчиков по отношению к подрядчикам (поставщикам), что позволит существенно обострить проблему некачественного исполнения государственных и муниципальных контрактов;

- установить максимальные сроки по оплате качественно исполненных государственных и муниципальных контрактов с целью недопущения произвола заказчиков по отношению к своим контрагентам;

- предоставить участникам размещения заказов возможность подачи жалобы в электронной форме, что позволит, с одной стороны, ускорить рассмотрение вопроса по жалобе по существу; с другой стороны, предоставит участникам из других регионов (относительно заказчика и «домашнего» региона при проведении торгов) возможность обжалования неправомерных действий заказчиков;

- весьма значимым с материального и моральной точки зрения является предоставление заказчику права использования до 50 % средств от экономии при размещении государственного и муниципального заказа для поощрения специалистов, занимающихся размещением данных заказов и инновационным развитием организаций.

В конечном итоге внедрение данных мероприятий наряду с иными, предложенными соответствующим Департаментом МЭРТ, позволит в 2011–2012 гг. сформировать в Российской Федерации федеральную контрактную систему, призванную радикальным образом содействовать предотвращению коррупции в системе государственного и муниципального заказа.

Одновременно с этим следует отметить, что данные мероприятия предполагается провести в контексте Послания Президента Федеральному Собранию Российской Федерации.

Создание специального Департамента в МЭРТе по разработке основных положений Федеральной контрактной системы (ФКС) позволит начиная с сентября 2011 г. выстроить в Российской Федерации стройную систему расходования

средств органами власти, бюджетными и казенными учреждениями. Во всяком случае об этом заявляют разработчики и идеологи ФКС из Минэкономразвития. Действительно, теоретически все выглядит весьма прозрачно и понятно; ФКС состоит из нескольких тесно связанных друг с другом элементов – так называемый технологический цикл обеспечения государственных нужд (рис.1).

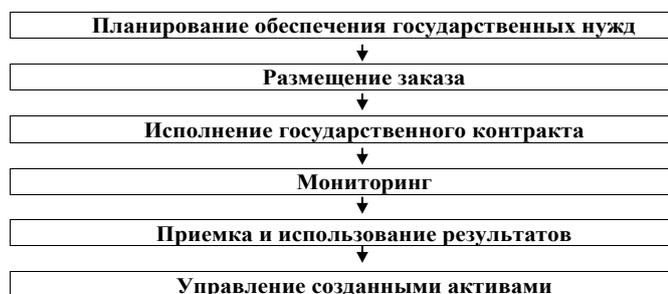

Рис. 1. Технологический цикл обеспечения государственных нужд

На всех предполагаемых стадиях данного цикла в настоящее время ощущается дефицит регулирования процедур, за исключением размещения заказа в соответствии с требованиями 94-ФЗ. По нашему мнению, особого внимания заслуживают две последние стадии указанного цикла, которые, по существу, не использовались в нашей стране в рамках существующих правоотношений в экономике.

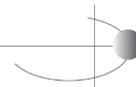
«Наследие» советского периода в современных условиях приводит к крайне неэффективному использованию приобретённого оборудования, нецелевому расходованию бюджетных средств и, как следствие, различным формам и видам коррупционных действий. Нередкими являются случаи приобретения оборудования, закупочная стоимость которого в разы превышала существующие на рынке цены. Серьёзной проблемой являются ситуации, когда приобретается оборудование, использование которого физически невозможно из-за отсутствия квалифицированных специалистов по его обслуживанию, неразвитости соответствующей инфраструктуры в отдалённых регионах. Зачастую техника закупается «про запас», т. е. предполагается её отсроченное использование, при этом вопрос об эффективности использования средств отодвигается на второй план. В данном случае закупленное оборудование стареет физически и морально и неопределённость использования его в будущем ставит под сомнение сам факт закупки. Многие бюджетные организации испытывают серьёзные трудности в размещении заказов в конце календарного года, поскольку в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации оставление на счетах организаций в Федеральном казначействе бюджетных средств является серьёзным нарушением финансовой дисциплины.

Управление созданными активами напрямую влияет на процесс планирования закупок, поскольку потребность организации в товарах, работах, услугах определяется эффективностью использования имеющихся ресурсов организации. В настоящее время в подавляющем большинстве бюджетных учреждений страны продуманной процедуры планирования закупок либо не существует вовсе, либо планирование представляет собой ряд формальных действий по формированию соответствующего документа, положения которого на практике выполняются весьма условно. В этой связи обязательность в размещении плана закупок организации на официальном сайте в начале календарного года и жёсткий контроль за его исполнением является залогом эффективности размещения государственного заказа. Вообще, следует отметить, что идеи предполагаемой ФКС в том, как это сегодня преподносится реформаторами, в итоге должны совершить переворот в экономических правоотношениях Российской Федерации.

Таким образом, на основании вышеизложенного анализа можно сделать следующие выводы:

– в течение последних лет противодействию коррупции уделяется значительное внимание в деятельности органов власти всех уровней;

– в рамках административной реформы проведена масштабная работа по разграничению полномочий властных структур, повышена прозрачность сайтов, регламентированы условия и порядок предоставления государственных и муниципальных услуг. Вместе с тем необходимо отметить, что данная работа ещё далека до завершения и эффективность указанных действий в настоящий момент вызывает определённые сомнения;

– внедрение в систему размещения государственных и муниципальных заказов аукционов в электронной форме позволило существенно повысить прозрачность торгов, снизить коррупционную составляющую;

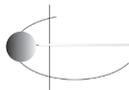
– перспективы развития федеральной контрактной системы, определенные в результате

согласованных действий федеральных органов, позволяют рассчитывать на кардинальную перестройку всей системы планирования, размещения заказов, исполнения заключенных контрактов и эффективного использования материальных ресурсов, и, как результат, снижение коррупции.

Список источников

1. URL: <http://www.state.kremlin.ru/face/9347>
2. Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд» // Российская газета от 28 июля 2005 г. № 163.
3. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета от 30 декабря 2008 г. № 266.
4. Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (Российская газета от 05 мая 2006 г. № 95).
5. URL: <http://www.pgu.e-zab.ru/>
6. Приказ губернатора Забайкальского края от 18 октября 2008 г. № 187.
7. URL: http://www.tendery.ru/page/analytics_archive/id/207
8. Приказ Минэкономразвития России от 01 декабря 2010 г. № 601 «Об утверждении Номенклатуры товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд». Зарегистрирован в Минюсте РФ 29 декабря 2010 г. № 19430 // Российская газета от 21 января 2011 г. № 11.
9. Федеральный закон от 21 апреля 2011 г. № 79-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнении работ, оказании услуг для государственных и муниципальных нужд» // Российская газета от 27 апреля 2011 г. № 90.
10. URL: <http://www.rosstat.ru/>

Рукопись поступила редакцию 01 июня 2011 г.

УДК 324
ББК Ф3(2Г) + Ю93

Е. П. Соколова
Челябинск, Россия

Технология формирования негативного образа политика в российских массмедиа (на примере президента Грузии Михаила Саакашвили)

В статье анализируется проблема использования российскими СМИ некоторых политических технологий в процессе создания образа президента Грузии Михаила Саакашвили. На основе анализа материалов ведущих интернет-изданий «Lenta.ru», «Rian.ru», «Kommersant.ru» автор выявляет и анализирует такие приемы психологического воздействия на аудиторию как «осмеяние», «наклеивание ярлыков», «ссылка на авторитеты», «стереотипизация».

Ключевые слова: политическая коммуникация, политические технологии, приемы психологического воздействия, образ политика, массмедиа.

Ye. P. Sokolova
Chelyabinsk, Russia

The Technology of Making a Negative Image of a Politician in Russian Mass Media (case study: Michael Saakashvili, President of Georgia)

The article deals with the Russian mass media trend to apply to the political technologies while making an image of Michael Saakashvili, President of Georgia. Having analyzed the materials of leading Internet editions such as «Lenta.ru», «Rian.ru», «Kommersant.ru», the author managed to identify and analyze such tools of psychological impact on the audience as “mockery”, “labeling”, “reference for opinion leaders”, “stereotyping”.

Keywords: political communication, political technologies, tools of psychological impact, the image of a politician, mass media.

В общественном сознании государство, прежде всего, ассоциируется с его политическим лидером. Являясь субъективной формой отражения материального мира, образ по содержанию соответствует своему объекту, но не адекватно, а лишь как приближенная его копия [3, с. 23]. Образ реального человека, отображаемый в текстах СМИ, не может быть тождественен реальным качествам и характеристикам индивида. Невозможно адекватно воссоздать их в сознании аудитории в силу специфических особенностей несовершенства коммуникации: образ как продукт отражения личности в сознании журналиста отражается в сознании аудитории, искажаясь в процессе [10, с. 5].

Политический образ представляет собой, как и любой образ, с одной стороны, отражение реальных характеристик объекта восприятия, то есть личности политического лидера в нашем случае, а с другой – проекцию ожиданий граждан, воспринимающих образ [6, с. 317].

В настоящее время мощным средством формирования политических образов являются массмедиа. Способность формировать групповое сознание, формировать и поддерживать ценностные ориентации общества сделали массовую коммуникацию привлекательным для власти инструментом создания ценностной системы, единой для управляющих и управляемых [4, с. 109].

Это привело к тому, что политика стала активно проникать в сферу массовой коммуникации и использовать массмедиа как инструмент психологического воздействия на массы.

Словарь психологических терминов трактует понятие «воздействие» как процесс и результат изменения индивидом поведения другого человека (объекта влияния), его установок, намерений, представлений и оценок в ходе взаимодействия с ним [8].

В то время как «психологическое воздействие» – это определённая активность одних людей, осуществляемая в различных формах и различными средствами (в том числе психологическими), направленная на других людей и их группы с целью изменения их психики и сознания, то есть их взглядов, мнений, убеждений, представлений, мотивов, установок и стереотипов поведения, чувств, настроений и состояний [5, с. 127]. Психологическое воздействие связано с особенностями восприятия человека. Так как воображение – это способность творческая, оно гораздо меньше, чем мышление, подвержено дисциплине (логике, традиции). Преобразуя в нашем сознании полученные когда-то и где-то от действительности впечатления, воображение создаёт образы и мыслительные, и чувственные. Следовательно, через воображение можно воздействовать

и на мышление, и на чувства [2, с. 145]. Для того чтобы осуществить эффективное психологическое воздействие, необходимо оказать влияние на мышление и чувства человека посредством создания сообщения, содержащего яркие и запоминающиеся образы, а также многократного его повторение.

Одной из первых попыток систематизации приёмов психологического воздействия на массовое сознание с помощью массмедиа явилось описание в ряде зарубежных и отечественных источников приёма «большой лжи», а также выделение следующих семи основных приёмов психологического воздействия:

- 1) «приклеивание» или «навешивание ярлыков»;
- 2) «сияющие обобщения» или «блистательная неопределенность»;
- 3) «перенос» или «трансфер»;
- 4) «ссылка на авторитеты», «по рекомендации», «свидетельства» или «свидетельствование»;
- 5) «свои ребята», или «игра в простонародность»;
- 6) «перетасовка» или «подтасовка карт»;
- 7) «общий вагон», «общая платформа» или «фургон с оркестром» [1].

Нельзя, на наш взгляд, утверждать, что указанные выше способы и приёмы позволяют убе-

дить большинство людей в чем угодно и мгновенно сформировать отношение к объекту. Но нет сомнения, что с их помощью можно достичь значительных результатов, особенно если это делается по тщательно спланированной и долговременной программе с привлечением высококвалифицированных и компетентных специалистов.

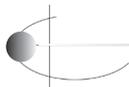
В данной статье мы приводим результаты контент-анализа публикаций в российских массмедиа, посвященных М. Саакашвили. В задачи исследования входили: 1) определение частоты употребления российскими массмедиа приёмов технологии психологического воздействия при формировании образа Михаила Саакашвили; 2) выявление специфики использования российскими массмедиа приёмов технологии психологического воздействия при формировании образа Михаила Саакашвили.

Базой нашего исследования являются следующие интернет-издания: www.lenta.ru, www.gian.ru, kommersant.ru. Данные издания занимают лидирующие позиции в рейтинге поисковой системы «Яндекс» за 2010 г. среди активных пользователей сети Интернет [7]. Составители рейтинга отмечают влияние этих ресурсов и лояльность их аудитории. Выборка: сплошная за период март 2010 – по март 2011 г.

Таблица 1

Контент-анализ

<i>Категории контент-анализа</i>	<i>Единицы контент-анализа</i>	<i>Единицы счета</i>
Псевдообъективность	Непредвзятость к источнику информации	Информированные источники, собственные источники в правительстве
Стереотипизация	Устойчивые образы	Жует галстук, борьба с «режимом Саакашвили»
Заграживание запретных тем	Интерес к сообщению, программирование аудитории	Саакашвили курил в школе.
«Голос пророка» (прогнозирование)	Настрой к чему-либо; предупреждение	Это приведет к...; предположим
«Наклеивание ярлыков»	Оскорбительные эпитеты, метафоры, определения	Плохой политик, психически болен, неадекватен, экстравагантен
«Сияющие обобщения»	Положительные эмоции	Свобода, демократия, патриотизм, содружество, мир, счастье, любовь, успех, победа, здоровье
«Перенос»	Формирование положительного или отрицательного отношения	Знаком со скандально известным..., его сравнивают с...
Ссылка на «авторитеты»	Доверие, не критичность восприятия	По мнению..., прокомментировал ситуацию ...
«Свои ребята»	Ассоциации с простым народом, доверие	Родился в простой семье; человека из народа
«Общий вагон»	Уверенность в правильности информации, не критичное восприятие оценок	Все нормальные люди понимают, что...; ни один здравомыслящий человек не станет возражать, что..., Всем известно, что...

Осмеяние	Насмешка. Негативные оценочные суждения	Клоун, разыгрывает представление, хочет привлечь к себе внимание всеми способами
Мнимый выбор	Очевидность в выборе правильной позиции	Правильность точки зрения неоспорима. С одной стороны, а с другой – ...

В данной статье мы рассмотрим такой приём психологического воздействия, как «осмеяние». Данный приём является очень мощным средством воздействия на аудиторию, так как во время его употребления применяются яркие, запоминающиеся образы, ситуации, вызывающие улыбку, а иногда и насмешку у читателя. Происходит высмеивании персоны, её поступков, промахов и т. д. Анализируя российские массмедиа, мы нашли 27 примеров употребления данного приёма. Приведём некоторые примеры.

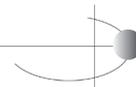
Один из заголовков гласит: «Телеведущий разделся в эфире по примеру Саакашвили». В публикации, авторство которой не указано, говорится: «Программа “Ежедневные таблетки” вышла в эфир через несколько часов после того, как по грузинскому телевидению показали репортаж с участием президента Михаила Саакашвили, который продемонстрировал, что в октябре на курортах страны можно купаться. Президент, на котором были только плавки, побеседовал с журналистами и совершил заплыв у берегов Батуми» [11]. Следует отметить, что вышеуказанная передача на грузинском телевидении является юмористической. Ведущий целенаправленно попытался спародировать президента Грузии, даже сам факт того, что президент страны Михаил Саакашвили появился в данной программе, вызывает насмешку у аудитории.

В публикации «Саакашвили обвинили в приобретении катапульты» под вопрос поставлена адекватность и рациональность президента Грузии: «...оппозиционеры обвинили президента страны Михаила Саакашвили в растрате средств госбюджета на несколько экзотических цели... глава государства установил в своем самолете одноместную систему катапультирования стоимостью в 12 миллионов лари (около семи миллионов долларов)» [12]. Действительно, рациональность приобретения столь дорогостоящего оборудования для «личного пользования» во время экономического кризиса в стране не объяснима. Но грузинский лидер известен своими неординарными поступками, поэтому данное сообщение вызывает у читателя только улыбку.

Другой пример: «Президент Грузии изобличил ядерных террористов. На саммите коллегам приходилось даже немного сдерживать Михаила Саакашвили, чтобы он не разоблачил ещё чего-нибудь ядерного... Михаил Саакашвили попытался привлечь к себе интерес ядерного форума

громкими заявлениями о том, что Тбилиси якобы удалось пресечь попытки контрабанды высокообогащенного урана, в основном российского производства» [13]. При этом речь шла о попытке продать на рынке Тбилиси несколько граммов урана. Политический обозреватель «РИА Новости» Андрей Федяшин приводит научные и данные статистики, при этом ставя под сомнение правдивость слов грузинского лидера, а также дает понять, что они не воспринимаются всерьез в мировом сообществе, тем самым под вопросом становится авторитетность М. Саакашвили.

Прием осмеяния также активно применяется в статье «Саакашвили тоже хочет перезагрузки». В данном материале политический обозреватель «РИА Новости» Николай Троицкий рассуждает о заявлении грузинского лидера о том, что он больше не намерен отвоевывать Абхазию и Южную Осетию. Итак, автор полагает: «... у Тбилиси нет реальных возможностей для применения силы на близлежащих территориях. Есть только богатый потенциал для воинственной риторики, свойственной темпераментным политикам, не обремененным чрезмерной ответственностью за свои слова. В бытовой повседневной речи подобная риторика определяется как “понты”, иногда ещё прибавляется эпитет “корявые”» [14]. Приём осмеяния здесь представлен наиболее ярко; кроме того, эмоциональные фразы автора хорошо запоминаются и надолго остаются в памяти. Приведем пример ещё одной показательной цитаты: «Поэтому Саакашвили нашёл в себе силы заявить, что Грузия не будет делать того, чего она и так делать не может, да и чего ей не позволили бы делать западноевропейские и американские партнеры» [14]. В этой части статьи автор косвенно указывает на несостоятельность М. Саакашвили, на его слабую политическую позицию на мировой арене. В таком же свете выставлен М. Саакашвили в публикации политического обозревателя «РИА Новости» Дмитрия Бабича «Маленький гигант большого пиара» [15]. Автор анализирует действия и поступки президента Грузии, при этом отмечает: «...неутомимый грузинский президент Михаил Саакашвили каждый день создаёт какой-нибудь пугающий информационный повод». Таким образом, очередной раз подчеркивается, что Михаил Саакашвили всеми способами пытается привлечь к себе внимание. Журналист неоднократно называет президента Грузии «маленьким пиарщиком высокого роста», тем самым формируя у читателя

отношение недоверия к грузинскому политику через насмешку.

При анализе публикации «“Имеди”. Учебная тревога?..» [16], автором которой является политический обозреватель «РИА Новости» Юрий Богомолов, мы также нашли прием осмеяния, который использован в заключении: «Не достало в финале Михаила Саакашвили на танке, украшенном гирляндами воздушных шариков. И чтобы сам президент после учинённой им паники поздравил бы грузинский народ с удачным розыгрышем. А он чудак оправдывается, извиняется...» [16]. Хотя данный отрывок является личной фантазией автора, тем не менее, Михаил Саакашвили представляется как нелепый, ничтожный и не представляющий опасности человек. Показательно, что приём осмеяния использован как заключение публикации; моделирование ситуации и эмоциональная составляющая сделали её яркой, запоминающейся и интересной для читателя.

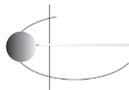
Таким образом, мы проанализировали приём осмеяния, который достаточно часто применяется российскими массмедиа. В публикациях, содержащих данный приём, уже не говорится о Михаиле Саакашвили, как о человеке, принимающем серьёзные политические решения. Ситуация полностью противоположна: массмедиа обсуждают его необычные для лидера государства личные особенности, зачастую высмеивая их.

Подводя итог, отметим, что в процессе создании образа Михаила Саакашвили, российские массмедиа активно используют приёмы психологического воздействия. В результате в общественном сознании формируется двойкий образ данного политического деятеля: с одной стороны, Михаил Саакашвили представлен как харизматичный, амбициозный и образованный политик, с другой – как неадекватный и психически неуравновешенный лидер государства.

Список литературы

1. Грачев Г. В. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия / Г. В. Грачев, И. К. Мельник. М., 2001. 153 с. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/72.htm>
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием/ М., 2000. 450 с.
3. Ковальчук А. С. Основы имиджелогии. М., 2002. 180 с.
4. Корженева О. Совмещение сфер политики и массовой коммуникации – новая реальность 21 века или признание давно свершившегося? // Журналистика в мире политики: ответственность перед будущим: материалы секционного заседания конференции «Дни петербургской философии – 2008» / ред.-сост. В. А. Сидоров. СПб., 2009. 242 с.
5. Крысько, В. Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, опыт). Минск, 1999. 533 с.
6. Мурашов А. А. Личность и речь: эпоха кризисов: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2005. – 504 с.
7. Рейтинг самых цитируемых СМИ. URL: <http://blogs.yandex.ru/rating/smi/>
8. Словарь практического психолога: URL: <http://www.psdictionary.ru/6.php>
9. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000. 506 с.
10. Шеннон К. Э. Работы по теории информации и кибернетики. М., 1963. 829 с.
11. URL: <http://lenta.ru/news/2010/10/21/maestro/>
12. URL: <http://lenta.ru/news/2010/05/19/catapult/>
13. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20100414/222208199.html>
14. URL: <http://www.rian.ru/analytics/20101124/300320402.html>
15. URL: <http://www.rian.ru/authors/20100818/266430421.html>
16. URL: <http://www.rian.ru/authors/20100319/215362683.html>

Рукопись поступила в редакцию 01 июня 2011 г.

黑龙江大学博士科研启动基金项目。常艳，黑龙江大学俄罗斯研究院助理研究员。

УДК 32 (470): 32 (510)
ББК 66.4 (2 Рос), 9 (5 Кит)

Чан Янь
г. Харбин, КНР

Россия и Китай в Северо-Восточной Азии: укрепление безопасности через сотрудничество

Статья посвящена актуальной проблеме – региональной безопасности в Северо-Восточной Азии. Сегодня усиливаются политические, экономические и иные позиции США. Вместе с тем здесь сохраняются многие нерешенные традиционные проблемы, появляются и обостряются новые угрозы. Важную роль в укреплении безопасности в США играет развитие сотрудничества КНР и РФ в различных областях.

Ключевые слова: региональная безопасность, сотрудничество, Северо-Восточная Азия, Китайская Народная Республика, Российская Федерация

Chan Yan
Harbin, the People's Republic of China

Russia and China in North-Eastern Asia: to Safety Strengthening through Cooperation

The article is devoted to an urgent problem – a regional safety in the North-Eastern Asia (NEA). Political, economic and other positions of the NEA are amplified today. Nevertheless, unresolved traditional problems remain here; new threats are appearing and aggravating. The development of cooperation of the People's Republic of China and the Russian Federation plays an important role in safety strengthening in the North-Eastern Asia.

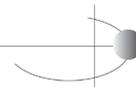
Keywords: regional safety, cooperation, North-Eastern Asia, People's Republic of China, the Russian Federation.

К Северо-Восточной Азии относится Россия, Китай, Япония, КНДР, Республика Корея и некоторые другие государства. В этой части мира пересекаются интересы крупнейших мировых держав, в том числе Соединенных Штатов Америки. На рубеже XX–XXI столетий Азиатско-Тихоокеанский регион и его составная северо-восточная часть стали «мотором» глобального развития. По меткому выражению российского дипломата А. А. Иванова, АТР «не зачихал» даже в пиковый момент нынешнего мирового финансово-экономического кризиса, пожалуй, наоборот, по многим показателям вышел на доминирующие позиции в мире, укрепил политические, экономические и иные позиции [7, с. 71].

Вместе с тем в Северо-Восточной Азии сохраняются нерешенные традиционные проблемы, появляются и обостряются новые, происходит их взаимное переплетение, что служит серьезным вызовом миру и стабильности в регионе, диктует необходимость постоянной заботы государств об укреплении безопасности [14, с. 6]. Это касается и России, и Китая.

Обширные восточные территории России, например Дальневосточный федеральный округ

площадью свыше 6 млн км², имеют исключительно важное геополитическое и геостратегическое значение [15, с. 12]. Достаточно упомянуть их прямые выходы к двум океанам – Тихому и Северному Ледовитому – и государственную границу востока России с рядом государств. Однако в последнее десятилетие эти территории стали представлять самое слабое звено национальной безопасности России, что подтверждает, например, демографическая ситуация. Численность постоянного дальневосточного населения (по переписи 2010 г.) составила около 6,3 млн чел., или менее 5 % населения страны [15, с. 13]. Здесь самый низкий уровень социального развития, жизнь дороже в 1,5–2 раза, чем в европейской части страны, её продолжительность на пять-семь лет меньше среднероссийской; доля ВВП на душу населения в России равна в среднем 7 тыс. долл., а на востоке России она значительно ниже. В Японии этот показатель достиг 33 тыс. долл., в Южной Корее – 28 тыс. долл. и т. д. [9; 16; 17; 18]. Особую тревогу вызывает быстрое старение населения и его сокращение – минимум на четверть за 1991–2010 гг. Как подчеркнул Президент Российской Федерации Д. А. Медведев, «это самая

тревожная, самая опасная тенденция, которой мы должны заниматься в постоянном режиме» [14].

Для сравнения: в приграничных районах КНР и других соседних странах происходит рост населения. В КНР проживает свыше 1,3 млрд чел. (рост 0,7 % в год), в Японии – 128 млн чел. (рост 0,1 %), в РК – 47,9 млн (рост 0,6 %), в КНДР – 22,8 млн (рост 0,5 %) [3, с. 69]. Соотношение плотности населения южных районов Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР составляет 1:26,5 [3, с. 70]. Таким образом, и для Китая, и для России остро стоит демографическая проблема, но, если для КНР это проблема перенаселения, то для России – резкое сокращение населения и нехватка трудовых ресурсов, особенно в восточных районах страны.

В целом, восток России стал регионом социального неблагополучия, а значит, является слабым звеном с точки зрения безопасности России. Огромное значение этих территорий делает необходимым сохранение и развитие демографического потенциала особенно важной проблемой в контексте безопасности и целостности страны.

Угрозу безопасности России представляет социально-экономическая ситуация на её восточных территориях, которая скорее содействует дезинтеграции страны, чем её безопасному существованию. Хорошо известно, что Сибирь и Дальний Восток – это природная кладовая России. Разведанные запасы нефти в Сибири составляют 77 % российских запасов, природного газа – 85 %, угля – 80 %, меди – 70 %, никеля – 68 %, свинца – 85 %, цинка – 77 %, молибдена – 82 %, золота – 41 %, металлов платиновой группы – 99 %; гидроэнергетические ресурсы Сибири дают 45 % гидроэнергетического потенциала страны, биологические ресурсы – около 9 % мировых запасов древесины и более 41 % российских запасов [17, с. 374]. И при этом сегодня восток России, переживший активный процесс деиндустриализации, чрезвычайно беден, экономически изолирован от остальной части государства и от наиболее развитых российских рынков, при огромной площади имеет слаборазвитую внутреннюю транспортную инфраструктуру. Тенденция такова, что восток и запад России всё меньше и меньше связаны между собой. Так, по подсчетам экспертов, только 4 % дальневосточной торговли направлено в европейскую часть, а остальное реализуется внутри региона и за рубежом [9, с. 16]. Иными словами, рынки товаров и услуг в Азиатско-Тихоокеанском регионе более привлекательны для дальневосточников России. В государственных документах РФ отмечены и другие сдерживающие внутренние факторы развития, а именно очаговый характер расселения с низкой плотностью населения, экстремальные природно-климатические условия,

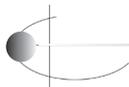
трудность ведения сельского хозяйства, высокая затратность, дотационность и т.д. [12; 14; 16].

Серьёзные проблемы, влияющие на безопасность, есть и в Китайской Народной Республике, начиная с проблемы нехватки воды. Из 600 городов Китая более 400 испытывают её дефицит; 360 млн сельских жителей потребляют воду, не отвечающую санитарным стандартам. Китай сталкивается с проблемой истощения пахотных земель, с большими трудностями при осуществлении реформы в деревне. Поясним: культивируемая площадь страны – 13,4 %; крестьяне, составляющие 60 % населения, имеют мизерные наделы – от 0,15 до 0,3 га. Такие наделы являются главным источником существования миллионов людей [5, с. 32].

Пристального внимания китайского руководства требует экономический комплекс Северо-Восточного Китая (СВК или, в китайской транскрипции, Дунбэй) площадью в 1,45 млн км² и с населением 120 млн чел. [2]. Регион, по китайским меркам, богат природными ресурсами и характеризуется производством некоторых важных видов продукции: лесоматериалов – 1/2 объема производства страны; автомобилей – 1/4; судов – 1/3 и т. д. Именно этот регион был первой индустриальной базой КНР, большинство предприятий которой построено или модернизировано в 1950-е гг. Через тридцать лет СВК утратил экономическое лидерство в стране, стал развиваться медленнее приморских районов КНР; убыточные предприятия закрывались, обострилась проблема трудоустройства увольняемых рабочих и служащих. В результате в первое десятилетие нового века в северо-восточных провинциях Китая – Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин – численность безработных достигла 7 – 8 млн чел. [3, с. 74]. Таким образом, налицо проблема избыточного населения, безработицы.

Все острее проявляется кризис ресурсного обеспечения экономики Китая. В последние годы КНР выходит на лидирующие позиции в мире по основным показателям и становится крупнейшим потребителем многих видов сырья. На ее долю приходится 22 % мирового импорта меди, 23 % алюминия, 25 % свинца, 27 % стали и железа, 30 % цинка [6, с. 110]. Китай закупает значительное количество олова, никеля, угля, хлопка, резины и т. д.

Страна всё больше и больше ощущает недостаток энергоресурсов. Согласно прогнозам, потребление природного газа будет увеличиваться в среднем примерно на 9 % в год в основном за счёт внутренних источников и, в меньшей степени за счёт импорта. К 2020 г. оно достигнет 160 млрд м³, в том числе на импорт придется 50–60 млрд м³. Предполагается, что разведанные

запасы природного газа достигнут к 2020 г. 7,5 трлн м³, а добыча газа возрастет в 4–5 раз [10]. По расчётам Центра изучения развития при Госсовете КНР, общая численность автомобильного парка увеличится с 24 млн единиц в 2003 г. до 130 млн в 2020 г.; спрос на моторное топливо в 2020 г. достигнет 256 млн т, или примерно половины всего потребления нефти в Китае [1]. Добыча нефти ввиду ограниченности ресурсов существенно возрасти не сможет, что усилит зависимость Китая от импорта нефти до 55 % (по максимальному прогнозу – до 76,9 %) [10].

Ослабить остроту проблемы энергоресурсов в КНР и, следовательно, повысить безопасность страны может комплекс мер, который включает, во-первых, ускорение разработки и освоения отечественных месторождений нефти и газа; во-вторых, увеличение добычи нефти и использование замещающих видов топлива и технологий; в-третьих, максимальное вхождение в структуры международной кооперации; в-четвертых, постепенное создание и оптимизацию страховых запасов нефти для обеспечения нефтяной, государственной и экономической безопасности.

Наиболее перспективным партнёром в диверсификации поставок нефти в Китай китайские эксперты считают Россию. Приоритетность такого подхода связывается с двумя обстоятельствами. Прежде всего с взаимной дополняемостью интересов – России нужно укреплять Дальний Восток и Сибирь, осваивать нефтегазовые ресурсы, а Китаю необходимо разнообразить источники энергии. Нельзя не видеть, что самым важным и перспективным международным партнёром в сфере экономики для России является Китай [4, с. 146], тем более, что экономическая «завязка» на Европу, когда 60 % внешней торговли России зависело от спроса на энергоносители со стороны государств Евросоюза, стала ловушкой для России [18, с. 68]. И, конечно же, играет роль территориальная близость двух государств, которая позволяет поставлять высококачественные ресурсы по оптимальным ценам.

В этой связи правомерно подчеркнуть, что Китай уже накопил положительный опыт приобретения энергоресурсов за рубежом. Достаточно вспомнить, что китайские компании, в первую очередь государственная нефтедобывающая компания China National Offshore Oil Corporation, вложили в нефтяную и газовую промышленность африканских стран более 30 млрд долл. В Судане, например, они построили нефтепровод длиной 1500 км, инвестировали в экономику 15 млрд долл., взамен получили надёжный источник относительно дешёвых энергоресурсов [6, с. 111].

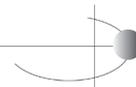
Сегодня чрезвычайно ответственной задачей России считается её вхождение в новое эко-

номическое пространство Азии, без чего проблематично успешное развитие не только Дальнего Востока и Сибири, но и всей страны. Президент РФ Д. А. Медведев рассматривает интеграцию Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего с Китаем, как очень серьёзный ресурс подъёма экономики и восточных районов и всей страны [14]. Опережающее развитие Китая и других стран АТР в сравнении с общемировыми показателями заставляет по-новому взглянуть на место восточных районов России в политическом, экономическом и социальном развитии России, на их роль в становлении России как неотъемлемой весомой составной части АТР и СВА, серьёзно влияющей на вопросы безопасности.

Здесь у Российской Федерации имеются неиспользованные резервы. По прогнозам, к 2020 г. более половины мирового спроса на энергоресурсы будет приходиться на Северо-Восточную Азию [7, с. 67]. Россия пока не является значительным фактором в региональных энергетических и сырьевых балансах Азиатско-Тихоокеанского региона и её северо-восточной части. Доля российского экспорта в потребностях региона по нефти равна 1,7 %, по газу – 0,002 %, по каменному углю – 0,8 % [18, с. 69]. Есть резервы и в области торговли. Объём торговли России в АТР в 2009 г. составил 3 млрд, а Китая – 500 млрд [18, с. 82], то есть Россия – «карлик» в экономическом отношении и у неё есть широкие возможности использовать ситуацию в интересах безопасности.

Таким образом, на рубеже XX–XXI столетий проблема безопасности приобрела как для Российской Федерации, так и для Китайской Народной Республики новые оттенки остроты и актуальности.

Уже на протяжении многих лет цели в области безопасности у обоих государств во многом близки или даже идентичны. Россия создаёт стабильный «пояс добрососедства» вокруг себя, а КНР формирует «периферийные условия мира и спокойствия». Это находит яркое подтверждение в ряде государственных документов. Подписанный 16 июля 2001 г. «Договор между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве» закрепил мирную концепцию «навсегда друзья, никогда враги» в официальной форме. Этот договор вот уже в течение десяти лет является базовым программным документом, определяющим перспективы долгосрочного развития китайско-российского стратегического сотрудничества, укрепления безопасности и территориальной целостности государств. На основе разработанных в Договоре основополагающих принципов руководители двух стран Ху Цзиньтао и В. В. Путин

14 октября 2004 г. утвердили «План действий по реализации положений Договора между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2005–2008 годы» [11].

Через пять лет, в сентябре 2009 г. Председатель КНР Ху Цзиньтао и Президент РФ Д. А. Медведев одобрили «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)» [12]. Данный документ напрямую связан с государственными программами двух стран. В Китае это «План возрождения Северо-Востока КНР». Ещё в ноябре 2002 г., учитывая критическое положение Дунбэя, руководство КНР сформулировало программу развития старопромышленных баз СВК. Её окончательное оформление произошло в августе 2007 г. В ней перед каждой из трёх провинций были поставлены конкретные задачи. Так, провинция Ляонин призвана развивать производство телекоммуникационного оборудования, тепловозов и летательных воздушных аппаратов, автомобилестроение, судостроение, станкостроение, производство крупногабаритного оборудования для нефтехимического комплекса, а также электронно-информационные технологии, биоинженерию, фармацевтическую промышленность и промышленность новых материалов.

В России была подготовлена «Федеральная целевая программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996 – 2005 гг. и до 2010 г.» (2002 г.); ФЦП «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года» (2008 г.), «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» и план мероприятий по реализации Стратегии [16].

В соответствии с принятыми решениями Россия намерена существенно увеличить производство энергии в течение ближайших нескольких лет в Восточной Сибири, в том числе на крупных месторождениях нефти в Республике Саха и в Красноярском крае, а также на Ковыткинском газоконденсатном месторождении в Иркутской области. Сегодня осуществляются планы строительства с участием в нём сопредельных стран новых нефте- и газопроводов, которые должны соединить эти месторождения с потенциальными потребителями в Северо-Восточной Азии. Однако дела не всегда продвигаются активно. Например, десять лет назад, в 2001 г. главы правительств России и Китая начали переговоры о строительстве отвления от нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», по которому предполагалось ежегодно поставлять в Китай 20 млн т сырой нефти,

а к 2010 г. объём поставок увеличить до 30 млн т. Только весной 2009 г. началась практическая реализация этого проекта – непосредственная прокладка нефтепровода от российской станции Сквордино до китайского Дацина. 29 августа 2010 г. глава правительства Российской Федерации В. В. Путин принял участие в церемонии пуска в эксплуатацию нефтепровода Россия – Китай, а с 1 января 2011 г. начались коммерческие поставки нефти в Китай. Уже в ближайшие 20 лет планируется продать Китаю 300 млн т нефти.

Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая предусматривает реализацию более 200 экономических проектов. Совместные проекты на территории России и Китая связаны преимущественно с развитием транспортной инфраструктуры – 45 и 55 соответственно. С точки зрения отраслевой структуры и технологического уровня, большинство проектов на территории Китая относится к высокотехнологичным отраслям – химической промышленности [17], машино- и приборостроению [18], обрабатывающим производствам (41) [8; с. 62, 65].

Сотрудничество в рамках этой договоренности предусматривает «парное» строительство свыше 200 предприятий по обе стороны границы, причём в большинстве случаев эти пары ориентированы на добычу и вывоз в Китай российского сырья, его переработку на китайской территории. В ряде случаев речь идёт о разработке очень крупных месторождений – Березовского железорудного, Удоканского медного, Беринговского угольного, Новиковского бурогоугольного и др. В описаниях других проектов фигурирует золото, сурьма, титан, ванадий, магнезит, полиметаллы и апатиты. Внушителен перечень предприятий лесной промышленности: крупные лесоперерабатывающие предприятия в Чите, Усть-Куте, Тайшете, Амурске, а также предприятия меньшего масштаба по всему Дальнему Востоку.

Осенью 2010 г. Россия и Китай, подводя первые итоги реализации Программы, признали, что и в дальнейшем «будут всемерно продвигать строительство инфраструктурных объектов и другие крупные проекты регионального сотрудничества, всесторонне поддерживать взаимодействие между регионами двух стран с использованием согласованных двусторонних механизмов» [13, с. 5].

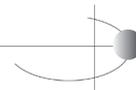
Вышеизложенное дает нам основание утверждать, что в последние годы Китай и Россия усиливают взаимодействие по укреплению своей безопасности. По многим направлениям эти страны укрепляют сотрудничество в области обеспечения политической и социально-экономической стабильности и безопасности. И в Китае, и в России отчетливо понимают, что добиться этого можно только общими усилиями.

Список источников и литературы

1. Агентство Синьхуа. Пекин. 2004. 31 августа.
2. Александрова М. В. Программа сотрудничества смежных территорий России и Китая: история, факты, пути осуществления. URL: www.ifes-ras.ru/.../Alexandrova._Sotrudnichestvo_smezhnyh_territorii.pdf.
3. 3. Бояринцев И. А. Демографический аспект российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 6. С. 69–80.
4. 4. Гао Шуцин, Цзя Цинго. Трансформация отношений между Россией и КНР после холодной войны // Полис. 2010. № 6. С. 141–148.
5. 5. Гельбрас В. Г. Цена экономических успехов Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 9. С. 26–34.
6. 6. Дальний Восток России и страны Азиатско-Тихоокеанского региона // Материалы международной научно-практической конференции. Ч. I. Благовещенск: Амурский обл. краев. музей им. Г. С. Новикова-Даурского, 2010. 272 с.
7. 7. Иванов А. А. Азиатско-Тихоокеанский регион и Россия: новая роль в глобальном развитии // Международная жизнь. 2010. № 8. С. 71–80.
8. 8. Кулешов В. В. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества / В. В. Кулешов, Н. И. Атанов, Л. А. Безруков, А. Г. Коржубаев [и др.] // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 62–69.
9. 9. Николаев М. Е. АТР и национальная безопасность России // Международная жизнь. 2010. № 4. С. 10–19.
10. 10. Основные соображения об энергетической стратегии государства // Женьминь жибао. Пекин. 2003. 17 ноября.
11. 11. План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (2005 – 2008 годы). URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/10/77866/161386shtml>.
12. 12. Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы) [Одобрена главами Китая и России 23 сентября 2009 г.] URL : <http://www.isn.ru/35602/html>.
13. 13. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнёрства и стратегического взаимодействия [Пекин, 27 сентября 2010 г.] // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 3–10.
14. 14. Стенографический отчет о совещании по социально-экономическому развитию Дальнего Востока со странами Азиатско-Тихоокеанского региона [2 июля 2010 г., г. Хабаровск]. URL: [http:// президент.рф/transcripts/8234](http://президент.рф/transcripts/8234).
15. 15. Страны Северо-Восточной Азии в начале XXI века (научно-справочное издание). Владивосток: Дальнаука, 2011. 245 с.
16. 16. Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года. URL : <http://www.minprom.gov.ru>.
17. 17. Титаренко М. Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 624 с.
18. 18. 2010 год. Россия смотрит на Восток? // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 62–83.

Рукопись поступила в редакцию 28 мая 2011 г.

Геополитика: мнение эксперта

УДК 321
ББК Ф4(2)

Н. А. Комлева, Г. Саймонс, Д. Л. Стровский

Идеологическая мощь геополитического актора: сущность, структура, российская практика

В статье впервые в русскоязычной научной литературе рассматривается проблема сущности и структуры идеологической мощи геополитического актора применительно к российской действительности. Анализируются ресурсы и основные технологии реализации идеологической мощи. Вычленяются основные проблемы развития идеологической мощи в современной России.

Ключевые слова: идеологическая мощь, геополитический актор, ресурсы, геополитическая экспансия, социальные технологии.

N. A. Komleva, G. Simons, D. L. Strovsky

The Ideological Power of a Geopolitical Actor: Essence, Structure and Practices in Russia

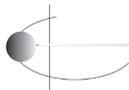
For the first time in Russian scientific literature the essence and structure of the ideological power of a geopolitical actor relating to modern Russian realities are investigated. The resources and the main technologies that aid in the promotion of an ideological power are clarified. Attention is also paid to the main problems encountered in the development of an ideological power.

Keywords: ideological power, geopolitical actor, resources, geopolitical expansion, social technologies.

Понятие геополитической (совокупной) мощи широко употребляется в геополитической науке, но содержание этого понятия определяется авторами редко. В политологических и геополитических текстах бытуют различные термины, соотносимые с понятием совокупной геополитической мощи. Классическим считается определение понятия «национальная сила государства» в трудах основателя теории «политического реализма» Г. Моргентау, который выделял следующие характеристики этого феномена: географическое положение; естественные ресурсы; промышленные возможности; военная подготовленность; численность населения; национальный характер; национальная мораль; качество дипломатии; качество правительства [4, с. 192]. Российские ученые П. Г. Кузнецов и А. С. Шушарин разработали так называемый КМГ-подход (КМГ – «комплексная мощь государства») для оценки, в основном, сопоставимости показателей «общественного богатства» различных наций, т. е. в рамках экономической науки. Понятие КМГ определяется А. С. Шушариным следующим образом: «комплексная мощь государства – интегральный показатель экономического, политического, военного, научно-технического и других потенциалов страны; включает в себя совокупность факторов,

определяющих способность страны развиваться, сопротивляться трудностям, внешнему давлению, дезинтеграционным процессам, отстаивать свою систему ценностей и т. п.» [11]. Т. В. Шустрова выделяет базовую и динамическую мощь государства, понимая под совокупной мощью государства исключительно военную и экономическую. [10]. Таким образом, речь идет в основном о совокупной мощи *государства*, но в современном мире целый ряд влиятельных геополитических акторов имеет негосударственную природу (глобальные корпорации, структуры международного гражданского общества, международные террористические организации).

Мощь, как мы полагаем, является одной из базовых категорий геополитической науки, обозначающей конкурентные возможности геополитического актора в геополитической борьбе, т. е. его реальную способность к геополитическому расширению (экспансии). Так, для экспансии в географическом пространстве применяется в основном военная мощь, экономическому и идеологическому пространствам соответствует мощь экономическая и идеологическая – каждая со своей спецификой. *Совокупная мощь геополитического актора, на наш взгляд, определяется объемом и качеством ресурсов и технологий, позволяющих*

ему эффективно осуществлять экспансию во всех типах геополитических пространств. При этом ресурсы реализации любого типа геополитической мощи, как представляется, делятся на материальные и ментальные. Важна также специфика (совокупные характеристики) актора (акторов), реализующих данный тип мощи. Таким образом, на наш взгляд, структура любого типа геополитической мощи тройная: 1) ресурсы; 2) технологии; 3) акторы.

Смысл геополитической борьбы в любом типе пространства – приобретение ресурсов развития. Основными ресурсами для выживания человеческих сообществ являются ресурсы географического пространства, поскольку человек по своей базовой характеристике – биологическое существо. Ментальные процессы не существуют без биологического субстрата, поэтому, как бы ни хотелось вознести «царя природы» над природой самой по себе, базовые биологические потребности человека и человеческих сообществ определяют охоту за ресурсами, прежде всего, географического пространства. Ядерное оружие и концепция прав человека значительно снизили возможности силового захвата природных ресурсов. Единственный выход для экспансиониста – развитие его идеологической мощи¹ и осуществление экспансии в идеологическом пространстве общества-реципиента, для того чтобы стимулировать его предоставить ресурсы своего географического пространства без военного сопротивления, а также для минимизации экономического и идеологического сопротивления. Современная эпоха – это эпоха информационно-идеологических войн.

Идеологическая мощь геополитического актора сегодня намного важнее всякой другой, поскольку информационно-идеологические войны значительно дешевле «горячих войн», ведущихся в географическом пространстве, а их результаты никогда не опротестовываются эффективно и сохраняются неизмеримо дольше, чем результаты военных кампаний. К тому же, поскольку эти войны протекают без видимых жертв и разрушений, они не умаляют престижа актора-экспансиониста, не отнимают его символического капитала. Как финансово-экономический, материальный, так и символический капитал экспансиониста не только не расходуется, но приращивается, умножается в результате актов «тихой» идеологической агрессии.

Вследствие вышесказанного исследование идеологической мощи, её сущности, структуры,

¹ Понятие идеологической мощи было введено в научный оборот одним из авторов данной статьи в 2002–2003 гг. См.: Комлева Н. А. Феномен экспансии. Екатеринбург, изд. Урал.ун-та, 2002; Информационная мощь как геополитический фактор // Информационное общество: концепции и тенденции развития: сб. ст. М.: Изд-во Московского института радиоэлектроники и автоматики (МИРЭА), 2003.

ресурсов, основных акторов представляется чрезвычайно актуальным.

Сущность идеологической мощи любого геополитического актора, по нашему мнению, это реальная способность геополитического актора к экспансии в идеологическом пространстве, которая определяется совокупностью его ментальных ресурсов, технических возможностей (технических ресурсов) распространения ментальных ценностей, а также технологий воздействия на массовое сознание.

Какова же структура и основные средства осуществления идеологической мощи? Каковы основные направления её стратегического развития? Без ответов на эти вопросы сущность ключевое для нас понятия останется нераскрытой.

Основные ресурсы идеологической мощи

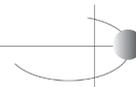
Отметим наиболее значимые ментальные ресурсы идеологической мощи:

- идеология, признаваемая официальной идеологией данного геополитического актора (реже – имеющая юридический статус таковой), выражающая форму и степень осознания национального интереса;
- духовная культура общества, геополитическим представителем которой является государство или негосударственный актор;
- достижения культуры и искусства, отражающие национальный характер и традиционный образ жизни данного социума;
- спортивные достижения, демонстрирующие успешность данного социума перед лицом других;
- доминантное общественное мнение;
- общая эмоциональная атмосфера данного социума.

Рассмотрим подробнее каждый из названных ресурсов применительно к историческому опыту нашей страны и особенностям её развития в настоящее время.

Официальная идеология является совокупностью ментальных ценностей, производство, сохранение и распространение которых поддерживается соответствующими государственными структурами. Названные ценности обосновывают легитимность данной политической системы вообще и данного государства в частности.

Ментальные ценности в совокупности составляют такое понятие, как менталитет, под которым мы понимаем совокупность устойчивых социальных характеристик, позволяющую «единообразно воспринимать окружающую социально-политическую реальность, оценивать её и действовать в ней в соответствии с определенными устоявшимися в обществе нормами и образцами, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга» [5]. К этому можно добавить, что ментали-

тет используется главным образом для обозначения способа мышления значительной группы людей (нации, народа, социальной группы и т. д.), создавая при этом общую эмоциональную атмосферу данного социума.

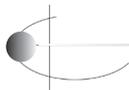
Никакая идеология не реализуется успешно, если она не учитывает ментальные ценности, исторически упрочившиеся в том или ином обществе. Это хорошо видно на примере коммунистической идеологии, доминировавшей в нашей стране на протяжении большей части XX в.. Её упрочение изначально не было легитимным, поскольку большевики пришли к власти в 1917 г. в результате вооруженного переворота. Формирование государственных институтов в первые годы советской власти нередко сопровождалось карательными мерами, не имевшими ничего общего с наведением порядка мирным путем. Вместе с тем за короткое время новой власти удалось нивелировать социальную конфликтность. Это было достигнуто не только посредством «товарища маузера», но и благодаря стремлению правящей партии выстроить систему идеологических ценностей в соответствии с запросами массовой аудитории. Это касалось неприятия со стороны власти и большей части населения богатых и интеллектуалов, стремления преодолеть массовую неграмотность, консолидации усилий по созданию индустриальной экономики и т. д. Консенсус между властью и обществом был достигнут в годы Великой Отечественной войны: сплочение народа вокруг коммунистической партии было достигнуто, в том числе, и посредством идеологического воздействия. Можно утверждать, что официальная пропаганда, активно осуществляемая на протяжении этого и последующего времени, встречала массовую поддержку. В 1970–1980-е гг. функционирующая в Советском Союзе идеология всё более входила в противоречие с повседневными запросами населения, а к концу этого периода полностью утратила авторитет.

Духовная культура общества. Восприятие этого явления невозможно вне таких понятий, как национальный характер и традиционный образ жизни, которые представляют собой совокупность фиксированных психологических и поведенческих стандартов, присущих данному человеческому сообществу на протяжении длительного исторического периода (несколько столетий или тысячелетий, в зависимости от реальной продолжительности существования данного этноса). При этом понятие «национальный характер» относится преимущественно к сфере социальной психологии, а понятие «традиционный образ жизни» отражает социальные практики, преобладающие в данном обществе на протяжении веков. Фиксированные поведенческие стандарты данно-

го общества в значительной степени определяют основные формы геополитического поведения государства или крупного негосударственного актора, представляющего это общество на международной арене.

Обращаясь к российской духовной культуре, нельзя не признать, что она сложилась как весьма специфическое явление, объединяющее в себе, казалось бы, несовместимые проявления. С одной стороны, самой культуре был традиционно присущ «экстремальный дух» и отсутствие толерантности на всех этажах социальной лестницы. Основную причину этого русский историк С. М. Соловьев видел в огромном территориальном пространстве страны, «не защищенном природными границами, открытом с востока, юга и запада». Тем самым государство «изначально осуждалось на постоянную, изнурительную борьбу, ... чтобы сохранить главное благо – народную независимость...» [9, с. 20]. С другой стороны, существенной характеристикой, определившей эволюцию отечественной духовной культуры, стала своеобразная конвергенция западных и восточных (азиатских) ценностей. Их слияние – результат уникального на фоне других стран географического положения России, имеющей обширные пространства одновременно и в Европе, и в Азии.

«Евразийство» России стало темой размышления для многих представителей отечественной интеллектуальной элиты и сформировало существенные противоречия, затронувшие отношения между привилегированной частью общества и широкими слоями населения, с учетом различных представлений этих сторон по вопросам политического и экономического устройства страны, бытовых проявлений, семейного воспитания и т. д. Современный исследователь А. С. Ахиезер, характеризуя отечественную практику в различных сферах, ввёл даже такое определение, как «социокультурный раскол», который традиционно создавал для России «чрезвычайную опасность» [1, с. 15]. Суть этого раскола кроется в переплетении двух внешне «непересекающихся», но одновременно взаимопроникающих культур, обусловивших формирование особого духа российского общества и уникальное «лицо» государственной власти. На протяжении многих столетий в российском государстве активно утверждала себя совокупность поистине антагонистических черт. Бок о бок существовали и получали дальнейшее развитие идеи духовного раскрепощения человека и деспотизм, стремление к свободе и ярко выраженная сервильность самосознания, пиетет народных масс перед государством и готовность в любой момент разрушить имевшийся правопорядок. В нашей стране исторически сформировалась такая доминанта социального развития, которая вме-

стила в себя индивидуальные взгляды на окружающий мир, выраженные в огромном количестве высоких достижений духовной культуры, и одновременно ярко выраженное стремление подавить любую индивидуальность.

Эта уникальность обнаружила себя как до наступления советской власти, так и после, что свидетельствует о наличии особого культурного генотипа, постоянно воздействующего в нашей стране на отношения между личностью, с одной стороны, и властью, государством – с другой. При этом в условиях слабой развитости гражданских отношений в российском обществе активно формировался авторитарный характер политической власти, проявивший себя в форме жесткой политической воли, контролирующей все отношения в обществе и определяющий уровень его духовных ориентиров. Сказанное выше помогает понять, почему взаимоотношения власти, общества и личности после 1917 г., по существу, строились по тем же принципам, что и ранее. Масштабность трансформации экономической и политической системы в течение последнего двадцатилетия российской истории, появление новых идеологических догматов, огромное число материальных и духовных жертв, принесённых в угоду новой политико-экономической системе, не повлияли на устойчивость основных духовных ценностей общества. В частности, на уверенность масс в непогрешимости и даже сакральности верховной политической власти, чувство коллективизма, присущее многим людям, и одновременно их презрение к любому инакомыслию, пассионарность воли (термин, предложенный Л. Гумилевым), предопределяющую мобилизационный характер общества.

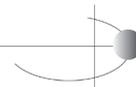
Огромную значимость для российской нации на протяжении всей её истории имел государственный интерес, что предопределяло готовность индивидов в случае внешней опасности для родины принести себя в жертву – ради будущих благ для страны. Сегодня «уровень жертвенности» явно снижен по сравнению с прежним временем, однако государственные приоритеты отчётливо сохраняют свою преобладающую роль. Именно этим можно объяснить успешную реализацию идеи формирования властной вертикали, инициированную В. В. Путиным в первый срок его пребывания на посту президента РФ (2000–2004). Её внедрение в жизнь подтверждает не только готовность государственного аппарата, но и всего общества к беспрекословному выполнению вышестоящих решений, сколь бы жесткими и недемократичными они подчас ни были. Административные подходы оказались прочнее в массовом сознании, чем публичные разговоры о приоритетности конституционных норм, важности формирования гражданского

общества, уважении прав личности и т. д. Многовековые традиции, на которых, собственно, и основана духовная культура общества, оказались непоколебимыми и по-прежнему выглядят сегодня устойчивым явлением повседневной жизни. Это подтверждает, что мощные трансформации общественного сознания и бытия (как, например, перестройка второй половины 1980-х гг. и последующие за ней рыночные реформы) могут серьезно поколебать долговременные общественные устои и стереотипы мышления. Обновленная рефлексия социальных групп неизбежно уступает место исторически апробированной модели их поведения.

Развитие культуры и искусства, отражающего национальный характер, выражается в том, что оно формирует своё пространство с учётом обозначенных выше духовных ценностей.

Это не значит, что российская культура отличалась сервильностью и подострастностью или олицетворяла исключительно бунтарский дух. Однако во многих литературных и музыкальных произведениях, созданных в XIX в., сочетаются оба этих качества. Многие герои Лермонтова, Тургенева, Достоевского, Толстого – люди глубоко религиозные, соблюдающие национальные традиции, ощущающие духовное единение с окружающим миром и одновременно совершающие поступки, разрушающие сложившиеся представления о них как о людях кротких, не способных к протесту или другим формам неповиновения. Представляется, что и Иван Сусанин из оперы Глинки, и Мельник из оперы Даргомыжского «Русалка», и Садко из оперы Римского-Корсакова, и многие другие персонажи потому и не стерлись из народной памяти, что несли в себе характер народного духа со всеми его сложностями и противоречиями. Поведение этих персонажей, по существу, соответствовало как общественным, так и государственным интересам, поскольку выдвигало на первый план такие их качества, как патриотизм, веру в Отечество, непримиримость к недругам и т. д.

В свою очередь, в ходе эволюции советского строя культура несла в себе важное идейно-политическое начало, соответствующее интересам власти и повсеместно транслируемым идеологическим постулатам. Принцип социалистического реализма, как определяющий содержание творчества нескольких поколений советских деятелей культуры и в первую очередь литераторов, стал олицетворением этой тенденции. Духовная культура в советское время оценивалась с позиций отстаивания её авторами интересов коммунистической партии и широких народных масс. Соответственно, те произведения, в которых не просматривался обозначенный политический вектор её развития, подвергались публичному остра-

кизму (как было, например, со стихами Есенина, прозой М. Булгакова и Б. Л. Пастернака). И хотя подлинное значение соцреализма, по меткому замечанию литературоведа и критика С. Волкова, «оставалось весьма зыбким» [8], он служил путеводной нитью для выстраивания духовных основ и приоритетов общества. В советское время культура и искусство, будучи неотъемлемой частью партийной идеологии, эмоционально усиливали её воздействие. Одновременно отражение этой идеологии в различных проявлениях культуры способствовало активному продвижению в массы художественного творчества. Произведения таких авторов, как М. Фадеев, М. Шолохов, А. Сурков, Л. Леонов, А. Тихонов и ряда других, печатались миллионными тиражами, становились обязательными для изучения на школьных уроках литературы.

В современной России заметно отсутствие однонаправленного идеологического вектора, что определяется положением Конституции РФ. Культура, создаваемая в постсоветские годы, выглядит более разноплановой по сравнению с советским временем в показе героев, создании конфликтных ситуаций. Вследствие этого и её возможности воздействия на массовое сознание оказались суженными (о чем свидетельствуют и крайне скудные нынешние тиражи отечественных толстых литературно-художественных журналов). Обнаруживает себя характерная закономерность нашего времени: отсутствие жёсткой идеологии приводит к возрастанию возможностей творчества, однако не гарантирует его массовое потребление. И наоборот, активно наращиваемая идеологическая мощь государства помогает целенаправленному распространению культурных ценностей, которые, в свою очередь, стимулируют усиление этой идеологии.

Спортивные достижения, как и духовные ценности, работают на создание «бренда» нации. Спорт, несомненно, выражает, сохраняет и утверждает национальный характер и традиционный образ жизни. Спорт, массовая физическая культура объективно формируют естественный, не навязанный, проект национальной идеи, основанный на стремлении к победам.

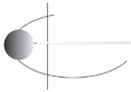
Это в полной мере проявило себя в советское время, когда победам наших спортсменов на международной арене придавалось исключительное значение. Существовало несколько спортивных направлений (например, фигурное катание, хоккей, легкая и тяжелая атлетика), развитие которых приравнивалось едва ли к государственному заказу. В условиях постоянного соперничества с США и странами Запада в годы «холодной» войны наша пресса оценивала победы советских спортсменов как политическое действие стратегического ха-

рактера. Отсюда и абсолютизация спортивных результатов. Так, второе командное место на зимних и летних Олимпиадах считалось в то время абсолютно неприемлемым, со всеми вытекающими из этого последствиями для участников этих соревнований и их тренеров. Считалось, что показывать высокие спортивные результаты – это наказ Родины, который нельзя не выполнить. На всем этом строила свои усилия советская пропаганда, запечатлевая и тиражируя образы своих спортивных кумиров. Спортсмены были призваны своим личным примером доказывать, насколько великолепные условия созданы для их развития в СССР, с каким повышенным вниманием относится наше государство к их повседневным заботам. В данном случае спорт оказывался продуктивной основой для развития советской идеологии, а она, в свою очередь, создавала образ нашего спортсмена как исключительный.

Доминантное общественное мнение представляет собой оценку основных процессов и явлений данного социума, преобладающую в массовом сознании. Оно может соответствовать официальной идеологии либо расходиться с ней, при этом степень расхождения зависит от конкретных социальных условий. Доминантное общественное мнение предопределяет установку на массовое социальное действие и является, в частности, ментальной предпосылкой как геополитического прорыва, так геополитического сжатия – в зависимости от характера оценки процесса развития данного общества и промежуточного результата его развития на определенном этапе.

В условиях советского времени общественное мнение должно было полностью подтверждать правоту реализуемого политического курса. Частое использование в средствах массовой информации и научных исследованиях особым образом ориентированных (а точнее, подогнанных под политические задачи дня) социологических опросов призвано было сформировать в сознании общества уверенность в завтрашнем дне. Это отмечали, в частности, известные социологи Б. А. Грушин и Т. И. Заславская и Ю. А. Левада [6]. Однако следует признать и то, что на массовое сознание такая информация оказывала незначительное влияние, поскольку существенно расходилась с реальностью. В конце советского периода доминантное общественное мнение было, в частности, выражено заглавием документальной кинокартины режиссера С. Говорухина: «Так жить нельзя!». Этот элемент тогдашнего массового сознания в определенной степени повлиял на распад СССР как государства и на исчезновение его как геополитического актора.

Общая эмоциональная атмосфера социума может быть выражена в двух противоположных

началах – оптимизме и пессимизме, отражающем, соответственно, массовое доверие к политическому курсу правящего класса, и ощущение данного курса как верного, приносящего благо – или несогласие с ним. Оптимистическая эмоциональная атмосфера общества является фактором психологической поддержки, в том числе и в отношении геополитических практик, реализуемых правящим классом. Психология победителей, укорененная в массовом сознании данного общества – то, что М. Вебер называл «престижем могущества» – является важным геополитическим ресурсом. В этом смысле ныне осмеянный лозунг «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики» являлся выражением именно «престижа могущества» и не мог не появиться в период первых пятилеток и побед на фронте индустриализации и внешней политики. Мощные прорывы в сфере освоения воздушного и затем космического пространства (большая часть рекордов в воздухоплавании принадлежала спортсменам СССР, первый спутник Земли, первый человек в космосе) явились как следствием проявления «престижа могущества», так и одним из факторов его усиления. На развитие психологии победителей работало и советское искусство, часто лакируя действительность. Однако еще Ницше замечал, что миф и не должен быть правдой. Его функция иная – не адекватное отражение действительности (тогда это было бы научным знанием), но обеспечение психологического единства общества.

Одна из проблем современной России как раз и состоит в том, что этого единства пока не удается достичь. Мешает огромное число накопившихся проблем в социально-экономической, религиозной, межнациональной и многих других сферах жизни. Отсутствие консенсуса по основным вопросам дня между различными социальными группами не позволяет стране развиваться поступательно, осознать стратегию своей эволюции и сформировать эффективно работающий государственный аппарат.

Помимо ментальных ресурсов существуют и *материально-технические ресурсы* идеологической мощи. Их использование дает возможность максимально воздействовать на общественное сознание, в значительной степени изменить восприятие привычных идей и установок. Назовем наиболее значимые из этих ресурсов:

- учреждения образования, науки и культуры;
- торговые сети по распространению идеологической продукции;
- типографские и печатные мощности;
- радио- и телевизионные станции;
- Интернет-порталы и веб-сайты;
- кинопроизводство и кинопрокат;

- спортивные сооружения.

Следует отметить, что востребованность материально-технических ресурсов в ходе идеологической экспансии может различаться в зависимости от того, какие задачи и какую тактику действий избирает для себя экспансионист. Очевидно и то, что под воздействием технических достижений нашего времени традиционные ресурсы (например, упомянутые торговые сети, кинопрокат или спортивные сооружения) уступают приоритетное место интернет-информации, более оперативной и воздействующей на интеллектуальные и одновременно энергичные слои населения, которые, собственно, нередко и являются инициаторами развития идеологической мощи своих стран. Вместе с тем традиционные ресурсы могут сыграть свою роль в ходе дальнейшего развития (упрочения) самой мощи, применительно к системе воздействия на массовую аудиторию.

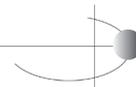
Актеры идеологической мощи

В соответствии со структурой ресурсов и технологий идеологической мощи можно выделить следующие ключевые акторы идеологической мощи:

- институты государственного и негосударственного характера, в той или иной степени управляющие идеологическим процессом в данном социуме;
- деятели искусства и литературы;
- организаторы образовательного процесса и преподаватели;
- ученые-гуманитарии;
- средства массовой информации (СМИ).

В различные периоды развития глобальной социальной системы, определенного социума, а вместе с ним и представляющего этот конкретный социум геополитического актора (акторов) отдельные элементы идеологической мощи данного актора (акторов) могут менять своё место в иерархии – выходить на первый план, уходить в тень и даже исчезать совсем. Так, в период 1990 – начала 2000-х гг. к минимуму свелось производство российских кинофильмов; значительно уменьшилась материально-техническая база российского образования, науки, культуры и спорта; многие ученые, преподаватели, тренеры и деятели искусства эмигрировали за рубеж; некоторые управленческие структуры идеологического процесса исчезли. С изменением характера экономической и политической системы страны ушла в прошлое официальная коммунистическая идеология, оптимистические настроения, присущие массовой аудитории в 1960–1970-е гг., сменились ярко выраженным пессимизмом.

Затруднительно проводить прямую аналогию между психологическим состоянием общества и результатами общественного и личного труда.

Однако стоит привести лишь один пример. В 1990-е гг. российские спортсмены резко снизили свои показатели в командных видах спорта (футбол, хоккей), где особенно важно наличие эмоциональной консолидации. Можно назвать несколько причин этому, однако психологический фактор, бесспорно, сыграл свою роль.

Очевидно, что упомянутые выше акторы влияют на формирование идеологической мощи опосредованно, посредством формирования общего «фона», который является подспорьем для проведения в жизнь государственной политики. Сам «фон», правда, может оказаться нейтральным или даже «отрицательным», не способствующим развитию идеологической мощи – в том случае, если деятели науки и культуры с осторожностью, а то и негативно воспринимают политический курс правящего класса. Чтобы этого не происходило, государство, актуализирующее мощь как ключевую доминанту своего развития, стремится создать комфортные условия для существования интеллектуальной элиты, заручившись тем самым её реальной и потенциальной поддержкой. И наоборот, если государство недооценивает возможности научной и творческой интеллигенции в поддержке своей идеологической мощи, то последствия этого игнорирования наносят ущерб имиджу данной политической системы.

Это подтверждается, как мы уже отметили, ситуацией в современной России. Формирование положительного имиджа и высокого международного престижа нашей страны требует существенных усилий, в том числе и посредством подключения к этому процессу ученых-гуманитариев, вузовских преподавателей, деятелей литературы и искусства, что предполагает публичное провозглашение государством своих стратегических целей и зоны ответственности за их выполнение. Ничего этого пока нет.

Качественно иной была ситуация в советское время, когда серьезное место в общей системе формирования идеологической мощи отводилось деятелям культуры и искусства. При этом советский политический режим не ограничивался только воспитанием этих кадров, он активно «подкармливал» их материально — с целью обеспечения со стороны творческой интеллигенции духовной и эстетической поддержки. В результате представители духовной культуры активно трудились над созданием позитивного образа СССР и его народа, нередко замалчивая проблемы и недостатки нашего общества. Повсеместно утверждаемая в различных источниках, как научных, так и журналистских, мысль о преимуществе социалистической системы над капиталистической стала возможной отнюдь не только благодаря её реальным достижениям. Главную роль в создании этого

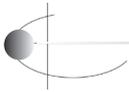
мифа сыграли усилия деятелей духовной культуры, нацеленной на решение задачи, стратегически поставленной властью.

Существенную лепту в развитие данного мифа вносили советские СМИ, которые своим содержанием активизировали позитивное восприятие окружающей жизни. Их роль в формировании идеологической мощи СССР оказалась столь существенной, что есть необходимость остановиться на этом аспекте подробнее.

СМИ ни в одном обществе, как известно, не могут быть отстраненными от сложившейся системы политических отношений. Рассматривая уникальные особенности существования печати, авторы классического труда «Четыре теории прессы», увидевшего свет в США еще в 1950-е гг., Ф. Сиберт, У. Шрамм и Т. Питерсон указывали на то, что положение «четвёртой власти» всецело зависит от духовной культуры, сложившейся в обществе, и государственной политики, проводимой в отношении массмедиа. Речь в данном случае шла о совокупности законодательных актов, разработанных применительно к информационной сфере. Пресса, отмечали исследователи, «всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует. В частности, пресса отражает систему социального контроля, посредством которой регулируются отношения между отдельными людьми и общественными установлениями. ...Понимание этих аспектов общества является основой для любого системного понимания проблемы прессы» [8, с. 16].

Идеология, утвердившаяся в советском обществе, не только повлияла на формирование уникального содержания отечественных СМИ того времени, но и существенным образом отразилась на уровне их организации. Размышляя над универсальной природой тогдашнего взаимодействия идеологии и СМИ в нашей стране, нельзя не признать, что на него наложила отпечаток вся система политических отношений. Что же касается непосредственно идеологии, то она во многом основывалась на стандартах, создававших в сознании людей ощущение того, что сильная власть способна решить накопившиеся в обществе проблемы. А это, в свою очередь, во многом определяло содержательную политику самих СМИ.

Отметим важнейшие проявления этой идеологии, повлиявшие на существование массмедиа. Это монополизация общественного мнения под эгидой существующей власти и, как следствие, сведение на нет любой критики в её адрес; полный контроль над печатной продукцией, выходящей в стране; существование политической цензуры, обеспечившей распространение данной идеологии и т. д. Эти факторы повлияли не толь-

ко на организационное подчинение СМИ правящей власти, но и сформировали особую систему их манипулятивного воздействия, понимаемого как духовное господство над личностью (или в расширительном контексте – над социумом), которое она не ощущает или воспринимает как проявление собственной воли, интересов, желаний. Манипуляция проявляется и как насилие над личностью, её принуждение к чему-то, выраженное ненасильственным образом, как акт мнимой самостоятельности и свободы [3, с. 18]. Одним из её проявлений стали активно продвигаемые стереотипы, как основа создания массовых представлений об окружающем мире.

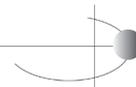
Стереотипы формируют состояние эмоциональной комфортности или дискомфорта аудитории масс-медиа, поскольку они либо соответствуют её психологии, либо не соответствуют. Это не значит, что действительность после этого предстает только в положительном или негативном свете, однако при наличии стереотипов она унифицируется, приобретает ярко выраженные типологические черты, способствующие «акклиматизации» индивидов в общественной среде.

Именно это происходило в советском обществе, благодаря усилиям СМИ. Применительно к содержанию массовой информации, транслируемой в период социализма в нашей стране, мы вправе говорить о наличии не просто отдельных, не связанных друг с другом стереотипов, а целостной по своему содержанию системы идеологической стандартизации, призванной утверждать в нашем обществе единомыслие, с присущими ей особыми приемами воздействия на массовую аудиторию. Существование этой системы было обусловлено не только особенностями политической ситуации, взаимодействия власти и общества, но и спецификой целостной духовной культуры и её ценностей, присущей нашему обществу. Благодаря упомянутой стандартизации критическое мышление людей неизбежно становилось упрощённым по отношению к окружающей среде.

Можно отметить несколько ключевых информационных стереотипов, повлиявших на усиление идеологической мощи нашей страны того времени. Это *образ патерналистского государства*, способного обеспечить благополучие общества. Образ такого государства, как уже отмечалось выше, был традиционно близок менталитету широких слоев российского населения, что и позволило ему закономерно утвердиться в советское время. Формируя его, СМИ учитывали психологию массовой аудитории и одновременно утверждали ценности, близкие интересам существующей власти. Авторитаризм политической власти, благодаря журналистскому слову, активно подменялся в сознании аудитории ещё одним

стереотипом – *коллегиального решения вопросов* – благодаря использованию таких словесных оборотов, как «мы», «советская власть», «общее решение» и т. д. Правящая партия в этом случае как бы уходила в тень, переносила меру ответственности за всё происходящее на некий общественный разум, с весьма расплывчатой мерой ответственности, но готовый постоянно решать всё новые задачи. Ещё один ярко выраженный стереотип, транслируемый СМИ, был призван обеспечить *приоритет коллективного мнения над индивидуальным*. В советское время он приобрел поистине гипертрофированные масштабы, проявляя себя в ходе воссоздания в СМИ производственных, бытовых и иных ситуаций. Обобществлённое мнение выражалось, в том числе, в форме появления на страницах газет и журналов коллективных писем. Как правило, в центр обсуждения в этом случае ставился не случайный, а общественно значимый вопрос, представляющий важность в ходе проведения государственной политики. Он мог касаться как международных интересов страны, так и более локальной ситуации, скажем, экономической, хозяйственной и т. д. В соответствии с политической оценкой содержание коллективных писем носило либо позитивный, либо критический характер (причем практически всегда звучащие интонации были однозначными и не имели оценочных полутонов), однако обязательно предполагало конкретный и однозначный вывод. Помимо этого, СМИ так или иначе стремились проводить в жизнь тезис *о возросшей эффективности коллективного труда и быта на фоне индивидуального*. Этот стереотип находил место в материалах, рассказывающих о внедрении соцсоревнования, различных починов, развитии системы наставничества. Не меньшее внимание СМИ уделяли освещению коллективистских отношений в быту, формированию позитивных отношений в общежитиях. Совокупность множества различных по проблематике и жанровому разнообразию материалов невольно подводила аудиторию к осознанию того, что выполнение общественных задач является основным приоритетом для каждого человека, что личная жизнь вторична на фоне жизни интересов страны в целом.

Наше обращение к опыту существования и организации деятельности советских СМИ во все не нацелено на создание некой идеализации их восприятия. Мы стремимся лишь обосновать тезис о том, что идеология лишь тогда получает развитие в том или ином обществе, если для её продвижения в полной мере используется сфера массовой информации. Эта сфера спроецирована не на формальную передачу политических установок, а на транслирование эмоционально окрашенной лексики, создание образных «картинок»

окружающей жизни, соизмеримых с бытом и поведением людей. Возвращаясь в сегодняшний день, уместно говорить о том, что массовая информация оказывается недостаточно «включенной» в решение политических задач российского государства. С одной стороны, эта информация формализована и однотипна, построена не на принципе диалектического восприятия мира, а на основе однотипной пропаганды, зачастую вне какого-либо творческого контекста. Она не только не оказывает эффективного воздействия на сознание россиян, но и снижает их доверие как к самой информации, так и государству, инициирующему её. Происходит несоответствие передаваемой информации ожиданиям социума. Применительно к сегодняшней ситуации есть основания говорить о превалировании в СМИ оценочных конструкций в ущерб конструкциям рациональным. Вместо сплочения «под стягом государства» общество начинает испытывать и проявлять нигилизм в отношении всей окружающей жизни, пренебрежение к сложившейся в обществе морали, что в конечном итоге ведет к дестабилизации социальных и межличностных отношений. Это способствует общей отстраненности людей от информационной культуры и идеологии, что объективно не может стимулировать развитие идеологической мощи страны.

Вооруженный конфликт 2008 г. между Грузией и Россией является в данном случае подтверждающим примером сложившейся информационной ситуации. Одной из главных причин информационных успехов Грузии на начальном этапе конфликта стал правильно реализованный процесс формирования так называемого «бренда нации». Благодаря чётко выстроенным информационным усилиям формирование этого бренда основывалось на утверждении о том, что Грузия – это демократическая страна, ставшая таковой после прихода к власти её нынешнего президента М. Саакашвили, которая борется за то, чтобы остаться независимой от внешнего контроля, навязываемого Россией. С другой стороны, Россия характеризовалась грузинскими и многими зарубежными СМИ (в первую очередь, СМИ США и Западной Европы) как антидемократическое государство, до сих пор не изжившее в себе желание решать свои внешние проблемы силой. Власти Грузии, особенно на начальном этапе вооруженного конфликта, воспользовались данными идеологическими стереотипами, им удалось сформировать общественное мнение во многих странах, лояльное к себе и к своей агрессии в Южной Осетии.

Россия же пока что не в состоянии грамотно и продуктивно сформировать собственный «бренд нации». В связи с этим на повестку дня встает несколько вопросов. В частности: какие ценности и

идеалы ассоциируются в настоящее время с Россией? как страна проводит их в жизнь? каким образом они могут реализоваться в СМИ? Это далеко не праздный содержательный контекст. Ответы на эти вопросы невозможны вне определения политической и информационной стратегий нашего государства, служащих основой для формирования его идеологической мощи.

Глобальные корпорации как актор идеологической мощи

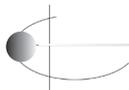
Всё вышесказанное относится преимущественно к такому важному геополитическому актору, как государство.

Однако реалии XXI в. таковы, что *наверху иерархии геополитических акторов находится вовсе не государство (политический институт), даже представляющее собой так называемую сверхдержаву, а глобальные экономические корпорации (экономический институт)*. Процесс превращения глобальных корпораций (ГК) в основной геополитический актор современности резко активизировался в период 90-х гг. прошлого века и завершился в течение 2000-х. Этому обстоятельству, на наш взгляд, чрезвычайно способствовал распад СССР и мировой системы социализма. Сведение этакратической экономики стран социализма к ничтожному минимуму (КНДР, Куба) превратило либеральную рыночную экономику в глобальный абсолют. До 1991 г. геополитическая борьба во многом определялась идеологическими различиями двух межгосударственных систем – социалистической и капиталистической. Исчезновение коммунистической идеологии как активного фактора геополитического процесса в значительной степени снизило глобальную роль государства как геополитического актора, поскольку идеологическая борьба ведется в основном государственными структурами. На первое место в геополитических баталиях вышла экономика, которой эффективнее занимаются ГК, чем государство. Ментальным отражением этого глобального изменения стало возникновение в 80-х гг. прошлого века и расцвет в настоящее время такой науки, как геоэкономика.

Естественно, что для осуществления глобальной экспансии, особенно в её доминантной форме, ГК нуждаются также и в развитии идеологической мощи.

Отличия в сущности и структуре идеологической мощи государства и ГК определяются их базовыми характеристиками и доминирующими направлениями деятельности.

Основная цель ГК – получение прибыли, поэтому основной технологический элемент их идеологической мощи – реклама. Мы не останавливаемся в рамках данной статьи на специфике этого вида деятельности, с учетом её многообразия и

возможностей использования применительно к формированию государственного интереса. Однако стоит оговориться, что для увеличения эффективности рекламы ГК используют различного рода ментальные и материально-технические ресурсы.

Основной ментальный ресурс ГК, как и любой экономической корпорации – корпоративная идеология. В отличие от официальной идеологии государства корпоративная идеология содержит ценности так называемой корпоративной культуры. Прежде всего, это преданность корпоративному бренду и лояльность руководству корпорации. Ключевой элемент корпоративной идеологии – миссия (обещание) товарного бренда (брендов)¹. В данном случае миссия бренда как структурный элемент идеологической мощи ГК тождественна национальному характеру в структуре идеологической мощи государства.

Для реализации своей основной цели – увеличения продаж и прибыли – ГК активно продвигают свои бренды с помощью спонсирования спортивных клубов и отдельных спортсменов (размещение логотипа бренда или корпорации на спортивных сооружениях, спортивной форме и т. п. ; при этом в ходе трансляции соответствующих соревнований российское телевидение предоставляет время и для рекламных роликов этих ГК). Гранты научным коллективам, отдельным студентам, образовательным учреждениям – даже без артикулируемых условий продвижения корпоративной идеологии или соответствующего бренда – являются специфической формой товарной рекламы. Той же цели служат и премии для деятелей искусства и литературы, учреждаемые данной корпорацией.² Имидж бренда, создаваемый таким способом, тождествен таким элементам структуры идеологической мощи государства, как доминантное общественное мнение и преобладающая эмоциональная атмосфера социума. В России подобная практика давно является фактом общественной жизни. Так, существуют корпоративные стипендии для студентов, все российские спортивные клубы и все литературные премии и премии в области искусства имеют своих корпо-

¹ Миссия (обещание) бренда – это совокупность выгод и позитивных ожиданий, имеющихся у потребителей относительно данного товара или услуги.

² Существует такой маркетинговый анекдот. Если на вечеринке юноша приходит к девушке со словами: «Говорят, в постели мне нет равных!» – это прямая продажа. Если к девушке на вечеринке подходит юноша, приглашает ее танцевать, провожает домой, звонит ей каждый день, дарит цветы и конфеты – это PR. Если к девушке подходит приятель юноши и говорит: «Говорят, в постели ему нет равных!» – это реклама. Если на вечеринке девушка подходит к юноше со словами: «Говорят, в постели вам нет равных!» – это уже бренд. Перечисленные на этой странице формы продвижения своих брендов современными ГК служат «завлечению девушки» без осознания ею факта маркетингового воздействия.

ративных спонсоров. Попечительские советы вузов и учреждений искусства и культуры состоят в основном из представителей крупных экономических корпораций.

Каковы же вероятные тенденции развития глобального процесса замещения мощи государства мощью ГК, в том числе и в идеологическом пространстве? На наш взгляд, такое замещение приведет следующему:

- станут более частыми и более масштабными кампании по увеличению прибылей ГК, завуалированные некими глобальными общественными интересами: охраной окружающей среды³, противостоянием терроризму⁴, противодействием новым болезням («птичий», «свиной», «козий» грипп)⁵ и т. д. ;

- постепенно, но значительно снизится степень защиты прав человека, особенно социально-экономических прав; вероятнее всего этот процесс будет проходить в сопровождении пропагандистской кампании, утверждающей, что, напротив, права человека защищаются как никогда прекрасно;

- произойдет расцвет манипулятивных технологий обработки массового сознания, обеспечивающих приход к власти политиков, которые действуют, прежде всего, в интересах ГК;

- будет целенаправленно снижаться уровень образованности населения и степень его информированности о сущности реально происходящих экономических и социальных процессов;

- наука постепенно превратится в сервильную, обслуживающую в основном интересы ГК;

- роль государства будет минимизирована;

- в ткань гражданского общества будут во всё большей степени целенаправленно внедряться структуры-симулякры, внешне радеющие об интересах народа (или конкретной социальной группы, права которой ущемляются), но реально служащие интересам ГК.

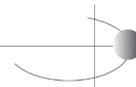
В рамках указанных тенденций потребность в развитии идеологической мощи ГК резко возрастет. Будут совершенствоваться элементы структуры идеологической мощи ГК, особенно материально-технические и технологические. Те же самые тенденции будут проявляться и в России.

Поскольку развитие мира, и общества в том числе, происходит циклически-волновым образом,

³ Меры, связанные с защитой озонового слоя или борьбой с «парниковым эффектом» в определенной мере подавили производство, связанное с использованием фреонов и побочным производством углекислого газа и принесли значительное увеличение прибылей компаний-конкурентов

⁴ Локальные войны в Евразии, усиление внутригосударственных мер безопасности связаны с повышением доходов военных корпораций и компаний, выпускающих средства обеспечения безопасности

⁵ Производство и распространение вакцин и соответствующих пропагандистских материалов увеличили прибыли крупных фармацевтических компаний

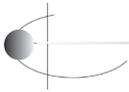
этап развития социума, связанный с господством ГК, через несколько десятилетий постепенно сменится этапом, характеризующимся подъемом, а затем и расцветом совокупной мощи государства как социального института. Однако это будет уже несколько иное государство, чем то, к которому мы привыкли на современном этапе истории человечества – как и ГК предстоящего периода

развития. Идеологическая мощь как государства, так и ГК, сохранив первенствующую роль и свои основные структурные характеристики, перейдет в иное качество. Прогноз развития идеологической мощи на этом, предстоящем, этапе, в том числе и прогноз для России, является предметом дальнейшего исследования авторов статьи.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) // Вопросы философии. 1998. № 2. С. 15.
2. Волков С. М. История русской культуры от Льва Толстого до Александра Солженицына. М., 2008. С. 146.
3. Ермаков Ю. А. Манипуляция над личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург. 1995. С. 18.
4. *Моргентау Г.* Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // Социально-политический журнал. 1997. № 2. С. 189–201.
5. Политология: энциклопедический словарь. М., 1993. С. 175.
6. Пресса в обществе (1959–2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / Авторы и исполнители проекта А. И. Волков, М. Г. Пугачева. С. Ф. Ярмолук. М.: Изд-во московской школы политических исследований, 2000.
7. Пуденко С. Комплексная мощь государства. Почему рухнул СССР и развивается Китай? // Альманах «Восток». 2006. № 5 (41)
8. Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. М., 1998. С. 16.
9. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 20.
10. Шустрова Т. В. Структура модели геополитического статуса государства // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2010. № 3. URL: <http://www.jurnal.org/articles/2010/polit7.html> 12.02.2011.
11. Шушарин А. С. Политология современного мира. URL: <http://www.shusharin.ru/soder.htm> 12.02.2011.

Рукопись поступила в редакцию 15 мая 2011 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК Д 27
ББК 81-7 + 81.2

М. С. Некрасова
г. Сямынь, Китай

Ассоциативная информация в газетном тексте

Статья посвящена специфике функционирования в текстах прессы фоновых ассоциативных представлений читателей газет современной России. Автор обобщает информацию по данному вопросу, делая акцент на аспекте когнитивного изучения явления. В статье представлены основные признаки ассоциативной информации в дискурсе и тексте.

Ключевые слова: текст, дискурс, фоновая информация, ассоциативная информация, значение, смысл, признак.

M. S. Nekrasova
Xiamen, China

Associative Information in the Texts of Press

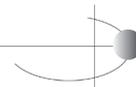
This article outlines the special function of the mind associations of readers of the modern Russian press. The author resumes information about this question making accent on the cognitive aspect of this problem. In this article some basic signs of the associations on the discourse and on the text are represented.

Keywords: information, associative information, text, discourse, sense, meaning, sign.

Взгляд на когнитивную семантику как на источник информации для проведения дискурсивного анализа традиционен для современной российской филологии, что подтверждают работы В. И. Карасика, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой, А. П. Чудинова. Обращение к семантике текста при анализе газетного дискурса также признано объективным и закономерным явлением, «поскольку основано (оно) на всеобщей связи и взаимодействии языковых единиц в процессе их функционирования» [1, с. 72]. При этом исследователи отмечают, что когниция «внеположена истинному значению и оперирует как (истинным) значением, так и заблуждениями» [8, с. 24].

Если понимать газетный текст как «живой текст» (Г.Д. Ахметова), характеризующийся открытостью, динамичностью, самоорганизацией, взаимодействием с другими текстами [2, с. 7–19], становится очевидным, что одностороннее семантическое исследование языковых единиц не может раскрыть полный набор ментальных представлений, т.к. часть их скрыта во внутренней структуре текста, развертывающейся при его композиционно-стилистическом анализе.

Тенденция сопоставления речепроизводной и ментальной деятельности, изучение одной посредством другой основана на комплексе новых фактов, полученных в результате многочисленных исследований лингвистической направленности, проведенных на языковом материале (ряд подобных работ представлен Н.Г. Комлевым [9, с. 68–80]). Обобщенные автором данные показывают, что логико-понятийный аппарат языкового сознания человека играет решающую роль в осуществлении им концептуализации внешней среды. Принципиально, что представители различных типов языкового сознания (как правило, имеется в виду национально-культурная специфика) могут членить общий поток поступающей к ним информации на какие-либо составляющие его единицы совершенно по-разному. О.А. Корнилов, например, выделяет следующие типы основных различий: несовпадение объемов значений одноименных понятий (или концептов); различная степень дифференциации их значений; несовпадение границ между смежными понятиями; наличие неодинаковых лексических лакун, обнаруживаемых только на фоне сопоставления разных языков [10, с. 180].

Всю информацию, прямо не выраженную текстом, принято называть фоновой информацией дискурса. Исследователи отмечают, что это – «социокультурные сведения, характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности» [7, с. 37]. Понятие этого компонента дискурса, связанного с взаимообусловленностью значения и смысла в языке, на наш взгляд, хорошо разработано в семиотике. Н.Б. Мечковская, Р.О. Якобсон и другие заключают, что язык является «наглядным примером многоуровневой семиотики, в которой информация хранится <...>, в виде «библиотеки значений» и в виде «библиотеки текстов» (в которых путем комбинации элементарных значений выражена более сложная и объемная информация) [13, с. 233]. Подтверждение находим и в выводах классиков русского языкознания: А.А. Потебня подразделяет значения слова на «ближайшее и дальнейшее»: «дальнейшее» у каждого по качеству и количеству элементов различно» [16, с. 19–20].

Из всего многообразия фоновой информации, характеризовать которую не позволяют рамки данной статьи, представляется допустимым остановиться на одном из ее видов – на ассоциативной информации. «Ассоциативная информация составляет существенную часть имплицитной информации, передаваемой в тексте» [3, с. 150]. Обращение к ассоциативным представлениям коммуникантов газетного дискурса в русле данного исследования обусловлено несколькими причинами.

Во-первых, исследователи современного текста, как художественного, так и публицистического, подтверждают значимость широкого диапазона фоновой информации в процессе коммуникации и познания мира людьми. Фоновую информацию определяют как «коллективно осознанную систему» устойчивых ассоциативно-образных представлений [5, с. 38].

Во-вторых, серьезные основания видятся в толковании современной российской наукой речемыслительных ассоциаций как категории, прямо соотносящейся как с семантическим, так и с когнитивным, и со стилистическим аспектами изучения языка. Так, подводя итоги проведенного психолингвистического эксперимента (ассоциативный опрос) Т. А. Талапова приходит к заключению, что ряд образов-ассоциативов раскрывает смысловое содержание концепта в сознании носителей языка [18]. Сама сущность ассоциативного представления является частью процесса концептуализации, которые М.В. Пименова определяет как «процесс идентификации искомого за счет выявления признаков» [15, с. 84].

В-третьих, представляется принципиальным, что когнитивные исследования должны от-

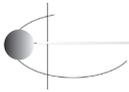
талкиваться от необходимости противопоставления научного и обыденного процессов познания [11]. При этом в ассоциациях отражены именно обыденные представления: ассоциации «связаны с самыми различными национальными историко-культурными явлениями <...>, не нашли своего отражения в специальных словарях, в безэквивалентной лексике, а «закрепились» в словах самых обычных. Они находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных оборотах, во внутренней словесной форме и т.п.» [7, с. 38].

Согласно приведенным данным, ассоциация – абстрактная величина, прямо соотносящаяся как со значением (семантическая категория), так и со смыслом (психолингвистическая категория) языковой единицы текста, и выступающая в нем признаком концепта (когнитивная категория).

Значимость ассоциативной информации в газетном дискурсе подтверждается, в первую очередь, ее реализацией в тексте газеты. Наиболее видимый уровень взаимосвязи ассоциативных представлений дискурса с текстом дискурса аналогичен, на наш взгляд, этому уровню в лексикологии: «смысл» тождественен «значению», обусловленному контекстом. В последние несколько лет зарубежные когнитологи опубликовали серию оригинальных работ, подтверждающих значимость контекста в процессе интерпретации текста. Достаточно упомянуть «кофейное пятно на странице», прочтение слова «bank» («берег» и «банк») англоговорящим сообществом или другие опыты, который описал Paul Thagard в качестве «примитивных» иллюстраций значимости контекста в процессе интерпретации его компонентов [22, с. 124–125]; идеи Т. Horgan, J. Tienson [20]; эксперименты других зарубежных когнитологов.

Российская филология, изыскания которой проводятся в большей мере в области лингвистики текста, также утверждает наличие в нем разного рода скрытой информации, которую в самом широком смысле принято называть фоновой. Ассоциации «сообщают дополнительную информацию, оценку действия, отношение к действию» [12, с. 61–62].

При этом исследователи разного времени и разных направлений научного поиска акцентируют внимание на разных аспектах понятия. Например, Уард Гуднаф замечает значимость культурной компетенции коммуникантов, о важности временного аспекта («ментальная экипировка эпохи») говорит С. Лурье, В.С. Виноградов – о первоочередной роли национальной общности коммуникантов, Гюббенет – о культурном фоне дискурсантов. Из этого следует, что ассоциативная информация авторов и читателей сегодняшних российских газет связана с социо-культурными,

духовными ценностями участников дискурса современной прессы России.

Более широкое понимание функции ассоциации как речемыслительной категории можно обнаружить в ранних работах по общему языкознанию. Приведем несколько характерных высказываний. А.А. Потемби: «Практическое значение теоретического языкознания должно состоять в том, чтобы сообщить человеку убеждение в субъективном содержании слова и уметь выделить этот элемент из объективного сочетания мысли и слова» [16, с. 206]; «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [16, с. 98]. Н.В. Крушевский отмечал: «Законы ассоциации одинаково важны для понимания как психических, так и языковых явлений. Эти законы превращают бесконечную массу слов в одно стройное целое <...>, <...> делают возможным существование языка <...>. Ассоциация сходства дает начало слову, а ассоциация смежности дает ему значение. Развиваясь, язык вечно стремится к полному общему и частному соответствию мира слов миру понятий» [13, с. 149]. Слово своей устойчивостью фиксирует систему психических ассоциаций, образующих содержание понятия. Таким образом, природа ассоциаций антропологична, в процессе функционирования ассоциаций в дискурсе чрезвычайно важен психологический аспект.

Рассмотрим функционирование ассоциативной информации на материале газетных текстов, в которых авторами с разными целями использовалось слово «мозг». «Мозг – центральный отдел нервной системы человека и животных – вещество, заполняющее череп и канал позвоночника; орган мышления у человека; (перен.): ум, умственные способности человека (разг. шутил.)» – такое значение слова даёт словарная статья [ТСО, с. 457]. В следующих примерах контекст указывает на употребление слова во втором, переносном значении.

«Утечка денег, мозгов, мыслей» – заголовок материала на первой полосе («Литературная газета», № 43 от 22 октября 2002 г.). Многие газеты цитируют быстро ставшие популярными слова В.В. Путина: «Если мозги утекают, значит, они есть». Прагматический смысл метафор – умные, способные, мыслящие люди вынуждены покидать родину, чтобы найти применение своим способностям за рубежом.

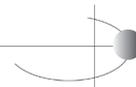
Приведем еще пример: «Есть еще один интересный балетмейстер – Алексей Ратманский. У него талант, как у Лифаря, он и сам танцор замечательный, и хореограф прекрасный. Вкус есть у него. Знаете, я первый раз в жизни увидела на сцене человека, который, по большому счету, зна-

ет, зачем он на сцене. “Конек” ему абсолютно по зубам, по мозгам, но он не работает в России» (из интервью балерины Майи Плисецкой, газета «Коммерсантъ», № 155 от 25.08.1998 г.). В данном примере к значению добавляется понятийный компонент «способности», на который указывают как грамматические особенности формы слова (по зубам = по мозгам), так и расположение слова в тексте: он может, но он не работает. Характеристику профессиональных данных раскрывает словесный ряд: интересный балетмейстер, замечательный танцор, прекрасный хореограф, вкус, талант. Противопоставляющее *но* занимает место за разговорными *по мозгам*, по зубам, что подтверждает верность предложенной здесь интерпретации.

«Русская служба промывания мозгов» – заголовок другой публикации того же периода новейшей истории нашей страны: (Газета.ру от 17 апреля 2000 г.). Прагматическая парадигма метафоры «промывать мозги» – негативное воздействие на сознание населения, это воздействие оказывается сознательно и со злым умыслом. Здесь мозг – воплощение сознания. А смысловые и оценочные компоненты обнаруживаются и в других текстах. Например: «В мозгах ни пятнышка. Сомнений». Это заголовок публикации. А вот фрагмент текста: «СМИ делают присутствие рекламы в нашей жизни настолько естественным, что мы, равнодушные или возмущенные ее навязчивостью, теряем возможность оценить то, насколько эффективно она промывает нам мозги» («Новая газета», № 63 от 32 августа 2000 г.).

Можно обнаружить в газетах и тексты, достоверно не раскрывающие понятия, репрезентируемого словом. Например: «Государство в такой ситуации должно реагировать мудро, но жестко. Вы сказали про добропорядочные личности, но вот добропорядочные личности тем и отличаются от других, что у них даже при появлении соблазнов всё-таки работают мозги, и они не совершают преступлений...» (газета «Новые известия» от 24.12.08, предновогоднее интервью президента Д. Медведева берет Д. Киселев). В данном случае автор высказывания, как представляется, вкладывал в слово «мозг» понятия о совести или самосознании, хотя достоверно утверждать это невозможно.

Исследование текстов показывает, что проявление ассоциаций в дискурсе прессы (с точки зрения адресата) связано с его композиционной структурой и не может не влиять на процесс композиции газетной публикации (с точки зрения адресанта). Не подлежит сомнению, в таком случае, и значимость роли ассоциативных представлений в структуре дискурса прессы. На наш взгляд, усиление этой значимости можно наблю-

дать в тех областях языкового пространства прессы, которые подвержены наиболее сильной трансформации. К таким областям следует отнести и те, для которых в большой степени характерны нормативные сдвиги. Следует подчеркнуть, что функционирование ассоциативной информации в дискурсе зависит от социальных, культурных, временных и пространственных характеристик – с одной стороны; и от антропологических особенностей участников дискурса – с другой.

Следует понимать, что выявление и точное наименование ассоциации могут быть выполнены достаточно условно. Подобная оговорка признается многими отечественными исследователями. Е.Г. Борисова и Ю.К. Пирогова замечают, что ассоциативная информация «настолько разнообразна, так различается у разных социальных групп и даже отдельных носителей, что ее очень трудно учитывать достаточно полно» [3, с. 150]. В.С. Виноградов пишет, что ассоциации «весьма своеобразно воплощены в языке» [7, с. 38]. Однако ряд исследований в этом русле последних лет подтверждают факт устойчивости и значимости ассоциативной информации в структуре дискурса. Так, изучая газетный языковой материал, Т.В. Чернышова говорит об «устойчивости стереотипов сознания, включенных в круг привычных ассоциаций» [19, с. 27].

Исходя из опытов работ упомянутых здесь авторов, представляется возможным обнаружить ключевые ассоциации путем исключения из когнитивного сценария его понятийно-смысловых компонентов, распознавая их как «неизреченный остаток» (У. Эко), т.е. **имплицитный, невербализованный**, находящийся в подтексте смысл, присутствие которого реципиентом, как правило, всегда ощущается (цит. по: [17, с. 13]. Из обоб-

щенных здесь данных следует, что при выделении ассоциативной информации в структуре дискурса следует учитывать, на наш взгляд, следующие ее характеристики:

1. Типичность ассоциативной информации. Вероятно, этот признак можно считать базовым, являющимся основным условием успешной коммуникации. «Иллюзии восприятия однотипны у разных людей», – утверждает Ж. М. Carrol [21, с. 13].

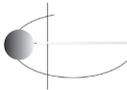
2. Социальная обусловленность ассоциативной информации. Ее различие в зависимости от ориентированности СМИ на определенную читательскую аудиторию. «Ассоциативный фон повествования <...> в разноориентированных СМИ разный» [19, с. 49].

3. Актуальность ассоциативной информации. Динамика популярности тех или иных ассоциативных представлений, сопутствующих передаче понятий в дискурсе, взаимосвязана с диапазоном среды коммуникантов. Чем шире круг лиц, охваченных определенным дискурсом, тем тверже позиция ассоциаций, свойственных дискурсу и его отдельным единицам, имеющим языковое воплощение. Так, в последние годы была подтверждена актуальность составных частей общекультурного компонента литературных аллюзий в газетном дискурсе [14].

4. Культурная обусловленность ассоциативной информации. «Язык и культура могут рассматриваться как партнеры по коммуникации. Культура может самоописываться, саморепрезентироваться в языке. Следует отметить, что культурные категории включены в лингвистические механизмы» [4, с. 56]. Фоновые и коннотативные единицы относят к лингвокультурному компоненту лексики также Е.М. Верещагина и В.Г. Костомаров [6].

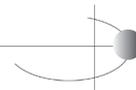
Список литературы

1. Абдуллина Л.Р. Концептуальный подход к семантике языковых единиц в дискурсе // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 8. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2010. С. 68–73.
2. Ахметова Г.Д. Языковые процессы в современной русской прозе: (на рубеже XX–XXI вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 168 с.
3. Борисова Е. Г., Пирогова Ю. К. Имплицитная информация в рекламе и пропаганде // Имплицитность в языке и речи. М.: «Языки русской культуры», 1999. 200 с.
4. Брагина Н.Г. Имплицитная информация и стереотипы дискурса // Имплицитность в языке и речи. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 43–58
5. Векшин Г. В. Языки общения и функциональные стили (в их отношении к тексту) // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной. М.: МГУП, 2002. С. 35–67.
6. Верещагина Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. 320 с.
7. Виноградов В. С. Перевод: Общие и лексические вопросы: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. М.: КДУ, 2004. 240 с.
8. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. № 4. М., 1994. С. 17–33.
9. Комлев Н. Г. Слово в речи. Денотативные аспекты. Изд. 2-е, стереотипное. Москва: Едиториал УРСС, 2003. 216 с.
10. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.

11. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. Тамбов: Изд-во Тамбовского Гос. университета, 2004. С. 6-17.
12. Лозовский Ю.Г. Языковые средства создания имиджа известной личности: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2009. 196 с.
13. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 432 с.
14. Новохачева Н.Ю. Стилистический прием аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков: дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2005. 279 с.
15. Пименова М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 79–86.
16. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I, II. / Т. I. М., 1958.
17. Садченко В.Т. Вторичный семиозис в художественном тексте: автореф. ... док. филол. наук. Владивосток, 2009. 40 с.
18. Талапова Т.А. Концепт «вера/неверие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2009. 23 с.
19. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М.: URSS, 2007. 295 с.
20. Шепелева Д.А. Роль контекста в интерпретации метафорических значений сложных слов // Филология и культура: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. Тамбов: изд-во ТГУ, 2007. С. 203–212.
21. Carrol J. M. On fallen horses racing past barns // C. S. Masek ed. Papers from the Para session on language and behavior. Chicago (Ill): U. of Chicago Press, 1981. P. 9–19.
22. Thagard Paul. Mind: Introduction to Cognitive Science. 2nd ed: England, London: The MIT Press (Cambridge, Massachusetts), 2005. 266 p.

Рукопись поступила в редакцию 01 июня 2011 г.

УДК 811.161.1'373.4
ББК 21.002.3

Л. И. Плотникова
г. Белгород, Россия

Деривационный и когнитивно-прагматический потенциал лексических новообразований в живой разговорной речи

Словотворчество можно считать уникальным явлением языковой личности. Зафиксированные в живой разговорной речи лексические новообразования свидетельствуют об активном словотворчестве, позволяют определить продуктивность той или иной словообразовательной модели, выявить наиболее активные деривационные форманты. Каждое из созданных слов демонстрирует потенциал языковой системы и отражает определённые тенденции современного словопроизводства.

Ключевые слова: словотворчество, лексические новообразования, концептуальная организация, деривационные модели.

L. I. Plotnikova
Belgorod, Russia

Derivational and Cognitive-pragmatic Potential of Lexical New Formations in Colloquial Speech

Word creation can be considered a unique phenomenon of linguistic identity. New formations, recorded in the colloquial vocabulary, reveal the active word creation. They allow us to determine the productivity of a formative model, reveal to identify the most active derivational formants. Each of the created word demonstrates the potential of the linguistic system and reflects certain tendencies of the modern word derivation.

Keywords: word creation, lexical neoplasms, conceptual organization, derivational models.

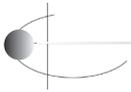
Процесс словотворчества можно рассматривать как уникальное явление языковой личности. Он направлен на создание *новой* лексической единицы, отвечающей требованиям определенного коммуникативного акта, поэтому по сути своей данный процесс является креативным. Креативность (от лат. *creatio* – сотворение, создание) определяют как понятие, включающее в себя прошлые, сопутствующие и (или) последующие характеристики процесса, в результате которого человек (или группа людей) создает что-либо, не существовавшее прежде [8, с. 16]. Известны разные виды творчества: научное, художественное, техническое и др. Несмотря на различия, «это всегда деятельность, порождающая нечто качественно новое, отличающееся неповторимостью и оригинальностью» [4, с. 91].

Креативность можно исследовать как продукт и процесс творчества, а также как способность и свойство личности. Как *продукт творчества* она характеризуется количеством, качеством и значимостью. При этом признаётся, что данные показатели могут быть результатом не только креативной, но и общей продуктивности работы. При изучении креативности как *процесса* выделяются различные стадии, уровни и типы творческого мышления. По данным самонаблюдения извест-

ных учёных были выделены и описаны четыре стадии творческого мышления, которые обозначены как подготовка, созревание, вдохновение и проверка истинности. Креативность как *способность* личности включает следующие параметры: 1) оригинальность – способность продуцировать отдалённые ассоциации, необычные ответы; 2) семантическую гибкость – способность выделить функции объекта и предложить его новое использование; 3) образную адаптивную гибкость – способность изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности; 4) семантическую спонтанную гибкость – способность продуцировать разнообразные идеи в сравнительно неограниченной ситуации.

Креативность как *свойство личности* связана с понятием «само-актуализации», выявляющей корреляции между выбором объектов и особенностями творческой личности (установлено, например, что предпочтение сложных объектов коррелирует с такими чертами творческой личности, как беглость речи, импульсивность, независимость суждений, оригинальность, широта интересов) [7, с. 58–59].

Творческое отношение к языку проявляется в первую очередь в создании новых слов. Ю. Н. Караулов соотносит это явление с первым уровнем,

отмечая, что создание новых слов, новых сочетаний, обогащение значения привнесением в него элементов субъективного смысла является «наиболее выразительной иллюстрацией языкотворчества» [6, с. 240]. Учёный справедливо полагает, что богатейшим источником речевого творчества являются также и когнитивные преобразования, но начинать рассмотрение языка как творческой деятельности личности следует с прагматического уровня, так как «каждый человек для выражения даже простейших личностных <...> интенциональностей всегда находит собственные, неординарные средства и способы. Потому человек и выступает как творец языка практически в каждый момент построения высказываний, которые не могут не содержать модального, интенционального компонента, а последний как раз и является предпосылкой творчества» [6, с. 240].

Механизм, определяющий творческую природу речевой деятельности индивида, имеет сложную структуру и в первую очередь связан с мышлением как особым видом психической познавательной деятельности человека. Одним из главных качеств мышления психологи считают деятельность, в результате которой субъектом достигается новое обобщенное знание. Данное качество соотносится с мотивами деятельности, которые регулируют различные формы деятельности человека и «всегда представляют собой иерархическую структуру движущих сил поведения личности, которая, с одной стороны, является устойчивым образованием, связанным со структурой личности, с другой – образованием динамичным, меняющимся в зависимости от особенностей ситуации» [5, с. 46].

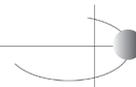
Говоря о языке как системе выразительных средств, являющейся данной для коллектива и для каждого индивида, Л.В. Щерба вместе с тем обращал внимание на то, что «эта самая система имеет богатые средства для выражения любого дерзания мысли, любых ее нюансов, вплоть до самых тонких – только надо уметь найти эти средства. Они не даны в готовом виде: готовы только шаблоны. Но они есть, и всякий ищущий находит их» [9, с. 131]. Таким образом, выразить новую мысль по-новому – это очень сложная задача. Однако необходимо помнить, что «<...> наша языковая сокровищница является неисчерпаемым запасом для всякого новотворчества в области языка. <...> Сокровищница эта полна всяких готовых мыслей, готовых шаблонов, фраз, образов и оборотов. <...> Но она имеет в виде этих самых шаблонов и богатый запас материалов для новотворчества, для выражения новых мыслей и новых чувств. <...> Если мы отвергнем эту сокровищницу, то нам или придётся обращаться к варягам, т.е. заимствовать слова и образы из других языков, или

вернуться в первобытное состояние и начинать накопление с самого начала» [9, с. 134]. Таким образом, речетворчество, рассматриваемое через призму лингвокреативного мышления «как проявление коллективного менталитета (языкового сознания говорящих), <...> с неизбежностью порождает, с одной стороны, стереотипы, способствующие эффективной коммуникации, с другой стороны, создаёт возможность творческого отхода от стандартных способов выражения самосознания языковой личности (способов языкового самовыражения личности). Последнее зависит от уровня лингвистической компетенции говорящих: владения лексикой, грамматикой языка, умения адекватно воспринимать и порождать тексты в соответствии с коммуникативными задачами и т.п.» [2, с. 10–11].

Нарушение языкового стандарта может зависеть от *личностных образований*, включённых в процесс мышления, к которым относят: 1) взаимосвязь отдельных черт личности с некоторыми особенностями мышления (имеются в виду такие свойства личности, как импульсивность, уверенность/неуверенность, активность и др.); 2) позицию личности (так называемую «социальную позицию», отношение индивида к определенной социальной группе); 3) эмоциональные компоненты (внутренние психологические явления личности).

Проведённые психологами в этом направлении эксперименты показали, что наиболее творческие решения всегда оказывались связанными с высоким уровнем эмоциональной активации.

Творческое начало определяется и *внутренней мотивацией* мыслительной деятельности. «Познавательная внутренняя мотивация, функционирующая в мыслительной деятельности как особое психологическое образование, обусловливаемое взаимодействием субъекта с объектом – непосредственным предметом и целью деятельности – может закрепляться за субъектом и как система доминирующей мотивации превращаться в особое качество личности, обозначаемое иногда как стремление к творчеству, или «креативность». <...> Внутренняя мотивация мыслительной деятельности составляет одно из важнейших, решающих условий её развития, эффективности, перехода к высшим формам продуктивного творческого мышления» [5, с. 73]. Таким образом, речетворчество предполагает творческое использование языка, что означает определённое воздействие на него индивидуума, обусловленное внутренней мотивацией. «Сможет ли то, что движет человеком изнутри и извне, отразиться в языке, это зависит от живости языкового сознания, превращающего язык в зеркало мира. Степень глубины восприятия, с которой это происходит, зависит от

тонкости духовного настроения и от силы воображения, с которой человек, пусть сам недостаточно ясно сознавая, влияет на свой собственный язык» [3, с. 400].

«Лингвокреативное мышление обеспечивает (обуславливает) динамичность коллективного и индивидуального языкового сознания, ибо оно обращено к использованию потенциала языковых единиц, важнейшей из которых является слово» [2, с. 11]. Создание новообразований представляет собой ту сферу номинативной деятельности, в которой ярко проявляются творческие возможности языковой личности, направленные на создание лексических единиц, необходимых для процесса коммуникации и отражения познавательной деятельности.

Таким образом, механизм языкотворческой деятельности имеет сложную природу. В первую очередь он связан с мышлением, а также зависит от личностных образований и обусловлен внутренней мотивацией мыслительной деятельности.

Для исследования особенностей словопроизводственного процесса необходим комплексный анализ производных слов, учитывающий специфику их концептуальной организации, деривационной структуры и функциональной предназначенности. Новообразования – это, как правило, слова производные, представляющие собой сложные структурно-семантические образования, поэтому они позволяют демонстрировать связи и отношения, существующие между концептуальными структурами сознания. Можно считать, что каждой части производного слова соответствует определенный базовый, или элементарный, концепт. Следовательно, словообразовательная структура новообразования позволяет установить отношения между базовыми концептами. Этим, по нашему мнению, определяется актуальность использования языкового материала как основы для реконструкции когнитивных процессов.

Довольно ярко словотворческие возможности говорящего проявляются в повседневной разговорной речи. Собранный языковой материал позволяет говорить о наиболее продуктивных моделях, выделить наиболее интенсивно пополняющиеся группы новообразований и выявить определенные тенденции словотворчества в живой речи носителей языка. Так, среди зафиксированных нами лексических новообразований в количественном отношении выделяется группа *номинаций лица – производителя действия*. Новообразования данной группы образованы на основе развёрнутых описаний, соответствующих следующей схеме: «*тот, кто ... (производит определенное действие)*». Например: *Ты сегодня совсем не можешь сосредоточиться // Прыгаешь*

как-то бестолково с одного на другое // Сосредоточься / прыгатель / иначе мы так и не сможем нормально поговорить //; Спасибо тебе / спасибо // Ты столько слов красивых сказал / неловко даже // Спасибо / дорогой поздравитель // Я так рада / что ты позвонил //; Вот-вот / ты как всегда вовремя / опять не могу подобрать нужное слово // Хорошо / что ты всегда рядом / мой подсказыватель //. В данных примерах тот, кто прыгает (с одного на другое) – *прыгатель*; тот кто поздравляет – *поздравитель*; тот, кто подсказывает – *подсказыватель*.

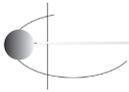
Группа слов с указанным значением пополняется довольно интенсивно, причём наибольшую продуктивность в создании новообразований проявляет суффикс *-тель*: *закрывать*, *избивать*, *изучать*, *обтрясать*, *отвлекать*, *повышать*, *праздновать*, *преуспевать*, *проталкивать*, *сбивать* и др.

Среди других деривационных формантов, активно участвующих в образовании инноваций данной группы, можно выделить суффикс *-щик*, например: *Повесишь полочку / а потом всё-таки повесим картину в зале // Она мне очень нравится / плохо без неё / непривычно // Побудь сегодня прибивальщиком / постарайся уж / не каждый день прошу тебя об этом //; Перестаньте все нервничать // Я и так переживаю очень // Лучшие успокоить всем // И А. тоже сегодня вместе со мной переживальщик // Когда всё это только закончится? //*

В подобного рода словах объективируются базовые концепты лица и выполняемого им действия, причём концепт действия вербализован в основе слова, а репрезентантами лица, как свидетельствует языковой материал, являются суффиксы *-тель*, *-щик*, *-ист*, *-ец*, *-ант*, *-ач*. Способ концептуализации, выявляемый на основе отношений членов пропозиции (субъект, характеризуемый по выполняемому им действию), в данном случае можно определить как процессуальный.

Фактический материал позволяет выделить в отдельную группу новообразования, обозначающие *лицо – производителя действия, направленного на объект*. Ономасиологическая модель в данном случае соответствует следующей схеме дескрипта: «*тот, кто производит действие, направленное на объект*». Когнитивная модель соответствует пропозициональной структуре: S – V – O, то есть она включает аргументы субъекта, действия и объекта, на который действие направлено.

Словообразовательный анализ свидетельствует о том, что в новообразованиях анализируемой группы репрезентируются все три базовых концепта, при этом концепты действия и объекта закодированы основами слов, а концепт лица –

аффиксом: «тот, кто носит книги – книгоносец»; «тот, кто пишет планы – планописец»; «тот, кто «мотает нервы» – нервомотатель и др. Какие справки он опять собирает? // Для чего они ему? // Что он опять придумал / не знаешь? // - Думаю / что он опять оформляет какой-нибудь кредит // Он сейчас весь в долгах / и не может остановиться // Наверное уже должны обратить внимание на этого .../ **кредитопросителя** //; Может ты наконец-то займёшься делом? // Сколько можно читать? // От книг не оторвёшь // Я понимаю / интересно / конечно / но нельзя же быть **книгоглотателем** // Читаешь всё подряд / без остановки и без разбора //.

Слова, относящиеся к данной группе, являются сложносuffixальными образованиями. Зафиксированы также новообразования, в которых вторая основа представлена *узальным* словом, обозначающим лицо – производителя определенного действия: *газетприобретатель*, *картиноискатель*, *садоохранник* и др. *Боже мой! // Она неделю уже ищет себе новую сумочку под эти невероятного цвета туфли // У нас вся жизнь теперь подчинена только этому // И бесполезно её сейчас о чём-то просить // Она неменяемый сумкоискатель // Попробуйте переключить её с этого занятия на что-то другое // По-моему / бесполезно//; А где это наш охранник? // Опять на работе? // И опять ушёл на сутки? // Что-то он давно уже без выходных // Интересно / а он не хочет поработать домоохранником? //.*

Репрезентантом субъекта может выступать и нулевой суффикс, например: «тот, кто любит есть рыбу – *рыбоед*»; «тот, кто любит борщ – *борщеед*»; «тот, кто творит добро – *добротвор*» и др. – *Пойду супчика похлебаю // Что-то очень есть захотелось / вас не дождёшься // - Иди / иди / супохлёб / похлебай / приятного аппетита! //; Сейчас вот закончу мазать эту стену / и начнём клеить обои в комнате // - Давай похустрее / **стеномаз** // Иначе не успеем закончить до среды //.*

В соответствии с выделенными базовыми концептами способ концептуализации можно обозначить как *процессуально-объектный*.

Среди новообразований, обозначающих *нелицо*, активно пополняемой является группа *номинаций свойства, качества, обусловленного каким-либо признаком*. Все новообразования указанной группы объединяются одной схемой развернутого описания: «*то свойство, которое обусловлено ... (признаком)*». Слова данной группы выражают самые разнообразные значения:

1) свойство как социальное, общественно-политическое, идейное, научное или эстетическое направление, образ мыслей. Данное значение характерно для новообразований с суффиксами *-изм* и *-ость*: *чепухизм*, *тороповизм*, *чичиковизм*;

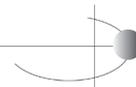
злостьность, *лозунговость*, *недобрость*, *неразворотливость*, *простофильность*, *страшности* и др. *Надоели эти постоянные упрёки, ссоры / причём чем дальше / тем больше // И никакого про света // Как выходить из этого состояния **скандальности**? //; Ты всё можешь / тебе все подчиняются / для всех ты царь и бог / но только не для меня // Извини / меня эта твоя ... **крутость** / совершенно не касается // А если тебе это не по душе / извини...//.* В последнем примере новое знание выводится с опорой на базовый признак: *крутой* – о человеке, демонстрирующем своё большое влияние;

2) отрицательно оцениваемое свойство. Это значение выражают слова, в которых репрезентантом отрицательно оцениваемого признака является суффикс *-щин(а)*. В.В. Виноградов, анализируя суффиксы отвлеченных понятий в известной книге «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», выделил «очень продуктивный суффикс *-щин(а)*, служащий для образования отвлеченных слов, которыми обозначаются характеристические общественно-бытовые явления, идейные течения с отрицательной окраской. Соответствующие слова производятся очень часто от имен лиц, деятельность которых служит характерным признаком эпохи, режима, общественных явлений, идейных направлений или выражает их сущность. По-видимому, суффиксы *-щин(а)* и *-овщин(а)* начинают быстро расширять сферу своего употребления около середины XIX в. ... Но наибольшей экспрессивной силы и продуктивности достигает этот суффикс в начале XX века. Ср.: патриархальщина, кружковщина, уголовщина, зубатовщина и т.п.» [1, с. 122].

Отмеченная В.В. Виноградовым продуктивность моделей с суффиксом *-щин-* проявляется и в настоящее время. Причем репрезентантами определенного свойства довольно часто являются фамилии известных политиков, общественных деятелей, экономистов: *жириновщина*, *кашиповщина*, *ходорковщина*, *пугачёвщина* и др.

Репрезентантами свойства могут выступать и имена нарицательные, выражающие самые разнообразные значения: *ковбойщина*, *разгильдяйщина*, *застойщина* и др. *Вечером дома хоть не появляйся / каждый день одно и то же // В каждой комнате просмотр своих телесериалов // Всё по расписанию // Не семья / а сплошная **сериальщина**... //; - Что ты щёлкаешь постоянно этим пультом? // Что там можно хорошего найти? // – Куда не переключу / везде одна **рекламщина** // Хочется посмотреть что-то путное / но не получается //.*

К новообразованиям с указанным значением можно отнести новые слова с компонентом *-мания*, который выражает пристрастие, болезнен-

ное влечение к кому-, чему-либо: *бумагомания, гамбургеромания, чипсомания, компьютеромания, конкурсомания, стрессомания, тарзаномания* и др. *Да / наверное / тебя можно сегодня и не ждать // Если уж ты решила пробежаться по магазинам / это надолго // Можешь не возражать / твоя **магазиномания** нам всем известна //; Завтра буду поздно / и послезавтра тоже // А чему вы удивляетесь? // Время отчётов // Пошла не работа / а сплошная **отчётномания** //; Вы обратили внимание / никто и не пошёл на обед / а время обеденное // Знаете / почему? // У нас повальная **диетомания** // Каждый помешан на какой-то своей диете //; Ты что / тоже завязана с кредитом? // Как вы все не боитесь? // Сплошная **кредитомания**! // Это так ответственно! // А если возникнут проблемы с работой? // Как потом отдавать эти долги? //.*

Когнитивная модель новообразований рассмотренной группы отвлеченного свойства, обусловленного признаком, соответствует концептуальной схеме $N(Prop) - Rel. - Attr.$, где $N(Prop.)$ – имя, обозначающее какое-либо свойство, $Rel.$ –

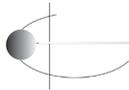
релятор, выражающий отношения обусловленности, а $Attr.$ – признак.

Анализ живых языковых фактов свидетельствует об активном словотворчестве носителей языка, демонстрирует активизацию тех или иных словообразовательных моделей, выявляет наиболее продуктивные деривационные форманты. В процессе словопроизводства говорящий выбирает известные ему словообразовательные модели и средства, опираясь на значения, закреплённые за отдельными элементами слов. Данное положение подтверждается тем, что большая часть новообразований – это слова потенциальные, созданные по продуктивным словообразовательным моделям в соответствии с правилами русского словообразования. Созданные с определённой коммуникативной целью слова свидетельствуют о креативных способностях языковой личности. Кроме того, заполняя пустые клетки языковой системы, новообразования выявляют заложенные в ней возможности и отражают новые явления в сфере современного словопроизводства.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 297 с.
4. Злобин А. Н. Переводческие трансформации как креативные действия переводчика // Филология и культура / Материалы IV Международной научной конференции 16–18 апреля 2003 года. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2003. С. 91–93.
5. «Искусственный интеллект» и психология / отв. ред. О. К. Тихомиров. М.: Наука, 1976. 343 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
7. Психология личности / под ред. П. П. Горностая и Т. М. Титаренко. Киев: Рута, 2001. 319 с.
8. Трик Х. Е. Основные направления экспериментального изучения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М.: Знание, 1981. С. 293–303.
9. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. 187 с.

Рукопись поступила в редакцию 2 июня 2011 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бадмаев Андрей Захарович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: badmaevaz@yandex.ru

Badmaev Andrey Zakharovich, Candidate of Historical Sciences, Associate professor of the Department of General History, Buryat State University (Ulan-Ude Russia), e-mail: badmaevaz@yandex.ru

Балдандоржиев Жаргал Баирович, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: zhargal1977@mail.ru

Baldandorzhiev Zhargal Bairovich, Postgraduate student, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: zhargal1977@mail.ru

Белевцова Виктория Олеговна, аспирант, ассистент кафедры истории и теории мировой культуры, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия (Самара, Россия), e-mail: m.b.nika@mail.ru

Belevtsova Viktoria Olegovna, Postgraduate student, Assistant teacher of the Department of History and World Culture Theory, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities (Samara, Russia), e-mail: m.b.nika@mail.ru

Беспалько Денис Николаевич, аспирант, старший преподаватель кафедры Отечественной истории, Читинский государственный университет (Чита, Россия), e-mail: bur14zum88@mail.ru

Bespalko Denis Nikolaevich, Postgraduate student, Senior teacher of Russian History Department, Chita State University (Chita, Russia), e-mail: bur14zum88@mail.ru

Большаков Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой теории коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: snbolshakov@mail.ru

Bolshakov Sergey Nikolaevich, Doctor of Political Sciences, Associate professor, Head of the Department of the Theory of Communication, St.-Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: snbolshakov@mail.ru

Большакова Юлия Михайловна, кандидат политических наук, доцент кафедры менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: snbolshakov@mail.ru

Bolshakova Julia Mikhailovna, Candidate of Political Sciences, Associate professor of Management Department, St. Petersburg State University of Service and Economics (St. Petersburg, Russia), e-mail: snbolshakov@mail.ru

Васильева Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Vasilieva Svetlana Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: sv_vasilieva@mail.ru

Верецагин Сергей Борисович, заведующий музеем, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: forevich@inbox.ru

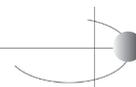
Vereshchagin Sergey Borisovich, Director of museum, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: forevich@inbox.ru

Вивдыч Мария Александровна, старший преподаватель кафедры философии, политологии и культурологии, Благовещенский государственный педагогический университет (Благовещенск, Россия), e-mail: rektorat@bgpu.ru

Vivdych Maria Aleksandrovna, Senior teacher of the Department of Philosophy, Politology and Culturology, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia), e-mail: rektorat@bgpu.ru

Гадышев Сергей Алексеевич, аспирант кафедры международных отношений, регионоведения и политологии, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Россия), e-mail: gadyshev@rambler.ru

Gadyshev Sergey Alekseyevich, Postgraduate student, Department of International Relations, Regional Studies and Politology, Volgograd State University (Volgograd, Russia), e-mail: gadyshev@rambler.ru

Гарбуз Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии, Бурятская Государственная Сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова (Улан-Удэ, Россия), e-mail: giv-1971@mail.ru

Garbuz Irina Viktorovna, Candidate of Historical Sciences, Senior teacher of Philosophy Department, Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov (Ulan-Ude, Russia), e-mail: giv-1971@mail.ru

Готовщик Антонина Сергеевна, аспирант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: konstant1956@mail.ru

Gotovshchik Antonina Sergeevna, Postgraduate student, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: konstant1956@mail.ru

Дроботушенко Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, декан исторического факультета, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko Yevgeny Victorovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Dean of History Faculty, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: DRZZ@yandex.ru

Еланцева Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, Россия), e-mail: elantceva@lib.dvgu.ru

Yelantseva Olga Pavlovna, Doctor of Historical Sciences, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia), e-mail: elantceva@lib.dvgu.ru

Иванчина Оксана Александровна, ассистент кафедры истории и теории мировой художественной культуры, Поволжская государственная социально гуманитарная академия (Самара, Россия), e-mail: oksana77786@mail.ru.

Ivanchina Oxana Aleksandrovna, Assistant teacher of the Department of History and World Culture Theory, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities (Samara, Russia), e-mail: oksana77786@mail.ru.

Иванов Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и отечественной истории, Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия), e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Alexander Aleksandrovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Political Science and National History Department, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), e-mail: ottisk@irmail.ru

Карнаухова Елена Евгеньевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии, факультет международных отношений, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия), e-mail: karnau-elena@yandex.ru

Karnaukhova Yelena Yevgenyevna, Senior teacher, The Department of Foreign Languages and Language and Culture Studies, The Faculty of International Relations, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russia), e-mail: karnau-elena@yandex.ru

Комлева Наталья Александровна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории политической науки, Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: Komleva1@yandex.ru

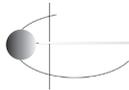
Komleva Natalia Aleksandrovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of the Theory and History of Political Science, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), e-mail: Komleva1@yandex.ru

Курас Татьяна Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры судебного права, юридический институт, Иркутский Государственный университет (Иркутск, Россия), e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Kuras Tatyana Leonidovna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor of the Department of Judicial Law, Law Institute, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia), e-mail: tanya_kuras@mail.ru

Мишакова Оксана Эдуардовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музейных технологий и охраны наследия, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств (Улан-Удэ, Россия), e-mail: oksana_mishakova@mail.ru

Mishakova Oksana Eduardovna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Head of Museum Technologies and Heritage Protection Department, East-Siberian State Academy of Culture and Arts (Ulan-Ude, Russia), e-mail: oksana_mishakova@mail.ru

Некрасова Марина Сергеевна, преподаватель Сямыньского Государственного университета, аспирант Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского (Сямынь, КНР), e-mail: nemakra1971@yandex.ru

Nekrasova Marina Sergeevna, Russian teacher, Xiamen State University, Postgraduate student of Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. Chernyshevsky (Xiamen, the People's Republic of China), e-mail: nemakra1971@yandex.ru

Никонов Сергей Борисович, кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), e-mail: nikonovs@mail.ru

Nikonov Sergey Borisovich, Candidate of Political Sciences, Associate professor of the Department of International Journalism, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia), e-mail: nikonovs@mail.ru

Номоконов Алексей Александрович, аспирант кафедры истории, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Nomokonov Aleksey Aleksandrovich, Postgraduate, student of the History Department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: aleksei.nomokonoff@yandex.ru

Номогоева Виктория Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Бурятии, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: nomogoeva67@mail.ru

Nomogoeva Victoria Vladimirovna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: nomogoeva67@mail.ru

Паликова Татьяна Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: palikova@mail.ru

Palikova Tatyana Vadimovna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: palikova@mail.ru

Плеханова Анна Максимовна, кандидат исторических наук, доцент, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской Академии наук (Улан-Удэ, Россия), e-mail: plehanova.am@mail.ru

Plekhanova Anna Maksimovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia), e-mail: plehanova.am@mail.ru

Плотникова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания, Белгородский государственный университет (Белгород, Россия), e-mail: Plotnikova@bsu.edu.ru

Plotnikova Larisa Ivanovna, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian and Methods of Its Teaching, Belgorod State University (Belgorod, Russia), e-mail: Plotnikova@bsu.edu.ru

Полянская Оксана Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ, Россия), e-mail: PolGrab@mail.ru

Polyanskaya Oksana Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Department of General History, Buryat State University (Ulan-Ude, Russia), e-mail: PolGrab@mail.ru

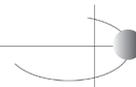
Пряженникова Марина Владимировна, ассистент кафедры истории, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: klichca85@yandex.ru

Pryazhennikova Marina Vladimirovna, Assistant teacher, History Department, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: klichca85@yandex.ru

Саймонс Грег, научный сотрудник департамента евроазиатских исследований, Университет г. Упсала (Упсала, Швеция), e-mail: strovsky@mail.ru

Simons Greg, research officer of the East European Studies, Uppsala University (Uppsala, Sweden), e-mail: strovsky@mail.ru

Симатов Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, проректор, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского (Чита, Россия), e-mail: asimatov@mail.ru

Simatov Andrey Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, Associate professor, Pro-rector, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N. G. Chernyshevsky (Chita, Russia), e-mail: sonyachita14@yandex.ru

Соколова Елена Павловна, кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой массовой коммуникации, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия), e-mail: e_socolova@mail.ru

Sokolova Yelena Pavlovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of Mass Communication Department, South Ural State University (Chelyabinsk, Russia), e-mail: e_socolova@mail.ru

Стровский Дмитрий Леонидович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры истории журналистики, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), e-mail: strovsky@mail.ru

Strovsky Dmitry Leonidovich, Doctor of Political Science, Associate Professor, History of Journalism Department, Ural Federal University named after B. N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia), e-mail: strovsky@mail.ru

Тюхтенева Светлана Петровна, кандидат исторических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований, Институт этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия), e-mail: kerel63@mail.ru

Tyukhteneva Svetlana Petrovna, Candidate of Historical Sciences, Doctoral Candidate, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russia), e-mail: kerel63@mail.ru

Хантуева Екатерина Анатольевна, аспирант исторического факультета, Московский Государственный университет им. М. В. Ломоносова (Улан-Удэ, Россия), e-mail: eakhantueva@gmail.com.

Khantueva Yekaterina Anatolievna, Postgraduate student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, (Ulan-Ude, Russia), e-mail: eakhantueva@gmail.com.

Чан Янь, кандидат политических наук, научный сотрудник Хэйлунцзянского университета (Харбин, КНР), e-mail: changyan-2000@163.com

Chan Yan, Candidate of Political Sciences, research assistant of Heilongjiang University (Harbin, the People's Republic of China), e-mail: changyan-2000@163.com

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п.л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в жанрах:

Жанр	Минимальный объем
статья (<i>теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором</i>)	0, 5 п.л. (20 000 знаков)
научные сообщения, доклады	0, 3 п.л. (12 000 знаков)
научные обзоры, рецензии	0,2 п.л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Печатный и электронный варианты статьи на CD и других носителях. В имени файла и на электронном носителе указывается фамилия автора и название статьи. Печатный вариант статьи обязателен (белая бумага, Формат А 4). Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту.
2. Договор на оказание услуг – в 2-х экземплярах.
3. Рецензия на статью – внешний отзыв, заверенный печатью.
4. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, *если автор статьи – аспирант, соискатель ученой степени кандидата наук.*
5. Личная карточка автора – сведения об авторе /авторах.

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки (рубрика журнала)

Код: УДК и ББК

Инициалы, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 4.

Город

Страна

Название статьи приводится на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация (объем – от 100 до 250 слов) – на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники.

Список литературы дается в алфавитном порядке, со сквозной нумерацией. Если в список входит литература на иностранных языках, она следует за литературой на русском языке.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Общие требования: формат А 4, ориентация книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее – 2; левое и правое – 2,5. Шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал полуторный. Отступ первой строки – 1,25. Текст без переносов, выравнивание по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи представить их в редакцию.

Статья должна быть со сквозной нумерацией. **На последней странице указывается**, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и подпись.

Рабочие языки: русский и английский.

Библиография оформляется согласно ГОСТу Р. 7.0.5 – 2008. Для каждого источника обязательно указывается изд-во, общее количество страниц или номера страниц интересующего материала источника.

В тексте **ссылки** приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера и страницы: [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой [1; 3; 4].

Комментарии и пояснения даются в виде концевых сносок (в конце текста). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация сплошная.

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения:

Слова на латинице набираются курсивом.

Единицы измерения отбиваются от символов и цифр, к которым они относятся.

Делать четкое различие О (буквы) и 0 (ноль), 1 (единицу) и I (римскую единицу или букву «и») и т.д. Необходимо различать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах должны быть написаны полностью, верно должны быть расставлены переносы. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Черно-белые рисунки (графики, диаграммы – формат Excell, схемы, карты, фотографии) со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращенно (например: рис. 1). Представляются в формате jpg (разрешение не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора/ авторов и названия статьи. Размер рисунка 170x240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все подрисовочные подписи прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать $\frac{1}{4}$ объема статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Материалы публикуются в авторской редакции. За точность содержания цитат и ссылок ответственность несут авторы.

Пакет документов необходимый для опубликования материалов **отсылается по адресу:** 672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского, для «Объединенной редакционной коллегии научных журналов ЗабГГПУ».

Ответственный секретарь: Гаврилова Юлия Викторовна

Тел. +7(3022) 44-04-25

факс: +7(3022 44-14-97

E-mail: gumvector@zabspu.ru

voitsuk@zabspu.ru

Подписной индекс журнала «Гуманитарный вектор»
в каталоге Агентства «Роспечать»
47194

Редакторы: О. Ю. Гапченко
Перевод: Д. Б. Бурменская
Дизайн обложки: В. В. Михалёв
Верстка: Г. А. Зенкова

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Сдано в печать 15.09.11. Усл. печ. 11,2 л. Усл. изд. л. 24,1. Тираж 1000 экз. Заказ № 10511

Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина, 129